Б. ГРАВЕ

К ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 · 9 · 2 · 6

А М

Б. ГРАВЕ

К ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ИЮЛЬ 1914 г. — ФЕВРАЛЬ 1917 г.

ПРОЛЕТАРИАТ И БУРЖУАЗИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА - ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит 43412
Гиз 9779 Тираж 8000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемая работа является попыткой систематизировать материал по истории классовой борьбы за время империалистической войны.

Ввиду обширности и сложности темы нам пришлось ограничиться рассмотрением борьбы только пролетариата и буржуазии за сравнительно короткий отрезок времени (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). Мы совершенно не имели возможности охватить классовую борьбу в целом, рассмотреть позицию также и других классов — крестьянства, мелкой городской буржуазии, помещиков и проч. Также мы не имели возможности специально остановиться на рассмотрении партий, в частности большевистской партии, работу которой мы затронули лишь попутно в связи с общей революционной борьбой пролетариата. Надеемся, что другие работы восполнят эти пробелы.

Трудности работы заключались в сложности обстановки и в недостатке, а иногда и полном отсутствии предшествующих работ, что заставляло буквально по сырью разрешать некоторые из острых вопросов рассматриваемого периода.

К этому необходимо прибавить, что и с самим «сырьем», то-есть с материалами, которые легли в основу работы, дело обстоит не вполне благополучно.

Использованные нами печатные материалы, газеты, журналы, стенографические отчеты государственной думы, протоколы и отчеты всевозможных организаций, а также мемуарная литература — оказываются весьма скудными для освещения классовой борьбы этого периода. В условиях военной цензуры в легальную печать почти ничего не попадало. Здесь мы не только не найдем более или менее полных сведений об экономическом положении рабочих и об их революционной борьбе, но даже материалов, характеризующих позицию буржуазии, резолюций и материалов ее с’ездов.

К тому же все, попадавшее в печать, отмечено характерным для того времени налетом патриотического вранья, за которым скрывались и нещадно искажались факты. Поэтому-то у современников и вырабатывалось особое искусство читать между строк.

Несравненно богаче фактическим материалом архивы.

Нами использованы дела бывшего департамента полиции (I отделение политической секции), дела военно-промышленных комитетов (II отделение экономической секции), дела быв. государственного совета (I отд. юридической секции) и отчасти архив быв. министерства иностранных дел, главным образом, материалы по займам (доклады Барка). Особенно богаты материалы департамента полиции.

Насколько царское правительство зажимало печать, настолько оно нажимало на свой осведомительный полицейский аппарат — на охранку. Сведения, собираемые охранкой, охватывают все стороны общественно-политической жизни. Охранка пытается тщательно регистрировать каждый шаг рабочего движения, также как и каждый шаг оппозиционной буржуазии; в результате мы имеем действительно огромное количество материала. Однако качество этого материала обратно пропорционально его количеству. Правда, секретность позволяла охранникам писать в своих донесениях о том, о чем простые смертные опасались даже говорить вслух, не то что писать, — однако, эта откровенность носила специфически охранный характер. Охранка по роду своей работы нередко гонялась за такими фактами, которые не представляли никакой ценности, и обратно. С другой стороны, источники получения фактов — филерские наблюдения — были таковы, что менее всего гарантировали верность фактов, не говоря уже об освещении. Нередко простой слух изображался, как достоверный факт. Завершением полицейского усердия являлось вранье, которое восполняло собою недостаток осведомленности. Последнее особенно относится к освещению деятельности конспиративных организаций, в частности большевистской партии, где девять десятых всех сообщений является или явным вымыслом или искажением фактов. К тому же центр своего внимания в освещении партийной работы охранка переносила на внешние наблюдения, так что использованный нами сравнительно большой (по об'ему) материал по социал-демократической партии, в сущности говоря, очень мало дает.

Все это предопределяло исключительную трудность по этим материалам восстановить действительную картину классовой

борьбы. Приходилось очень осторожно относиться ко всем сообщениям охранки и, сопоставляя различные донесения, выбирать наиболее вероятные факты. Некоторую помощь в их проверке оказали партийная литература, печатные материалы, газеты, стенографические отчеты и материалы следственных комиссий временного правительства, мемуары, — но самое главное, как в проверке, так и в освещении фактов по истории рабочего движения и деятельности партии, — много могут дать товарищи, принимавшие то или иное участие в революционной борьбе рассматриваемого периода.

Автор не сомневается, что в работе имеется достаточное количество недостатков, определяемых как качеством материала, так и другими причинами. Последнее и заставляет смотреть на нашу работу лишь как на одну из первых попыток систематизации материалов, которая является лишь началом исследования пред'истории февральской и октябрьской революций.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

«Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата, — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [1].

Кроме того, помимо своих империалистических целей, война, несмотря на всю свою разрушительность, имеет громадное значение для капиталистов сама по себе, как источник колоссальных барышей для буржуазии, хотя и кратковременных. Война, при ее громадной потребности в снаряжении, создает широчайший рынок для сбыта продуктов промышленности.

Во время войны буржуазия получает высокую прибыль, прежде всего, за счет разрушения народного хозяйства и эксплоатации широких народных масс.

При производстве средств разрушения сокращается производство средств производства и потребления. Последние не только потребляются непроизводительно, но и просто уничтожаются.

Разрушается основной капитал, разрушается и рабочая сила, которая не только физически уничтожается на фронтах, но и истощается вследствие голода и крайнего напряжения труда. Разложение хозяйства на известной своей стадии приводит к тому, что сама война превращается для буржуазии в свою противоположность, — из источника прибыли в источник гибели всего капиталистического строя.

Что война 1914—1917 годов сыграла решающую роль в подготовке Октябрьской революции, это — теперь общепринятая истина. Жизнь блестяще подтвердила правильность тактики боль-

---

[1] Н. Ленин, Война и российская социал-демократия. Собр. соч., т. XIII, стр. 5.

шевиков, выдвинувших с самого начала войны лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Империалистическая война, являясь результатом внутренних противоречий капиталистического строя, «в эпоху наиболее развитого капитализма, эпоху конца капитализма» [1]), становится непосредственной предпосылкой социалистической революции или, вернее, начала эпохи социалистических революций.

Как говорил Ленин на апрельской конференции в 1917 году, — «об'ективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой. Вытеснение и гибель мелких и средних хозяйств еще более ускоряются. Концентрация и интернационализация капитала гигантски растут. Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения в силу давления обстоятельств вводится в ряде стран, некоторые из них переходят ко всеобщей трудовой повинности» [2]).

В России развитие капитализма по своей высоте, несомненно, значительно уступало другим европейским странам, но как раз, вследствие своей большей слабости, капиталистическая система в России расшаталась скорее других под разрушительным воздействием войны.

«Естественно, — писал Ленин в своем «Письме издалека»,—что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная, и где пролетариат самый революционный, — революционный кризис разрешился раньше всего» [3]).

Достаточно было двух-трех лет военного напряжения, чтобы производственная база народного хозяйства России была настолько подорвана, что порвались экономические нити, связывающие воедино противоречивую капиталистическую систему.

Разрыв рыночных связей вследствие общей разрухи и, прежде всего, разрухи транспорта, нарушивший правильный обмен веществ между основными отраслями народного хозяйства, выдвигал, как жизненную необходимость, внеэкономическое регулирование распределения как продуктов сельского хозяйства, так и — индустрии. Последнее, при неспособности русской буржуазии разрешить эти вопросы [4]), ставило перед пролетариатом необходимость борьбы

---

[1]) Н. Ленин, Положение и задачи социалистического Интернационала. «Соц.-Демокр.» № 33 от I/XI 1914 г. «Собр. соч., т. XIII, стр. 15.

[2]) Из резолюции Ленина по докладу о текущем моменте на Всероссийской конференции РСДРП в апреле 1917 г.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 8.

[4]) Сравни пункт 5 резолюции по докладу В. И. Ленина, — об отношении к временному правительству, принятой Всероссийской конференцией РСДРП, о неспособности «буржуазного правительства, охраняющего прибыли капиталистов, принять ряд революционных мер в хозяйственной области для предотвращения хозяйственной разрухи».

за рабочий контроль над производством, а в дальнейшем — необходимость борьбы за национализацию фабрик и заводов и принудительное регулирование производства и распределения, что и осуществил пролетариат, захватив власть в Октябрьскую революцию.

Таким образом, империалистическая война является периодом наибольшего обострения внутренних противоречий капиталистического строя, началом краха капитализма. Если в первый момент война дезорганизовала рабочий класс, то, по мере углубления вызванной войной хозяйственной разрухи, нещадная эксплоатация пролетариата должна была революционизировать его и толкать на активные выступления против господствующих классов. Таким образом, ведя войну за счет масс и получая прибыли за счет увеличения эксплоатации рабочего класса, буржуазия ускоряет революционное выступление своего могильщика.

Специфические условия хозяйственной разрухи в годы войны оказывают соответствующее влияние и на характер классовой борьбы в годы заката русского капитализма. Рабочее движение, помимо обычных форм борьбы за улучшение условий труда, постепенно начинает приобретать характер борьбы за регулирование производства и распределения и превращаться в предсоциалистическую борьбу, которая особенно ярко выявилась в 1917 г., в предоктябрьский и послеоктябрьский период.

Однако предсоциалистическая борьба пролетариата сперва за рабочий контроль над производством, а затем и экспроприацию капиталистов вполне развертывается лишь во вторую фазу революции. Вначале же перед рабочим классом стоит задача завершения демократической революции. Особенность русской революции заключается в том, что перед нею стояли не только задачи осуществления социализма, но и генеральной чистки России от остатков крепостничества. В России были две генеральные чистки капитализма: 1-я — реформа 1861 г., 2-я — революция 1905—1906 гг. Однако эти чистки не устранили имевшихся остатков крепостничества. Только Октябрьская революция окончательно уничтожила их. Капитализм же подчинил себе эти докапиталистические формации, не успев, однако, их уничтожить.

Наличие полукрепостного землевладения и тесно связанной с ним царской власти выдвигало перед пролетариатом прежде всего задачу уничтожения полукрепостного строя.

В то время как во всех передовых странах, писал Ленин [1]), — «война непосредственно выдвигала на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем более ложатся тяжести войны на плечи пролетариата», — перед российским пролетариатом, «ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершивший еще своей буржуазной револю-

[1]) Н. Ленин, Война и российская социал-демократия. Собр. соч., т. XIII, стр. 11.

ции», — стояла прежде всего задача завершения буржуазно-демократической революции.

В этой борьбе против царизма за осуществление демократической революции пролетариат выступал вождем крестьянства, а также и мелкой городской буржуазии. Война усилила революционность крестьянства, определявшуюся остатками крепостничества, толкала его на борьбу против помещиков и против всего буржуазно-помещичьего государства, которое за счет его крови и разрушения его хозяйства вело империалистическую войну.

Революционное выступление крестьянства, подготовленное всей его предшествовавшей борьбой против помещичьей кабалы в деревне, имевшее за собой опыт революции 1905—1906 гг., являлось предпосылкой для революционного союза пролетариата и крестьянства, для осуществления диктатуры пролетариата, которая в условиях социалистической революции не только освобождает крестьянство от крепостнической кабалы, но и руководит им «в борьбе за создание нового социалистического общественного строя» [1]).

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» [2]).

«Пролетариат, — писал Ленин, — борется и будет бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (царизма)» [3]).

«Однако, — продолжает Ленин, — этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельскими рабочими, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы».

Как развивал эту мысль Ленин в статье от редакции «Социал-Демократа» («Несколько тезисов») [4]), — «задача пролетариата России довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой; но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 248.
[2]) Там же, стр. 241.
[3]) Н. Ленин, О двух линиях революции. Собр. соч., т. XIII, стр. 214.
[4]) Там же, стр. 208.

классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелко-буржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран».

Выдвигая в первую очередь завершение буржуазно-демократической революции, Ленин подчеркивал коренное различие в постановке этого вопроса революционными марксистами-большевиками, с одной стороны, и оппортунистами-меньшевиками—с другой. Он писал: «Наша революция буржуазная, и поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию — говорят никуда негодные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция буржуазная — говорим мы — марксисты, поэтому рабочие должны раскрывать народу глаза на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, а полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое об'единение, на свое вооружение» [1]).

Указывая, что «пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе среди массы мелкого крестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования», Ленин в то же время подчеркивал, что «было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле раз'яснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму» [2]).

Меньшевики не хотели понимать того, что русская буржуазно-демократическая революция, являясь «только первым этапом, первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной», не могла быть завершена буржуазией, тесно связанной с царским режимом, а только пролетариатом и крестьянством в борьбе против царизма и против буржуазии.

Если наличие полукрепостного строя выдвигало перед пролетариатом задачу совершения демократической революции прежде всего, то сосуществование капитализма с остатками крепостничества оказывало громадное влияние на позицию в революции господствующих классов.

Мы говорим о господствующих классах, а не классе, потому что сосуществование капитализма с остатками крепостничества в хозяйственной системе России давало и в области политической своеобразное сожительство помещиков и капиталистов.

Еще задолго до столыпинской реформы, как писал Ленин, «уже в эпоху Александра II по сравнению с эпохой Николая I»... «наше самодержавие перестало быть исключительно крепостническим» [3]),

---

[1]) См. резолюцию Ленина по докладу о текущем моменте на Всероссийской конференции РСДРП в Петрограде в апреле 1917 г.

[2]) Там же.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 138.

стало «делать шаги» «по пути превращения в буржуазную монархию» [1]).

Бесспорно в России у власти стоял «класс русского благородного дворянства с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе» [2]), писал Ленин, характеризуя эпоху столыпинщины, однако тут же прибавлял: «Столыпин — не только представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой — значит ровно ничего не понять в своеобразии и значении «столыпинского периода» [3]).

«Столыпин... мог осуществлять гегемонию совета об'единенного дворянства над буржуазией, настроенной контр-революционно», только «при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии» [4]).

Таким образом эта «диктатура крепостника-помещика не была направлена при Столыпине против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть, когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку и была оформлена возможность переговоров и сговоров с короной» [5])...

В резолюции декабрьской конференции большевиков 1908 г., подтвержденной на Пражской конференции в 1912 г. [6]), мы читаем: «Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3-го июня и учреждением 3-й думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии» [7]). Но это сожительство между царизмом и крупной буржуазией отнюдь не уничтожило противоречий между ней и старым порядком.

Как писал Ленин в своей полемике с ликвидаторами еще в начале 1909 г., ни 3-я дума, которая представляла собой «оформленный общенациональный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии», ни «столыпинское подновление царизма» (в сторону приспособления к нуждам буржуазии) — не могли обеспечить разрешения об'ективных задач буржуазно-демократической революции [8]). Чем больше буржуазия врастала в царский режим, чем больше увеличивалась ее роль в политической жизни, тем острее становились противоречия между ней и властью, поскольку последняя оставалась еще старой властью и не превратилась в буржуазную монархию.

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, стр. 246—247.
[2]) Там же, стр. 362.
[3]) Там же, стр. 366.
[4]) Там же, стр. 365.
[5]) Там же, стр. 366—367.
[6]) Там же, т. XII, ч. 1-я, стр. 15.
[7]) Там же, т. XI, ч. 2-я, стр. 532.
[8]) Там же, т. XI, ч. 1-я, стр. 248.

Именно потому, что «буржуазия, — писал Ленин, — экономически двигается вперед, что отдельные, частные права буржуазии расширяются, что растет организация ее в класс, что увеличивается ее роль в политической жизни... именно потому, что эти изменения происходят», — противоречия ее с абсолютизмом становятся еще глубже. Все дело в том, что, делая еще шаг по пути к буржуазной монархии, власть «остается старой» и «противоречие между сохранением $^{99}/_{100}$ политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с другой стороны, и экономическим усилением буржуазии — с другой», увеличивается [1]).

Поэтому-то буржуазия, которая почти уже стояла у власти и экономически правила страной, должна была, как мы увидим это далее, вступить в борьбу с царским правительством за полное овладение государственной властью. Именно потому, что буржуазия уже стояла у врат власти, противоречия ее с царизмом должны были быть особенно острыми.

Как писал Ленин о буржуазном временном правительстве, — «эти представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контр-революции 1907—1914 годов, как, наконец, — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914—1917 годов, чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и с'езды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» [2]).

Когда, вследствие военных поражений, хозяйственной разрухи и взрыва революционного движения, заколебалась почва под всей буржуазно-помещичьей надстройкой, пришли в движение и господствующие классы. Ниже нам придется немало говорить о развернувшейся во время войны борьбе среди господствующих классов.

Однако из факта противоречий между буржуазией и царизмом отнюдь нельзя делать вывода о решительной борьбе буржуазии за демократическую революцию в России.

«Слишком нужен им царизм, — писал Ленин в 1905 г. в «Двух тактиках», — с его полицейско-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма» [3]). «Буржуазии выгодно было, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, чтобы преобразования были как можно осторожнее к почтенным учреждениям крепостничества». Исходя из тесной связи

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 133.

[2]) «Ленинский сборник», ч. 2-я, изд. 2-е, «Письма издалека», стр. 329—330.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 335.

русской буржуазии с царизмом, Ленин еще в 1905 г. полемизировал с меньшевиками, всерьез принимавшими ее борьбу с царизмом. Ленин доказывал, что цель буржуазии — не довести до конца буржуазно-демократическую революцию, а «сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом». «Гучков, Милюков и К°, — писал Ленин в «Письмах из далека», — «жела(ли) только смены одного монарха другим» [1].

Итак, принимая во внимание сложившиеся в России классовые противоречия и решающую роль войны в подготовке русской революции, рассмотрим, как развертывалась в России классовая борьба накануне Февральской революции.

Нам приходится пока ограничиваться рассмотрением прежде всего революционной борьбы пролетариата как с самодержавием, так и с буржуазией, а затем борьбы буржуазии с царизмом. Не имея в данный момент возможности специально проработать вопрос о крестьянском движении в годы империалистической войны, хотя последнее представляет исключительный интерес для понимания русской революции, мы смогли лишь попутно остановиться на нем, так же как и на таком центральном моменте революции 1917 года, как движение в армии; лишь в общих чертах затронуто нами и движение мелкой городской буржуазии.

Так как непосредственной предпосылкой классовой борьбы 1914 — 1917 гг. является военное разложение народного хозяйства, то именно на нем нам и придется сначала остановиться.

---

[1] «Ленинский сборник», ч. 2-я, изд. 2-е, стр. 329.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЙНА И РАЗЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Война и народное хозяйство

Как мы говорили в введении, война не только является для буржуазии средством осуществления ее империалистических целей, но сам процесс ведения войны служит для нее источником колоссальных барышей, вследствие громадного спроса армии на продукцию промышленности.

Война 1914 — 1917 г.г. открыла перед промышленностью новый рынок сбыта. Буржуазия начинает лихорадочно приспособлять производство к военным потребностям. С началом войны началось соответствующее переоборудование предприятий. С первых же месяцев войны такие крупные заводы, как Сормовский, Коломенский, Брянский, начали приспособляться к снарядному производству в большом масштабе. Началась частичная подготовка к принятию снарядных и иных заказов также неспециализированными заводами. Химическая промышленность и производство взрывчатых веществ, до того слабо развитые в России, начали приспособляться к колоссальным запросам войны. И другие отрасли, как, например, текстильная, стали переходить на выработку тканей для интендантства.

Правда, переоборудование совершилось не сразу. Как мы покажем ниже, в первые месяцы войны правительство было чрезвычайно скупо на выдачу заказов, так как надеялось на непродолжительность войны и рассчитывало обойтись военными запасами, накопленными еще в мирное время и изготовленными казенными заводами. Однако затягивание войны, а главное — военные поражения, которые уничтожили значительную часть военного снаряжения, заставили правительство обратиться к буржуазии, — и вот с этого момента и начинаются ее золотые денечки.

Началась «работа на оборону».

Заводы не управлялись с выполнением заказов, работа производилась иногда в две смены, а обычно с 5 часов утра до 10 ч.

вечера. Начали широко практиковаться сверхурочные работы. На время войны было отменено в порядке 87 статьи даже ничтожное российское фабричное законодательство, в частности закон, ограничивающий эксплоатацию женского и детского труда. Стачечная борьба подавлялась посредством отправки забастовщиков на фронт. В этих условиях, как мы покажем в своем месте, необычайно повысилась эксплоатация рабочего класса. Вряд ли когда-либо в другое время буржуазия могла получать такие барыши, как во время войны. «Петроградское общество, — пишет в своих мемуарах Вырубова, — не взирая на войну, веселилось и кутило по целым дням. Рестораны и театры процветали. Ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915—1916 года и не покупалось такое количество бриллиантов» [1].

Представление о том, какие барыши получала буржуазия, может дать следующая справка, приведенная в одном из тогдашних журналов [2]. «В области механической и машиностроительной, — читаем мы, — прибыль шести обществ составляла на 1915 год по данным «Торгово-промышленной Газеты» на 37% более, чем в 1914 году. В отдельных обществах это увеличение доходит до 50%. В некоторых обществах новая чистая прибыль составляет по отношению к основному капиталу 20, 30 и даже 35%. У шести крупных петроградских коммерческих банков чистая прибыль за 1915 год увеличилась на 33%, у шести крупнейших московских банков чистая прибыль повысилась на 23%. По данным «Русского Слова», прибыль 19 крупнейших предприятий металлургической промышленности увеличилась с 1913 — 1914 гг. на 65,5%. В 12 предприятиях суконной, шерстяной, нитяной промышленности прибыль увеличилась на 61,9%; прибыль 8 предприятий сахарной промышленности увеличилась на 126,3%. То же увеличение наблюдается и в других отраслях. Отдельные предприятия дали даже гораздо большее увеличение прибыли. Так, Брянский завод дал увеличение на 45%, завод «Гартман» — на 73%, Демидовская мануфактура—на 82%, Нарвская мануфактура — на 60%, Костромская мануфактура на — 83,8%, фабрики Рябушинских — на 230%.

Если принять во внимание, что эти данные о прибылях относятся к первым 9 месяцам войны, когда обесценение денег было еще невелико, то понятно будет, насколько должна была улучшиться кон'юнктура для буржуазии, и какие барыши она должна была получать в условиях более сильного обесценения валюты и в условиях дальнейшего роста военных заказов, как это имело место в конце 1915 г. и в 1916 г.

Представление о росте прибылей в последующие годы войны дает следующая таблица по 8-ми металлургическим предприятиям, приведенная в «Вестнике Финансов».

---

[1] Воспоминания Вырубовой, стр. 63.

[2] «Современный Мир» № 1, 1917 г.

Годы.	Акционерн. капитал.	Валовая прибыль.	% валов. приб. на основной капитал.
	В тысячах рублей.		
Для 8 металлургических предприятий.			
1913	89.990	23.222	25,8
1914	95.100	26.358	21,7
1915	95.100	26.600	30,1
1916	97.100	48.589	50,1
Для 7 металлообрабатывающих предприятий.			
1913	18.910	2.572	13,5
1914	19.910	4.294	21,5
1915	21.060	10.143	48,2
1916	25.760	20.889	81,1

Как мы видим, по обеим группам предприятий значительно возрастает акционерный капитал, а еще более растет валовая прибыль. Если даже принять во внимание обесценение валюты, то и в этих условиях темп возрастания процента валовой прибыли более, чем быстрый. В первой группе он увеличился вдвое, во второй группе в 6 раз.

Чтобы закончить вопрос о прибылях, приведем еще таблицу валовой прибыли по 6-ти другим предприятиям [1]).

Предприятия.	1913—1914	1914—1915	1915—1916	Увеличение прибылей по сравн. с 1913—1914 годами.	
	В миллионах рублей.				В %%
О-во машиностроительных заводов Гартмана	1,04	1,67	2,06	1,02	+ 98
Никополь-Мариупольский	4,08	5,36	6,60	2,52	+ 61
Русский паровозостроительный	0,64	1,05	2,30	1,66	+ 259
Тульский меднопрокатный и патронный завод	2,88	8,39	15,51	12,63	+ 438
Южно-Русский Днепровский металлический .	9,64	8,45	12,11	2,47	+ 25

Приводя эти цифры, нужно отметить, что эта высокая прибыль была получена после того, как из суммы валовых доходов

[1]) «Современный Мир» № 1, 1917 г.

было произведено отчисление на амортизацию имущества, при чем оказывается, что это отчисление с целью сокрытия истинной прибыли было сделано далеко не в обычных размерах. Так, Брянский завод в 1915 году увеличил амортизацию имущества на 655 тыс. рублей, Коломенский — на 700 тыс. руб., Сормовский — на 748 тыс. руб., Никополь-Мариупольское общество — вдвое, на 600 тыс. руб., Тульские меднопрокатные заводы — на 1 миллион рублей.

Таковы данные в отношении предприятий, не обязанных публичной отчетностью. В отношении других министерство финансов определяет общую сумму прибыли в 1915 г. в 1.592 милл. руб., а в 1916 году на 645,9 милл. руб., или на 69%, больше.

В получении прибылей банки не отставали от промышленности. Так, 53 частных коммерческих банка за 10 месяцев 1916 года получили 102.589.000 руб. чистой прибыли, что превысило чистую прибыль 1915 г. на 54 милл. руб., т.-е. на 35%. Азовско-Донской банк, с основным капиталом в 60 милл. руб., получил чистой прибыли 22 милл. руб., т.-е. 33%.

Накопление капиталов позволяет буржуазии все шире и шире развертывать производство. В 1915—1916 гг. наблюдается даже грюндерская горячка. Несмотря на разруху, недостаток рабочих рук и необходимого для промышленности сырья и топлива, что заставляло ряд предприятий, в особенности не связанных с военным производством, сокращать производство, — основание новых предприятий и расширение старых, работавших «на оборону», достигло невиданных размеров. Число вновь основанных акционерных обществ за первую половину 1916 года[1]) значительно превысило число обществ, возникших за тот же период в 1913 г., когда, как известно, был промышленный под'ем. В 1916 г. было основано 336 акционерных обществ против 274 в 1913 г. Количество капиталов, вложенных в старые и новые предприятия, за год достигает 1.500 милл. рублей.

Об акционерном грюндерстве, которое развернулось в 1915—1916 гг., дает представление следующая таблица [2]):

Годы.	Полугодия.	Число новых предприятий.	Сумма основного капитала в милл. рублей.
1913	1-е	226	295
	2-е	173	231
1914	1-е	176	240
	2-е	158	182
1915	1-е	108	130
	2-е	213	279
1916	1-е	272	386

[1]) «Новый Экономист» № 34, 1916 г.

[2]) «Современный Мир», 1917 г. № 1, стр. 248.

Как мы видим, цифра, показывающая основание новых предприятий, упала лишь в начале войны, со второй же половины 1915 года наметилась опять тенденция к образованию новых предприятий, число которых за первую половину 1916 г. превысило цифру первой половины 1913 г. Как мы покажем ниже, в 1915 и 1916 г. несмотря на благоприятную для промышленности кон'юнктуру, начавшаяся разруха, затруднения с рабочей силой, трудность получения сырья и топлива вынудили целый ряд предприятий закрыться или свернуть свою деятельность преимущественно из числа тех, которые не сумели приспособиться к работе на оборону. Вследствие этого, даже при наличии только что отмеченного нами грюндерства, общий баланс числа предприятий, количество рабочих в них и величина продукции дает минус по сравнению с довоенными годами.

Покрытие военных расходов. Налоги. Эмиссия

Так как промышленность в значительной своей части работала на войну и прибыли получала из рук военного ведомства, то естественно напрашивается вопрос: откуда же брались эти колоссальные прибыли, за чей счет выплачивала их буржуазии царская казна?

Расходы на войну составляли умопомрачительную цифру, что видно из следующего сопоставления военных расходов с национальным доходом:

	Издержки войны.			Нац. доход.	%-е отношен. к нему расхода за 2 года войны.	Национ. богатство.	%-е отношен. к нему расхода за 2 года войны.
	1-й год.	2-й год.	За 2 года.				
Миллионов рублей. .	7.300	13.500	20.800	15.000	138	120.000	17 [1])

Как же покрывались эти громадные расходы? Прежде всего царское правительство увеличило налоговый пресс. Представление об этом может дать следующая таблица.

Главнейшие поступления распределяются по сметным исчислениям за 4 года следующим образом (см. таблицу на 14 стр.).

Конструкция государственного доходного бюджета претерпела, таким образом, огромное изменение. Прямые налоги, составлявшие в 1913 г. 7,7%, в 1916 г. составляли 12,3% всех доходов; абсо-

---

[1]) «Экономическое Обозрение» № 1.

	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%
Прямые налоги. .	251	7,7	276	7,7	374	11,9	359	12,3
Косвенные „ .	671	20,7	764	24,1	985	31,3	1.038	35,6
Пошлины	218	6,7	205	5,7	228	7,2	196	6
Правит. регалии .	962	29,7	1.070	27	326	10	234	8
Казенное имущество и капитал.	1.001	30,9	1.119	31	1.070	34,5	951	32,5

лютная сумма доходных поступлений от них увеличилась на 108 милл. руб., или на 42,4%. Косвенные же налоги составляли в 1913 г. 20,7%, а в 1916 г. — 35,6% всех обыкновенных доходов и увеличились на 367 милл. руб., или на 54,6% [1]).

Вся тяжесть созданного империалистической войной налогового пресса легла на плечи трудящихся. Рост косвенных налогов обогнал рост прямых.

Накопленный в предшествующие годы фонд и налоги могли покрыть лишь ничтожную часть военных расходов; одним из основных источников их покрытия для царского правительства, а тем самым одним из источников прибылей для буржуазии, явилась эмиссия. «Нельзя вычерпать воду, разлитую в песке, — говорил кадетский финансист А. Шингарев в одном из своих докладов в государственной думе, — точно так же невозможно собрать при помощи займа мелкие сбережения, разлитые в мелких каналах народного хозяйства. Только при помощи выпуска бумажных денег, которые проникнут в самые мелкие каналы экономического оборота, можно получить у населения необходимые средства» [2]).

Вот именно для вычерпывания народных средств и служила буржуазии эмиссия. С каждым годом войны количество бумажных денег непрерывно увеличивалось. Если до войны кредитных билетов в обращении было на 1.633 милл. руб., то через год после начала войны, т.-е. к августу 1915 года, сумма их достигла 3.963 милл. руб., к началу 1916 г. 6.250 милл. руб., а к концу 1916 г. превысила 7 миллиардов рублей. По данным, приведенным Юровским в работе о финансовой реформе [3]), царское правительство извлекло путем эмиссии до 5—6 миллиардов рублей реальной

[1]) «Современный Мир» № 2, 1916 г.
[2]) «Экономическое Обозрение», стр. 57.
[3]) Юровский, На пути к денежной реформе.

ценности, тогда как Советская власть — не больше одной или двух сотен миллионов.

Рост эмиссии приводил, понятно, к падению курса рубля, которое началось с первых же месяцев войны.

Как мы покажем ниже, бумажно-денежная инфляция, за счет которой в значительной своей части покрывались военные расходы и росла прибыль буржуазии, всею тяжестью ложилась на трудящиеся массы, и в этом заключалась одна из основных особенностей хозяйственной жизни страны во время войны, которая неизбежно должна была привести к революционному взрыву.

Займы

Помимо эмиссии, которая являлась одним из способов выкачивания средств у широких народных масс и перемещения народного дохода в карман буржуазии, другим источником покрытия колоссальных расходов на войну являлись займы. Конечно, облигации займов покупала буржуазия, но было бы глубоким заблуждением считать, что этим самым она брала на себя военные расходы.

Как неудачного карточного игрока кредитуют его партнеры, рассчитывая поживиться на его дальнейших проигрышах, так и буржуазия кредитовала казну, рассчитывая иметь в этих займах выгодное помещение своих капиталов. Если бы в России не произошло революции, то русскому пролетариату и крестьянству пришлось бы в течение долгих лет выплачивать буржуазии по займам колоссальные проценты, как это сейчас приходится делать трудящимся массам капиталистических стран.

Сколько пришлось бы уплачивать, можно судить на основании следующих данных: долг России до войны был равен примерно 9 миллиардам зол. рублей, а проценты по нему составляли 450 миллионов руб.; к 1917 году сумма долга возросла в 4 раза и достигла 36 миллиардов руб., что равнялось $1/3$ всего национального богатства России.

То же значение, что и займы, имело субсидирование казначейства государственным банком за счет притекающих к нему частных средств. З. С. Каценельбаум в «Трудах Комиссии по изучению современной дороговизны» пишет: «До войны государственный банк оперировал преимущественно со средствами казны и ими финансировал торговлю и промышленность, теперь, наоборот, банк оперирует преимущественно со средствами частных лиц и ими финансирует казну. Раньше через посредство государственного банка казна являлась кредитором по отношению к частно-хозяйственному обороту, теперь через посредство того же банка частно-хозяйственный оборот стал кредитором казны».

Итак, громадные прибыли, которые через аппарат царской казны получала буржуазия в годы войны, поступали за счет разрушения народного хозяйства, за счет из'ятия ценностей у тру-

дящихся масс путем налогов и эмиссии. Располагая этими средствами, буржуазия могла, в свою очередь, кредитовать казну и тем самым еще более увеличивать свои прибыли. Капитал делал кругооборот от казны к буржуазии, от буржуазии вновь к казне и т.д., при чем этот кругооборот во всех случаях оставлял все больше и больше прибыли в руках капиталистов.

Поскольку обогащение буржуазии шло за счет разрушения народного хозяйства, постольку война очень скоро должна была вызвать сильнейшую хозяйственную разруху и крах капитализма.

Разложение промышленности

Во время войны, как и во время кризиса, говорит Карл Маркс, постепенно уничтожается значительная часть не только готовых продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил.

В о т в э т о м - т о разрушительном влиянии войны и нужно искать основную причину той разрухи, которая охватила Россию в военные и последующие годы. Решающее влияние на разруху именно войны часто игнорировали буржуазные и мелко-буржуазные экономисты, которые искали причины разрухи в чем угодно, только не в самой войне. Далее мы увидим, как много они кричали о бессистемности регулирования, неумении правительства справиться с разрухой и т. д., как они предлагали все рецепты для ликвидации разрухи, кроме самого главного — прекращения войны.

Итак, рассмотрим, как повлияла война на различные отрасли народного хозяйства. Остановимся прежде всего на промышленности.

Состояние промышленности за годы войны выражается следующей таблицей:

Количество предприятий и занятых в них рабочих в 1913—1916 г.г. [1])

Годы.	Количество предприятий.		Число рабочих.	
	Абсолют.	Относит.	Абсолют.	Относит.
1913 . . .	17.877	100	2.319.577	100
1914 . . .	14.046	78,5	1.960.860	84,5
1915 . . .	12.649	70,7	1.922.572	82,8
1916 . . .	12.492	69,8	2.093.852	90,2

Таблица охватывает предприятия, подчиненные фабричной инспекции. Относительно прочих предприятий цифры будут приведены ниже.

Таблица показывает, прежде всего, общее сокращение числа предприятий. На 1-е января 1917 г. они сократились на 30,2%,

[1]) Таблица составлена на основании данных «Статистического Сборника» за 1913—1917 г.г., стр. 37—38.

между тем как число рабочих сократилось всего на 9,8%. Как мы увидим далее, целый ряд предприятий, особенно мелких, в тех отраслях, которые непосредственно не были связаны с работой «на оборону», закрылись, тогда как другие значительно увеличили нагрузку. Это увеличение нагрузки и сказалось в том, что при общем сокращении числа предприятий процент убыли рабочих был вдвое ниже. Что же касается изменений в отношении числа рабочих по годам, то наибольшее падение числа их имело место в 1915 году, после чего в 1916 году наблюдается некоторое увеличение. Предприятия же сокращались из года в год, лишь с некоторым ослаблением темпа сокращения в 1916 г.

Как мы уже указывали, в первый год войны казна покрывала потребность армии главным образом за счет старых запасов и производства казенных заводов, и только со второй половины 1915 года началась мобилизация частной промышленности, которая дала возможность буржуазии значительно развить и расширить свое производство. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. число рабочих при некотором сокращении числа предприятий увеличивается с 82,8% довоенного количества до 92,2%.

Таковы общие данные по всем отраслям промышленности.

Однако влияние войны далеко неодинаково сказалось на различных отраслях промышленности. Отрасли, связанные с производством на армию, испытали весьма незначительное сокращение, тогда как отрасли, связанные с работой на рынок, пострадали значительно больше. Для доказательства этого возьмем следующую таблицу изменения по отраслям количества предприятий и числа рабочих в них за годы войны: (см. таблицу на стр. 18).

Как мы видим, по всем отраслям промышленности количество предприятий на 1-е января 1917 г. сократилось до 69,8%, а число рабочих — до 90,2% довоенного времени, при чем число предприятий правильно уменьшалось из года в год, число же рабочих в 1915 г. уменьшилось до 82,7% довоенного, а в 1916 г. поднялось до 90,2%. Что же касается распределения по отраслям, то наибольшее падение, как и нужно было ожидать, обнаружили такие отрасли производства, как обработка шерсти, количество рабочих в которой упало до 52,6% количества довоенного времени, а число предприятий — до 30%. Об'ясняется это не только тем, что сократился спрос на шерстяные изделия (армия преимущественно одевалась в хлопчато-бумажные ткани), но и тем, что шерстяная промышленность, и в мирное время в значительной своей части работавшая на ввозном сырье, из-за прекращения заграничного ввоза, должна была сократить производство. На втором месте после шерстяной промышленности стоит механическая обработка дерева, в которой число предприятий и число рабочих сократилось до 66%. Лишь незначительная часть этой отрасли промышленности была приспособлена к работе на армию, остальная должна была сжиматься. Весьма значительно сократилось также

Отрасли.	Число предприятий.				Число рабочих в них.			
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	На 1 янв. 1917 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	На 1 янв. 1917 г.
Обработка хлопка	834	616	604	612	566.137	485.563	479.304	458 758
Обработка шерсти	1.210	375	360	363	166.5[illegible]7	93.931	86.928	87.714
Смешанное производство по обработке волокнистых веществ .	451	204	220	257	46.323	29.126	33.642	42.023
Бумажное и полиграфическое . .	1.479	1.257	1.239	1.227	107.744	92.172	82.540	80.514
Механическая обработка дерева.	2.456	1.960	1.636	1.622	132.120	106.273	79.318	87.780
Обработка металлов и машиностроение . . .	2.420	1.977	1.975	2.332	385.621	346.989	416.713	546.117
Обработка пищевых и вкусовых веществ	4.855	4.247	3.585	3.069	369.001	330.879	319.643	338.591
Химическое производство . . .	504	389	363	470	84.869	71.452	65.429	92.679
Добыча нефти . .	314	347	367	372	37.459	38.285	39.480	41.327
В процентах к 1913 г.								
Обработка хлопка	100	73,9	72,4	73,4	100	85,8	84,7	81,0
Обработка шерсти	100	31,0	29,8	30,0	100	56,4	52,2	52,7
Смешанное производство по обработке волокнистых веществ .	100	45,2	48,8	57,0	100	62,9	72,6	90,7
Бумажное и полиграфическое . .	100	85,0	83,8	83,0	100	85,5	76,6	74,7
Механическая обработка дерева .	100	79,8	66,6	66,0	100	80,4	60,0	66,4
Обработка металлов и машиностроение . . .	100	81,7	81,6	96,4	100	90,0	108,1	141,6
Обработка пищевых и вкусовых веществ	100	87,5	74,0	63,2	100	89,7	86,6	91,8
Химическое производство . . .	100	77,2	72,0	93,3	100	84,2	77,1	109,2
Добыча нефти . .	100	110,5	116,9	118,5	100	102,2	105,4	110,3

Таблица составлена на основании данных «Статистического Сборника» за 1913—1917 г.г., стр. 36, 37 и 39.

бумажное и полиграфическое производство. Число заведений сократилось до 83%; число же рабочих — до 74,3% довоенного. Сократились и предприятия по обработке хлопка и смешанных текстильных веществ. Зато отрасли, тесно связанные с работой на войну, если и дали сокращения, то только в первые годы войны, а в 1916 г. по числу рабочих даже превысили довоенные нормы. Число предприятий во всех отраслях, кроме добычи нефти, сократилось. Металлообрабатывающая промышленность, которая была тесно связана со снарядным производством, и химическая промышленность, на продукты которых пред'являла большой спрос армия, в 1916 г. дали увеличение числа рабочих до 109,2% по сравнению с довоенным временем.

Сопоставление процента работающих предприятий по отраслям с процентом занятых в них рабочих, по сравнению с 1913 г., показывает, что во всех без исключения отраслях, кроме полиграфической, число предприятий сократилось значительно сильнее, чем число рабочих. Это показывает, что сокращались преимущественно мелкие предприятия (что мы уже отмечали при рассмотрении предыдущей таблицы), крупные увеличивали нагрузку путем применения большего количества рабочей силы.

В отношении тяжелой индустрии мы имеем следующие данные:

Добыча и производство продуктов горной и горнозаводской промышленности в тысячах пудов [1]).

Годы.	Медь.	Чугун	Железо и сталь готовые.	Железо и сталь полупродукт.	Каменный уголь [2]).	Нефть.
1913	1.972,5	257.311	219.464	300.232	2.200.052	563.400
1914	1.888,0	249.270	222.701	294.118	2.175.425	556.900
1915	1.536,5	225.210	199 423	251.388	1.905.496	568 100
1916	1.269,0	231 860	205.862	260.886 [3])	1.954.688	492.100
1917	—	190.547	155.587	—	1.746.927	422.600

[1]) Таблица составлена на основании данных «Статистического Сборника» за 1913—1917 г.г., стр. 77, 78, 80.

[2]) Без Польши, стр. 77.

[3]) В таблице приведены данные о добыче каменного угля по всем районам. Если отбросить отпавший во время войны Домбровский бассейн и районы, по которым за последние годы не имелось сведений, как Кавказский, Восточно-Сибирский, которые фактически выпали из общероссийского производства, то получаем в действующих районах даже некоторое увеличение производства:

Добыча каменного угля.

Годы.	В тыс. пудов.	В % к 1913 г.
1913	1.697.596	100
1914	1.857.841	109,4
1915	1.820.801	107,3
1916	1.951.074	114,9
1917	1.746.927	102,9

В процентах к 1913 г.

Годы.	Медь.	Чугун.	Железо и сталь готовые.	Железо и сталь полупродукт.	Каменный уголь.	Нефть.
1913	100	100	100	100	100	100
1914	95,7	96,9	101,5	98,0	98,8	98,8
1915	77,9	87,5	90,9	83,7	86,6	100,8
1916	64,3	90,1	93,8	86,9	88,8	87,3
1917	—	74,1	70,9	—	79,4	75,0

Отсюда видно, что все без исключения отрасли тяжелой индустрии значительно сократили производство продуктов горной и горнозаводской промышленности. Выплавка чугуна к 1917 г. сократилась на 25,9% против 1913 года, готовые железо и сталь — на 29,1%, каменный уголь — на 20,6% и нефть — на 25%. Как видим, для 1916—1917 гг. сокращение было довольно крупным; оно несомненно указывало на начало кризиса в производстве.

Что касается изменений в состоянии промышленности по годам, то сокращение началось по всем отраслям уже в 1914 г., но было весьма незначительным, измерялось по отдельным группам единицами процентов. Сокращение продолжалось и в 1915 г. В 1916 г. по всем отраслям, кроме меди и нефти, наблюдается некоторое незначительное увеличение производства против 1915 года: на единицы %. Однако этот под'ем был кратковременным и весьма быстро сменился новым, еще более резким падением в 1917 г.

Как и нужно было ожидать, война наиболее разрушительно подействовала на мелкие и средние предприятия, крупные же предприятия значительно легче к ней приспособились. Это вполне подтверждается следующей таблицей [1]), показывающей изменение количества предприятий и числа рабочих за годы войны в мелких, средних и крупных предприятиях. (См. таблицу на стр. 21.)

Таблица весьма показательна для того процесса концентрации, который совершался во время войны. Как мы видим, мелкие предприятия — (до 50 человек рабочих) дают сокращение как по числу заведений, так и по числу рабочих. Число рабочих в них в 1913 г. составляло 10,9% общего количества рабочих, в 1915 году — 8,6%. Также сокращаются и предприятия с числом рабочих от 51 до 100 чел. (8,5% — в 1913 г. и 6,8% — в 1915 г.). Средняя промышленность (предприятия от 100 до 500 рабочих) — дает стационарное состояние как в отношении числа предприятий, так

[1]) Таблица составлена на основании данных «Статистического Сборника» за 1913—1917 г.г., стр. 37.

Группы предприятий по числу рабочих в них.	Число предприятий.			Число рабочих в них.		
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
До 50 .	11.559	8.929	8.054	253.547	199.922	177.683
От 51 до 100 .	2.707	2.088	1.822	196.197	148.954	130.469
„ 101 до 500	2.717	2.253	2.025	616.594	504.440	456.723
„ 501 до 1000 и больше .	894	776	748	1.253.239	1.107.544	1.157.697
Итого . . .	17.877	14.046	12.649	2.319.577	1.960.860	1.922.572
В процентах.						
До 50 .	64,6	63,5	63,5	10,9	10,1	9,2
От 51 до 100 .	15,1	14,9	14,4	8,5	7,8	6,8
„ 101 до 501	15,3	16,1	16,2	26,6	25,7	23,8
„ 501 до 1000 и больше . .	5,0	5,5	5,9	54,0	56,4	60,2
Итого . . .	100	100	100	100	100	100

и в отношении % занятых в них рабочих. Только крупная промышленность, с количеством рабочих свыше 500 на предприятие, дает в процентном отношении увеличение и числа предприятий с 5% до 6%, и числа рабочих с 54% до 60%. Уже одно это показывает на процесс концентрации промышленности во время войны.

Разрушение производства и средств производства сказалось в резком сокращении продукции тяжелой индустрии. К тому же, весьма скоро создался голод в сырье и особенно в топливе. В 1917 г. большинство предприятий закрывается именно по этой причине. Помимо разрушения производства, громадную роль в деле разрухи сыграло разложение транспорта.

Транспорт

Транспорту с первых же месяцев войны пришлось выдержать на себе значительно бо́льшую нагрузку, чем та, к которой он был приспособлен по своему довоенному состоянию.

Так, например, на дорогах: Московско-Казанской, Александровской, Московско-Курской, Нижегородской и Сызрано-Вяземской было погружено и принято товарных вагонов и цистерн [1]):

	В 1913—1914 г.	в 1914—1915 г.	в 1915—1916 г.
В 1-е полугодие . .	1.236.909	1.203.326	1.498.951
Во 2-е „ . .	1.367.963	1.346.493	1.741.059
За весь год . . .	2.604.872	2.549.823	3.240.013
	В процентах к 1913 г.		
В 1-е полугодие . .	100	97,3	121,2
Во 2-е „ . .	100	98,4	127,3
За весь год . . .	100	97,9	124,4

Мы видим из этой таблицы, что нагрузка транспорта несколько упала только лишь в первый год войны. Начиная со второго полугодия 1915 года, нагрузка транспорта увеличилась на 21,2% против второго полугодия 191 г., а в первое полугодие 1916 г. — на 27,3%. Как правильно указывает Прокопович, о работе транспорта нельзя судить только по нагрузке вагонов, так как, благодаря изменению рынков, ввоза и вывоза товаров, средний пробег каждого груженого вагона сильно увеличился. Так, по тем же дорогам средний пробег вагона и общий пробег за те же годы выражался в следующих цифрах [2]):

Годы.	Полугод.	Средний пробег вагона в верстах. Абсол.	Относит.	Общий пробег в милл. верст. Абсол.	Относит.
1913		277,7	100	343,5	100
1914	1-е	285,3	102,7	390,3	113,6
„	2-е	375,8	135,3	452,2	131,6
1915	1-е	368,9	132,8	496,7	144,5
„	2-е	349,2	125,7	523,4	152,3
1916	1-е	326,0	117,4	567,6	136,1

Если взять общий пробег, то по полугодиям, начиная с 1913—1914 гг., работа транспорта увеличивалась на 13,6%, 31,6%, 44,5% и 52,3%, т. е. за два года войны более чем в 1½ раза. Понятно, что такую нагрузку ни паровозный ни вагонный парк долго выдержать не мог. Стоит только посмотреть на первую графу приведенной таблицы — средний пробег одного вагона в верстах, чтобы увидеть, что уже начинают наблюдаться первые симптомы перебоя транспорта. Средний пробег действительно увеличился с 277 верст в 1913 г. до 375 верст во второе полугодие 1914 г. Однако это была уже максимальная цифра. В последующие годы пробег начинает правильно уменьшаться. В 1916 г. в первое полугодие он спускается до 326 верст, и в последующие годы это падение неуклонно продолжается.

[1]) «Экономическое Обозрение», ст. С. Прокоповича, стр. 79.

[2]) Там же.

Растет количество больных паровозов и вагонов, но рост этот не так остро чувствовался в годы войны, как в последующие революционные годы; вначале разруха транспорта сказывалась главным образом в общем нарушении движения. Транспорт был целиком занят обслуживанием военных перевозок и лишь в ничтожной мере мог удовлетворять остальной грузооборот.

Достаточно указать, что непрерывные эвакуации, бывшие неизбежным спутником военных поражений, забивали дороги эвакуируемым имуществом и беженцами. Эвакуационное движение летом и осенью 1915 г., в связи с отходом русских армий из Галиции и из Польши, окончательно спутало все перевозки и забило вагонами все дороги тыла. Как указывалось в Государственной Думе, перевозка беженцев в течение двух летних месяцев 1915 г. занимала 25% всего вагонного парка железных дорог. Отсутствие плана эвакуации, которая совершалась так же стремительно, как стремительно отступали царские армии, еще более спутывало движение, при чем часто один и тот же груз возили без толку взад и вперед, занимая им вагоны.

В условиях такой загруженности транспорта он, понятно, совершенно не в состоянии был удовлетворить требований коммерческого грузооборота. Образовывались пробки, которые загромождали дорогу огромным количеством вагонов и тем тормозили все движение, сводя его даже на дорогах фронта, зимою 1914—1915 г., к 100 и менее верст в сутки. Немалую роль в разрухе транспорта играла и несогласованность распоряжений отдельных властей, в результате которой получались бессистемные, часто встречные, перевозки.

Если в мирное время, при нормальной работе, транспорт не нуждался в особых экстраординарных мерах регулирования, то теперь, при крайне низкой его провозоспособности в отношении частных грузов и грузов учреждений, становилось необходимым плановое регулирование всех транспортных перевозок. К последнему же царское правительство было совершенно не приспособлено.

«Дело транспорта,—пишет один обозреватель [1],—превратилось в орудие случайных частно-хозяйственных интересов, или служащее спекуляции, или просто расстраивающее хозяйственный оборот. Сначала пытались облегчить подвоз продуктов предоставлением права внеочередной перевозки отдельным учреждениям и лицам, но когда все стали получать это право внеочередной перевозки, оно перестало быть преимуществом... и внесло еще больший хаос, создало совершенно произвольные погрузки и передвижение грузов». В результате железные дороги оказались совершенно бессильными подвозить фабрикам и заводам необходимые им сырые материалы и топливо, а в города — продукты продовольствия. Военные перевозки поглощали почти всю работу транспорта. С первых же месяцев войны, еще 18-го июля 1914 г.,

[1] «Современный Мир» № 4, 1916 г.

все железные дороги были об'явлены закрытыми для частных грузов. С железных дорог была снята ответственность за своевременную доставку товаров.

Прекращение работы транспорта на мирный грузооборот в корне нарушило правильный обмен веществ в стране. Продукты из мест производства с трудом подвозились, а то и совсем не подвозились в места потребления. В результате началось значительное расхождение цен, и правильный товарооборот нарушился. Этот разрыв рыночных связей создавал возможность широкого разгула спекуляции. Появились первые мешечники, которые при помощи гужевого транспорта, большой и пассажирской скорости перевозили даже такие, сделавшиеся предметом спекуляции продукты, как пшеничная мука, подсолнечное масло и т. п.

В этом разрыве рыночных связей приходится искать одну из главных причин расхождения цен на сельско-хозяйственные продукты, которое оказывало громадное влияние и на производство, особенно сельско-хозяйственное. Цены на сельско-хозяйственные продукты в различных районах, именно в районах производства и потребления, давали максимальное расхождение. Последнее, особенно в тех районах, где вывоз был невозможен, способствовало сокращению сельско-хозяйственного производства. Как повлияла война и вызванная ею разруха транспорта на сельское хозяйство, это нам сейчас и предстоит рассмотреть.

Влияние войны на сельское хозяйство

Война пред'явила колоссальный спрос на продукты сельского хозяйства и в то же время всем своим ходом значительно подорвала его основы. Разрушительное влияние войны на сельское хозяйство сказалось прежде всего в отрыве от производительного труда взрослого мужского населения. За первые три года войны было мобилизовано в армию до 18 миллионов человек, значительная часть которых приходилась на деревню. Если считать общее число крестьян в рабочем возрасте в момент об'явления войны равным 27 миллионам, то несомненно мобилизация отняла добрую половину всей взрослой мужской силы деревни. Нужно сказать, что сельское хозяйство относительно легко справилось с замещением отнятых от производства рабочих рук. Мобилизация и недостаток рабочих рук в разных районах России сказывались с разной степенью остроты. В промышленных подмосковных губерниях, в так называемой «бабьей стороне», где сельско-хозяйственные работы производятся обычно женщинами, мужчины же почти все заняты отхожими промыслами, мобилизации не могли оказать существенного влияния на размеры посевов. В центрально-черноземной полосе, в Юго-западных — Украинских, в Центральных земледельческих и Средне-волжских губерниях, обычно от-

пускающих рабочих в степную полосу, сокращение числа мужчин в деревне должно было привести к резкому сокращению земледельческого отхода. Свои же местные посевы должны были пострадать сравнительно мало. Напротив, степная полоса — Новороссия, Нижне-волжские губернии и губернии Северного Кавказа лишились не только своих местных работников, но и пришлых. Поэтому именно в этих губерниях и наблюдалось наибольшее сокращение посевных площадей.

Однако сокращению посевных площадей в южных и юго-восточных районах способствовало не только отсутствие рабочих рук, но еще больше — затруднения в сбыте производимых продуктов. Как известно, именно эти районы являлись главными поставщиками зерна на европейском рынке. Прекращение экспорта и сокращение вывоза на внутренний рынок из-за разрухи транспорта понизили реальные цены на продукты сельского хозяйства в этих районах, или, точнее, не дали им подняться в соответствии с ростом цен на прочие продукты, особенно на продукты промышленности.

В этих районах за годы войны наблюдалось значительное увеличение запасов, иногда у зажиточных крестьян залеживались продукты двух-трех предшествовавших урожаев. Вполне понятно, что это неизбежно должно было сократить посевную площадь. По всем районам сокращение посевной площади выражается следующей таблицей [1]):

Посевные площади озимых (с озим. ячменем) и яровых с овсом и картофелем состав. в тыс. десятин.

Годы.	Озимые.	Яровые.	Все хлеба.	В %%
1913	35.692,9	67.005,1	102.698,0	100
1914	34.207,9	65.359,4	99.568,3	97,0
1915	29.724,1	58.359,4	88.56[illegible],0	86,6
1916	27.845,0	56.094,0	83.939,0	81,7
1917	28.590,0	57.200,0	85.790,0	83,5

Как видим, в 1915 г. посевные площади по всей России сократились на целых 14%, а к 1916 г. — на 18,3%. Из них более всего пострадали такие районы, как Новороссийский, Средне-Волжский и Северный Кавказ. Помимо отмеченных нами выше условий рынка и недостатка рабочих рук немалую роль в сокращении посевной площади сыграла здесь ликвидация земель немцев-колонистов, площадь земель которых равнялась 55 тысячам десятин. Значительная часть этих земель, вследствие страха их владельцев перед конфискацией, осталась незасеянной. В 1915 г., по сведениям отдела сельско-хозяйственной экономии министер-

[1]) С. Прокопович, Война и народное хозяйство, стр. 159. М. 1918 г.

ства земледелия, в некоторых из этих южных районов была засеяна лишь половина площади, обычно занимаемой озимыми посевами. Например, в Донской области недосев равнялся 37%, в Бузулукском уезде Самарской губ. — 23%, в Царицынском уезде Самарской губ. — 50%, в Камышинском уезде Саратовской губ. — 23%, в Богучарском уезде Воронежской губ. — 33%, в Тираспольском уезде Херсонской губ. — 43%, в Симферопольском уезде Таврической губ. — 50%, в Купянском уезде Харьковской губ. — 35%. Примерно та же картина наблюдалась и в отношении яровых посевов 1915 года. В Центрально-Черноземном районе России сокращение было значительно ниже: оно не превышало 17% к 1916 г. Еще меньше было сокращение в нечерноземной полосе. Здесь при близости городов и возможности легкого сбыта — мешечничество, как мы указали, началось с первых же дней войны. Это давало возможность сельской буржуазии с успехом развивать свое хозяйство.

Что касается положения животноводства, то оно также испытало на себе разрушительное влияние войны. Разрухе способствовала больше всего реквизиция скота, особенно лошадей, которых за годы войны было реквизировано до 2.100.000 голов. Реквизиция скота происходила крайне беспорядочно. Правительственные агенты, не считаясь ни с чем, реквизировали тот скот, который был незаменим для крестьянского хозяйства и был почти не нужен для армии. Хотя в 1915 г., по словам Прокоповича, правительством «были приняты меры» к тому, чтобы реквизицией не подрывать крестьянского хозяйства, однако эти меры остались на бумаге. Об этом наглядно свидетельствует ряд донесений с мест в департамент полиции. Вот одно из характерных донесений: «Продовольственное положение, — пишет орловский губернатор, — ухудшилось тем, что у населения реквизировали молочный скот, и молоко затруднительно достать даже для детей и больных. Во время реквизиции коров женщины и дети плакали, жалуясь, что у них забирают и режут последних кормильцев, и недоумевали, почему берут тельных и дойных коров, от которых «постное мясо». «Такая реквизиция, — заключает губернатор, — не имеющая особого значения для армии, вызвала в населении ропот, тем более, что после реквизиции местные торговцы сумели накупить жирного ялового скота, что особенно обидело население, так как оно убедилось в том, что не было необходимости в подобной реквизиции» [1]. Цитированное донесение относится к началу 1916 года, т. е. приведенные факты имели место уже после принятия правительством, по словам Прокоповича, соответствующих мер. Что же было до их принятия?

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 167, ч. 54. Донесение орловского губернатора. Вх. 10578.

Сокращение посевных площадей, а тем самым и сокращение количества поступающих на рынок продуктов, несомненно вызывали резкий недостаток их и значительную дороговизну. Последнее, между прочим, для многих экономистов явилось совершенной неожиданностью. «Когда вспыхнула война, — пишет П. Маслов, — когда прекратился вывоз из России сельско-хозяйственных продуктов, многие ожидали, что в России окажется огромный избыток предметов продовольствия, что цены на продукты сельского хозяйства должны пасть, что страна задохнется от избытков продуктов. Между тем в действительности произошло нечто совершенно противоположное. Недостаток в продовольственных и других необходимых для жизни продуктах, как производимых в России, так и вывозимых из-за границы, стал ощущаться почти с самого начала войны. Никаких избытков товаров не оказалось». Маслов об'ясняет это тем, что будто бы деревня, а главным образом крестьянин, попавший на фронт, стал их гораздо больше потреблять. «Куда же исчезли те товары, которые вывозились в мирное время? — спрашивает Маслов. — Они исчезли потому, что солдат-крестьянин одевается и питается лучше, чем питался он дома в мирное время, т.-е., благодаря тому, что до войны гражданское население не доедало, благодаря тому, что, если считать питание солдата нормальным, население одевалось и питалось ниже нормы» [1]).

Маслов совершенно игнорирует тот факт, что продукты не только непроизводительно потреблялись армией, но и уничтожались на войне. Что же касается продуктов сельского хозяйства, то причина их резкого недостатка заключалась, понятно, не только в том, что солдат на фронте ел больше, чем дома. Дело в том, что, благодаря разрухе транспорта и невозможности подвоза продуктов сельско-хозяйственного производства из производящих районов, там оказался избыток их, вынуждавший к сокращению посевной площади, а тем самым и производства, между тем как в потребляющих районах, из-за отсутствия подвоза, наблюдался резкий недостаток их.

Продуктовый голод и дороговизна

Сокращение производства средств потребления не только в области индустрии, но особенно в области сельского хозяйства должно было вызвать их резкий недостаток и соответственно быстрый рост цен. Однако дороговизна определялась не только недопроизводством товаров, но еще более стимулировалась вследствие инфляции, разрыва рыночных связей, главным же

---

[1]) «Экономическое Обозрение». П. Маслов, Запросы жизни, стр. 11.

образом из-за разрухи транспорта. Товарооборот был в корне разрушен. К тому же в то самое время, когда в Москве в 1915 г. наблюдался острый недостаток в сахаре, и перед лавками стояли длинные хвосты покупателей, товары намеренно задерживались спекулянтами на складах в ожидании нового, еще большего под'ема цен [1]).

Ряд произведенных местными властями обследований обнаружил на складах, на пристанях и станциях железных дорог громадные залежи тех товаров, которые давно уже исчезли с рынка, в том числе и таких, в которых нуждались все заводы, работавшие на оборону. В развернувшейся вокруг товаров спекуляции деятельное участие приняли банки. Обесценение денег делало для банков наиболее выгодным возможно большее превращение денежных капиталов в товары и выдерживание товаров на складах. В товарных операциях банки искали выгодного помещения большого количества свободных средств, оказавшихся в их руках благодаря необычайному росту вкладов буржуазии, не находившей производительного приложения накапливаемым ею капиталам. Вообще вся рыночная кон'юнктура военного времени — падение курса рубля, расстройство транспорта, рост цен — толкала банки в сторону спекуляций товарами. Банки широко развили операции по кредитованию под залог товаров оптовых торговцев, в целях предоставления им возможности выдерживать товары на складах и ими спекулировать.

Разрушение производства, эмиссия, разрыв рыночных связей, транспортная разруха, рост спекуляции и т. д., — все это вызывало небывалый под'ем цен на предметы массового потребления. Рост цен на последние в несколько раз превосходил даже обесценение рубля. Так, например, при общем падении курса рубля в три раза, в Петрограде цены на продукты питания к декабрю 1916 г. поднялись в 6 раз. В провинции под'ем цен был не столь велик и колебался от 300 до 600% по сравнению с довоенным временем. Особенно обострился продуктовый голод, и увеличилась дороговизна к концу 1916 и началу 1917 г. Почти все донесения с мест, а также и газетные сообщения отмечают в этот период в целом ряде городов резкий недостаток самых необходимых предметов продовольствия. Во многих местах почти совершенно исчез с рынка такой необходимый продукт питания, как сахар. С большим трудом можно было достать белую муку и жиры. Население перешло к питанию наиболее грубыми и дешевыми продуктами, как черный хлеб с примесями, пшено и т. п. Вполне понятно, что в этих условиях начинает расти массовое недовольство. В целом ряде мест вспыхивают продовольственные беспорядки. Господствующим классам приходится подумать о регулировании продовольственного вопроса.

---

[1]) Всеросс. союз городов. Экономич. отд. «Твердые цены на хлеб». Петроград 1916 г.

Регулирование производства и распределения

В предыдущем разделе мы указывали, что вызванная войной разруха привела к резкому недостатку как сырья и топлива для промышленности, так и средств потребления для широких народных масс. Разрыв рыночных связей и нарушение всего товарного оборота делали необходимым внеэкономическое регулирование обмена веществ в разлагающемся хозяйственном организме страны. Необходимость этого регулирования сознавали даже сами господствующие классы.

Вот как картинно описывалась эта анархия снабжения на первом заседании совета министров в ставке, кажется, в июне 1916 г. На этом заседании, как впоследствии показывал Штюрмер[1]), обсуждалось заявление ген. Алексеева о неисправных поставках на нужды армии угля, железа и других товаров. «Первые— рассказывал он — начали говорить министр путей сообщения и министр торговли, что нет достаточно угля на заводах, которые выделывают материалы для войны, угля нет. Уголь в ведении министра торговли. Министр торговли говорит: «Да, у меня уголь есть, но вы не даете вагонов», — говорит другому министру. Другой министр говорит: «Я не даю вагонов потому, что у меня военное министерство взяло все вагоны туда, и обратно ничего не присылает»... Были такие пробки вагонов, что для того, чтобы двинуть пришедшие вновь вагоны, надо было скидывать с насыпи другие вагоны. «Надо знать, кто же может разрешить, надо найти, кто бы разрубил этот Гордиев узел».

Однако царское правительство оказалось не в силах разрубить этот Гордиев узел.

Недостаток тех или иных предметов производства и сырья заставляет и капиталистов требовать государственного вмешательства в стихийный рыночный оборот. Однако, как правило, каждая группа господствующих классов требовала неограниченной свободы распоряжения продуктами собственного производства и регулирования распределения тех продуктов других производств, которые служили для их потребления в производстве или личного. Этим об'ясняется, что, например, очень многие предприниматели единодушно требовали распределения топлива, и почти вся буржуазия требовала установления твердых цен на продукты продовольствия. Помещики же в лице рекрутировавшихся из них губернаторов и т. п. местных властей требовали распределения предметов широкого потребления, включая и продовольствие, если речь шла о продуктах крестьянского хозяйства, а не помещи-

[1]) «Падение царского режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. Редакция П. Щеголева. ГИЗ. 1925 г., стр. 241 (сохраняем стиль подлинника. *Б. Г.*)

чьего, или если это могло принести помещикам более высокие по сравнению с рынком твердые цены. Вот этой-то внутренней борьбой различных групп капиталистов и помещиков и об'ясняется своеобразная гамма требований, исходивших от различных групп предпринимателей. Одни требовали твердых цен, а то и реквизиции одних продуктов и возражали против каких бы то ни было мер внеэкономического воздействия в отношении других. Поэтому вокруг всякого вопроса, связанного с регулированием той или иной отрасли народного хозяйства, поднималась ожесточенная борьба заинтересованных групп. В результате воздействие одних нередко нейтрализовалось противодействием других. Поэтому вокруг борьбы за регулирование снабжением сырьем и продовольствием и т. п. было крайне много шума, но, как мы увидим ниже, и буржуазия и царское правительство чрезвычайно мало могли сделать в действительности.

Рассмотрение вопроса о регулировании экономической жизни страны мы начнем с рассмотрения тех мер, которые принимались по борьбе с недостатком сырья и топлива для промышленности.

С первых же месяцев войны промышленность стала ощущать недостаток в сырье и топливе. В то время, как потребность в них, в связи с колоссальным военным производством, неимоверно возросла, производство, как мы видели выше, сократилось. Без регулирования снабжения предприятий сырьем и топливом не могло, понятно, быть и речи о правильном выполнении предприятиями взятых на себя военных заказов; поэтому с первых же дней топливо стало предметом спекуляции. Из-за получения его возникала ожесточенная конкуренция. Многие торговые предприятия стали закупать огромные запасы его, выдерживать их на складах, зная, что, при недостатке топлива и при большом спросе на него, оно найдет себе сбыт по высоким ценам. Топливо стало доступным лишь немногим привилегированным промышленным предприятиям и домовладельцам для частного потребления. Ощущался недостаток не только минерального топлива, каменного угля и нефти, но и древесного. Мобилизация рабочей силы затрудняла заготовку дров. Уменьшение же числа лошадей и разрушение гужевого транспорта, — не говоря уже о железнодорожном и водном, затрудняли подвоз уже заготовленных дров.

Вполне понятно, что в этих условиях со стороны целого ряда промышленных групп, потребителей топлива, поднимается вопль о необходимости регулирования снабжения топливом и о необходимости установления на него твердых цен. В первых числах марта 1915 г., когда уже ясно выявился топливный кризис, при министерстве торговли и промышленности начались совещания углепромышленников и нефтепромышленников. Указом 4-го марта 1915 г. распределение топлива было возложено на министра путей сообщения, в ведении которого и сосредоточивалась вся деятельность по снабжению топливом. Для обсуждения важней-

ших мероприятий и вопросов, связанных с предоставленными министру путей сообщения полномочиями, был образован особый центральный орган в виде комитета по распределению топлива. Разверстка минерального топлива была поручена 13 губернским комиссиям, образованным под председательством подлежащих губернаторов и градоначальников. Одновременно были учреждены губернские комитеты по заготовкам дров [1]). 31-го марта того же года были изданы правила, выработанные советом министров, устанавливающие широкие полномочия министра путей сообщений в деле распределения топлива. В связи с организацией местной комиссии по топливу последовал ряд новых распоряжений. Не следует, однако, думать, что распределение топлива в какой бы то ни было мере затрагивало интересы капиталистов. За реквизируемое топливо платили, во всяком случае, не ниже рыночной цены, и, как мы увидим далее, недовольство промышленников против этих реквизиций вызывалось не столько несогласием на устанавливаемые цены, сколько тем, что реквизиции затрудняли для них возможность спекуляции. Этим об'ясняется, что буржуазия оказывала сильнейшее сопротивление проведению реквизиций и нещадно торговалась об устанавливаемых ценах. Постановление о реквизиции топлива было проведено на заседании особого совещания по топливу 7 октября 1915 г. под председательством министра торговли и промышленности князя Шаховского, при чем этот вопрос был разрешен всего лишь 14 голосами при 10 воздержавшихся. Однако на следующем, специально посвященном этому вопросу, заседании большинство собрания высказалось против реквизиции. Орган об'единенной буржуазии — Центральный военно-промышленный комитет — считал, что реквизиции топлива являются неприемлемыми. Представитель комитета Поплавский мотивировал это трудностями ее осуществления. «Мы не видим организации, которая может справиться с этим делом», — заявлял он. Не меньший отпор буржуазия оказывала и попыткам военных властей реквизировать топливо. Так, частые реквизиции, производившихся армией Северо-Западного фронта, вызывают даже докладную записку Совета с'ездов лесной промышленности министру торговли и промышленности с жалобой на эти реквизиции. Жалуются они, главным образом, на то, что реквизиционные цены на 50% будто бы ниже действительных и цен довоенного времени. «Всецело признавая, что все частные интересы должны быть принесены в жертву государственной необходимости», лесопромышленники тем не менее грозят саботажем заготовок. «Следствием указанных условий реквизиции, — заявляют они, — явится полное отсутствие заготовок леса» [2]). И сам

---

[1]) Министерство торговли и промышленности, «Обзор деятельности особого совещания» (август 1915 г. — март 1916 г.), стр. 1—2. Петроград 1916 г.

[2]) II отделение экономической секции ЕГАФ. Дело военно-промышленного комитета, № 447.

военно-промышленный комитет, в лице его отдела по топливу, неоднократно ходатайствовал перед правительством о снятии реквизиции с лесных материалов. Так, на собрании отдела 22 февраля 1916 г. указывалось на то, что «железные дороги производят реквизицию материалов по очень низким ценам; естественно, что заготовщики лесного материала испугались и перестали подвозить лес к станциям железных дорог» [1]). Как мы видим, заинтересованные группы предпринимателей, особенно владельцы и заготовители топлива, весьма энергично протестовали как против самих реквизиций, так и против реквизиционных цен.

В последнем отношении характерна та борьба, которая развернулась среди промышленников в конце 1915 и в начале 1916 г. вокруг твердых цен на топливо. Когда особым совещанием по топливу в октябре 1915 г. был принят план реквизиции угля, и твердая цена была установлена в 14 копеек, предприниматели подняли шум и требовали повышения до 17 копеек. Особое совещание пошло на уступки и повысило цену до 15½ копеек. Аналогичная история повторилась и в отношении твердых цен на нефть. Особое совещание фиксировало цены на нефть в Баку — 46½ копеек при себестоимости в 37 копеек. Однако против этого решительно запротестовали нефтепромышленники. На заседании отдела по топливу Центрального военно-промышленного комитета, 22 февраля 1916 г., они заявили решительный протест против предельных реквизиционных и прочих цен, которые, по их мнению, ничем не вызываются и не выдерживают никакой критики. Цены, по их словам, установлены неправильно и невыгодно для нефтепромышленников, так как, дескать, в них совершенно не учтена торговая прибыль. Они считали себя обиженными тем, что устанавливались цены только на их продукты, и не было фиксированных цен на сырые материалы и рабочие руки, и грозили закрытием ряда промыслов. Они доказывали, что ничего, кроме путаницы, из этих твердых цен не выйдет» [2]).

Этот эпизод показывает, каковы были возможности проведения регулирования в условиях частной собственности на средства и орудия производства. Всякое регулирование неизбежно нарушало интересы одних капиталистов в пользу других. Сопротивление одних нейтрализовало стремления других. Поэтому, как правило, такое регулирование в условиях капиталистического строя так трудно удавалось.

Правительство в «борьбе» с разрухой и дороговизной

Аналогичную картину мы имеем и в истории правительственных попыток регулирования снабжения населения продовольствием

---

[1]) II отделение экономической секции ЕГАФ. Дело военно-промышленного комитета, № 30, журнал заседания отдела по топливу.

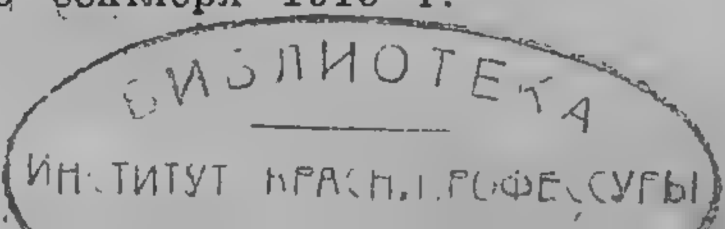
[2]) Там же, журнал 8-го заседания отдела по топливу 22-го февраля 1916 года.

и установления фиксированных цен на предметы широкого потребления. Однако, если в вопросах снабжения предприятий сырьем и топливом наибольшую активность проявляли лишь отдельные кучки капиталистов, то в вопросах снабжения продовольствием и предметами широкого потребления активность проявляли широкие городские трудовые массы, что выражалось часто в продовольственных бунтах и т. п. революционных выступлениях. Поэтому с первых же дней войны господствующие классы, подчиняясь давлению масс, должны были поднять шум вокруг вопросов снабжения населения. Как и нужно было ожидать, прежде всего подняло шум правительство или, точнее, административная власть. Разумеется, это было сделано не потому, чтобы оно, в противовес буржуазии, крупной и мелкой, хотело действительно урегулировать вопрос, а потому, что административная власть первая почувствовала рост недовольства народных масс и в силу одного этого должна была симулировать борьбу с дороговизной и спекуляцией «мародеров тыла». Показательно, что одним из первых подняли шум вокруг вопросов борьбы с дороговизной местные административные власти во главе с министерством внутренних дел. «Серьезное значение (продовольственного) вопроса, — говорил в сентябре 1915 г. только что назначенный министр внутренних дел Хвостов, — заключается в том, что на этой почве могут последовать весьма серьезные нарушения спокойного течения жизни» [1]. С точки зрения опасности «весьма серьезного нарушения спокойного течения жизни» и подходили к регулированию продовольственного вопроса административные власти. Само собой разумеется, что правительство и его агенты ни одной минуты не ставили и по своему буржуазно-помещичьему характеру не могли поставить вопроса о действительной борьбе с спекуляцией и мародерством. Они принимали меры лишь в том случае, если какие-нибудь спекулянты и мародеры действовали в ущерб другим, только более высокопоставленным. Еще 31-го июля 1914 г. министр внутренних дел Маклаков предложил губернаторам озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей им власти для борьбы со спекуляцией. В результате этого циркуляра на местах губернаторы стали широко выявлять свое творчество по борьбе с дороговизной.

Вполне естественно, что правительство не могло превратить борьбу с дороговизной в борьбу со всей капиталистической системой (тогда бы оно было рабочим правительством), а вело борьбу с отдельными личностями.

И вот здесь в борьбе против отдельных, преимущественно мелких спекулянтов, в особенности, когда под видом последних выявлялись евреи, недостатка не было. До каких пределов

[1] «Русские Ведомости», 28-го сентября 1915 г.

распространялась в последнем случае решительность власти, свидетельствуют многочисленные распоряжения местных властей. Например, «в целях борьбы с дороговизной, которая вызывает недовольство масс не только против спекулянтов, но и против правительства», начальник Тульского губернского жандармского управления предлагает «отбросить штрафы и аресты спекулянтов, как никуда негодные полумеры, не приносящие никакой пользы». Он считает нужным «ввести повсюду твердые цены и распространить действие военно-полевого суда в отношении тех лиц, которые стремятся ради личных выгод нанести явный ущерб нашим успехам на войне и тем самым играют в руку немцев» [1]. Так заканчивает свое предложение по обязанности патриотически настроенный жандарм. Аналогичные меры предлагает и начальник Кубанского губернского жандармского управления [2]: «Борьба с хищниками и спекулянтами, — пишет он в департамент полиции, — не может ограничиться обыкновенными штрафами, а таких лиц надлежит подвергать административной высылке, даже в крайних случаях конфискации имущества. Уничтожив несколько сотен разбогатевших на чужих деньгах и несчастьи, правительство твердо возьмет в свои руки бразды правления в стране, и вся масса рабочего и вообще недовольного элемента невольно перейдет на сторону власти, так как она увидит в ней силу и заботу о ее существовании».

Подобные предложения отнюдь не являлись только результатом инициативы местных властей. Циркуляр департамента полиции от 9-го января 1916 г., разосланный губернаторам, указывал в качестве главных виновников разрухи и дороговизны на «злонамеренных революционеров и их вдохновителей евреев, которые, будучи тайными сторонниками Германии, намереваются вызвать общее недовольство, путем голода и искусственного вздорожания жизненных продуктов».

Все же одним шумом вокруг продовольственного дела и демагогией против евреев и прочих «врагов отечества» наладить продовольственное дело было невозможно.

Появился целый ряд бессистемных, случайных, между собой не связанных, мероприятий, создавших лишь еще более благоприятную почву для спекуляции и мародерства буржуазии. В некоторых случаях прибегали к установлению такс на продукты продовольствия и на предметы широкого потребления.

Таксы издавались в одних местах городскими управлениями, в других — губернаторами, с участием каких-нибудь коллегиальных органов, в третьих — теми и другими и, наконец, даже особыми смешанными коллегиями. Такая же пестрота существовала как в основах таксировки, так и в отношении круга предметов,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 167, ч. 83, 1916 г.

[2]) Там же, № 167, ч. 33, 1916 г. Донесение от 17-го октября 1916 г. Вх. № 2556.

подлежащих этой таксировке. В одних губерниях таксы устанавливались лишь на хлеб и мясо (таких насчитывалось 9 губерний), в других — на несколько десятков предметов, даже на газеты, бумагу и чернила. В пределах одной и той же губернии в одних городах таксы устанавливались на все сорта данного продукта, в других — лишь на некоторые из них. Затем в одних местах таксировались цены лишь для розничной продажи, в других — для оптовой, в третьих — только для мелочной, а в четвертых — для всех видов торговли [1].

Само собой разумеется, что подобные мероприятия ни в коем случае не могли сколько бы то ни было улучшить продовольственное положение, а должны были его еще более ухудшить. Особенно отрицательные результаты давала система запрещений вывоза. «Запрещение вывоза и ввоза — в одном районе, попытки административным путем нормировать цены обязательными постановлениями и таксами — в другом, не только не оказали благих результатов, но вызывали замешательство. Районы, искони живущие продуктами покупными, не могли вывезти их из тех мест, где они продавались. Северные губернии не могли получить хлеб из центра и южных губерний. Петроград и Москва не могли получить мяса из Области войска Донского, из Оренбургской и Киевской губ., потому что вывоз был запрещен или не сразу разрешен» [2].

На то, что правительственные мероприятия по борьбе с разрухой и дороговизной были бессистемны и, кроме вреда, ничего не приносили, неоднократно указывалось в государственной думе. Так, например, в заседании 10 февраля 1916 г. Милюков рассказывал о том, как секвестровали, а потом гноили продукты; как секвестровали, а потом морили бескормицей лошадей; как брали людей, возили их целыми месяцами из одной губернии в другую, не обучая, и в конце концов отпускали домой по болезни; как тратили мясо, не сосчитав наличности русского скота, и т. д. [3].

Понятно, что подобные бессистемные меры, проводимые самими господствующими классами, не только не могли достигнуть своей непосредственной цели, т. е. регулирования продовольственного вопроса, но и не могли даже способствовать «успокоению населения», что для правительства являлось одной из основных целей в его симуляции борьбы с дороговизной.

Постольку, поскольку средства производства и все товары находились в руках частных предпринимателей, правительственные мероприятия оставались на бумаге, и буржуазия могла над ними только издеваться. «Озлобление населения, — доносит на-

---

[1]) «Современный Мир» № 4, 1916 г., стр. 80 и 81.

[2]) «Современный Мир» № 8, 1915 г. К. Пажитнов, Дороговизна жизни и Московский с'езд 11—13 июля, стр. 160—161.

[3]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. II, стр. 1317, 10/II — 1916 г.

чальник Казанского губернского жандармского управления, — подогревается тем убеждением, что у местной власти нет достаточных средств для борьбы со спекуляцией. Чуть издадут обязательное постановление с таксой на какие-либо продукты, как последние исчезают с рынка, словно их никогда не было. Полиция бьется из всех сил (!), чтобы разыскать их — и напрасно»[1]). «Установление цен на продукты чинами губернской администрации, — доносит начальник Харьковского губернского жандармского управления, — как это ныне ведется, приводит лишь к тайной борьбе с администрацией со стороны торговцев, которые в случае понижения цен на продукты до известной нормы совершенно прекращают торговлю этими продуктами на рынке»[2]).

Правительство, стоявшее на страже частной собственности, конечно, не предпринимало и не могло предпринять решительных мер в борьбе с саботажем торговцев. В лучшем случае, правительственной каре подвергалась лишь спекулянтская мелкота. «До сих пор, — пишет начальник Самарского жандармского управления 27-го мая 1916 года, — все мероприятия по дороговизне направлялись против мелких торговцев, а на главных виновников вздутия цен — крупных спекулянтов, они не распространялись»; поэтому он и предлагает обуздать «верхи»[3]).

Начальник Владимирского губернского жандармского управления доносит: «Возмутительная алчность крупных торговцев, не сдерживаемая никакими рамками законности и не будучи ничем оправдана, дает растлевающий пример торговцам по мелочам и даже крестьянскому населению, сбывающему свои продукты в города. Устанавливаемые базарные таксы вызывают лишь глумление торгашей над публикой, при чем в этих случаях, — как откровенно признается жандарм, — полицейская власть поддерживает интересы тех же обнаглевших торговцев в чаянии подачек». «Алчность наживы, как грязная волна, — продолжает морализировать этот охранник, — захлестывает торговцев, и они, забывая долг граждан, спешат создать свое благополучие на несчастьи ближнего, который задумывается над вопросом, чем жить[4]). Если так писал начальник жандармского управления, то что же должны были говорить народные массы? Начальник Саратовского губернского жандармского управления пишет: «Нередко за последнее время, в особенности со стороны бедного люда, слышатся обвинения как местных властей, так и правительства за слишком гуманное отношение к этим антипатриотам, наживающим чуть ли не 200%, ко всем спекулянтам, пользующимся тяжелым поло-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 167, ч. 28, донесение от 11/XI — 1915 г.

[2]) Там же, № 167, ч. 88, донесение от 9/II—1916 г., лист 860.

[3]) Там же, № 167, ч. 68, донесение от 20/IV—1916 г.

[4]) Там же, № 167, ч. 13, донесение от 23/X—1915 г.

жением, переживаемым Россией» [1]). О том, что со стороны «бедного люда», а в особенности со стороны рабочих, скоро начались активные революционные действия, об этом мы будем говорить несколько ниже.

Итак, деятельность местных властей по борьбе с дороговизной выразилась в ряде бессистемных мероприятий по борьбе с отдельными, особенно мелкими, спекулянтами, и в фактическом содействии крупным. Не на много лучше и успешнее были мероприятия и центрального правительства.

По мере углубления разрухи все более и более обострялся продовольственный вопрос. Разруха производства, транспорта и вызванный ими разрыв рыночных связей нарушили правильный товарооборот и поставили под угрозу снабжение продовольствием городов и армии. Это заставило центральное правительство принять ряд мер также и для регулирования продовольственного вопроса в общероссийском масштабе.

19-го мая 1915 г. при министерстве торговли и промышленности был образован главный продовольственный комитет, а на местах — местные продовольственные комитеты. Главный продовольственный комитет должен был регулировать деятельность прочих органов власти, занимавшихся продовольственным вопросом. Последним ведали и главное управление по делам местного хозяйства при министерстве внутренних дел и министерство земледелия, не говоря уже о деятельности местных властей, которым, в лице командующих войсками, постановлением совета министров от 17-го февраля 1915 г. было предоставлено право устанавливать на местах цены на предметы продовольствия и фуража и производить реквизиции. Кроме того, в конце 1915 г. были организованы особые совещания отдельно по обороне, транспорту и топливу, которые также занимались продовольственным вопросом. При каждом из особых совещаний, в свою очередь, возникла целая куча комиссий и подкомиссий, вокруг которых было довольно много шуму, но чрезвычайно мало дела.

К лету 1916 г., когда разруха шагнула далеко вперед, в качестве высшего учреждения по делам снабжения было восстановлено совещание министров под председательством Штюрмера, который получил чрезвычайные полномочия по всем вопросам, касающимся снабжения армии и организации тыла. Само собой разумеется, что увеличение учреждений, ведающих продовольственным делом, весьма мало способствовало действительному его регулированию, и это подчеркивалось тогдашней печатью. «Едва ли можно было придумать, — читаем мы в одном из тогдашних журналов, — менее удачную систему для достижения этой цели (т.-е. регулирования продовольственного вопроса), как создание

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 167, ч. 68, донесение от 20/IV — 1916 г.

новых органов и учреждений на-ряду с существующими уже, которые заняты тем же делом. Ничего, кроме недоразумений и трений, из такой системы получиться не может» [1]).

Твердые цены на хлеб

И действительно, мало чего реального получилось из всех продовольственных мероприятий центрального правительства. Пожалуй, наиболее крупной была попытка введения твердых цен на хлеб и на другие продукты сельского хозяйства или отраслей, с ним тесно связанных.

Вопрос о твердых ценах встал уже к концу 1914 г., когда впервые в острой форме выявился недостаток хлеба и когда в первый раз, еще непривычно для России, чрезмерно поднялись на него цены. Однако попытка ввести твердые цены была сорвана помещиками, которые имели в правительстве достаточное число своих верных агентов. Но, с другой стороны, жизнь настойчиво требовала регулирования продовольственного дела и в частности хлебных цен. Когда образовалось уже отмеченное нами выше совещание по продовольствию, то на очередь дня был поставлен вопрос о твердых ценах. На первом заседании были установлены твердые цены лишь на овес. «Твердые цены, — пишет Пешехонов, — начали устанавливаться лишь для районов, где производились казенные заготовки, и лишь для покупок, производимых правительственными учреждениями, а для всей остальной России оставались вольные цены. Лишь для сахара, установленные особым совещанием по продовольствию в октябре 1915 г., твердые цены были распространены на всю Россию». «Таким образом, — говорит Пешехонов, — торговцы могли отыгрываться на потребителе, получая от населения возмещение за свои убытки при продаже казне. В этом раздвоении цен несомненно был найден выход из коллизии между государственными интересами и интересами аграриев и торгового капитала» [2]).

Вряд ли нужно об'яснять, что, по существу, потери помещиков на твердых ценах или совсем не имели места, или наблюдались в ничтожном размере. Твердые цены на хлеб, введенные министерством земледелия между октябрем 1915 г. и мартом 1916 г., оказались на 8 — 10% в отношении ржи выше рыночных цен. То же наблюдалось и в отношении прочих хлебов. Только с дальнейшим падением курса рубля и под'емом цен к маю 1916 г. рыночные цены оказались выше твердых цен на пшеницу и рожь на 5%, на ячмень — на 10% и на овес — на 38% [3]).

Понятно, что помещики не были склонны мириться с подобным несоответствием рыночных и твердых цен. Череванин по этому поводу пишет:

---

[1]) «Русские Записки» № 9, 1916 г., ст. Пешехонова, стр. 279.
[2]) Там же.
[3]) «Экономическое Обозрение», ст. Череванина, стр. 159.

«И те скромные твердые цены, которые были введены, стояли в резком противоречии с аппетитами и стремлениями землевладельцев. Произошло это, конечно, стихийно, без обдуманного намерения, так как государственная власть наша вообще склонна в величайшей степени принимать во внимание интересы землевладельцев, но ошибка, которая в данном случае была сделана, должна была быть искуплена, и министр земледелия А. Н. Наумов, посягнувший незаметно для себя на интересы землевладельцев, должен был уступить пост министра земледелия более осмотрительному и решительному представителю интересов аграриев А. А. Бобринскому».

Бобринский открыто высказывал себя противником каких бы то ни было мер, нарушающих интересы землевладельцев. Так, он открыто высказался против реквизиции. Вскоре по его вступлении в министерство местным властям был разослан циркуляр, за подписями министра земледелия и министра внутренних дел, предлагающий местным чинам пользоваться реквизициями с особой осторожностью [1]). «Помещики, — писали «Русские Ведомости» 27-го августа 1915 г., — поняли, что новый министр земледелия свой человек, что он прекрасно понимает нужды землевладельцев и охотно идет им навстречу».

Так как вопрос о твердых ценах нельзя было обойти, то Бобринский занял место министра земледелия для того, чтобы оружие твердых цен, выдвинутое буржуазными общественными организациями для борьбы с непомерными аппетитами аграриев, повернуть наоборот, в пользу последних, обеспечивши им те же безмерные барыши, которые доставались представителям городского капитала и в которых помещикам отказывал рынок.

О том, что хотели получить от твердых цен помещики, лучше всего говорит следующая таблица, показывающая соотношение испрашиваемых твердых цен с существующими рыночными ценами и прежними твердыми ценами:

% отношение испрашиваемых твердых цен:	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.
к средним рыночным ценам за июль 1915 г.	136	145	127	172
к твердым ценам, введен. зимой 1915—1916 гг.	160	149	156	184

Как видим, по сравнению с рыночными испрашиваемые твердые цены были выше от 27% на овес до 72% на ячмень. Таковы были общероссийские цены. В отдельных случаях они были еще выше. Так, в Самаре твердые цены, выдвинутые на совещании землевладельцев, были на 70% выше рыночных, в Ельце на рожь — выше на 73%, на овес — на 92% [2]). Эти цены лишь с незначительными поправками и были утверждены продовольственным

[1]) «Русские Записки» № 10, 1916 г., ст. Петрищева.
[2]) «Экономическое Обозрение», ст. Череванина, стр. 150.

комитетом. По всем без исключения хлебам они были выше рыночных.

Несмотря на явную вздутость твердых цен, помещики все же не были удовлетворены в своих аппетитах. Вслед за опубликованием новых твердых цен из Самарской, Саратовской, Екатеринославской, Бессарабской, Волынской и др. губерний стали поступать довольно однородные сведения о том, что аграрии протестуют против этих цен, находят их низкими и продавать по ним не желают [1]).

Между прочим, в своих выступлениях (в борьбе за твердые цены) помещики пытались, хотя и без заметного успеха, опереться на крестьянство. На с'ездах уполномоченных по продовольствию представители помещиков пытались утверждать, что в отношении твердых цен они отстаивают не только свои интересы, но и интересы крестьянства. Однако у крестьянства, даже зажиточного, так велик был антагонизм с помещиками, что не могло быть и речи об установлении какого бы то ни было «единого фронта» у помещиков даже с сельской буржуазией, не говоря уже об остальном крестьянстве.

Как известно, беднякам, а иногда и середнякам нехватало своего хлеба, и им приходилось его покупать как для продовольствия, так и для обсеменения, особенно весною. Поэтому высокие твердые цены, установленные помещиками, нарушали интересы значительной части крестьянства.

Характерно, что в местных совещаниях по выработке твердых цен даже в районах с сильной сельско-хозяйственной буржуазией, как, напр., в Бердянском уезде Таврической губернии, в Николаевском уезде Самарской губернии, кооператоры, представлявшие крестьянство, от имени последнего протестовали против установленных помещиками высоких твердых цен. В материалах всероссийского союза городов мы читаем, что они «предостерегали против одностороннего поощрения земледельческих интересов, которое должно тяжело отразиться на всем народно-хозяйственном организме», и считали необходимым «проектировать такие цены, которые были бы доступны и для крестьян» [2]).

Твердые цены, вводимые помещиками, вызывали всеобщие протесты. Особенно больно они, разумеется, ударяли по рабочему классу, так как повышение цен на хлеб должно было повлечь за собою вздорожание и остальных продуктов, а тем самым понижение реальной заработной платы и ухудшение питания народных масс. Последнее и отмечалось тогда в резолюциях рабочих по вопросу о твердых ценах на хлеб» [3]).

Итак, мы видим, что регулирование правительством продовольственного вопроса свелось прежде всего к увеличению хлебных цен в интересах помещиков в ущерб всему народному хозяйству.

---

[1]) «Русские Записки» № 10, 1916 г., ст. Петрищева.

[2]) Всероссийский союз городов. Экономический отдел. «Твердые цены на хлеб», стр. 13. Петроград, 1916 г.

[3]) Там же, стр. 35.

Однако дальнейшее разложение народного хозяйства, непрерывно развивавшееся в 1915—1916 г., поставило правительство перед необходимостью более решительных мер регулирования продовольственного дела, так как обычные методы получения продуктов через рынок отказывались действовать. Крестьяне и землевладельцы в производящих районах не могли перебросить продукты в потребляющие районы, и, вследствие этого, цены на продукты сельского хозяйства были не только низки, но за них, кроме бумажек, крестьяне на городском рынке могли приобрести лишь ограниченное количество необходимых для их хозяйства товаров. Угроза голода в городах и прекращение снабжения армии вынудило правительство к декретированию продовольственной разверстки. Но и эта мера, принятая уже в момент агонии старого режима, опять-таки проводилась в интересах помещиков и имела не больше успеха, чем все предыдущие регулирующие мероприятия.

«Общественные организации» в «борьбе» с дороговизной

Не более успешны были мероприятия и буржуазных, так называемых «общественных» организаций. Буржуазия, как крупная, так и мелкая, очень много вопила о бессистемности и беспорядочности правительственных мероприятий. Что действия правительства действительно были таковыми и не могли быть иными — это бесспорно. Но крик буржуазии о бессистемности правительственных мероприятий, кроме всего прочего, несомненно скрывал за собой протест против нарушения в некоторых случаях интересов отдельных групп капиталистов. Поэтому деятельность «общественных организаций» выразилась, прежде всего, в резкой критике правительственных мероприятий, которые они квалифицировали как «лишенные юридических основ», «бессистемные» и просто вредные. Зимою 1915 г., когда регулирование продовольственного вопроса только начиналось, большинство комиссий по дороговизне высказалось против «необходимости столь широкого вмешательства государственной власти в продовольственное дело». Они считали это вмешательство не только не желательным, но даже опасным, так как оно «обусловливало принятие на себя правительством в полной мере ответственности за достаточное и равномерное снабжение населения продовольствием при полной неуверенности в возможности исполнения принимаемых на себя в этом направлении обязательств».

Буржуазия предпочитала, чтобы ответственность или, вернее, безответственность за «достаточное и равномерное снабжение населения продовольствием» лежала на ней.

В этом отношении характерна речь известного дельца Рафаловича на втором чрезвычайном с'езде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, состоявшемся 24—28-го апреля 1916 г., в которой он доказывал вред таксировки товаров, «как

меры несвойственной экономической области и вносящей в нее поэтому элементы сильнейшего расстройства», и предлагал ограничиться мерами «устранения тех препятствий, которые мешают свободному течению торгового оборота и проявлению в нем наиболее правильного регулятора цен на основе спроса и предложения» [1]).

Если буржуазия, столь энергично отстаивала свое право на спекуляцию, как «вполне свойственную экономической области» в годы войны, то еще больший протест вызывали у нее правительственные реквизиции. В последнем отношении характерно постановление с'езда военно-промышленных комитетов, состоявшегося 25 — 27-го июля 1915 г. [2]), в котором признавалось, что «реквизиция, как крайнее средство, влекущее за собой расстройство деятельности отдельных предприятий, а иногда и всей торгово-промышленной жизни края, может быть применима лишь в исключительных случаях и с особой осторожностью». Требования буржуазии в области регулирования, снабжения и распределения имели своей подпочвой борьбу буржуазии против тех мер правительства, которые могли нарушить интересы отдельных групп капиталистов, нередко представлявших ядро «общественных организаций». В этой борьбе буржуазия прежде всего заботится о защите своих высоких прибылей. В своей прессе и в резолюциях всевозможных с'ездов она непрестанно подчеркивает, что в существующей хозяйственной разрухе виновато, главным образом, правительство, что рост цен определяется общими экономическими условиями, и что борьба с дороговизной путем репрессивных мер, в отношении торговцев, нарушая законы свободного товарного обращения, лишь ухудшает положение.

Стремлением, с одной стороны, «организовать победу», а с другой — необходимостью устранить стеснения для буржуазии в области товарооборота и об'ясняются требования буржуазии о передаче продовольственного дела в руки общественных организаций. Буржуазные организации созывают с'езды и совещания по вопросам борьбы с дороговизной.

Первый такой с'езд был созван главным комитетом союза городов и состоялся 11—13 июля 1915 г. Состоял он из представителей городских управлений, с приглашенными, кроме того, представителями земств, кооперативов, рабочих организаций и научных обществ [3]).

Второе продовольственное совещание было созвано 3—4 января 1916 г. из представителей местных комитетов союза городов при местных уполномоченных по продовольственному делу [4]).

---

[1]) «Экономическое Обозрение», ст. С. Прокоповича, стр. 106.

[2]) «С'езд представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля» 1915 г., СПБ 1915 г.

[3]) Доверительно. На правах рукописи. Всероссийский с'езд городов. Очерк деятельности Всероссийского с'езда городов. 1914—1915 г.г. Москва. Стр. 148.

[4]) Там же, стр. 154.

Эти экономические совещания по вопросу о дороговизне выработали общий продовольственный план.

Вот как мотивировал необходимость этого плана официальный отчет союза городов: «В военное время свободная торговля и частная инициатива не могут обеспечить снабжения страны продовольствием. Расстройство транспорта, недостаток рабочих, массовые закупки для армии, составляющие огромную долю спроса на продовольственные продукты, нарушают налаженные каналы обращения товаров, расстраивают нормальный товарообмен и вызывают необходимость государственного вмешательства в урегулирование цен, подвоз продуктов, распределение их среди населения, а в некоторых случаях и в производство» [1]).

Эта регламентация по проекту союза городов должна была быть основана на «однообразном учете продовольствия и топлива» и на построении «общей схемы массовых перевозок продуктов первой необходимости, обеспечивающих передвижение грузов по кратчайшим направлениям».

Однако союз городов вовсе не намеревался заменять «частную инициативу» государственной организацией; он считал что «восполнить недостатки частно-хозяйственной деятельности можно лишь при создании центрального продовольственного органа, наделенного чрезвычайными полномочиями».

Гарантией того, что «восполнение недостатков частно-хозяйственной инициативы» не превратится в ущемление частно-хозяйственных интересов, — должен был служить состав этого центрального органа с широким представительством «общественных организаций», опирающихся в своей деятельности на сеть местных органов, созданных по тому же типу.

Союз городов ни в коей мере не думал уничтожить или даже ограничить частную торговлю, однако экономическая необходимость принудила его прибегнуть к подчинению частной торговли «определенной регламентации со стороны продовольственных органов». Как мыслил себе союз городов эти «продовольственные органы», мы уже указывали. Кроме того, не будучи в состоянии, — как организация крупной цензовой буржуазии, — пойти на передачу всего продовольственного дела в руки государства, союз городов выдвинул компромиссный план — «восполнения частной торговой деятельности широким развитием муниципальных и кооперативных операций, которые должны для этого получить содействие и материальную поддержку со стороны государства» [2]).

Как мы уже отмечали, выдвигая требование регулирования частной торговли, буржуазия старалась оградить себя от чрезмерно стеснительной регламентации, которая, по ее словам, могла нарушить «правильное функционирование торговли и промышлен-

[1]) Доверительно. На правах рукописи. Всероссийский с'езд городов. Очерк деятельности Всероссийского с'езда городов. 1914—1915 г. Москва. 1916 г., стр. 148.

[2]) Там же, стр. 149.

ности». Последнее, по мнению отчета Земгора, не только не привело бы к уменьшению дороговизны, но «в некоторых случаях (отчет ссылался на произведенные им анкеты о дороговизне) могло обострить прогрессивный рост цен» [1]).

В том, что «излишняя регламентация вредна», сходилась вся буржуазия. Необходимость борьбы против стеснительных мероприятий правительства отмечал организованный при военно-промышленном комитете продовольственный комитет. Его целью, по заявлению его же руководителей, являлась не столько борьба с дороговизной, сколько борьба с «бесполезными стеснениями торговли». По словам председателя совещания по организации продовольственного дела при военно-промышленных комитетах В. Жуковского, продовольственный отдел военно-промышленного комитета поставил своей задачей прежде всего разрешение вопроса «о полном удовлетворении нужд армии». «Но, вместе с тем, — говорит он, — отдел по мере своих сил, совместно с другими общественными организациями, может оказать содействие устранению некоторых бесполезных стеснений торговли и промышленности, которые являются иногда неизбежным следствием обособленной деятельности ведомственных органов» [2]).

В последнем отношении весьма характерна попытка государственной думы создать при всех важнейших министерствах (военном, торговли и промышленности, главном управлении землеустройства и земледелия, при министерстве путей сообщения) особые совещания с широким представительством буржуазных организаций, которые и должны были взять на себя регулирование хозяйственной жизни страны [3]).

Буржуазия особенно заботилась о том, чтобы в организациях по борьбе с разрухой большинство руководящих мест было занято своими людьми, которые не допустили бы «неосторожных реквизиций, которые приводят к затруднениям в перевозке зерна и топлива и вызывают даже приостановку работы предприятий». Собрание военно-промышленного комитета высказалось за то, чтобы «продовольственный отдел военно-промышленного комитета содействовал обеспечению армии предметами довольствия, но чтобы при этом способы снабжения армии не нарушали интересов гражданского населения страны» [4]).

Таким образом, сущность борьбы буржуазии с дороговизной и ее критики мероприятий правительства заключалась в том, чтобы получить в свои руки регулирование продовольственного вопроса.

---

[1]) Доверительно. На правах рукописи. Всероссийский союз городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов, 1914—1915 г.г. Москва 1916 г., стр. 147.

[2]) II отделение экономической секции ЕГАФ. Дело военно-промышленного комитета, 27-е заседание, 18/VI — 1915 г.

[3]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 1/VIII — 1915 г., стр. 251—253.

[4]) II отделение экономической секции ЕГАФ, дело военно-промышленного комитета, заседание 27-е 18/VI — 1915 г.

Так как это регулирование определяло собой увеличение барышей для одних групп капиталистов и уменьшение их для других, то вполне понятно, что буржуазия, организованная в военно-промышленные комитеты, земский и городской союз и т. п. организации, стремилась овладеть, так же как и в деле распределения военных заказов, регулирующими высотами и в этой области.

Таким образом, борьба вокруг продовольственного дела, как и борьба вокруг регулирования военной промышленности, превращалась для буржуазии в борьбу за власть.

Недаром департамент полиции, по-своему довольно чутко реагировавший на всякие политические претензии буржуазии и склонный частенько видеть даже больше, чем было в действительности, усматривал в требовании буржуазии передать продовольственное дело общественным организациям и организовать центральный комитет по продовольствию (22-го мая 1916 г.) стремление создать «опасную политическую организацию», подобную «Союзу Союзов» 1905 г., с «целями политического характера, направленными к достижению изменения существующего в России государственного строя» [1].

Таким образом, шум, который подняла буржуазия вокруг продовольственного вопроса, в действительности отнюдь не обещал ничего принципиально нового в деле регулирования снабжения и распределения, а выражал лишь ее стремление взять продовольственное дело в свои руки, поскольку ее интересы иногда нарушались теми или иными действиями царского правительства, выражавшими интересы других групп помещиков и капиталистов.

Поэтому, несмотря на то, что руководящие органы буржуазии метали громы и молнии на бездарное правительство за его неуменье справиться с разрухой, за отсутствие плана и т. д., несмотря даже на то, что ее политическая верхушка, в лице кадетов, прекрасно понимала необходимость поступиться временными интересами наживы в интересах общеклассовых,—буржуазные организации ни на шаг не двинули вперед регулирование продовольственного дела. Продовольственная разруха являлась таким же неизбежным спутником войны, как и вся разруха вообще. Поэтому устранение ее было связано с уничтожением ее первопричины — войны, на что, конечно, ни одна группа господствующих классов пойти не могла. Регулирование же в полном об'еме могло быть осуществлено лишь при отмене частной собственности на средства производства и при введении государственной монополии на средства потребления.

Доказательством этому служат те регулирующие мероприятия, которые были проведены Советской властью в годы гражданской войны. Не только в 1917 г., когда буржуазия пришла к власти,

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 343, т. IV, 1916 г.

но и накануне этого года, буржуазия обнаружила полную растерянность, неуменье и нежеланье разрешить продовольственный вопрос. Многочисленные совещания, которые собирались по этому вопросу как в центре, так и в провинции, дальше слов пойти не могли. Начальник московской охранки доносит с злорадством об одном из таких совещаний: «Совещание это явило картину полнейшей растерянности и беспомощности представителей общественности в деле борьбы с экономической разрухой. Обвиняя правительство в отсутствии определенного плана, участники совещания ярко продемонстрировали, что у них у самих нет ровно никакого плана, никакой подготовки для разрешения этого сложного вопроса» [1]. Буржуазия и не проявляла особого стремления бороться с спекуляцией. Хотя охранка и не вполне надежный источник, но полагаем, что в данном случае характеристика, даваемая ею, не так далеко ушла от истины.

«Народившийся новый комитет (продовольственный), — читаем мы в том же донесении, — с первых же шагов должен был констатировать свою мертворожденность, отсутствие точек опоры в общественной среде и, таким образом, бесплодность всех своих планов и начинаний. В настоящее время этот комитет влачит существование в составе полутора десятков членов и не проявляет жизни, занимаясь разработкой каких-то проектов, судьбой которых в московских общественных кругах перестали интересоваться, считая их нежизненными» [2]. Буржуазные общественные организации либо вообще проявляли полную бездеятельность, либо в лучшем случае, как правильно отмечает Шляпников [3], деятельность их заключалась в исправлении недочетов царской продовольственной политики и в попытке «примирения интересов промышленников и помещиков за счет широких масс потребителей».

В департаменте полиции, на основании донесений с мест, был подобран обильный материал, показывающий или полную бездеятельность буржуазных самоуправлений, или, наоборот, их активное участие в спекуляции. Сплошь и рядом поступали донесения о недобросовестных заготовках и поставках городских управлений, которые продают продукты дороже действительной их стоимости [4]. Из Тверской губ. сообщают, что «городское самоуправление, находясь в зависимости от торговцев в избирательном отношении и состоя в большинстве из торговцев, блюдет интересы не насе-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 27, ч. 46, Л. Б., 1916 г., донесение от 12/X — 1916 г.

[2] Там же, дело № 343, т. II, донесение от 19/VII — 1916 г., вх. № 20093.

[3] Шляпников, «Канун революции», стр. 69.

[4] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е, делопроизводство № 167, ч. 51, донесение начальника Одесского губернского жандармского управления от 2/XII — 1915 г., вх. № 37799.

ления, а купцов, что и вызывает в общей массе населения все накапливающееся недовольство»[1]). На ту же заинтересованность городских управлений в спекуляции указывают и другие донесения. Так, начальники жандармских управлений Харьковской, Нижегородской и др. губерний сообщают о росте недовольства населения спекулятивной деятельностью местных общественных организаций. Например, из Волынской губ. пишут, что «в населении упорно держится убеждение в чрезмерности собранных земством запасов, в значительной порче продуктов в земских складах»[2]). Население считает, что этим не только взвинчиваются цены, но и устраняются продукты из оборота. Неудивительно, — говорит автор донесения, — что население именем забравшего все продукты «земства» называет не только собственно земство, но вообще все разнообразные организации, производившие закупки, и реквизиции скота, зерна и др. продуктов»[3]). Как мы увидим далее, революционное движение на продовольственной почве было одинаково направлено как против правительства, так и против буржуазных общественных организаций, которые фактически являлись для буржуазии органами коллективной спекуляции.

Таким образом, подводя итог попыткам, которые делались для регулирования вопроса о снабжении продовольствием как правительством, так и буржуазными организациями, можно сказать, что эта задача в условиях империалистической войны для русской буржуазии оказалась неразрешимой. Война являлась средством колоссального обогащения буржуазии за счет экспроприации широких народных масс. Эта же экспроприация находит себе выражение в дороговизне основных предметов продовольствия и потребления. Если более сильные капиталистические организмы, как, например, Германия, могли осуществить «идеально организованный голод», то эта задача русскому капитализму оказалась не по силам. Попытка регулирования, кроме отдельных бессистемных, мало связанных между собой, мероприятий, ничего не дала. И это понимали, между прочим, и сами представители господствующих классов, которые отстаивали их интересы в целом. Даже департамент полиции, в лице одного из своих жандармов, признавал, что «существующий экономический строй вовсе не приспособлен к таким исключительным условиям, как мировая война»[4]). Разруха в России достигла такой точки, что сами господствующие классы сознавали необходимость сверхкапиталистических мер для выхода из создавшегося глубочайшего хозяйственного кризиса.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело № 167, ч. 78, донесение от 30/IV — 1916 г., вх. № 13173.

[2]) Там же, дело № 167, ч. 49, вх. № 16740.

[3]) Там же, дело № 167, ч. 15, донесение от 19/X — 1916 г.

[4]) Там же, дело № 167, ч. 83, донесение начальника Тульского губернского жандармского управления от 20/X — 1916 г.

Война в корне подорвала устои капиталистического общества, это признавали ярые реакционеры. Известный член государственной думы Шульгин писал в своей записке о деятельности особых совещаний: «Старых устоев, на которых базировалась хозяйственная жизнь страны, почти не существует. О какой «неприкосновенности собственности» можно говорить в то время, когда собственность реквизируют и конфискуют на каждом шагу... Строй экономический, при котором мы сейчас живем, весьма приближается «к некоему обобществлению на основах государственного социализма» [1]. То, что строй капиталический был уже на ущербе, в этом Шульгин был прав. Война подготовила не только крах полукрепостнической царской монархии, но вслед за ней и капитализма: она подготовила наступление социалистической революции.

Это было прекрасно учтено большевиками и прежде всего Лениным при установлении партийной тактики.

Ленин писал: «Нельзя вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистической войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам... [2]. Чтобы дать народу хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство» [3].

Выводы.

Итак, подведем итоги состоянию народного хозяйства во время войны. Мы видим, что в первые месяцы война вызвала в большинстве отраслей сокращение производства и вместе с тем числа рабочих. Лишь со второй половины 1915 г. началось оживление в отраслях, тесно связанных с работой на «оборону».

Однако начавшееся со второй половины 1915 г. промышленное оживление, постольку, поскольку оно было направлено на производство средств уничтожения, само по себе уже несло элементы разрушения народного хозяйства. Промышленное оживление в годы войны неизбежно влекло за собой внутреннее разложение всего народного хозяйства, так как оно шло за счет разрушения основного капитала, за счет непроизводительного потребления и уничтожения материальных ценностей.

---

1) Ленинградский историко-революционный архив. Дело № 367, 1916 г. «Записка члена госуд. думы Шульгина о деятельности особых совещаний».

2) «Ленинский сборник», ч. 2-я, стр. 346.

3) Там же, стр. 321.

Во время войны нарушилось правильное воспроизводство основного капитала и воспроизводство средств потребления. Довольно скоро предприятия начали остро ощущать недостаток предметов оборудования и резкое падение производительности труда, вследствие истощения рабочего класса. Недопроизводство средств производства и сырья, недостаток предметов потребления в условиях разрухи транспорта привели к полному разрыву рыночных связей.

На место свободного товарного оборота, который уже не в состоянии доставить населению и армии необходимые средства потребления, а для промышленности—топливо и сырье, неизбежно выдвигается необходимость регулирования производства и распределения.

Однако это регулирование упиралось в существующие производственные отношения или в имущественные отношения капиталистического строя, которые уже стали оковами для дальнейшего развития производительных сил. Таким образом, революция делалась неизбежной. Война,—говорит Ленин [1]),—породила «невиданной силы кризис», который обострил классовые противоречия, расшатал старый режим, подготовил не только крах монархии, но и всего буржуазного строя. Как мы подчеркивали во введении, Ленин считал необходимым различать две фазы в русской революции—буржуазную и социалистическую.

Война чрезвычайно сблизила задачи совершения в России демократической и социалистической революции [2]). Она открыла возможность начать русской революцией мировую социалистическую революцию.

---

[1]) Н. Ленин, Письма издалека. Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я. стр. 5.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 208.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОЛЕТАРИАТ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Глава вторая

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ВОЙНЫ.

В предыдущей главе мы рассмотрели экономику войны, которая неуклонно вела к гибели старого порядка и к краху капитализма. Война революционизировала народные массы и подготовила свержение самодержавия; в то же время разложение хозяйства выдвинуло такие задачи, которые не могли быть разрешены в рамках капиталистического строя. Империалистическая война, обнаружив глубочайшие противоречия капитализма, выдвинула задачу социалистической организации производства и распределения, которое мог осуществить только пролетариат. Нам и предстоит теперь рассмотреть, как развивалось массовое революционное движение и прежде всего классовая борьба пролетариата в условиях войны — как подготовлялась рабочая революция.

Для уяснения этого остановимся прежде всего на экономическом положении рабочего класса.

Изменение числа и состава рабочих.

В предыдущей главе мы рассмотрели влияние войны на промышленность. Мы видели, что в связи с войной больше всего пострадали мирные отрасли, более связанные с рынком широкого потребления, как, например, текстильная промышленность и особенно — полиграфическая; сравнительно мало пострадали в 1914—1915 г.г. металлообрабатывающая, химическая, а также добывающая — горнозаводская и нефтяная промышленности.

Различное состояние отраслей промышленности имело непосредственное влияние на положение занятого в них пролетариата.

В отраслях, тесно связанных с войной, число рабочих, после упадка в первые месяцы войны, со второй половины 1915 г. растет до конца 1916 г., когда уже начинается неуклонное падение. К 1917 г. в химической промышленности число рабочих увеличивается на 9,4% против 1913 г., в нефтяной — на 10,3%, в металлообрабатывающей — на 41,6%.

Война оказала громадное влияние и на изменение самого состава рабочих. Постоянные призывы в армию отвлекали от промышленности наиболее здоровую рабочую силу, которая заменялась трудом женщин и детей. Для иллюстрации изменения состава рабочих за годы войны возьмем данные хотя бы по двум характерным отраслям производства — по хлопчато-бумажной и металлической.

Изменение состава рабочих за годы войны[1]).

Годы.	Всего рабочих в данных отраслях промышленности.	В том числе							
		Мужчин.		Женщин.		Подростков.		Малолетних.	
		в абсолют. цифрах.	В %	в абсолют. цифрах.	В %	в абсолют. цифрах.	В %	в абсолют. цифрах.	В %
		По обработке хлопка.							
1913	496.403	195.400	39,4	250.790	50,5	44.596	9,0	5.617	1,1
1914	484.128	177.631	36,7	254.333	52,5	45.563	9,4	6.596	1,4
1915	478.101	146.599	30,7	271.452	56,8	51.403	10,8	8.747	1,7
на 1-е янв. 1917	458.758	115.634	25,2	280.133	61,0	51.067	11,1	11.294	2,7
		По обработке металлов.							
1913	323.469	277.667	85,8	14.586	4,5	29.936	9,3	1.254	0,4
1914	342.450	292.596	85,4	16.913	4,9	31.437	9,2	1.548	0,5
1915	416.554	329.179	79,0	42.464	10,2	41.739	10,0	3.173	0,8
на 1-е янв. 1917	546.117	393.639	72,0	88.391	16,2	57.943	10,6	6.144	1,2

Как видим, в текстильной промышленности, где всегда преобладали женщины, число их, составлявшее еще в 1913 г. 50% общего числа рабочих, к 1-му января 1917 г. достигает 61%.

В металлообрабатывающей промышленности, где женский труд вообще находил себе значительно меньшее применение, мы видим увеличение числа женщин с 4,5% до 16,2%.

Аналогично увеличивается и процент занятых в промышленности подростков и малолетних. Число последних в хлопчато-

[1]) Таблица составлена на основании данных «Статистического Сборника» за 1913—1917 гг., стр. 4, 5, графа 1 б; стр. 14, 15, 16, 17, 18, графа VIII а, VIII в, VIII с; стр. 39, гр. I и VIII.

бумажной промышленности с 1,1% в 1913 г. повышается к 1-му января 1917 г. до 2,7%. В металлообрабатывающей промышленности число подростков возрастает с 9,3% в 1913 г. до 10,6% к 1917 г.

Таковы средние данные по предприятиям хлопчато-бумажной и металлообрабатывающей промышленности. Аналогичное сокращение мужского труда и замена его женским происходит и в остальных отраслях. Так, например, в полиграфическом производстве до войны женский труд составлял 22,8%, а уже к концу 1915 г. — 34,8%.

В предприятиях по обработке животных продуктов до войны число женщин составляло 22,2%, к концу же 1915 г.—74,1%.

Помимо применения женского и детского труда, в составе пролетариата происходит другое существенное изменение. За годы войны с заводов были забраны на фронт подлинные пролетарии, и их места заняли выходцы из мелкобуржуазной среды с целью воспользоваться отсрочками, предоставляемыми предприятиям, работающим на оборону. Такое изменение состава рабочих не могло не оказать влияния на всю борьбу рабочего класса, создавая известный базис для проникновения в рабочую среду мелкобуржуазных влияний и воздействия на нее меньшевиков и гвоздевцев.

Помимо изменения состава рабочих, война внесла резкие изменения и в экономическое положение рабочего класса.

Заработная плата.

Мы уже говорили в предыдущей главе, что вся война велась фактически за счет широких народных масс и прежде всего пролетариата. Само покрытие связанных с войной расходов путем эмиссии и займов предопределяло обложение основных предметов народного потребления за счет его сокращения. Помимо экспроприирующего значения эмиссии, тесно связанной с войной, громадное влияние имела вся финансовая система царизма, именно покрытие расходов в значительной мере за счет косвенных налогов. Если в 1913 г. косвенные налоги составляли 20,7% всех поступлений, то в 1916 году они повысились до 35,6%, т.-е. увеличились более, чем в полтора раза. Таким образом вся тяжесть налогового бремени ложилась па трудящиеся массы.

Экспроприирующее влияние войны на пролетариат в первые же месяцы выразилось в падении реальной заработной платы, особенно в отраслях, развернувшихся в связи с войной и связанных с работой на оборону. Изменение зарплаты рабочих во время войны по всем отраслям выражается следующей таблицей [1]).

[1]) Большинство приводимых в этом разделе таблиц о заработной плате заимствовано или составлено на основании работы Струмилина «Заработная плата и производительность труда».

Месячный заработок.

Периоды.	Номинальный в бумажных рублях.		Реальный в товарных рублях.	
	Абсолютный.	Относительный.	Абсолютный.	Относительный.
1913 г.	22,0	100,0	22,0	100,0
1914 „ 1-я пол. . . .	22,1	100,4	22,1	100,4
„ „ 2-я „	22,2	100,9	20,5	93,2
1915 „ 1-я „	24,1	119,5	20,1	91,4
„ „ 2-я „	29,5	134,0	21,1	95,9
1916 „ 1-я „	36,0	169,0	21,7	98,6
„ „ 2-я „ . . .	45,0	204,5	18,7	85,0

Как мы видим, номинальный заработок, начиная с 1913 г., увеличился к концу 1916 г. почти в 2 раза. Если до войны рабочий в среднем ежемесячно получал 22 руб., то теперь он получает 45 рублей. Однако покупательная способность рубля упала за годы войны более чем в 2 раза, поэтому реальный заработок в самом деле не увеличился, а уменьшился. Если в 1913 г. он равнялся 22 рублям, то в 1916 г. он спускается до 18,7 руб., т. е. уменьшается на 15%.

При этом оказывается, что в общем заработная плата далеко не равномерно распределялась по всей России. Сравнение заработной платы Петрограда и Москвы со всей Россией оказывается в пользу столичных городов, особенно первого, что можно видеть из следующей таблицы:

Средний месячный заработок.

Годы.	В товарных рублях.			В % к 1913 году.		
	По всей России.	В Петрограде.	В Москве.	По всей России.	В Петрограде.	В Москве.
1913	22,0	34,7	27,1	100,0	100,0	100,0
1914	21,3	37,6	26,1	96,9	111,2	96,6
1915	20,6	38,9	27,9	93,6	112,1	102,9
1916	20,1	35,2	24,4	91,8	101,4	90,0
1917	16,6	26,1	19,8	75,8	75,2	73,0

Как видим, реальный заработок рабочих по всей России с первого же года войны начал медленно, но неуклонно понижаться, дойдя в 1916 г. до 91,8%, а в 1917 г. — до 75,8% довоенной платы. Однако по различным районам это падение распределялось далеко не равномерно и происходило не одновременно. Как показывает таблица, война сразу отозвалась повышением заработков петроградских рабочих, зарплата которых к 1915 г. дает повышение на 12,1% против довоенного времени, но уже с 1916 г. начинает резко падать.

В Московском районе падение зарплаты началось с первого же года войны. Лишь в 1915 г. замечается незначительное повышение, сменяющееся в 1916 г. новым падением до 90%, а к 1917 г. — до 73% зарплаты 1913 г.

Различие в изменении заработной платы в Москве и Петрограде предопределялось преобладанием различных отраслей производства в этих районах, именно: текстильной — в Московском и металлообрабатывающей — в Петроградском.

В то время как почти во всех отраслях промышленности реальная заработная плата в начале войны падала, — у металлистов в первые два года войны наблюдалось повышение ее. Лишь с 1916 г. положение металлистов начинает резко ухудшаться: повышательная тенденция заменяется понижательной, при чем в 1917 г. темп понижения зарплаты питерских рабочих-металлистов обгоняет темп общероссийского и московского. У питерцев зарплата в течение одного 1917 г. уменьшилась на 26,2% против 1916 г., у московских рабочих — на 17%, а по всей России — на 16%.

Это падение должно было чувствоваться металлистами тем более остро, что в предшествовавшие годы зарплата их стояла сравнительно высоко. Резкое падение реальной зарплаты в Петрограде в конце 1916 г. и в начале 1917 г. несомненно способствовало росту революционности питерских рабочих.

Итак, уже при беглом обзоре движения заработной платы в двух главных промышленных центрах: в металлообрабатывающем — Петрограде и в текстильном — Москве, мы видим, что движение заработной платы в различных отраслях было неодинаково.

Изменение заработной платы по отраслям промышленности.

Колебание заработной платы в различных отраслях промышленности можно видеть из следующих таблиц (см. таблицы на стр. 55, 56).

Рассмотрение таблиц показывает, что отрасли, наиболее тесно связанные с войной, к началу 1916 г. дают некоторое повышение заработной платы против довоенной: в металлообрабатывающей промышленности — на 7,1%, в производстве машин и инстру-

Абсолютная заработная плата в товарных рублях.

Группы производств.	Годы.				
	1913	1914	1915	1916	1917
Добывание и обработка камней и глины	240	221	189	178	129
Горная и горнозаводская промышленность	268	241	205	251	157
Металлообрабатывающая промышленность	357	360	384	382	291
Производство машин, инструментов и аппаратов	446	458	525	487	335
Химическая промышленность	313	371	328	379	403
Производство пищевых продуктов и напитков	211	205	198	208	190
Обработка твердых материалов животного происхождения	305	308	297	301	229
Кожевенная и меховая промышленность	269	300	315	291	200
Обработка хлопка	206	197	212	199	212
„ шерсти	190	178	179	169	202
„ шелка	242	185	195	173	89
„ льна	171	177	181	168	188
„ пеньки	216	223	248	253	180
„ смешанных волокнистых веществ	274	285	365	289	237
Одежда и туалет	297	296	312	344	311
Обработка бумаги	238	237	269	198	216
Полиграфическое производство	512	488	439	395	384
Производство и передача физических сил и водоснабжение	432	442	444	343	208
Художественная и прикладная промышленность	526	567	553	403	379

Реальная заработная плата в %% к 1913 г.

Группы производств.	Годы.				
	1913	1914	1915	1916	1917
Добывание и обработка камней и глины	100	92,2	78,7	74,1	53,7
Горная и горнозаводская промышленность	100	89,5	76,4	93,6	57,4
Металлообрабатывающая промышленность	100	100,8	107,8	107,7	81,5
Производство машин, инструментов и аппаратов	100	102,6	115,7	109,1	75,1
Обработка дерева	100	114,8	106,2	100,0	64,0
Химическая промышленность	100	118,5	104,7	121,0	128,7
Производство пищевых продуктов и напитков	100	97,6	93,8	98,5	90,0
Обработка твердых материалов животного происхождения	100	100,9	97,3	98,6	75,4
Кожевенная и меховая промышленность	100	111,4	117,4	108,1	74,8
Обработка хлопка	100	95,6	102,9	96,6	102,9
„ шерсти	100	93,6	94,2	83,6	106,3
„ шелка	100	76,4	80,6	71,4	36,7
„ льна	100	103,5	205,8	98,7	109,9
„ пеньки	100	103,7	114,8	117,1	83,3
„ смешанн. волокнист. веществ.	100	104	132,2	105,4	86,1
Одежда и туалет	100	99,6	105,0	115,8	104,3
Обработка бумаги	100	99,5	87,8	83,1	90,7
Полиграфическое производство	100	93,3	85,7	77,1	75,3
Производство и передача физических сил и водоснабжение	100	102,3	102,7	79,6	48,1
Художественная и прикладная промышленность	100	107,7	105,1	76,6	72,0

ментов — на 9,1%; наибольшее повышение дает химическая — на 21%, производство одежды и туалета, т.-е., главным образом, пошивочные мастерские на армию — 16%. В противоположность этим, преимущественно военным, отраслям, более «мирные» отрасли промышленности, как правило, дают большее или меньшее падение заработной платы. Особенно сильное падение наблюдается в текстильной промышленности: шелковая промышленность дает к 1916 г. падение на 28,6%; шерстяная — на 16,4%. Значительно меньшее падение в хлопчатобумажной и льняной промышленностях, больше приспособившихся к войне: именно, в первой — на 3,4% и во второй — на 1,3%. Характерным является падение заработной платы в полиграфическом производстве, менее всего связанном с войной: здесь падение уже к 1916 г. доходит до 77% зарплаты 1913 г., т.-е. сокращение достигает 23%.

Если на основании приведенных выше таблиц проследить изменение заработной платы в разных отраслях промышленности по годам, то оказывается, что для некоторых из них, как, напр., для машиностроительной, кожевенной, хлопчато-бумажной, льняной, рекордным годом по высоте заработной платы является 1915 г., для других же, как, напр., для горной и химической — 1916 г. В последней, между прочим, зарплата особенно сильного под'ема достигает в 1917 году, в то время как почти во всех остальных отраслях она в это время значительно падает.

Однако было бы неправильно об'яснять повышение заработной платы в производствах, связанных с работой «на оборону», тем, будто капиталисты «делились» своими прибылями с рабочими. Повышение заработной платы шло за счет увеличения нагрузки и эксплоатации рабочего, за счет увеличения сверхурочных работ.

Это признавала и охранка, которая неоднократно отмечала этот факт в своих донесениях; на это указывалось и в государственной думе. Меньшевик Хаустов в речи по поводу событий на Путиловском заводе особенно подчеркивал, что если и было повышение зарплаты, то оно шло за счет сверхурочных работ: «Повышение же заработка в некоторых отраслях промышленности достигается путем такой интенсификации труда и удлинения рабочего времени, что неизбежное при этом изнурение рабочих масс равносильно по своим последствиям истощению от недоедания» [1].

Если в общем итоге заработная плата в некоторых отраслях промышленности даже несколько повысилась, то оплата урочного часа понизилась. В этом отношении чрезвычайно интересны данные об оплате урочного часа, приводимые Струмилиным по минному и торпедному

---

[1]) Стенографические отчеты госуд. думы IV созыва, сессия IV, ч. 2-я, стр. 2837—2846, закрытое заседание 7/III—1916 г.

заводу Парвиайнен, типичному для тех предприятий, положение которых было во время войны наиболее благоприятным.

Несмотря на то, что этот завод получал от войны колоссальные барыши, здесь, как мы увидим далее, заработная плата за урочный час повысилась значительно меньше, чем общая сумма заработка рабочих, а у квалифицированных рабочих даже понизилась, в то время как общий заработок увеличился. Последнее подтверждает то положение, что частичное увеличение заработной платы шло за счет увеличения нагрузки и эксплоатации рабочего. Не приходится доказывать, что наибольшей эксплоатации подвергался самый беззащитный и неорганизованный элемент — женщины и дети. На-ряду с эксплоатацией женщин и детей капиталисты широко пользовались применением дешевого труда военно-пленных и иногда даже китайцев. Из Китая ввозились целые партии желтокожих рабов.

Было приостановлено даже жалкое российское фабричное законодательство, действовавшее до войны. Были уничтожены все «законные» преграды для нещадной эксплоатации женщин и детей. Рабочее время увеличилось, возросла и нагрузка: были введены вновь прежде ограниченные ночные работы. Для исполнения заказов военного ведомства фабричное присутствие разрешило фабрикантам занимать женщин и подростков сверхурочной работой. Эти ночные работы широко практиковались на суконных и льно-прядильно-ткацких фабриках [1]).

Увеличение применения женского и детского труда позволяло предпринимателям значительно выигрывать на заработной плате, так как оплата женского и детского труда по сравнению с мужским за годы войны падает.

На-ряду с относительным (в сравнении с зарплатой мужчин) падением заработной платы женщин-работниц падает и их абсолютная реальная заработная плата, в то время как эксплоатация их увеличивается. Если в 1914 г. работница получала в среднем 72 коп. (товарных), то в 1916 г. ее заработок опускается до 62 коп., т.-е. уменьшается на 13,9%, при чем более всего падает заработок женщин-подростков и детей: у взрослых работниц он упал на 10,6%, а у малолетних — на 18,1% [2]).

В результате падения зарплаты, крайне изнурительного труда, продовольственной разрухи и ухудшения питания рабочих — разрушается рабочая сила. Необычайно повышается заболеваемость рабочих. В своей депутатской речи меньшевик Туляков говорит: при такой продолжительности рабочего дня, как 12 и 14 часов, при такой неимоверной дороговизне заработная плата и труд являются величинами совершенно несоразмерными. Отсюда и громадная заболеваемость рабочего. На Франко-Русском заводе

---

[1]) С. Прокопович, «Война и народное хозяйство», стр. 122.

[2]) Струмилин, «Заработная плата и производительность труда», стр. 8.

заболеваемость в среднем от 47 до 60%; на Металлическом и на «Треугольнике» — 87%; на «Вулкане» — до 110% и т. д. [1]).

Аналогичные данные по Путиловскому заводу приводил и другой депутат, с.-д. Хаустов, который указывал на значительный рост заболеваемости рабочих с первых же месяцев войны. «Точно так же параллельно этому поднимается и процент увечий среди рабочих. За весь 1914 год всех увечий и заболеваний на Путиловском заводе было 85,1%, за девять месяцев 1915 г. эта цифра поднялась до 98,27%, т.-е. в течение девяти месяцев из сотни рабочих оставались совершенно здоровыми только два человека» [2]).

Интересно еще остановиться на том, как повлияла война на соотношение заработков рабочих в разных отраслях: способствовала ли она выравниванию их или же, наоборот, еще большему различию.

Если проследить изменения в соотношении заработной платы у металлистов и текстильщиков, то оказывается, что довольно значительная и в довоенные годы разница в заработке между ними во время войны увеличивается еще больше. Если до войны металлист получал в 2,1 раза больше текстильщика, то к началу 1916 г. он получал почти в три раза больше, что можно видеть из следующей таблицы:

Годы		Отношение оплаты металлистов к оплате текстильщиков.
1914	1-я половина	2,15
	2-я „	2,27
1915	1-я „	2,27
	2-я „	2,71
1916	1-я „	2,95
	2-я „	2,62

Характерно, что в таком же выгодном положении по отношению к текстильщикам оказался ряд других отраслей, главным образом связанных с работой на войну; наглядной иллюстрацией этого может служить следующая таблица (см. табл. на стр. 60).

Таблица показывает, что все без исключения отрасли промышленности, связанные с работой на оборону, как, например, химическая, деревообделочная, металлообрабатывающая, обработка животных продуктов (кожевенная), пищевых и вкусовых веществ (свекло-сахарная, консервная), — все они дают к 1916 г. повышение против довоенного соотношения их заработка с заработком текстильщиков. Другую картину дает, например, сравнение соотношения заработка текстильщиков и печатников, со-

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. 3-я, заседание 22/III—1916 г., стр. 3777. (Проценты здесь, очевидно, исчислены по амбулаторной статистике обращения рабочих к врачебной помощи.)

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. 2-я, стр. 2837—2846, закрытое заседание 7/III — 1916 г.

Поденный заработок фабрично-заводских рабочих за июнь 1914—1916 г.г.

(В довоенной валюте.)

Группы производств.	В копейках.		В % к заработку текстилей.	
	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.
1. Обработка волокна	80	62	100	100
2. „ пищевых и вкусовых веществ	88	75	110	119
3. Обработка минеральных веществ	103	78	129	124
4. Производства бумажное и полиграфическое	112	85	140	135
5. Химические производства . .	112	106	140	168
6. Обработка животных продукт.	127	115	159	183
7. „ дерева	128	130	160	207
8. Добывающая промышленность	136	81	170	129
9. Электрическая „	166	122	208	194
10. Обработка металлов	185	170	232	270
В среднем по всем группам .	107	99	134	157

вершенно не связанных с работой на оборону, до войны и в военное время. Если до войны заработок рабочего полиграфического производства составлял 140% заработной платы текстильщика, то к 1916 г. он равняется лишь 135%, и это при общем падении заработной платы текстильщиков на 22,5%.

Примерно, то же самое получается при сравнении заработной платы квалифицированных рабочих другой «мирной» отрасли — электротехнической—с заработком текстильщиков. Если в 1914 г. заработок этих рабочих в %% к заработку текстильщиков составлял 208, то к 1916 г. он падает до 194. Таким образом, если текстильщиков считать менее квалифицированными рабочими, нельзя сказать, что война улучшила вообще положение квалифицированных рабочих. Наоборот, в каждой почти отрасли положение квалифицированных рабочих значительно ухудшилось, особенно по сравнению с чернорабочими.

Заработная плата квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

В работе Струмилина [1]) мы находим интересное распределение заработной платы рабочих различной квалификации, в частности соотношение заработной платы рабочих крайних полюсов: высоко квалифицированных и чернорабочих по заводу Парвиайнен.

Заработки рабочих по заводу Парвиайнен в Петрограде за месяц в товарных рублях.

Даты.	По всему заводу.			Токаря.	Чернорабочие.
	Средний заработок.				
	Число рабочих.	Абсолют.	%%	Реальная.	Реальная.
Июнь 1914 г.	—	41,6	100	69,28	31,5
Сентябрь 1915 г.	5.494	60,5	145	80,8	52,9
Октябрь „	5.897	57,5	138	79,7	52,2
Ноябрь „	6.403	60,0	144	79,3	47,8
Декабрь „	6.793	57,1	137	80,9	48,9
Январь 1916 г.	7.217	55,7	134	84,6	49,6
Февраль „	7.068	56,4	135	84,6	46,3
Март „	7.913	64,1	154	95,7	52,6
Апрель „	7.918	53,6	129	87,9	44,5
Май „	7.908	56,3	135	81,5	48.7
Июнь „	7.705	57,1	137	86,1	48,9
Июль „	7.679	58,6	141	89,6	48,6
Август „	7.817	54,0	130	84,4	43,1
Сентябрь „	7.685	48,3	116	73,7	41,6
Октябрь „	7.601	40,2	97	62,0	33,2
Ноябрь „	7.666	46,3	111	66,3	41,4
Декабрь „	7.500	47,6	114	82,5	40,2

[1]) Струмилин, «Заработная плата и производительность труда».

Как видно из таблицы, заработок токарей повышается значительно меньше, чем заработок чернорабочих. Если заработок токарей в момент наивысшего под'ема в марте 1916 г. достигает повышения на 38,5%, то заработок чернорабочих в том же месяце увеличивается на 66,9% по отношению к довоенному.

Значительное повышение заработков чернорабочих по сравнению с квалифицированными рабочими, положение которых во время войны значительно улучшилось, выявляется при рассмотрении заработка этих двух групп за урочный час.

Средняя оплата урочного часа в Петрограде на заводе Парвиайнен в копейках.

Даты.	Всех рабочих. Номинальная.	Всех рабочих. Реальная.	Токарей. Номинальная.	Токарей. Реальная.	Чернорабочих. Номинальная.	Чернорабочих. Реальная.	Отношение к оплате чернорабочих. Платы. Токарей.	Отношение к оплате чернорабочих. Платы. Всех рабочих.
Июнь 1914 г.	19,7	19,7	47,4	47,4	14,5	14,5	3,27	1,36
Сентябрь 1915 г.	43,7	28,7	59,3	39,0	34,0	22,4	1,74	1,29
Октябрь „	44,2	28,9	62,7	41,0	35,7	23,3	1,76	1,24
Ноябрь „	44,1	27,9	59,9	37,9	34,2	21,6	1,75	1,29
Декабрь „	45,8	27,8	66,8	40,5	36,7	22,2	1,82	1,25
Январь 1916 г.	48,4	27,8	71,7	41,2	35,6	20,5	2,02	1,36
Февраль „	49,0	28,2	74,8	43,0	36,5	21,0	2,05	1,34
Март „	52,0	29,4	78,9	44,6	38,4	21,7	2,05	1,35
Апрель „	53,2	29,9	85,7	48,1	39,5	22,2	2,17	1,35
Май „	54,9	29,2	84,9	45,2	42,1	22,4	2,02	1,30
Июнь „	59,0	27,7	86,5	40,6	45,3	21,3	1,91	1,30
Июль „	60,2	27,1	85,3	38,4	45,5	20,5	1,88	1,32
Август „	60,4	26,8	96,7	43,0	43,8	19,5	2,21	1,38
Сентябрь „	62,7	24,9	98,6	39,1	47,0	18,7	2,10	1,33
Октябрь „	62,7	23,7	103,1	38,9	45,3	17,1	2,28	1,38
Ноябрь „	67,1	23,5	102,4	35,9	52,4	18,4	1,95	1,28
Декабрь „	71,1	24,3	108,7	37,2	54,5	18,7	2,00	1,30

Как показывают приводимые данные, заработок всех рабочих в довоенных копейках за урочный час дает повышение с 19,7 коп. в июне 1914 г. до 29,9 коп., как максимума, в апреле 1916 г. На этом уровне он продолжает держаться до августа — сентября 1916 г., когда начинается его падение.

Таблица оплаты урочного часа показывает, что этот заработок неравномерно распределяется между различными группами рабочих. Оплата за урочный час у токарей не повысилась, а понизилась (при под'еме вследствие увеличения нагрузки общей суммы заработка). Если в июне 1914 г. токарь получал 47,4 коп. за урочный час, то в сентябре 1915 г. он получает 39 коп., а, как максимум, в апреле 1916 г. — 48,1 коп.[1]).

Совсем иная картина у чернорабочих. Заработки чернорабочих за все время войны до 1917 г. за все без исключения месяцы стоят выше довоенного уровня. Если в июне 1914 г. заработок чернорабочих за урочный час составлял 14,5 коп., то в сентябре 1915 г. он равнялся уже 22,4 коп., в октябре того же года — 23,3 к. В пределах 20 коп. заработок чернорабочих продолжает держаться до самой осени 1916 г.; лишь с конца 1916 г., в связи с общим резким упадком заработной платы, он также начинает падать. Но и после начавшегося во всех отраслях падения заработок чернорабочих все же держится на уровне выше довоенного.

Таким образом, в отличие от квалифицированных рабочих у чернорабочих дает повышение не только помесячный валовой заработок, но и оплата урочного часа.

«Ножницы» заработной платы квалифицированных рабочих и чернорабочих за годы войны сближаются. В годы гражданской войны они сблизились почти совсем. Если в довоенные годы расхождение этих ножниц равнялось 3,27, т.-е. заработок квалифицированных рабочих превышал заработок неквалифицированных в 3,27 раза, то уже в первые месяцы войны «ножницы» эти сжимаются до 1,74 и до конца 1916 г. держатся, примерно, под углом расхождения, равным 2.

Повышение заработка чернорабочих вполне понятно. До войны заработок этой группы пролетариата держался на низком уровне вследствие притока из деревни пролетаризующегося крестьянства, которое в первую голову и заполняло кадры чернорабочих. Война же, повлекшая за собой призыв в армию значительной части взрослого мужского населения, должна была способствовать повышению заработной платы чернорабочих.

---

[1]) Напомним, что при этом понижении оплаты урочного часа месячный заработок рабочих повышается на 38%. Не приходится доказывать, что повышение заработков рабочих происходило исключительно за счет повышения нагрузки и эксплоатации.

Мы так подробно остановились на вопросе о заработной плате потому, что, как мы увидим далее, характер стачечного движения, если не целиком, то в значительной степени, определялся именно ею. В большинстве отраслей кривая стачечного движения, как экономического, так и политического, находится в непосредственной зависимости от кривой заработной платы. Именно, периоды ее под'ема большею частью сопровождались временным затишьем стачечного движения и обратно: периоды падения заработной платы — обострением стачечной борьбы.

Различие в экономическом положении рабочих разных отраслей и разной квалификации оказывало громадное влияние на общий характер революционной борьбы пролетариата.

Если рабочие тех отраслей промышленности, которые наиболее пострадали от войны, как, например, текстильщики и печатники, особенно упорно боролись за сохранение своего заработка на прежнем уровне, то рабочие производств, приспособившихся к работе на «оборону», например, металлисты, вели наступательную борьбу, идя во главе политической борьбы.

Изменение экономического положения различных групп рабочих не оставалось без влияния и на их политическую позицию.

Например, увеличение заработка неквалифицированных рабочих и прежде всего чернорабочих, ряды которых пополнялись выходцами из деревни, создавало почву для укрепления в годы войны среди некоторой части этого слоя пролетариата оппортунистических влияний.

Наиболее отсталая часть чернорабочих вместе с рабочей аристократией и составляла основные кадры, доступные воздействию гвоздевщины и мелкобуржуазных влияний.

Однако под'ем и в отраслях, связанных с работой на оборону, продолжался недолго. Если в первые месяцы войны заработная плата, хотя и за счет усилившейся эксплоатации и нагрузки, обгоняла еще рост дороговизны, то со второй половины 1916 г., при резко обострившемся продовольственном кризисе, когда уже выявились явные признаки агонии старого порядка, заработная плата по всем отраслям начала резко падать. Это и послужило одной из предпосылок роста революционного движения.

Итак, подведем итоги рассмотрению экономического положения рабочего класса в годы войны.

В о й н а в ы з в а л а з н а ч и т е л ь н о е и з м е н е н и е с о с т а в а р а б о ч и х, в с л е д с т в и е з а м е н ы п р и з в а н н ы х в а р м и ю м у ж ч и н ж е н щ и н а м и, д е т ь м и и в ы х о д ц а м и и з м е л к о б у р ж у а з н ы х с л о е в. В о й н а р е з к о у х у д ш и л а п о л о ж е н и е р а б о ч е г о к л а с с а, о с о б е н н о в о т р а с л я х, н е с в я з а н н ы х с в о е н н ы м и з а к а з а м и.

Х о т я в п р о и з в о д с т в а х, р а б о т а ю щ и х н а «о б о р о н у», в а л о в о й м е с я ч н ы й з а р а б о т о к и у в е л и ч и л с я, н о э т о у в е л и ч е н и е ш л о з а с ч е т б о л ь ш е й н а г р у з к и,

сверхурочных работ и повышения интенсивности труда.

Изменение состава рабочих, повышение заработной платы в отраслях, работающих на войну, особенно у чернорабочих, создавали предпосылки для меньшевистского, оппортунистического влияния на наиболее отсталую часть пролетариата.

Однако утомление войной и рост экономической разрухи, на-ряду с падением заработной платы, со второй половины 1916 г. все больше должны были парализовать меньшевистское влияние, создавая предпосылки для революционного, большевистского рабочего движения.

Глава третья

ОБЩИЙ ОЧЕРК СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Общий обзор.

В предыдущей главе мы рассмотрели экономическое положение пролетариата в годы войны. Теперь рассмотрим, как отразилась война на его экономической и политической борьбе. Общая картина стачечного движения выражается таблицей [1]), составленной на основании данных фабричной инспекции. Для наглядности данные этой таблицы мы перенесли на отдельную диаграмму [2]).

Как можно видеть из таблицы и диаграммы, война привела к резкому сокращению стачечного движения. Если накануне войны, именно в мае 1914 года, число стачечников достигало внушительной цифры в 325 тысяч, то с началом войны оно понижается и держится в последние 3 месяца 1914 г. на уровне 1—2—2½ тысячи. Новая повышательная тенденция в стачечном движении намечается лишь только с января 1915 г. В феврале число стачечников подымается уже до 23 тысяч, в марте несколько падает (до 15 тыс.) с тем, чтобы снова подняться к июлю до 80 тысяч. После июльского затишья стачечное движение достигает своего максимума для 1915 г. в августе — сентябре, когда развертывается сентябрьская стачка, которая охватывает почти 114 тысяч забастовщиков. Как мы увидим далее, эта стачка явилась с начала войны первым серьезным потрясением буржуазно-помещичьего строя. После сентября наступает некоторое затишье, которое сменяется новым, еще более сильным под'емом в начале 1916 г., когда число бастующих достигает почти 130 тысяч.

---

[1]) См. таблицу № 1 на стр. 66—67.
[2]) См. приложение, диагр. № 1.

Таблица № 1.

Месяцы.	Общее количество всех стачек.			Экономические стачки.				Политические стачки.			
	Число.			Число.				Число.			
	Стачек.	Стачечников.	Потерянных дней.	Стачек.	Стачечников.	Потерянных дней.		Стачек.	Стачечников.	Потерянных дней.	
						Всего.	На одного стачечника.			Всего.	На одного стачечника.
1914 г.											
Август	24	24.688	142.723	22	22.738	142.123	6,25	2	1.950	600	0,30
Сентябрь . . .	10	4.661	7.831	10	4.661	7.831	1,68	—	—	—	—
Октябрь . . .	9	1.153	1.285	9	1.153	1.285	1,11	—	—	—	—
Ноябрь	16	2.646	6.294	11	1.751	5.461	3,11	5	895	833	0,93
Декабрь . . .	9	1.604	2.098	9	1.604	2.098	1,30	—	—	—	—
1915 г.											
Январь	20	8.853	16.733	14	6.814	14.760	2,17	6	2.039	1.973	0,96
Февраль . . .	28	23.107	92.831	21	19.609	90.213	4,60	7	3.498	2.618	0,74
Март	26	15.368	31.136	20	10.409	29.935	2,87	6	4.959	1.201	0,24
Апрель	104	35.727	263.667	103	35.507	263.447	7,41	1	220	220	1,00
Май	162	59.055	212.294	149	57.732	211.372	3,66	13	1.323	922	0.69
Июнь	164	80.054	228.173	162	76.930	226.165	2,94	2	3.124	2.008	0.61

Июль	90	27.827	75.309	90	27.827	75.309	2,71	—	—	—	—
Август	76	54.625	102.456	26	10.696	41.109	3,84	50	43.929	61.347	1,39
Сентябрь . . .	184	113.866	224.482	69	26.245	82.484	3,14	115	87.621	141.998	1,62
Октябрь . . .	79	77.992	337.123	71	75.935	334.842	4,41	8	2.057	2.281	1,10
Ноябрь	54	39.543	249.400	48	33.437	243.477	7,28	6	6.106	5.923	0,97
Декабрь . . .	47	17.077	51.820	46	16.118	51.248	3,18	1	959	572	0,59
1916 г.											
Январь	166	128.450	525.570	128	74.961	469.085	6,26	38	53.489	56.485	1,06
Февраль . . .	108	91.978	586.396	104	82.528	579.396	7,02	4	9.450	7.000	0,74
Март	107	98.435	336.374	61	47.792	222.893	4,66	46	50.643	113.481	2,34
Апрель	157	112.449	372.838	150	96.302	295.052	3,06	7	16.147	77.786	4,82
Май	154	118.198	769.227	153	117.448	768.477	6,46	1	750	750	1,00
Июнь	123	100.329	595.888	118	90.459	581.357	6,43	5	9.870	14.531	1,47
Июль	82	76.517	349.054	81	64.402	325.448	5,05	1	12.115	23.606	1,95
Август	104	46.919	155.620	97	38.491	147.920	3,84	7	8.428	7.700	0,91
Сентябрь . . .	88	46.850	166.868	88	46.850	166.868	3,56	—	—	—	—
Октябрь . . .	198	187.134	608.798	79	48 603	246.282	5,07	119	138.531	362.516	2,62
Ноябрь	66	39.456	83.719	51	28.579	74.473	2,61	15	10.877	9.246	0,85
Декабрь . . .	57	39.649	98.966	57	39.649	98.966	2,50	—	—	—	—
1917 г.											
Январь	267	232.025	776.366	н е и з в е с т н о							

После некоторого перебоя летом, в августе — сентябре число стачечников падает до 46 тысяч. Затем в октябре начинается новый, неизмеримо более сильный, чем в предшествующие месяцы, стачечный под'ем (187 тысяч); это — уже начало надвигающейся революции, которая смоет старый строй. После последнего «затишья перед бурей» в ноябре — декабре 1916 г. стачечная волна поднимается до своего максимума в январе — феврале 1917 г., когда число стачечников достигает 267 тысяч.

Для того, чтобы дать представление о напряженности стачечной борьбы во время войны, сравним ее со стачечным движением предшествовавших годов.

Стачки 1905 г. и 1914—1916 г.г.

Годы.	Общее количество. Забастовок.	Участников.
1905	13.995	2.863.173
1914	3.534	1.337.458
1915	928	539.528
1916	1.284	951.695

Мы видим, что число стачечников в годы войны значительно ниже, например, их числа в годы первой революции — 1905 г.

Но если стачечное движение 1916 г. по количеству стачечников уступает 1905 г., то оно почти равняется с 1914 г.

В 1905 г. массовое революционное движение, охватившее 2.863.173 стачечников, смогло лишь к концу года вынудить у царского режима бумажный манифест; в 1917 г. разложение царизма зашло уже так далеко, что вдвое меньший размах революционного движения почти безболезненно сметает царский строй.

Политические стачки.

При сопоставлении числа политических стачек с общим числом всех стачек резко бросается в глаза изменение характера забастовочного движения за годы войны.

Политические стачки 1905 г. и 1914—1916 г.г.

Годы.	% политических забастовок к общему числу.	% участников политических забастовок к общему числу.
1905	43	37
1914	67	73
1915	24	23
1916	50	56

Если накануне войны в 1914 году политическая борьба давала тон всей борьбе, и кривая политических забастовщиков не только шла параллельно, но почти совпадала с кривой их

общего количества, то в военные годы характер движения резко изменяется. Происходит не только общий упадок всего революционного движения в целом, но одновременно и резкое относительное падение политических забастовок. Кривая политических забастовок, в отличие от последних довоенных годов, сильно отстает от кривой общего числа забастовщиков. До самой осени 1915 г. политические забастовки почти отсутствуют. Некоторый под'ем политического движения мы наблюдаем только в сентябре 1915 г.

Таким образом, в военные годы, под влиянием полицейских репрессий, а еще больше под влиянием непрерывно растущей дороговизны, когда рабочий должен был напрягать все силы, чтобы удержать на прежнем уровне заработную плату, — революционная борьба пролетариата принимает напряженный экономический характер. Эта борьба сходна с борьбой европейского и, в частности, германского пролетариата в военные и послевоенные годы в условиях падающей валюты, когда забастовка является единственным средством для поддержания катастрофически понижающейся вследствие инфляции реальной заработной платы.

В первый момент войны процент политических стачек понижается. Если в 1914 г. политические забастовки составляли 67% общего количества забастовок и захватывали 73% общего количества стачечников, то в 1915 г. процент политических забастовок падает до 24%, число же их участников — до 23%.

О процентном распределении политических и экономических стачек по месяцам и отраслям можно судить по следующим таблицам (см. табл. №№ 2 и 3, стр. 70 и 72).

Первый сильный под'ем политического движения рабочих, захватывающий не только металлистов, но и текстильщиков, приходится на август — сентябрь 1915 г., когда политические стачки при общем под'еме революционного движения достигают 66%. После некоторого падения в ноябре—декабре 1915 г., в первую половину 1916 г. волна политического движения держится в пределах около 100 тысяч забастовщиков и после небольшого летнего затишья дает новый сильный под'ем уже в конце 1916 года.

Таким образом, только с 1916 г. движение снова принимает политический характер. В 1916 году из общего числа забастовок было 52% политических забастовок и 56% политических забастовщиков.

Политическое движение непрерывно нарастает по месяцам и достигает максимума своего под'ема к концу 1916 г. и к началу 1917 г. Чтобы уяснить себе, рабочие каких отраслей принимали главное участие в политической борьбе, мы составили специальную таблицу [1]) и диаграмму [2]) политических стачечников по отраслям.

---

[1]) См. таблицу № 3, на стр. 72.
[2]) См. приложение, диагр. № 4.

Таблица № 2

Процент экономических и политических стачек в 1914—1916 г.г. [1])

Месяцы.	Общее число стачек.	Число экономических стачек.	% к общему числу.	Число политических стачек.	% к общему числу.
1914 г.					
Август	24	22	91,7	2	8,3
Сентябрь	10	10	100	—	—
Октябрь	9	9	100	—	—
Ноябрь	16	11	68,8	5	31,2
Декабрь	9	9	100	—	—
1915 г.					
Январь	20	14	70	6	30
Февраль	28	21	75	7	25
Март	26	20	76,9	6	23,1
Апрель	104	103	91,9	1	0,9
Май	162	149	92	13	8
Июнь	164	162	98,8	2	1,2
Июль	90	90	100	—	—
Август	76	26	34,3	50	65,7
Сентябрь	184	69	37,5	115	62,5
Октябрь	79	71	89,9	8	10,1
Ноябрь	54	48	88,9	6	11,1
Декабрь	47	46	97,9	1	2,1
1916 г.					
Январь	166	128	77,2	38	22,8
Февраль	108	104	96,3	4	3,7
Март	107	61	57,1	46	42,9
Апрель	157	150	95,6	7	4,4
Май	154	153	99,4	1	0,6

Месяцы.	Общее число стачек.	Число экономических стачек.	% к общему числу.	Число политических стачек.	% к общему числу.
Июнь	123	118	96	5	4
Июль	82	81	98,8	1	1,2
Август	104	97	93,3	7	6,7
Сентябрь	88	88	100	—	—
Октябрь	198	79	38,3	119	61,7
Ноябрь	66	51	77,3	15	22,7
Декабрь	57	57	—	—	—
1917 г.					
Январь	267	—	—	—	—

[Таблица составлена на основании данных фабричной инспекции, взятых из 1-го отделения юридической секции ЕГАФ (б. архив государственного совета). Дело б. канцелярии совета министров 1913—1917 г.г. «О мерах борьбы с рабочими забастовками 1913—1917 г.г.».]

Как и нужно было ожидать, во главе стоят почти исключительно металлисты, которые создают картину всей политической борьбы.

Едва заметную роль в политическом движении, но большую, чем рабочие других отраслей промышленности, играют рабочие хлопчато-бумажного производства, однако их участие приходится лишь на отдельные моменты политического под'ема, а именно на осень 1915 и 1916 г.г.

Между прочим характерно, что при слабом в общем стачечном движении рабочих полиграфического производства, в моменты общего политического под'ема в числе политических забастовщиков все же выступают и печатники. Для общей характеристики движения печатников в годы войны интересно отметить, что их участие в политических стачках, еще более или менее заметное во время политического под'ема осенью 1915 г. (6.366 забастовщиков), к осени 1916 г. совершенно сходит на-нет (1.188 забастовщиков). Что же касается количества стачек по годам, то почти во всех отраслях промышленности процент политических стачек за годы войны резко падает, при чем менее всего у металлистов и более всего — у текстильщиков и химиков.

Таблица № 3.

Политические стачки по отраслям промышленности.

Отрасли.	Число всех стачечников.				В том числе политических забастовщиков.							
					Абсолютно.				В %%.			
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Химическое производство.	44.974	61.713	128	10.565	27.232	35.709	—	136	60,5	57,8	—	1,2
Металлообрабатывающее и металлургическое . . .	465.645	749.20[illegible]	188.645	502.189	337.180	617.071	58.754	280.943	74,5	82,3	—	55,9
Обработка хлопка	180.550	223.392	254.562	320.384	62.807	127.225	28.907	18.469	34,7	56,9	11,3	5,7
Обработка шерсти	35.905	6.286	3.487	18.592	1.690	3.881	—	—	4,6	61,7	—	—
Бумажное и полиграфическое	31.245	77.147	8.794	5.493	23.954	69.020	6.516	1.232	76,6	89,4	74,0	22,4

Экономические стачки.

Экономическая борьба пролетариата выявляется особенно остро в борьбе за заработную плату: чтобы удержать ее реальную величину на прежнем уровне, рабочий должен был непрерывно бастовать. Для выяснения роли последнего вида стачечной борьбы мы составили специальную диаграмму движения числа бастовавших рабочих из-за заработной платы по пяти важнейшим отраслям промышленности за исследуемый период 1914—1916 г.г. [1]).

Диаграмма показывает, что с особенной остротой стачечное движение из-за заработной платы развертывается в весенние месяцы 1916 г., когда число стачечников по главным пяти отраслям промышленности достигает 85 тысяч. Борьба из-за заработной платы несколько падает летом 1916 г. и с новой силой возобновляется к осени 1916 года.

Как видно из этой диаграммы, главными, почти исключительными участниками забастовочного движения на почве заработной платы являются текстильщики и металлисты, рабочие же остальных отраслей промышленности, как и вообще во всем движении, играют совершенно ничтожную роль.

Если обратиться к этим главным отраслям промышленности — металлической и хлопчато-бумажной, — то здесь мы увидим следующую картину. Приблизительно до августа борьба металлистов и текстильщиков идет параллельно, за исключением января — февраля 1915 г., когда в борьбе за заработную плату выступают одни только текстильщики.

В августе — декабре 1915 г. стачечная борьба за заработную плату ведется, главным образом, текстильщиками, при совершенно ничтожном участии как металлистов, так и рабочих других отраслей. Зато в начале 1916 года картина меняется. Борьба текстильщиков замирает, вернее, находится в стационарном состоянии, тогда как у металлистов значительно разрастается. Это изменение об'ясняется тем, что как раз 1916 г. был сравнительно благоприятным для металлической промышленности, успешно развивавшейся благодаря усиливавшейся работе на оборону, для текстильной же промышленности, которая хотя и работала частично на оборону, но в общем испытывала значительные затруднения, он был менее благоприятен. Весною 1916 г. как в металлообрабатывающей, так и в текстильной промышленности борьба за заработную плату ведется с одинаковым упорством. Летом во всех отраслях стачечная волна ослабевает. Новое усиление падает на сентябрь и затем на декабрь, а также на первые месяцы 1917 года.

---

[1]) См. приложение, диагр. № 3.

Успешность забастовок.

Теперь нам придется остановиться на вопросе об успешности стачечной борьбы. За годы войны резко повышается процент стачек и стачечников, требования которых удовлетворены полностью [1]).

Если в 1913 г. процент успешных стачек был равен 3,2— то в 1916 г. он подымается до 16,1. Вместе с тем за годы войны возрастает и процент стачечников, добившихся частичного удовлетворения своих требований. В 1913 г. процент этих забастовщиков равнялся 13, в 1914 г. (в первую половину) упал до 5, что об'ясняется общим кризисом промышленности, при котором стачечная борьба не могла быть успешной.

В 1915 г. процент стачек, частично выигранных, повышается до 36% и держится в 1916 г. на уровне 31%. Что же касается процента неуспешных стачек, то он соответственно резко падает. В 1913 г. число неудовлетворенных при неуспешных стачках стачечников равнялось 26%, а в 1916 г. — 2%.

Значительная «успешность» стачек во время войны, однако, менее всего свидетельствует об улучшении положения пролетариата. Наоборот, в условиях разрухи и вызванного эмиссией падения валюты, рабочим приходилось стачками подталкивать заработную плату вслед за падающим рублем. Поскольку капиталисты получали колоссальные прибыли, отчасти благодаря падению валюты, они шли, хотя и не без сопротивления, на «уступки» рабочим.

В распределении успешных и неуспешных стачек по размерам предприятий существует определенная закономерность. Сравнение процента стачек по успешности с процентом стачечников показывает, что полное удовлетворение требований (за все без исключения годы войны) приходится на более мелкие предприятия. «Частично удовлетворенные» стачки более или менее равномерно распределяются между крупными и мелкими предприятиями, с перевесом в сторону крупных в 1915 г. Что же касается неуспешных стачек, то они падают также на мелкие предприятия. Зато резко выделяются крупные предприятия среди забастовок под рубрикой «без экономических результатов», т.-е. политические забастовки. Последнее служит лишним подтверждением той огромной роли, какую крупные предприятия играли в политическом движении.

Успешность стачек (в процентах) по отраслям производства выражается следующей таблицей [2]). (См. табл. на стр. 76).

---

[1]) См. таблицу № 4 на стр. 75.

[2]) Таблица составлена на основании «Статистического сборника» за 1913—1917 г.г.

Таблица № 4.

Число забастовок и бастовавших рабочих по успешности [1].

Годы.	Требования рабочих удовлетворены:				Неудовлетворены.		Без экономических результатов.		Всего забастовок.	Всего бастовавших рабочих.
	полностью.		частично.							
	Число забастовок.	Число забастовщиков.	Число забастовок.	Число забастовщиков.	Число забастовок.	Число забастовщиков.	Число забастовок.	Число забастовщиков.		
	В абсолютных цифрах.									
1913	114	28.952	639	116.781	617	238.921	1.034	502.442	2.404	887.062
1914	89	16.393	206	69.786	674	192.168	2.565	1.059.111	3.534	1.337.458
1915	198	71.661	308	212.618	203	99.308	213	155.941	928	539.528
1916	275	153.230	402	283.977	349	200.584	242	310.290	1.284	951.695
	То же в процентах.									
1913	4,7	3,2	26,5	13,2	25,7	26,7	43,1	56,9	100	100
1914	2,5	1,2	5,8	5,1	19,2	14,3	72,5	79,4	100	100
1915	21,3	13,3	33,1	39,5	21,8	18,4	23,8	28,8	100	100
1916	22,3	16,1	31,3	29,8	27,5	21,7	18,9	32,4	100	100

[1]) Таблица составлена на основании данных „Статистического сборника“ за 1913—1917 г.г.

Отрасли промышленности.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Химическая	28,2	48,2	—
Металлообрабатывающая	47,7	32,0	79,5
По обработке хлопка	28,2	47,0	65,8
„ „ шерсти	71,0	44,0	87,4
Бумажная и полиграфическая	35,7	32,3	88,8

Для большей наглядности мы взяли лишь процент удовлетворенных стачечников, бастовавших по причинам, связанным с заработной платой.

Таблица показывает, что процент успешных стачек распределяется почти одинаково, хотя и с некоторыми колебаниями по всем отраслям. Так, например, у металлистов, у которых процент удовлетворенных стачек в 1913 г. равнялся 47, в 1914 — 32, в 1915 — поднимается почти до 80. Аналогичный ряд цифр дает за период 1913—1915 г.г. процент успешных стачек у текстильщиков; он равняется по годам: 28,2; 47,0; 65,8.

Так же обстоит дело и в двух других отраслях промышленности.

Такова общая картина стачечного движения в годы войны. Теперь мы перейдем к более детальному рассмотрению движения по районам и отраслям промышленности.

Районы движения.

Как и нужно было ожидать, крупнейшую роль в стачечном движении играли Петроград и Москва (см. таблицу № 5).

Петроград в 1914 и 1916 г.г. по проценту бастующих рабочих стоит на первом месте: в 1914 г. на него падает 54% всех бастовавших. В 1915 г. стачечное движение охватывает преимущественно Центрально-промышленный район с рабочими-текстильщиками в связи с падением в этой отрасли заработной платы. Стачечное движение у металлистов, которым война приносит в первые месяцы довольно значительное повышение заработной платы, значительно слабее. Вместо 54% в 1914 г., Петроград в 1915 г. дает лишь 24% забастовщиков. Зато Москва с 11% в 1914 г. поднимается до 29% в 1915 г. Однако уже в 1916 г. к Петрограду переходит его прежняя роль гегемона движения. В то время как Москва дает 16% общероссийского движения, в Петрограде % стачечников повышается до 37%. Роль передового отряда движения петроградские рабочие проносят сквозь годы империалистической войны

Таблица № 5.

Число забастовок и бастовавших рабочих в 1913—1917 г.г. по главным промышленным центрам России [1]).

Годы.	Всего.		В том числе в губерниях.							
			Московской.		Петроградской.		Екатеринославской.		Бакинской.	
	Число забастовок.	Число бастующих рабочих.	Число забастовок.	Бастующих.	Число забастовок.	Бастующих.	Число забастовок.	Бастующих.	Число забастовок.	Бастующих.
1913	2.404	887.096	268	94.442	755	353.662	13	1.124	190	25.852
1914	3.534	1.337.458	418	149.124	1.772	726.640	14	1.221	360	47.350
1915	924	539.580	207	155.846	125	130.126	5	196	17	960
1916 [2])	1.272	947.891	235	133.629	352	361.867	13	11.508	74	11.572
В процентах к общему числу.										
1913	100	100	10,7	10,6	31,4	39,9	0,5	0,1	7,9	2,9
1914	100	100	11,8	10,4	50,1	54,3	0,4	0,1	10,2	3,5
1915	100	100	22,4	28,9	13,6	24,3	0,5	0,0	1,8	0,2
1916	100	100	18,5	14,1	27,7	33,2	1,0	1,2	5,9	1,2

[1]) Таблица составлена на основании данных „Статистического сборника“ за 1913—1917 гг.

[2]) Итоговые цифры за 1915 и 1916 г. расходятся с другими итогами (см. таблицу на стр. 75), т. к. часть стачек не вошла в подсчет этой таблицы.

до Февральской, а затем и до Октябрьской революции. Говоря о роли Петрограда в революционном движении, необходимо указать, что решающее значение в революционной борьбе имеют его крупнейшие предприятия. Во все годы без исключения % бастующих рабочих в нем выше % бастующих предприятий. В этом его отличие от Москвы, где % забастовщиков и бастующих предприятий, например, в 1913—1914 г.г. почти совпадает. Исключением для Москвы является 1915—1916 г.г., когда в забастовках участвуют наиболее крупные предприятия. Что же касается забастовочного движения провинциальных городов, то мы из них взяли лишь два крупнейших после Москвы и Петрограда промышленных района, которые и в отношении забастовочного движения идут за ними в числе первых. Это — Донбасс (Екатеринославская губ.) и нефтяной район (Бакинская губ.).

В обоих этих районах % стачечников крайне низок — не превышает 1—3% общероссийского их числа.

Таким образом, за исключением петроградских рабочих, шедших в авангарде революционного движения и следующих за ними московских рабочих, забастовочное движение распространяется более или менее равномерно по всей России.

Как мы увидим дальше, конденсированный удар пролетариата в столице (Петроград за некоторые периоды дает до $^3/_5$ общего числа стачечников всей России) имел решающее значение для успеха пролетарской революции.

Теперь перейдем к рассмотрению стачечного движения по отраслям.

Движение по отраслям.

Прежде чем приступить к рассмотрению движения по главнейшим отраслям, необходимо сделать несколько общих замечаний.

Для характеристики рабочего движения по отраслям мы взяли только пять крупнейших отраслей (металлообрабатывающую, хлопчато-бумажную, шерстяную, полиграфическую и химическую). Эти 5 групп дают вполне правильную картину всего стачечного движения. В этом убеждает нас диаграмма [1]) забастовщиков по отраслям, в которой сопоставлена кривая движения по всем отраслям промышленности с кривой общей суммы забастовщиков данных пяти отраслей.

Эта диаграмма составлена в абсолютных цифрах. Но абсолютные цифры забастовщиков отнюдь не могут служить точным измерителем революционности рабочих данной отрасли, а служат лишь показателем удельного веса определенной отрасли в стачечной борьбе.

---

[1]) См. приложение, диагр. № 2.

Для более точного определения степени революционности рабочих каждой отрасли в отдельности — мы взяли процентное отношение числа бастующих рабочих каждой отрасли к общему числу занятых в ней (в данном году) рабочих. Пользуясь полученной нами на основании этих подсчетов таблицей [1]), мы сможем судить о степени революционности рабочих каждой отрасли в отдельности.

Для того же, чтобы выяснить причины революционности рабочих в отдельных отраслях, мы сопоставили стачечное движение по важнейшим отраслям с таким решающим в жизни рабочих фактором, как их экономическое положение [2]). Абсолютные цифры движения заработной платы в годы войны, ввиду постоянного обесценения рубля, могли бы лишь ввести в заблуждение; поэтому мы взяли вычисленные Струмилиным данные о заработной плате в товарных рублях. Эти цифры заключают в себе, с одной стороны, движение заработной платы, а с другой — рост дороговизны, и потому могут служить достаточно показательными для экономического положения рабочих за данный период.

Для выяснения закономерности стачечного движения мы сопоставили по пяти отраслям (металлообрабатывающей, хлопчато-бумажной, шерстяной, химической и полиграфической) кривую движения заработной платы с кривой роста стачечного движения. Для удобства сравнения все цифры взяты в процентах: заработная плата и изменение числа рабочих — в отношении к 1913 г., число же забастовщиков — в %% к общему числу рабочих в данной отрасли за рассматриваемый год. И, наконец, для более детального изучения причин движения мы составили по двум крупнейшим отраслям — металлообрабатывающей и обработке хлопка — две диаграммы [3]) по основным видам движения. Итак, принимая во внимание все эти замечания, рассмотрим стачечное движение по отраслям.

Начнем с металлистов (см. табл. № 6 на стр. 80—81).

а) *Металлисты.*

Как и можно было ожидать, по абсолютному количеству стачечников на первом месте стоят металлисты, которые, за исключением лета 1915 г., когда они свое первенство уступают текстильщикам, все время идут во главе стачечного движения. «Рабочие-металлисты, — читаем мы в одном из донесений петроградской охранки, — избалованные (?!) сравнительно достаточным заработком и в мирное время, работая большими группами в крупных предприятиях, экономически лучше других обставленные и

---

[1]) См. таблицу № 6 на стр. 80—81.
[2]) См. приложения, диагр. №№ 7, 8, 9, 10, 11.
[3]) См. приложения, диагр. №№ 5 и 6.

Таблица № 6.

Интенсивность стачек по отраслям [1]).

Отрасли.	Забастовки. 1913 г. Число предприятий.	Из них бастовали.	%%	1914 г. Число предприятий.	Из них бастовали.	%%	1915 г. Число предприятий.	Из них бастовали.	%%	1916 г. (на 1 янв. 1917 г.) Число предприятий.	Из них бастовали.	%%
Обработка хлопка	834	244	29,26	616	208	33,8	604	226	37,42	—	—	—
Обработка шерсти	1.210	266	21,93	375	20	5,33	360	19	5,28	—	—	—
Смешанное текстильное производство	451	84	18,63	201	56	27,45	220	15	6,82	—	—	—
Бумажное и полиграфическое производство	1.479	226	15,28	1.257	649	51,63	1.239	78	6,30	—	—	—
Механическая обработка дерева	2.456	166	6,76	1.960	270	13,77	1.636	107	6,54	—	—	—
Обработка металлов и машиностроение	2.420	954	39,42	1.977	1.582	80,02	1.975	252	12,78	—	—	—
Обработка пищевых и вкусовых веществ	4.855	81	1,66	4.247	149	3,51	3.585	62	1,73	—	—	—
Химическое производство.	504	62	12,30	389	92	23,65	363	3	0,83	—	—	—
Добывающая промышленность	314	132	42,04	347	233	68,01	367	8	2,18	—	—	—

Отрасли.	Забастовщики.											
	1913 г.			1914 г.			1915 г.			1916 г.		
	Число рабочих.	Из них бастовали.	%%	Число рабочих.	Из них бастовали.	%%	Число рабочих.	Из них бастовали.	%%	Число рабочих.	Из них бастовали.	%%
Обработка хлопка	566.137	180.550	31,89	485.563	223.392	46,01	479.304	254.562	53,11	458.758	320.384	69,84
Обработка шерсти	166.557	35.905	21,56	93.931	6.286	6,69	86.928	3.487	4,01	87.714	18.592	21,20
Смешанное текстильное производство	46.323	18.349	39,61	29.126	20.302	69,70	33.642	2.858	8,50	42.023	10.008	23,81
Бумажное и полиграфическое производство . . .	107.744	31.254	29,01	92.172	77.147	83,70	82.540	8.794	10,65	80.514	5.493	6,82
Механическая обработка дерева	132.120	21.016	15,91	106.273	41.365	38,92	79.318	5.909	7,44	87.780	6.674	7,60
Обработка металлов и машиностроение	385.621	465.645	120,75	346.989	749.209	215,91	416.713	188.645	45,27	546.117	502.189	91,90
Обработка пищевых и вкусовых веществ	369.001	28.244	7,65	330.879	51.058	15,43	319.643	15.827	4,95	338.591	21.488	6,35
Химическое производство.	84.869	44.974	53,00	71.452	61.713	86,37	65.429	128	0,20	92.679	10.565	11,40
Добывающая промышленность	37.459	20.807	55,55	38.285	34.967	91,33	39.480	446	1,13	41.327	8.779	21,24

[1]) Таблица составлена на основании данных „Статистического сборника“ за 1913—1917 г.г., стр. 36, 37, 134, 135.

посему получив своевременно возможность добиться грамотности и развития, высших в сравнении с другими их товарищами, — они, рабочие по обработке металла, отличаются крепкой внутренней спайкой, более других сознательны и сорганизованы, почему и не стесняются открыто выражать свое недовольство существующими условиями труда, утверждая, что жизнь вздорожала, приблизительно, на 30%, и что поэтому и они имеют право добиваться увеличения своего настоящего заработка в той же самой пропорции. Указанные тенденции и проводятся ими путем устройства по фабрикам и заводам митингов и собраний и постепенного пред'явления фабрично-заводской администрации требований и петиций об увеличении заработка путем повышения расценки труда, а не путем увеличения сверхурочных работ» [1]).

Металлисты занимают первое место в революционном движении не только по абсолютному количеству стачечников, но и по относительному: % стачечников в этой отрасли, в отношении к общему числу рабочих в ней за годы 1913—1916, выражается следующим рядом цифр: 121, 216, 45, 92. Сравнение % стачечников с % бастующих предприятий (в отношении общего числа предприятий) подтверждает высказанное относительно Петрограда положение, что такой б о л ь ш о й % с т а ч е ч н и к о в д а ю т к а к р а з п р е д п р и я т и я - г и г а н т ы. Если % стачечников к общему числу рабочих-металлистов за 1913—1916 г.г. выражался цифровым рядом 121, 216, 45, 92, то % бастующих предприятий в отношении к общему их числу будет выражаться следующими цифрами: 40, 80, 26.

Как видим, % бастующих предприятий почти в 2 — 3 раза ниже % забастовщиков.

Установив некоторую зависимость заработной платы от состояния производства (если о нем судить по количеству рабочих в данной отрасли), посмотрим, как влияла заработная плата на стачечное движение. Стоит только сравнить стачечное движение 1914—1916 г.г. с движением заработной платы, чтобы видеть, что зависимость между ними обратная. В то время как с 1914 по 1915 г. заработная плата повышается (+ 7,3%), % бастующих рабочих в отношении к общему числу рабочих, занятых в данной отрасли, резко падает — с 216 до 45 [2]).

С 1915 по 1916 г. заработная плата несколько понижается, именно — с 108,1 до 107,7, процент бастовавших рабочих с 45,2 повышается до 92.

Как мы уже отмечали выше, кривая успешности стачек в годы войны значительно повышается: в 1914 г. % стачек успешных полностью или частично равнялся 32, а в 1915 г. он поднимается до 83,6%.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизводство № 341, «О брожении среди рабочих на экономической почве». Вх. № 19.744, донесение от 11/VII — 1915 г.

[2]) См. приложение, диагр. № 11.

Итак, стачечное движение в металлообрабатывающей промышленности показывает, что оно, несомненно, в известной степени предопределялось экономическим положением рабочих. Этому не противоречит тот факт, что у металлистов стачечное движение было в значительной степени политическим: политическое движение падает на месяцы, отмеченные общим ухудшением экономического положения рабочих. Последнее обостряет их общее недовольство и толкает рабочих на политическую борьбу.

Что положение металлистов действительно ухудшилось, несмотря на общее увеличение заработка, признавала даже охранка [1]).

Вот характерное донесение петроградской охранки:

«Действительно, рабочие, занятые в производствах по обработке металла, благодаря вызванным войною потребностям, зарабатывают весьма солидные суммы, во многих случаях даже с лихвой компенсирующие передержки в их бюджете, вызванные вздорожанием предметов первой необходимости. Но этот увеличенный их заработок не является результатом повышения заработной платы, а получается исключительно лишь благодаря усиленным сверхурочным работам, требующим затраты от рабочих громадного запаса энергии и отнимающих у них в большинстве случаев даже время, необходимое для отдыха и сна, не говоря уже о личных делах и частных их потребностях. Этот, несомненно изнурительный, сверхурочный труд весьма тяжело отражается на настроении рабочих-металлистов, не давая им даже удовлетворения в том отношении, что их заработок, благодаря повышенному спросу, увеличился. Они прекрасно сознают, что оплата их труда не повысилась, а увеличилось лишь число рабочих часов, казавшееся им значительным при обстановке мирного времени».

Это донесение довольно верно освещает положение металлистов. Необыкновенно усилившаяся во время войны эксплоатация несомненно толкала их на революционные выступления.

Итак, мы рассмотрели общие данные о стачечном движении металлистов. Рассмотрим теперь стачечное движение металлистов по его основным видам: стачки политические, экономические, из-за заработной платы, порядка в заведении и т. д. [2]).

В первый год войны, именно в конце 1914 и начале 1915 г. (до апреля месяца), при в общем слабом движении, стачечная борьба у металлистов дает довольно запутанную картину. В указанный период у них чередуются самые разнородные стачки: политические, из-за заработной платы, из-за порядков в предприятии и т. п.

Но уже весной и летом 1915 г. (апрель и июль) борьба металлистов сосредоточивается вокруг заработной платы. Это и понятно.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизводство № 341. Вх. № 19744 от 11/VII 1915 г.

[2]) См. приложение, диагр. № 5.

Как раз эти месяцы были своего рода переходным периодом, началом мобилизации русской промышленности, широкого ее приспособления для нужд войны, когда особенно усилилась эксплоатация рабочих. С июля месяца 1915 года, на-ряду с экономической борьбой, среди металлистов начинает усиливаться и политическое движение.

В 1916 г. стачки из-за заработной платы и политические идут почти параллельно. Особенной силы и напряженности политическая борьба металлистов достигает осенью 1916 г.

Для каторжного режима, установившегося для рабочих во время войны, знаменателен непрерывный рост с 1915 года стачек из-за порядка в заведениях. Империалистический режим все больше давил рабочих, толкая их на активную борьбу с капиталом и правительством.

Итак, при рассмотрении стачечного движения металлистов обнаруживается, что доминирующую роль в движении играли забастовки политические и из-за заработной платы, перед которыми стушевываются все остальные виды стачечного движения.

Эти два вида стачек чередуются между собой на всем протяжении предреволюционного периода, при чем политические забастовки играют, несомненно, доминирующую роль, хотя металлисты не прекращают до самой революции и напряженной борьбы из-за заработной платы.

Таково движение металлистов. Теперь рассмотрим движение текстильщиков.

б) Текстильщики.

Для текстильщиков, конечно, наиболее характерна хлопчато-бумажная промышленность. Поэтому на ней мы прежде всего остановимся. Текстильщики по своему участию в стачечном движении занимают следующее после металлистов место. Однако движение текстильщиков значительно уступает движению металлистов.

«Рабочие-текстильщики и других второстепенных производств, — характеризует рабочих этой отрасли промышленности охранка, — обслуживают сравнительно небольшие предприятия, (они) менее развиты и слишком слабо сорганизованы как в политическом, так равно и в экономическом отношении; отсутствие крепкой спайки и лишает их возможности заявить с должной энергией и авторитетностью о своих нуждах и испытываемых ими лишениях».

Также и степень революционности текстильщиков ниже, чем у металлистов. У текстильщиков % забастовщиков в отношении к общему числу рабочих данной отрасли в 1913—1916 г.г. составляет цифровой ряд в 32, 46, 53 и 70.

Если мы обратим внимание на рост из года в год % стачечников по хлопчато-бумажной промышленности, то сможем установить следующее: у металлистов % бастующих к общему числу

рабочих в данной отрасли в 1915—1916 г.г. в несколько раз ниже, чем в 1914 г.; у текстильщиков наблюдается обратное явление: % стачечников все время возрастает. Последнее, несомненно, об'ясняется тем, что, как мы видели выше, у первых заработки с войной значительно увеличились, тогда как у вторых сократились.

К тому же у текстильщиков, по сравнению с металлистами, % бастующих предприятий значительно ближе к % забастовщиков. Это показывает, что забастовки в текстильной промышленности охватывают не только крупные, но и средние и мелкие предприятия. Как видим, закономерность стачечного движения по металлообрабатывающей и текстильной промышленности всецело совпадает с закономерностью, установленной выше для Петрограда и Москвы: поскольку Петроград являлся центром металлообрабатывающей промышленности, а Москва — текстильной, можно считать, что тенденция установлена нами правильно.

Теперь рассмотрим связь движения текстильщиков с экономическим положением рабочих хлопчато-бумажной промышленности [1]).

В этой отрасли заработная плата после войны не дает такого повышения, как у металлистов; за период 1913—1916 г.г. она более или менее стационарна, только в 1914 г., в самом начале войны, она падает до 95,6% против 1913 г., в 1915 г. повышается до 102,9%, а в 1916 г. падает снова до 96,6% 1913 года.

Падение заработной платы в 1914 г. вызывает под'ем числа стачечников с 31,8% до 46% общего числа рабочих этой отрасли. Под влиянием некоторого под'ема заработной платы в 1915 г. стачечное движение увеличивается значительно меньше, чем в предшествовавшем году, именно — с 46% до 53%. Падение заработной платы в 1916 г. вызывает дальнейшее увеличение % стачечников до 70%.

Что касается успешности стачек в хлопчато-бумажной промышленности, то здесь, как и в остальных отраслях, успешность стачек за годы войны неуклонно повышается.

Если рассмотреть распределение стачечной борьбы в хлопчато-бумажной промышленности по ее видам, т.-е. на борьбу политическую, экономическую и т. п. [2]), то оказывается, что здесь характер движения несравненно сложней и запутанней, чем у металлистов. Если в стачечном движении металлистов доминирующую роль играет политическая борьба, которая переплетается с борьбой за заработную плату, то у текстильщиков стачки идут по линии борьбы за заработную плату и за порядок в заведениях.

Что же касается политической борьбы, то единственным моментом, когда она сильно захватывает текстильщиков, является август — сентябрь 1915 года: в эти месяцы число политических стачечников в хлопчато-бумажной промышленности превышает

---

[1]) См. приложение, диагр. № 9.
[2]) См. приложение, диагр. № 6.

120 тысяч. Однако после резкого неожиданного под'ема в августе—сентябре 1915 г. политическая волна быстро спадает. Только 9-е января 1916 г. дает некоторый под'ем политических стачек (40 тысяч). В общем политическое движение постепенно замирает. Даже в политической борьбе в конце 1916 г. рабочие хлопчатобумажной промышленности остаются почти в стороне. Весь 1916 г. проходит у них в борьбе за заработную плату и за порядок в заведениях. В декабре политическое движение почти совсем сходит на-нет.

в) Прочие отрасли.

Остановимся теперь на остальных отраслях промышленности. Если первое место в стачечной борьбе занимают металлисты, а второе — рабочие по обработке хлопка, то уже почти совсем ничтожную роль играют в ней рабочие шерстяной, химической и полиграфической промышленности. Движение последних, даже в моменты наиболее высокого для них под'ема, не превышает одного десятка тысяч, что отчасти об'ясняется меньшим числом рабочих, занятых в этих отраслях.

Стачечники этих отраслей не могут сравняться с двумя первыми не только по абсолютному, но и по относительному количеству. Процент бастовавших рабочих в отношении к общему числу рабочих каждой отрасли показывает, что рабочие других отраслей довольно сильно уступали первым двум группам и в активности стачечной борьбы. В своей борьбе они никогда не являлись инициаторами, а в лучшем случае шли за металлистами и текстильщиками. «Остальные отрасли труда, — сообщает охранка 2-го июля 1915 г., — благодаря своей неорганизованности и, во многих случаях, распыленности, до сего времени молчат и ничего самостоятельно предпринять не могут и не решаются. Несомненно, что, в случае расширения подобных протестов и требований со стороны рабочих-металлистов, весьма вероятны и возможны будут попытки других рабочих использовать опыт и тактику металлистов для улучшения условий повседневного труда и у себя» [1]).

Для уяснения связи стачечного движения в этих отраслях с экономическим положением рабочих в них, остановимся на отраслях химической и полиграфической.

По сравнению с металлистами и текстильщиками совсем иную картину движения дает химическая промышленность [2]). Здесь наблюдается более или менее правильная и прямая зависимость между движением заработной платы и движением % стачечников из-за заработной платы. Стачечное движение идет параллельно с движением заработной платы, т.-е. повышение заработной платы

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизводство № 341. Вх. № 19744 от 2/VII — 1915 г.

[2]) См. приложение, диагр. № 7.

вызывает повышение стачечного движения, падение заработной платы вызывает его упадок в 1915 г., при чем последний связан с падением успешности забастовок в этой отрасли. Это, несомненно, указывает на неблагоприятную в эти моменты обстановку для стачечной борьбы.

Характерным для военного периода является стачечное движение в полиграфической промышленности [1]), сильно пострадавшей в связи с войной. Здесь во время войны стачечное движение совсем упало. До войны рабочие полиграфического производства шли вместе с металлистами во главе политического движения, в частности, в 1914 г. эта отрасль давала 85% стачечников (в отношении к общему числу рабочих этой отрасли), в 1915 г. этот % падает до 10, а в 1916 г. до 6.

Упадок этой отрасли за годы войны, общее сокращение количества рабочих, резкое снижение реальной заработной платы, делали борьбу печатников почти невозможной. Их заработная плата непрерывно падала вниз. Тяжелое материальное положение в годы войны этих прежде всегда политически передовых рабочих предопределило то, что стачечная борьба их принимает характер борьбы почти исключительно за заработную плату. В 1914 году % стачек из-за заработной платы здесь равнялся 3% общего числа, в 1916 г. он достигает уже 76,3%. Положение этой отрасли было настолько подорвано войной, что рабочие должны были бороться лишь за удержание заработной платы от дальнейшего падения.

Характерно для общей военной кон'юнктуры и для обстановки падающей валюты, что даже и в этой отрасли стачечная борьба была более успешной, чем в довоенные годы. В 1914 г. % успешных стачек в полиграфической промышленности составлял 32%, в 1915 г. — 88%.

Итак, мы рассмотрели стачечное движение в основных отраслях. Мы видим, что каждая отрасль имеет свою индивидуальность. Металлисты выступают преимущественно с политическими требованиями, текстильщики борются, главным образом, из-за заработной платы. На-ряду с этим рабочие этой отрасли промышленности, особенно предприятий по обработке хлопка, где переход к обслуживанию военных заказов проходил для рабочих довольно болезненно, ведут напряженную борьбу из-за порядка в заведениях.

Во всех без исключения отраслях промышленности состояние данной отрасли в годы войны и заработная плата в общем и целом предопределяли характер движения, хотя, конечно, точную закономерность по годам установить трудно.

---

[1]) См. приложение, диагр. № 8.

Можно лишь сказать, что там, где у рабочих было благоприятное положение и высокая заработная плата, как, например, у металлистов, рабочие, как это было и до войны, шли в авангарде политической борьбы. Снижение и перебои в заработной плате в отраслях более пострадавших от войны должны были заставить рабочих этих отраслей (хлопчато-бумажной и шерстяной) все силы направить на борьбу за удержание на прежнем уровне своего экономического положения.

И, наконец, крайний упадок полиграфической промышленности и резкое снижение в ней заработной платы совершенно лишает возможности прежде политически передовой авангард печатников вести какую бы то ни было борьбу.

Итак, мы рассмотрели здесь стачечное движение в собственном смысле этого слова, общий анализ которого мы вынесли за скобку всего революционного движения в целом.

Теперь мы перейдем к рассмотрению революционного движения пролетариата во всей его конкретности в связи с общим массовым революционным движением.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЛЕТАРИАТ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Рабочее движение накануне войны.

Война началась в разгар стачечного движения. Как известно, весна и лето 1914 г. отличались исключительной напряженностью рабочего движения, приближавшегося по своим размерам к движению 1905 г. Если в 1905 г. по всей России было 19.935 забастовок с 2.863.173 чел. участников, то в 1914 г. одна первая половина года дала 3.500 забастовок с 1.300.000 участниками, т.-е. число стачечников за первую половину 1914 года составило почти половину их числа за весь 1905 год. Правда, 1914 год значительно уступает 1905 году по числу забастовок, но при большом числе забастовщиков это указывает на участие в движении преимущественно крупных предприятий.

Особенно сильное стачечное движение имело место как раз накануне войны в первой половине июля 1914 г. В «Пролетарской Революции» в материалах по июльским волнениям в 1914 г. в Петербурге [1]) мы находим следующие интересные цифры о числе стачечников с 1-го по 15-е июля 1914 г.

[1]) «Пролетарская Революция» № 7 (30), 1924 г. «Июльские волнения 1914 г. в Петербурге», стр. 182.

Число стачечников [1])

Даты.	По сведениям петербургской охранки.	По газетным и другим сведениям.
1 июля	1.069	4.949
2 „	2.800	3.895
3 „	—	15.153
4 „	70.937	90.000
5 „	48.450	68.131
6 „	Воскресенье.	
7 „	110.000	190.000
8 „	78.595	150.000
9 „	117.000	—
10 „	110 000	—
11 „	111.000	133.000
12 „	—	133.500
13 „	Воскресенье.	
14 „	87 166	—
15 „	50.000	—

Как видим, в одном Петербурге число стачечников за один день достигает колоссальной цифры 150 — 190 тысяч.

Напряженность революционного настроения была столь велика, что дело доходило до вооруженного столкновения с полицией.

Непосредственным поводом июльского движения послужили сначала солидарность с бакинскими товарищами, бастовавшими в течение всего июня месяца, а затем протест против расстрела 3-го июля митинга путиловских рабочих, собравшихся по поводу той же бакинской забастовки. 4-го июля началась всеобщая забастовка протеста, об'явленная на 3 дня Петербургским Комитетом РСДРП (б). Хотя 7-го июля срок трехдневной стачки протеста истек, однако движение стихийно росло и ширилось, все более приобретая массовый революционный характер. Однако Петербургский Комитет должен был ликвидировать стачку [2]). Он считал, что момент для вооруженного восстания еще не наступил: еще слишком мало сплочены рабочие массы, еще слишком слаба организационно партийная организация, вооружения нет, бросать безоружный пролетариат на восстание — значит сознательно итти на поражение.

«Между тем, как раз на это поражение и рассчитывал департамент полиции, — пишет в своих воспоминаниях т. Киселев [3]). — Возмущение рабочих самодержавное правительство пожелало использовать для того, чтобы устроить хорошую кровавую баню, повторить 9-е января 1905 г. Охранка выпускает прокламацию

---

[1]) За 1—7 июля данные приведены по «Трудовой Правде», за 8 июля— по «Биржевым Ведомостям» (вечерним), за 11—12 июля — по официальным сообщениям правительства.

[2]) «Пролетарская Революция» № 7 (30), «Июльские волнения в 1914 г. в Петербурге», стр. 183.

[3]) Там же, стр. 47—48.

за подписью ПК, в которой призывает рабочих штурмовать арсенал, захватывать оружие и начать вооруженное восстание».

Несмотря на воззвание Петербургского Комитета РСДРП (б), стачка продолжалась несколько дней и прекратилась только 16-го.

Правительство и фабриканты об'явили локаут, однако под влиянием наступающей войны правительство должно было изменить свою тактику и пойти на уступки.

Таким образом, движение прекратилось еще до об'явления войны. Германия об'явила войну России 19-го июля, а уже 17-го июля забастовка и локаут были в Петербурге совершенно ликвидированы. Таким образом, война не сорвала рабочего движения, а лишь отсрочила его новую вспышку.

Предшествовавшее революционное движение дало русскому пролетариату необходимую закалку, предохраняющую его от развития шовинизма.

Рабочее движение в этот период проходило под лозунгами революционной социал-демократии, под лозунгами большевиков, В моменты наивысшего революционного под'ема среди рабочих, как, например, в апреле 1912 г. или весною 1914 г., меньшевики-ликвидаторы совершенно стушевались, и главную руководящую роль играли большевики.

«Выборы в IV государственную думу, — читаем мы у Ленина [1]), — дали всех 6 депутатов рабочих—противников ликвидаторства. Тираж и денежные сборы легальной рабочей печати в Петербурге и Москве показали неопровержимо, что $^4/_5$ сознательных рабочих идут против оппортунизма и ликвидаторства».

В своей статье по поводу суда над российской социал-демократической рабочей фракцией т. Ленин писал [2]), что предшествовавшая работа партии и партийной печати «создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40.000 рабочих покупало «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро, вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он один стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проводник интернационализма трудящихся, эксплоатируемых, угнетенных. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма к социализму». Таким образом, вся предшествовавшая работа партии создала кадры активных борцов против социал-шовинизма; однако в первые годы войны этот слой был распылен и слаб, к тому же массы были дезорганизованы.

Пролетариат в момент об'явления войны.

Несмотря на всю революционность российского пролетариата и значительно больший его «иммунитет» в отношении шовинизма

---

[1]) Н. Ленин, Социализм и война. Собр. соч., т. XIII, стр. 112.

[2]) Н. Ленин, «Что доказал суд над РСДР фракцией». Собр. соч., т. XIII, стр. 57.

по сравнению с западно-европейскими рабочими, — он не имел возможности ответить на войну активным массовым революционным выступлением.

Как показал в одной из последних своих статей т. Ленин, было бы утопизмом рассчитывать на то, что в момент об'явления войны могла быть проведена всеобщая забастовка.

Ленин резко разоблачал «кажущиеся радикальными» обещания «виднейших вождей реформистов» «ответить на войну стачкой или революцией».

В инструкции для нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге, по вопросу о борьбе против войны он писал в 1922 г. [1]): «Очень часто кажущаяся радикальность этих ответов успокаивает рабочих и крестьян. Ответить на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений».

Поэтому-то Ленин считал особенно необходимым «раз'яснение трудящимся вопроса о защите отечества», а также о «пораженчестве», и, наконец, раз'яснение «единственно возможного способа борьбы против войны — сохранения и образования нелегальной организации для длительной работы всех участвующих в войне революционеров».

Еще 1-го ноября 1914 г. в статье «Положение и задачи социалистического Интернационала» Ленин, обосновывая необходимость для социалистов вести свою работу в направлении превращения войны империалистической в войну гражданскую — писал [2]): «Отказ от военной службы, стачка против войны и т. д. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн».

Все это указывает, что революционное выступление в момент об'явления войны представляло колоссальные трудности. Война внесла громадную дезорганизацию в рабочее движение. «Нас, организованных, — пишет т. Шляпников [3]), — война застала врасплох».

Однако русский пролетариат все же не оставил без ответа начало империалистической войны. В самый день ее об'явления были попытки, хотя и незначительные, открытых протестов. В своих воспоминаниях т. Кондратьев говорит [4]), что «были и отдельные попытки к устройству демонстраций против войны. Одна из демонстраций имела место, кажется, 18—19-го июля. Часть рабочих из-за Невской заставы, часть из других районов во главе с нашими товарищами вышла с красными флагами протеста против войны. У Николаевского вокзала они столкнулись с группой патриотических манифестантов и попали как раз в средину. Получи-

---

[1]) «Коммунистический Интернационал» № 1, 1924 г.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 16.
[3]) Шляпников, Канун революции 1917 г.
[4]) «Красная Летопись» № 5, стр. 230.

лась причудливая картина: в одном конце поют «Боже, царя храни», в другом — «Марсельезу». В таком состоянии прошли часть Невского. Налетевшими казаками манифестанты были разогнаны».

Вот как описывает выступление рабочих в день мобилизации А. Шляпников в статье «Социал-демократия и война» [1]: «Мобилизация была об'явлена ночью 19-го в субботу с явкой в 6 утра в местные участки. Когда мы пришли на фабрику, то увидели отсутствие, по меньшей мере, 40% мужского состава рабочих. Не раздеваясь, вышли на улицы (Выборгской стороны) с пением революционных песен и криками: «долой войну». Весь Большой Сампсониевский проспект был запружен бросившими работу. Около сборных пунктов стоял женский плач и гул причитаний. Иногда отдельные женские голоса сквозь слезы кричали также: «долой». Но больше плакали...»

Не оставили без ответа начало войны и московские рабочие. В своей вступительной статье к «Рабочему движению в Москве 1914—1917 гг.» К. Воинова пишет [2]: «Об'явление войны было встречено рабочими надеждой, что она приведет к революции; слышались разговоры: «пусть запасные получат оружие, они поднимут восстание». Во время манифестации у памятника Скобелева группы рабочих поют: «Дружно, товарищи, в ногу»...

Тактика большевиков.

Огромную революционную роль сыграла во время войны партия большевиков.

Возникшая в 1903 г. после распада единой с.-д. партии на оппортунистическое и революционное крыло, большевистская партия под руководством тов. Ленина прошла революционную школу 1905 г., период реакции и нового под'ема рабочего движения, когда она в боях с ликвидаторством и полуликвидаторством сложилась как подлинно пролетарская революционная партия, как авангард рабочего класса.

Единственно революционной партией оставались большевики и во время войны. Партия постепенно завоевывала массы, несмотря на всю трудность работы. Во время войны большевистская организация, как мы увидим ниже, была разгромлена. В ноябре 1914 г. на нелегальной конференции была арестована большевистская думская фракция. Большевистской печати почти не существовало.

«Правда», сыгравшая огромную организующую роль в рабочем движении, еще до войны была закрыта. Какая бы то ни было, легальная работа большевистской партии прекратилась. Изредка выходили лишь немногие профессиональные органы, с большим трудом держался большевистский журнал «Вопросы Страхова-

---

[1] «Пролетарская Революция, № 3 (15), 1923 г., стр. 185.
[2] «Пролетарская Революция», № 2 (14), 1923 г., стр. 469.

ния». Партия могла вести агитацию лишь при помощи нелегальных листков и воззваний. За границей действовало заграничное бюро ЦК в лице Ленина и Зиновьева. Лишь с 1916 г. деятельность партии восстанавливается и внутри России, где организуется бюро ЦК (Молотов, Залуцкий, Шляпников). Все это показывало, насколько неблагоприятной была обстановка для работы большевистской партии. Однако, несмотря на то, что на партию с первых же дней обрушились скорпионы правительственных гонений, «партия — писал Ленин — исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руке» [1]).

Несмотря на репрессии правительства и военное положение, несмотря на то, что «вся легальная рабочая печать была уничтожена, большинство союзов закрыто, множество товарищей арестовано и сослано, наше парламентское представительство — российская социал-демократическая рабочая партия в государственной думе сочла своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания думы» [2]).

Несмотря на удесятеренный гнет правительства, партия с первых же месяцев войны приступила к изданию нелегальных воззваний. «Группа членов партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8-го сентября нового стиля пустила их между товарищами... Только в половине октября удалось восстановить связи и сформировать точку зрения Центрального Комитета партии» [3]). Она и нашла свое выражение в манифесте, написанном Лениным и опубликованном в № 33 «Социал-Демократа» от 1-го ноября 1914 г. Партия ставила основной своей задачей раз'яснить «действительное содержание, значение и смысл современной войны».

«На социал-демократию, — читаем мы в «Манифесте», — прежде всего ложится долг раскрыть истинное значение войны и беспощадно разоблачать ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны» [4]).

В противоположность лозунгу «защиты отечества» и поддержки отечественной буржуазии, Ленин выдвигает лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую: «Превращение современной империалистической войны в войну гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской резолюцией (1912 г.) и

---

[1]) Н. Ленин, Социализм и война. Собр. соч., т. XIII, стр. 112.

[2]) Н. Ленин, Война и российская социал-демократия. (Манифест.) Собр. соч., т. XIII, стр. 14.

[3]) Н. Ленин, Положение и задачи социалистического Интернационала. Собр. соч., т. XIII, стр. 14.

[4]) Н. Ленин, «Манифест». Собр. соч., т. XIII, стр. 5.

вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами». В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин, развивая этот тезис, писал, что нельзя «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.-е. худших врагов нашей родины, нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму»... [1]).

К тому же призывала резолюция заграничной конференции РСДРП. «Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство и облегчает гражданскую войну против правящих классов... В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом» [2]).

Таково было отношение партии к войне.

Партия об'явила беспощадную войну оппортунизму и социал-шовинизму. Установив крах II Интернационала, партия с первых же месяцев войны выдвинула задачу создания III Интернационала.

Первым шагом к организации III Интернационала была созванная 5—8 сентября 1915 года, по инициативе итальянских социалистов, циммервальдская конференция.

В ней участвовали представители Франции, Германии, Италии, балканских стран, Швеции, Норвегии, Польши, России, Голландии и Швейцарии.

На этой конференции выявилось резкое различие в оценке войны и в понимании задач революционных партий пролетариата.

В противовес каутскианскому «центру», представленному самим Каутским, Гюисмансом, Ланге, Аксельродом, Мартовым и др., которые являлись интернационалистами на словах и шовинистами на деле, образовалась «циммервальдская левая» во главе с Лениным, К. Либкнехтом, Р. Люксембург и др.

Хотя «центристское» большинство было против создания нового Интернационала, все же созданная на конференции «Международная социалистическая комиссия» превратилась в центр оппозиции «Международному социалистическому бюро», возглавлявшему II Интернационал.

Вслед за циммервальдской конференцией в конце апреля 1916 г. собралась вторая конференция в Кинтале.

Однако и на этой конференции, в общем сделавшей значительный шаг вперед по сравнению с циммервальдской, все же господствовали «центристы». Принятый на конференции компромиссный манифест, по словам Зиновьева, был «самым слабым документом конференции».

Циммервальд и Кинталь — первые попытки к образованию III Интернационала: вопрос о III Интернационале решила лишь победоносная русская революция.

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 27.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 51.

Итак, мы видим, что как в отношении войны, так и в отношении создания III Интернационала линия партийной тактики была намечена. Однако для осуществления задач партии в отношении войны понадобилось три года (до Октябрьской революции) напряженной революционной борьбы, борьбы, прежде всего, за завоевание рабочих масс и расчистку их сознания от идеологии шовинизма. Последнее представляло собой задачу колоссальной трудности. Как писал Зиновьев,—во время войны «шовинизм сделал и в России опустошительные завоевания».

Социал-шовинизм.

С первых же дней войны правительством и буржуазией при ближайшем участии «представителей социализма» была начата шовинистическая агитация, для которой была использована вся желтая и буржуазная пресса.

В то время как листовки большевиков, статьи Ленина и написанный им манифест Центрального Комитета партии против войны дошли до России и начали распространяться среди рабочих только осенью и зимой 1914 г., о распространении оборонческих работ и оборонческих листовок позаботились и буржуазия и правительство. Была развита невиданная шовинистическая агитация, чтобы затушевать действительный грабительский характер войны.

Правительству и буржуазии приходилось весьма «рьяно накачивать в голову мелкого буржуа» (и рабочего класса — *Б. Г.*) «патриотический дурман через свою прессу». «Нельзя, — остроумно замечает М. Н. Покровский, — заставить итти на смерть из-за «Лионского Кредита» или «Немецкого банка», нужно было внушить им (массам — *Б. Г.*), что «Лионский Кредит», это — Франция, а «Немецкий банк», это — Германия, и для этого прежде всего крепко зажать рот всякому порядочному человеку, который мог бы крикнуть одураченным: «Позвольте, это — вовсе не отечество, это — биржа» [1]).

Буржуазии приходилось думать не только о том, чтобы зажать рот всем противникам войны, но также и о том, чтобы широко поставить агитацию для внушения массам, что биржа это и есть самое настоящее «отечество». В этой агитации неоценимую услугу буржуазии оказали социал-соглашатели всех видов и оттенков, которые явились проводниками буржуазного влияния в рабочий класс.

«Оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с своей буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных».

---

[1]) М. Н. Покровский, статья о войне в «Пролетарской Революции» № 7 (30) 1924 г.

В России оппортунистическое движение по существу началось еще с конца XIX века в виде так называемого экономизма; после того оно своеобразно возродилось в меньшевизме, который являлся непосредственным, не только идейным, но и организационным преемником экономизма.

Уже во время первой русской революции меньшевизм «проводил тактику, об'ективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазную политическую тенденцию». Эти тенденции еще более ярко выявились в годы реакции в так называемом ликвидаторстве, которое свой разрыв с революционным движением закрепило организационно ликвидацией нелегальной деятельности.

Наличие в русском рабочем движении оппортунизма коренится в характере русской революции.

«Было бы поистине чудом, — писал Зиновьев, — если бы в нашей стране, в которой пролетариат так малочисленен, в которой мелкобуржуазная стихия чувствуется на каждом шагу, в которой борьба ведется только из-за доведения до конца буржуазной революции, — если бы в нашей стране не было ревизионистских, т.-е. мелкобуржуазных течений, непременно желающих примыкать к социал-демократии — единственному политическому направлению» [1].

Однако нужно сказать, что в России до войны обстановка для союза рабочей аристократии и буржуазии была неблагоприятна. Известно, что в России, где был постоянный приток из деревни пролетаризующегося крестьянства, заработная плата стояла значительно ниже, чем в других капиталистических странах.

Наличие постоянной огромной резервной армии труда давало капиталистам возможность бороться с требованиями рабочих путем локаутов и т. п. приемов. На-ряду с политическим гнетом царизма это предопределяло не оппортунистический, а революционный характер русского рабочего движения.

Рамки полицейского режима, на которые рабочие наталкивались даже в своей экономической борьбе, превращали всякое экономическое движение в политическое. Для удовлетворения своих экономических требований пролетариат должен был добиться хотя бы элементарных политических «свобод». Уже само по себе отсутствие последних уничтожало одну из важнейших основ для возникновения оппортунизма. Весьма характерно, что даже ликвидаторы при всем их желании жить в мире с правительством в условиях «легальных возможностей», не могли вполне этого осуществить, ввиду преследований полиции.

Показательно, что в России даже в годы сильнейшего экономического под'ема, напр., в 1912 г., рабочее движение носило ярко выраженный политический характер.

---

[1] Зиновьев, Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм. Собр. соч., т. V, стр. 153.

Итак, все эти причины в довоенных условиях предопределяли скудность русской почвы для развития оппортунизма в рабочем движении.

«Общее положение в нашей стране, — писал Ленин, — враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но оп — в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб, фетишизма легальности у нас создаться не могло. Ликвидаторы... не имели до войны никакой серьезной опоры в рабочих массах»...[1]).

Другая причина слабого влияния оппортунизма заключалась в выдержанности большевистской партии. «Худо ли это или хорошо, — писал Зиновьев, — (мы полагаем, что очень хорошо), но ревизионисты не входят в нашу партию. Наш «раскол», о котором добрые люди все уши прожужжали «Европе», оказал громадную услугу рабочему русскому движению. И только, благодаря этому расколу, наша партия могла занять такую твердую позицию против социал-шовинизма, только благодаря ему РСДРП фракция могла выполнить ту громадную анти-шовинистическую работу, картину которой — далеко еще не полную — развернул процесс над нашими депутатами» [2]).

Итак, основной базой ликвидаторства служила мелкобуржуазная интеллигенция и ничтожная верхушка рабочей аристократии. Эти элементы и явились главным проводником шовинизма в среду рабочего класса. Во время войны оппортунизм превратился в шовинизм.

«Война, — писал Ленин, — ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый»... И это понятно. «Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения и т. д.».

«Идейно—политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы, их отказ от революционных средств борьбы, помощь «своему» правительству в затруднительном его положении, вместо использования его затруднений для революции» [3]).

С первого же момента войны вожди II Интернационала высказались за поддержку в империалистической бойне своих прави-

[1]) Н. Ленин, Социализм и война. Собр. соч., т. XIII, стр. 112.
[2]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 137—138.
[3]) Н. Ленин, Социализм и война. Собр. соч., т. XIII, стр. 103.

тельств и провозгласили почти в каждой стране необходимость «защиты отечества». Отношение к войне явилось пробным камнем также и для русских оппортунистов. Этот экзамен русские социал-соглашатели выдержали «с честью», чем открыли себе путь к более тесному сожительству с буржуазией.

...«Европейский» тип развития, — писал Ленин, — когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и в России» [1]).

«Ликвидаторство сложилось в национал-ликвидаторство. И это не могло быть иначе. Ибо социал-шовинизм есть идейно-политическое продолжение ликвидаторства, есть ликвидаторство в применении к условиям войны 1914—1915 г.г.» [2]). Русский социал-шовинизм являлся проводником великодержавной политики империализма в рабочую массу.

Насколько многообразны были виды русского оппортунизма, от откровенных ликвидаторов — типа Потресова, Маслова, до скрытых оппортунистов — настолько же многогранным оказался и социал-шовинизм.

На самом крайнем фланге русского социал-шовинизма стал Плеханов, который, в сотрудничестве с Алексинским и крайними правыми эсерами: Бунаковым и Авксентьевым, издавал за границей журнал «Призыв».

За ними справа налево следовали открытые оборонцы, как Потресов, Гвоздев, Маслов, Левицкий и др. Этой группе принадлежал легальный журнал, об'единявший еще до войны ликвидаторов: «Наше Дело», который после закрытия превратился в «Самозащиту». В руках этих оборонцев и находились рабочие группы военно-промышленных комитетов.

Меньшевистский «центр» возглавлялся в России Организационным комитетом (ОК) и меньшевистской думской фракцией, руководимой Чхеидзе и отчасти Даном, находившимся в ссылке.

ОК в противовес большевистскому ЦК, избранному на большевистской пражской конференции 1912 г., был создан на меньшевистской конференции в Вене и возглавлял так называемый «августовский блок» ликвидаторов и меньшевиков. Это об'единение было, как писал тов. Ленин, об'единением всех оттенков меньшевизма «на брани» против большевиков.

К началу империалистической войны этот «блок» уже был своего рода «обломком крушения». «С началом войны этот блок распадается. «Наша Заря», Плеханов, Алексинский, вождь кавказских с.-д. Ан становятся открытыми социал-шовинистами, про-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 180.

[2]) Зиновьев, Российская соц.-демократия и русский соц.-шовинизм. Собр. соч. т. V.

поведуя желательность поражения Германии. ОК и Бунд защищают социал-шовинистов и основы социал-шовинизма»[1]).

Эта группа, прикрываясь революционной фразой об интернационализме, на деле во всех главных вопросах поддерживала оборонцев.

«Левое крыло меньшевизма составляло большинство так называемого заграничного секретариата ОК (Мартов, Мартынов, Аксельрод, Семковский). Член секретариата Аксельрод стоял на точке зрения дановского центра. В первый период войны Мартов редактировал вместе с Троцким издававшуюся в Париже газету «Наше Слово»; потом Мартов с Троцким разошелся.

Заграничный секретариат ОК издавал свои «Известия». В России меньшевики издавали легальную газету «Рабочее Утро» (под разными названиями: «Голос», «Наше Утро» и т. д.), выходившую в Самаре»[2]).

Наконец, на крайнем левом фланге меньшевизма стоял тов. Троцкий, редактировавший в Париже газету «Наше Слово», которая занимала промежуточную позицию между большевизмом и меньшевизмом.

Русский социал-шовинизм был использован господствующими классами, как проводник буржуазного влияния в рабочую среду. Роль открытых агентов русской буржуазии взяли на себя правые оборонцы, во главе с Плехановым. «Содействующими» явились русские «центристы» и «левые» меньшевики.

В этом отношении русские социал-шовинисты нашли себе полную поддержку западно-европейских. Вандервельде, один из виднейших вождей II Интернационала (тогда председатель Международного социалистического бюро), в своем письме убеждал русских социал-демократов «использовать свое право на законную защиту» от нашествия Германии[3]); это письмо было сочувственно встречено русскими социал-шовинистами.

«Мы были бы счастливы знать, — писал этот «социалист» бельгийского короля с.-д. депутатам думы, — ваше отношение и ваше мнение и еще более счастливы знать, что оно сходится с нашим». Увы! он не ошибся. Западно-европейский оппортунизм нашел себе полную поддержку у правого крыла русской социал-демократии.

«В этой войне, — писали ликвидаторы в ответ на письмо Вандервельде, — ваше (т. е. союзников — *Б. Г.*) дело есть дело правое, дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной войне пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства...».

«Мы не противодействуем войне, мы считаем, однако, нужным обратить ваше внимание на необходимость теперь же

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 127—129.

[2]) «Ленин о Троцком», изд. «Новая Москва». Предисловие М. Ольминского «Л. Д. Троцкий и война», стр. 143—144.

[3]) Цитировано по материалам «Памятники агитационной литературы», стр. 28.

готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса народа, населяющего данную область».

Вместо открытого протеста против войны, руководящий центр ликвидаторов согласился с Вандервельде и официально заявил в печати, что он в своей деятельности «не противодействует войне» [1]. «Они не говорят: «содействуем», — писал по поводу этого письма Зиновьев.—Они говорят только: не противодействуем. Но для Милюкова и Пуришкевича для начала довольно и этого». Это была та же политика империализма — только в белых перчатках.

Очень характерно неопределенное указание русских социал-шовинистов на необходимость «готовиться» к противодействию «намечающейся» захватной политике великих «держав». «Намечающейся»!.. Это в тот момент, когда империалистическая война охватила уже всю Европу!

Таким образом, стало вполне ясно, что II Интернационал является фиговым листком империалистической буржуазии, стараясь подчинить империалистической политике широкие народные массы. Но понимая, что народные массы не пойдут за оголтелыми империалистами милюковско-гучковского типа, русские социал-шовинисты (ликвидаторы) старались преподнести рабочим империализм подсахаренный, подслащенный идеей «самозащиты» от «нападения», идеей народной борьбы за экономическую независимость.

«Победа Германии предрешает экономическую зависимость и эксплоатацию России, между тем как победа английского империализма обеспечивает полную (!!) свободу договоров и полное (!!) освобождение от насильственной эксплоатации страны». Если царские войска не победят, т.-е. не задушат Галиции, не отнимут у турок Константинополя, то это неминуемо должно «задержать ее (России) экономическое и политическое развитие». «Германия хочет превратить Россию в колонию, путем изменения таможенных пошлин, уничтожения (!) в ней промышленности и т. д.» — так пишет национал-ликвидатор Маслов» («Экономические причины мировой войны». Москва, 1915 г., стр. 41—42).

Таким образом, русские ликвидаторы, основная группа которых об'единялась вокруг журналов «Наша Заря» и «Наше Дело», совершенно откровенно стали проводить идеи русского империализма под флагом борьбы за «экономическую независимость» России.

Ликвидаторское «Наше Дело» в № 3—4 открыто провозгласило ту «святую истину», что в войне социалистам необходимо «брать сторону одной из коалиций держав — решительно стать на сторону тройственного согласия». «Демократия, — писал ликвидатор Левицкий, — в данный исторический момент может брать сторону

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 114.

только тройственного согласия. Бельгийские и французские социалисты, став на точку зрения национальной защиты, не погрешили тем самым против принципов международности» [1]). Ликвидатор Смирнов в «Русских Ведомостях» заявлял о необходимости для социал-демократии после войны пересмотреть свое отношение к милитаризму вообще и из принципиальной противницы превратиться в его сторонницу. Ликвидатор Алексинский выступил в кадетской «Речи» с письмом, в котором он уверял царскую шайку, что политическая эмиграция сразу примирилась бы с войной, если бы «перед этими элементами явилась возможность прекратить свое невольное и во время войны крайне тяжелое пребывание за границей и вернуться на родину». («Речь», 26 мая 1915 г.) [2]).

Конечно, наиболее тяжелой для русского пролетариата была измена Плеханова, подготовленная, впрочем, всей предшествовавшей его деятельностью. Однако эта измена, при его сравнительно большом влиянии, должна была сыграть известную деморализующую роль.

В своем письме к рабочим, появившемся в самом начале войны, он убеждал рабочий класс в том, что война эта для России — «оборонительная», и что поэтому задачей пролетариата является защита отечества [3]).

«Оборонительный» характер войны со стороны царской России, — пишет Зиновьев, — Плеханов «доказывал» только и исключительно тем, что накануне войны центральный орган немецкой с.-д. партии («Vorwärts»), исполняя свой социалистический долг, нападал на свое германское правительство, изобличая его в провоцировании войны».

Уже во время войны Плеханов предвосхитил свою роль в 1917 г. и выступал в качестве «главного уговаривающего». В последнем отношении характерно «напутственное слово», сказанное им накануне от'езда из Парижа русским эмигрантам, вступившим добровольцами во французскую армию.

Хотя он в своем «письме-раз'яснении» от 30/17 сентября 1914 г. пытался внести поправки в «неточное толкование» его слов, однако в этом же письме черным по белому было написано о его «сочувствии союзникам» и о том, что каждый «должен желать победы именно этим государствам». Плеханов всецело поддерживал ту травлю Германии, которая велась всеми союзниками [4]).

Этим своим выступлением Плеханов заслужил похвалы и одобрения всей русской буржуазной печати. Недаром кадет Изгоев в «Русской Мысли» писал: «Заработали подлинные исторические силы, и оказалось, что никакой интернациональной социал-демократии, противостоящей «буржуазному миру», не существует.

---

1) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 67.
2) Там же, стр. 174.
3) См. «Памятники агитационной литературы», стр. 28—29.
4) Там же, стр. 90—91.

Существуют только национальные рабочие партии, вожди которых именуют себя социал-демократами».

Московская и петроградская охранки с радостью отмечали то деморализующее влияние, которое письмо Плеханова оказало на наиболее отсталую часть рабочих как Петрограда и Москвы, так и провинции. Так, напр., начальник казанского губернского жандармского управления доносил, что «под влиянием письма Плеханова, призывающего рабочих приложить свои силы в тылу армии для доставления ей необходимых предметов и тем способствовать победе над врагом, сознательные (?!) рабочие заговорили, что немцев нужно разгромить, так как иначе мир, продиктованный Германией, принесет собой пролетариату всех стран ужасы новых войн, новые угрозы классовому движению и классовой пролетарской солидарности, жить станет тяжелее; с победою же русских нужно ожидать если не полного разоружения государств, то, во всяком случае, доведения милитаризма до минимума; победа заставит пойти правительство на многие уступки, которых иначе нужно было бы добиваться еще долгие годы и с большими жертвами» [1]).

Такой хвалебный отзыв охранки, пожалуй, является для Плеханова наиболее убийственным.

Если Плеханов в компании с ликвидаторами — Алексинским, Потресовым и им подобными—начал ничем не прикрытую, до наглости откровенную, шовинистическую агитацию, то другая часть меньшевиков, так называемый «центр», возглавляемый ОК, прикрывал свой шовинизм — фактический переход к оборонческим позициям и сотрудничество с буржуазией — высокими фразами об интернационале, «международной солидарности» и «справедливом демократическом мире».

Эти группы были тем опаснее, что своими революционными по внешности фразами они лишь вводили в заблуждение рабочих, убеждая их в возможности «справедливого мира» «без аннексий и контрибуций» в условиях капитализма. На деле же они предавали международную пролетарскую солидарность, так как не отмежевывались решительно от социал-шовинистов и не призывали к гражданской войне с *своим* правительством и *своей* буржуазией.

«С слишком откровенным шовинизмом, — писал т. Зиновьев [2]), — к русским рабочим не сунешься. И тут-то позиция «центра», которая уже сейчас проводится ОК, будет сущим кладом для Потресовых, Череваниных, Ежовых, Левицких и К⁰» (т.-е. для ярых оборонцев).

С этой стороны та мелкая непринципиальная грызня, которая существовала между ОК и откровенными социал-шовинистами,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 67, т. XXVIII, 1915 г., донесение от 14/IX 1915 г.

[2]) *Зиновьев*, Собр. соч., т. V, стр. 182.

служила лишь прикрытием истинной буржуазной сущности окистов, затрудняя борьбу с ними. Думская меньшевистская фракция Чхеидзе, несмотря на внешнюю «левизну» и революционную фразеологию, лишь более умело и тактично проводила социал-шовинистскую политику ликвидаторов.

«Окисты, — писал Ленин, — стараются уверить публику, что у фракции Чхеидзе и у ОК есть своя линия, вполне интернационалистская и несогласная с линией «Нашего Дела». Эти уверения представляют из себя самую вопиющую неправду. Ни одного такого факта нет. В течение ряда лет, 1912—1914, фракция Чхеидзе и ОК играли роль пешек при «Нашей Заре», защищали ее политику систематически, что прекрасно известно рабочим Питера и других мест» [1].

В доказательство тов. Ленин приводит ряд фактов и затем приходит к следующему выводу:

«Наше Дело» есть политическая величина, питаемая либеральными связями, а ОК и фракция Чхеидзе суть политические декорации, вполне и целиком ведущие политику «Нашего Дела».

«В своей декларации (см. Сборник ОК, стр. 141—143) [2] фракция Чхеидзе хотя и указывала на «империалистический характер войны» и говорила об «общих задачах всего международного пролетариата» — и «мире без аннексий и контрибуций», тем не менее выдвинула, подобно ликвидаторам и народникам, лозунг «спасения страны от разгрома».

«Все эти якобы интернационалистские фразы, — писал Ленин, — служили у Чхеидзе одной цели — прикрытию ликвидаторского мелкобуржуазного лозунга «национальной обороны» [3].

Однако русские «центристы» даже на этой межеумочной позиции удержаться не могли. Главный идейный представитель ОК — Аксельрод уже в № 2 «Известий», вместо отстаивания платонической «борьбы за мир», стал доказывать, «что борьба теперь преждевременна». «План теперь же начать призывать рабочие массы к боевым выступлениям (демонстрациям, политическим стачкам и т. д.),—писал он,—кажется мне преждевременным и крайне рискованным».

Чхеидзе и Мартов, по словам Зиновьева, в течение месяцев войны не раз «колебались, как тростник», и даже бывало выступали против социал-шовинизма, но это не мешало им оставаться «пленниками ликвидаторства» и «социал-шовинизма».

То, что фракция Чхеидзе, так же, как и мелкобуржуазная партия трудовиков, вместе с Керенским, не вотировала в думе за кредиты, об'ясняется, как писал Ленин, просто тем, что «иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих» [4].

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 224—225.
[2]) Там же, стр. 228.
[3]) Там же, стр. 228.
[4]) Там же, стр. 113.

Тем не менее меньшевистская фракция не вынесла протеста против социал-шовинизма. Главная деятельность «критиков» социал-шовинизма из русского соц.-дем. «центра» (ОК) заключалась не столько в разоблачении русского национал-ликвидаторства, сколько в защите социал-шовинизма. — «В чем выразилась деятельность ОК почти за год войны? — В том, что он заметал следы за Потресовым. О позиции Каутского, позиции «центра» германских с.-д., наиболее опасного противника марксистов, в выступлениях ОК ни звука. Зато вы найдете жалобы на «С.-Д.» [1]) за то, что он недостаточно вежлив с Каутским и его друзьями» [2]).

Последним оттенком внутри правого крыла русской соц.-дем. являлся «троцкизм». «Война застала «троцкизм» особой подфракцией в лагере ликвидаторов, со своим отдельным журналом «Борьба», безуспешно пытавшимся проводить пресловутую «среднюю линию» [3]).

Основное разногласие между большевизмом и троцкизмом в годы империалистической войны сводилось, прежде всего, к вопросу о тактике в отношении империалистической войны, к вопросу о гражданской войне.

В противоположность большевистскому лозунгу превращения империалистической войны в войну гражданскую, вместо призыва обратить оружие против своих правительств, тов. Троцкий выдвигал чисто каутскианский пацифистский лозунг «мира».

Возражая против лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую, тов. Троцкий становился тем самым противником пораженчества большевиков. На заявление Ленина о том, что «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству», тов. Троцкий возражал, что «желание поражения России есть ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка (!?) политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла».

«Вот образец надутых фраз, — писал по этому поводу Ленин, — какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое мастера герои II Интернационала, если (курсив Ленина) под ней не разуметь революционные действия против своего правительства во время войны... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. он раболепствует перед «политической методологией социал-патриотизма».

Кроме вопроса о превращении империалистической войны в гражданскую, разногласия между большевизмом и троцкизмом в годы войны, так же как и в период реакции, вызывал организацион-

---

1) «Социал-Демократ», орган большевиков.

2) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 180—181.

3) Там же, стр. 184.

ный вопрос. Тов. Троцкий выступал против «раскольников» (большевиков), призывая их к единству с левым крылом русских социал-соглашателей. По словам Ленина, тов. Троцкий пытался «совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», ОК или фракцией Чхеидзе» [1]).

«Троцкий и «левые» меньшевики, — писал т. Ленин — по-моему, вреднейшие «каутскианцы» — в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят эклектизм вместо революционного марксизма».

Таковы были основные оттенки российского социал-шовинизма.

Совершенно аналогичное превращение оппортунизма в социал-шовинизм произошло и у социалистов-революционеров, которые превратились в «национал-демократов». И у них мы находим все цвета радуги социал-шовинизма от крайних правых с.-р. — типа Бунакова, Авксентьева и Керенского, которые от имени трудовиков выступали в думе с патриотическими речами, — до «циммервальдовца» Чернова.

По сравнению с меньшевиками эсеры в своих резолюциях по поводу войны, а также в прокламациях и листовках проявили еще большую растерянность и неспособность наметить четкую политическую линию.

Если правые эсеры — «оборонцы» в полном согласии с кадетами, только прикрываясь «интересами демократии», призывали к доведению «освободительной» войны до победного конца, а эсеровский центр в лучшем случае откладывал революционное выступление на «последний день войны» — тем самым призывая к сотрудничеству с правительством во время войны, — то крайнее левое крыло эсеров целиком стояло на платформе циммервальдского центра, подобно меньшевикам-интернационалистам, прикрывая революционной фразой безыдейнейшие каутскианские позиции.

Причину расцвета оппортунизма в годы империалистической войны бесспорно приходится искать в тех общих условиях, которые ею были созданы.

Если, как мы указывали, до войны обстановка для развития оппортунизма была более чем неблагоприятной, то несколько иначе обстояло дело уже с первых месяцев войны, когда оппортунизм получил некоторую возможность, хотя и временно, укрепиться, впрочем весьма непрочно и непродолжительно.

Одной из причин проникновения мелкобуржуазных влияний в рабочую среду было изменение за годы войны состава рабочих. Выше мы видели, что лучшие силы пролетариата были отвлечены в армию и заменены женщинами и детьми; с другой стороны, в рабочую среду проникли мелкобуржуазные элементы, искавшие отсрочек и спасения от фронта на заводах, работавших на обо-

---

[1]) Н. Ленин, Социализм и война. Собр. соч. т. XIII, стр. 128.

рону. На изменение состава рабочих, как на причину слабости рабочего движения, между прочим, указывала и охранка.

Это отмечено, например, в донесении начальника владимирского губернского жандармского управления в ответ на запрос департамента полиции о политическом положении губернии: «Обязуюсь отметить, — доносит он, — что относительное спокойствие в рабочей среде об'ясняется современным составом ее, который слагается в силу войны из элементов наименее революционных (женщины и более старые люди)» [1]).

Помимо изменения состава рабочих и проникновения в их среду мелкобуржуазных элементов, развитию оппортунизма в первый период войны несомненно способствовало повышение зарплаты в отраслях, связанных с работой на оборону. Это повышение оказало разлагающее влияние на наиболее отсталую часть рабочего класса. Поскольку оно было тесно связано с работой на войну, постольку на первых порах денежный интерес нередко заставлял часть рабочих мириться с самой войной. Летом 1915 г., когда вся буржуазия подняла вой о необходимости мобилизации промышленности, т.-е. о необходимости передачи ей военных заказов, ей вторили одураченные социал-шовинистами соглашательские элементы из наиболее разложившейся части рабочего класса.

Развитию оппортунизма среди рабочих не только способствовал общий под'ем зарплаты в отраслях, работавших на оборону, но также сильный под'ем ее у неквалифицированных рабочих. Значительное, по сравнению с довоенным, улучшение положения чернорабочих расширило базу оппортунизма. Если до войны его базой служила преимущественно рабочая аристократия, то теперь в сферу оппортунистического влияния начинают вовлекаться менее сознательные и политически неразвитые чернорабочие. Все эти причины, вместе взятые, явились известными предпосылками для развития в годы войны оппортунистического течения среди некоторой части рабочего класса. Однако на-ряду с этим не только продолжали действовать, но и значительно быстрее развивались другие факторы, предопределявшие бо̀льшую силу революционного движения, именно: военная разруха и усиление экономического и политического гнета. Война послужила толчком сначала для Февральской, а затем и Октябрьской революции.

Затишье движения в первые месяцы войны.

Первые месяцы войны отличались крайне слабым революционным движением. Несомненно, шовинистическая агитация в значительной мере подорвала рабочее движение; она нанесла крупнейший удар его организованности. Рука об руку с шовинистами работал и департамент полиции. Он более или менее покровитель-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167 по Владимирской губ. 1915 г.; донесение от 20/X 1915 г.

ствовал оппортунистическим партиям, по крайней мере, в первые дни войны не принимал против них никаких особых репрессивных мер и скорее даже поощрял их. Все же кары и репрессии обрушились на большевиков.

Как пишет в своих воспоминаниях Смидович, «все или большинство было в достаточной степени известно полиции, вследствие чего мы были лишены возможности проявить достаточную активность; каждый шаг приводил к обычным последствиям: обыскам, арестам, высылкам. Работать систематически, да и то весьма недолго, удавалось немногим».

Помимо репрессий против революционной партии большевиков департамент полиции позаботился о том, чтобы устранить и экономические поводы к стачечной борьбе пролетариата. Охранка старается поддержать на высоте патриотическое настроение. «Со времени открытия военных действий, — читаем мы в одном из ее докладов, — в Петрограде не было ни одной стачки, и было бы желательно поддерживать патриотическое настроение среди рабочих».

Одну из главных причин, которая могла бы сорвать патриотическое настроение рабочих, охранка усматривала в понижении заработной платы. Уменьшение же расценок заводчиками и фабрикантами началось с первых же дней войны, так как промышленность не могла сразу приспособиться к работе на оборону. (Это приспособление началось лишь со второй половины 1915 г.) Предприниматели частично свертывали предприятия, рассчитывали рабочих и уменьшали заработок.

«Уменьшение жалования без предварительного по закону предупреждения, — пишет охранка, — вызвало сильное брожение на Путиловском заводе, «Новый Айваз» и других заводах. Большинство рабочих проявило склонность к забастовкам, но пока воздерживается». Чтобы предупредить возможность экономических забастовок, департамент полиции предложил фабрикантам (предложение было сделано под расписку) ни в коем случае не понижать заработной платы и вообще стараться не вызывать рабочих на забастовки.

Все это вместе взятое — шовинистическая агитация, репрессии правительства и изменение в составе рабочих — не могло не подействовать задерживающим образом на рабочее движение первых месяцев войны. В противоположность сильному под'ему накануне войны, после ее об'явления — в конце июля — были лишь единичные забастовки. В августе забастовочное движение коснулось только 24 промышленных предприятий, в которых имели место 24 забастовки с общим числом бастовавших — 24.688 человек.

Сравнительно с июлем того же года число забастовок в августе сократилось почти в 40 раз, а число бастовавших рабочих—более чем в 13 раз.

Преобладающее количество забастовок приходилось на забастовки экономического характера. Последние составляли 91,7%

общего числа забастовок, число их участников — 90,2% общего числа бастовавших рабочих.

Забастовки неэкономического характера составляли по отношению к общему числу забастовок всего 8,3%, а число их участников — 9,8% всех забастовщиков [1].

Вся осень 1914 г. проходит под знаком общего затишья. Единственно в сентябре было отмечено сильное брожение на Путиловском заводе, «Новый Айваз» и других, вследствие «уменьшения жалования без предварительного по закону предупреждения». Аналогичная забастовка произошла на заводе Парвиайнен. На последнем администрацией было уволено и послано на фронт 67 человек. Как рабочее движение, так и работа социал-демократии были настолько придавлены, что даже арест в ноябре месяце на конференции в Озерках большевистской фракции государственной думы хотя и взволновал рабочих, но особенно сильного движения не вызвал [2]. Некоторое оживление революционной деятельности началось лишь в конце 1914 г.

Сфера влияния партии, обессиленной мобилизацией, закрытием легальных органов и арестом виднейших партийных работников, была очень узкой. Выпускаемые листовки, вследствие противодействия охранки, плохо расходились и в рабочие массы почти совсем не попадали [3].

Массы были распылены и не сорганизованы. Лишь с продолжением войны и развитием вызываемых ею противоречий начинается оживление революционного движения как в России, так и на Западе. «Пролетарские массы, — писал Ленин в статье о крахе II Интернационала, — от которых вероятно около $^9/_{10}$ старого руководительского состава отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но об'ективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся и все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 г. с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выростала миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны,

---

[1]) 1-е отделение юридической секции ЕГАФ. Дело канцелярии совета министров 1913—1917 г.г. «О мерах борьбы с рабочими забастовками».

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции о социал-демократии № 46. Донесение начальника московской охранки от 21/XII 1915 года.

[3]) Меницкий, Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы. Москва, 1923 г., стр. 53.

во время нее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы» [1]).

И партия работала над тем, чтобы лозунг гражданской войны действительно стал достоянием масс, т.-е. превратился в реальную силу.

Итак, мы рассмотрели рабочее движение в первые месяцы войны. Как мы видели, предшествовавший войне революционный под'ем, протекавший под непосредственным руководством большевистской партии, на-ряду с опытом предыдущей революционной борьбы (особенно в 1905 г.), дал пролетариату революционную закалку и ослабил неизбежное в первые дни войны действие шовинистического угара. Однако, несмотря на это, война сразу же внесла дезорганизацию в рабочее движение.

Широко развитая как буржуазией, так и социал-предателями шовинистическая агитация, жестокие репрессии правительства — на-ряду с изменением состава пролетариата и отвлечением на фронт его передовой, наиболее революционной части — предопределили упадок движения.

Однако революционизирующее влияние войны при наличии выдержанного революционного кадра пролетариата и правильном партийном руководстве представляло собой гарантию неизбежности нового под'ема революционного движения. Та перемена в настроении масс, которую предвидел Ленин, выявилась в революционном движении следующих лет, которое завершилось сначала Февральской, а затем Октябрьской революцией.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ 1915 г.

В начале 1915 г. в рабочем движении все еще господствовал штиль.

«9-е января 1915 г., — писал Зиновьев, — застает миллионы рабочих Европы мобилизованными под чужим враждебным нам знаменем. Весь могучий аппарат европейской буржуазии, весь механизм государственной власти, стоустая ее печать, школа, церковный амвон — все способы воздействия пущены в ход, чтобы обмануть рабочих, чтобы убедить их в том, будто знамя «защиты

---

[1]) Н. Ленин, Крах II Интернационала. Собр. соч., т. XIII, стр. 180.

отечества» в эпоху империалистических войн есть именно наше пролетарское знамя...» [1]).

Царское правительство торжествовало по поводу ослабления революционного движения.

Революционное движение было еще настолько слабо, что даже традиционная забастовка в день 9-го января в 1915 г. прошла необычайно тихо. Министр внутренних дел Маклаков доносил царю: «В видах ознаменования годовщины события 9-го января 1905 г. в городе Петрограде прекращали работу: в 1913 г. — 55.950 человек, в 1914 г. — 110.604 чел. и в 1915 г. — 2.528 чел. в десяти предприятиях, при чем никаких демонстративных выступлений и беспорядков не было, и в предприятиях, изготовляющих заказы военного и морского ведомств, работы не прекращались. Ничтожное, по сравнению с предыдущими годами, число бастовавших 9-го сего января наглядно показывает, насколько разумнее (!) и спокойнее (!) относятся рабочие к волновавшим их прежде событиям, и свидетельствует с несомненностью, что в связи с общим воодушевлением народа вследствие войны, фабрично-заводские мастеровые перестали подчиняться слепо (!) прежнему вредному влиянию социалистических агитаторов. Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству» [2]).

Однако напрасно торжествовало министерство внутренних дел, 1915 г. явился началом, хотя и медленного, но неуклонного развития рабочего движения.

Возрождение партийной работы.

Оживление рабочего движения сказалось в некотором возрождении партийной работы.

«Величайший кризис, который вызвала всемирная война в европейском социализме, породил сначала (как и полагается при больших кризисах) громадную растерянность, затем наметил целый ряд новых группировок среди представителей разных течений, оттенков и взглядов в социализме, наконец, поставил с особенной остротой и настойчивостью вопрос о том, какие, именно, изменения в о с н о в а х социалистической политики вытекают из кризиса и требуются им» [3]).

Война окончательно размежевала оппортунистическое и революционное пролетарское движение в России. Упадок партийной деятельности в первые месяцы войны в конце 1914 и начале 1915 г. начинает сменяться возрождением партийных организаций. Как доносит начальник петроградской охранки, в половине января

---

[1]) З и н о в ь е в, Собр. соч., т. V, стр. 41.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 4-е делопроизводство, № 61, 1915 г.

[3]) Н. Л е н и н, Что же дальше? Собр. соч., т. XIII, стр. 29.

месяца 1915 г. «отмечено было сорганизование новой группы большевиков-ленинцев, самочинно (без разрешения департамента полиции, очевидно??!) присвоивших себе наименование «Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Партии» и взявших на себя почин в деле руководительства новыми попытками к воссозданию местных дезорганизованных подпольных партийных учреждений» [1]).

Возрождение подпольной большевистской организации было тем более важно, что затишье в партийной работе продолжалось в течение всей второй половины 1914 года; большой удар партии нанесли аресты, особенно арест социал-демократической фракции государственной думы, которая (т.-е. фракция) вела большую работу на местах.

Какую громадную роль в рабочих массах играла с.-д. рабочая фракция, выявил судебный процесс над ней. «Суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной социал-демократией», — говорит Ленин в статье: «Что доказал суд над РСДР фракцией» [2]).

Поэтому, при первых сведениях об арестах думской большевистской шестерки, Ленин писал, что «работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее». Однако, нанеся удар партии, правительство не смогло ее уничтожить. Отмечая трудность работы, Ленин в письме к Шляпникову писал: «И все же мы ее (партийную работу) поведем. «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых, вопреки всем трудностям, подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии... Времена тяжелые, но... вывезем» [3]).

И действительно, несмотря на арест фракции, партийная работа начала оживляться не только в Петрограде и в Москве, но и в других городах.

Как доносит начальник московской охранки, именно с конца 1914 и начала 1915 г. стала возрождаться партийная организация в Москве, где ей удалось выпустить ряд листовок против войны [4]). Партийная работа налаживалась, несмотря на чрезвычайно большие затруднения, несмотря на необыкновенно развитую провокацию, при помощи которой охранка пыталась предупреждать почти каждый шаг революционного движения. Но к этому времени рабочее движение, в особенности политическое, было настолько слабо, что партия не могла еще развить достаточно широкой деятельности.

Петроградская охранка с удовлетворением отмечала, что «организовавшаяся в Петрограде большевистская группа не смогла

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57, 1915 г., донесение начальника петроградской охранки от 2/II 1915 года.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 54.

[3]) «Ленинский сборник», ч. 2-я, стр. 211—212.

[4]) Донесение от 1-го октября 1915 г.

сорганизовать даже активного протеста 10-го февраля, в день суда над социал-демократической фракцией государственной думы». «Из имеющихся в настоящее время в отделении осведомительных агентурных материалов, — доносит охранка, — определенно видно, что, несмотря на исключительные старания и активность членов этой новой обследуемой группы, наличность военного положения и опасения работающих на фабриках и заводах ратников и запасных попасть, в случае активного участия в каких-либо выступлениях, в действующую армию — в достаточной мере парализуют агитационные порывы наблюдаемых партийных работников и гарантируют лойяльность передовых (?!) рабочих кругов, заставляя таковые сдерживать свою энергию в рамках легальности и умеренности» [1].

«Изложенными соображениями, — продолжает донесение, — об'ясняются и результаты состоявшегося на этих днях, по сведениям секретной агентуры отделения, законспирированного совещания сознательных рабочих — представителей от отдельных фабрично-заводских предприятий Выборгской стороны. Находясь под агитирующим воздействием представителей вышеуказанной руководящей группы (т.-е. Петербургского Комитета РСДРП—*Б. Г.*) и в то же время считаясь с обстоятельствами данного момента — военным положением и работающими на заводах ратниками и запасными,— участники совещания высказались против каких бы то ни было уличных и иных демонстративных выступлений и признали возможным лишь попытаться провести в этот день на фабриках и заводах нечто, напоминающее собою так называемую «итальянскую забастовку», если где-либо создастся благоприятная обстановка, то попытаться устроить, опять-таки внутри фабричных и заводских помещений, митинги и собрания. При удачном проведении подобного плана, по мнению участников совещания, у администрации и властей не будет поводов к придиркам и воздействию на более всего подверженных опасности ратников и запасных».

«Подобные результаты совещания сознательных рабочих самого беспокойного Выборгского района, — делает вывод автор донесения, — дают основания предполагать, что рабочие других районов города также не выйдут из рамок законности, и день суда над арестованными социал-демократическими депутатами не будет ознаменован какими-либо демонстративными и резкими эксцессами» [2]. Аналогичное положение было и в Москве. Как доносит начальник московского охранного отделения, «в начале февраля была уже сделана попытка к проведению в день суда над рабочими депутатами в знак протеста однодневной забастовки с уличными демонстрациями, и даже предполагалось к этому дню выпустить со-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57-я, 1915 г.

[2] Там же.

ответствующую листовку. Однако попытка эта не имела успеха, так как, хотя принципиально и признавалось желательным отметить чем-нибудь этот день, но ввиду неорганизованности рабочих масс, было решено не производить никаких демонстративных выступлений и лишь выпустить листовку, которая хотя и была отпечатана на гектографе, но распространения не получила благодаря принятым отделением мерам» [1]).

Несомненно, слабость стачечного движения и слабость партийной организации были причиной того, что фактически день суда над социал-демократической фракцией не был ознаменован активным выступлением пролетариата. Имели место лишь отдельные выступления [2]).

Несмотря на то, что под'ем стачечного движения в феврале был в $2^1/_2$ раза выше, чем в предыдущем месяце (число стачечников достигло 20.694 ч.), преобладающими все еще остаются экономические стачки (75% стачек с 85% участников).

Политическое движение было слабо и в последующие месяцы. Не была отмечена годовщина Ленских событий, сравнительно вяло прошла маевка. Не работали частично лишь две мастерские, на заводе «Новый Айваз» 800 человек (после обеда) и несколько мелких частных предприятий [3]). По сообщению «Социал-Демократа», в этот день бастовало еще 3.000 булочников. Но относительно этих забастовок охранка умалчивает.

Борьба с наступлением капитала.

Все это указывает на слабость политического движения. Экономическая борьба пролетариата в этот период была значительно сильнее. Наступление капитала, воспользовавшегося исключительными условиями военного времени для непомерного увеличения эксплоатации пролетариата, заставляет рабочих начать оборонительную борьбу.

Как видно из прилагаемой в конце работы диаграммы № 2, именно с января 1915 года начинается правильное поступательное движение кривой стачечной борьбы.

Военное разложение хозяйства началось уже с конца 1914 г. В 1915 году стала довольно остро чувствоваться дороговизна. К этому нужно прибавить, что как раз в первые месяцы войны промышленность еще не успела приспособиться к военным условиям, и потому производство в очень многих отраслях, особенно

---

[1]) Ленинградский Историко-Революционный Архив. Дело департамента полиции, 4-е делопроизводство, № 61, «О рабочем движении» л. А., 1915 г.

[2]) См. «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г. «Забастовочное движение в Петербурге за 1914—1916 гг. по агентурным данным», стр. 58.

[3]) Ленинградский Историко-Революционный Архив. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57, 1915 г.

связанных с рынком широкого потребления, значительно сократилось. Предприниматели нажимали на рабочих, капитал переходил в наступление. Это и вызывает с весны или, точнее, с лета 1915 года усиление стачечной борьбы против капитала, который всю тяжесть военной разрухи стремился переложить на плечи рабочего класса и широких народных масс.

Январский отчет фабричной инспекции [1]) отмечает ряд забастовок на почве недовольства заработной платой, при чем указывает такие случаи, как, например, протест против перехода с поденной платы исключительно на сдельную плату «без вознаграждения рабочих за время перерывов в производстве по недостатку угля или сырых материалов», вследствие чего «рабочие не дорабатывали до своего обычного заработка». Последнее имело место, например, в Варшавской губернии на фабрике Рейхер.

Особенно тяжелым в первые месяцы войны оказалось положение текстильной промышленности. С первых же дней войны текстильные предприятия в большинстве случаев сокращали производство товаров на широкий рынок и переходили к работам для выполнения заказов военного ведомства. Вот характерный пример переорганизации большой Костромской льняной мануфактуры:

«На названной мануфактуре, — читаем мы в отчете фабричной инспекции, — вследствие прекращения работы на частный рынок и исполнения заказов военного ведомства, была изменена вся система работы, так как пришлось часть фабрики, способную по системе своих машин работать на военное ведомство, перевести на две смены, при чем были изменены и сорта вырабатываемых товаров в соответствии с требованиями военного ведомства. Хотя при переходе с 10½-часовой работы на 18-часовую сменную и было прибавлено 10% к заработку рабочих, но прибавки этой было недостаточно для компенсации потери во времени, и заработок рабочих стал понижаться, при чем понижение это было особенно значительно в декабре 1914 г.: около 15 января с/г. рабочие катушечного цеха, в количестве около ста человек, оставили работу и пред'явили требование о прибавке 10 коп. в день. Вследствие остановки подвоза катушек постепенно стали останавливаться все отделы прядильной фабрики. Забастовка продолжалась 2 дня, при чем рабочим удалось добиться повышения заработков до прежнего уровня».

Аналогичный характер носит январско-февральская забастовка на фабрике Ясюнинских, явившаяся ответом рабочих на попытку капиталистов понизить не только реальную, но и номинальную заработную плату.

«Причиной последних забастовок, — сообщает отчет фабричной инспекции, — был переход фабрик названного товарищества (Ясю-

---

[1]) I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров 1913—1917 гг. «О мерах борьбы с рабочими забастовками».

нинских), под влиянием заказов интендантства, на выработку более простых и дешевых тканей, что вызвало понижение расценок работ, а вместе с тем и сокращение заработков рабочих. Так, средний месячный заработок ткача на указанных фабриках составлял в январе текущего года 16 р. 17 коп., а в январе 1914 г. уже 15 р. 76 к. Между тем цены на продукты первой необходимости значительно возросли»[1]).

Мы взяли лишь две иллюстрации того движения, которое охватило текстильную промышленность весною 1915 г. Как видно из приведенной диаграммы, именно на апрель, май и июнь падает довольно значительный под'ем стачечной борьбы в текстильной промышленности. Так, например, в июне месяце число стачечников в текстильной промышленности достигает 60.000. В этот период текстильщики идут впереди других рабочих и обгоняют даже металлистов.

Стачечное движение еще более усиливается летом 1915 г. Это лето явилось своего рода переломным моментом во всем хозяйстве страны. С начала войны, до лета 1915 г. почти все отрасли промышленности в связи с войной значительно сократили число рабочих, а также и заработную плату. Лишь после отступления русских войск из Галиции, после ряда поражений на фронтах, царское правительство под давлением буржуазии вынуждено было перейти на так называемую мобилизацию промышленности, которая привела к временному под'ему заработной платы или, по крайней мере, к временной задержке ее падения. Неудивительно, что весенняя забастовка 1915 года носила прежде всего характер ожесточенной борьбы против падения заработной платы. Забастовочное движение захватило важнейшие отрасли промышленности и на этот раз не только текстильную, но и металлургическую.

«В годовщину Ленских событий были крупные стачки протеста, в результате которых в Питере было арестовано 400 человек. 1 мая в Питере бастуют 35.000 человек, арестовано 400 человек, 100 человек послано на передовые позиции»[2]).

Во второй половине мая вспыхивает ряд стачек в районе Донецкого бассейна, а также в некоторых других провинциальных городах, как, например, в Харькове, Самаре, Саратове, в Тверской губ. и в друг. Особенной силой в этот период отличалось движение в Петроградском районе.

Хотя у металлистов заработная плата в первые месяцы войны держалась выше, чем в других отраслях, однако, как доносит охранка, это повышение заработной платы получилось «лишь исключительно благодаря установленным сверхурочным работам, требующим затраты рабочими громадного запаса энергии и отнимающим у них в большинстве случаев даже время, необходимое для отдыха». Охранка обращала внимание на то, что «этот

---

[1]) Донесение от 1 октября 1915 г.
[2]) «Социал-Демократ», № 47, 13/X 1915 г.

сверхурочный труд весьма тяжело отражается на настроении рабочих. Они прекрасно сознают, что оплата их труда не повысилась, а увеличилось лишь число рабочих часов, казавшееся им значительным и при обстановке мирного времени» [1]).

Стачечное движение весны и лета 1915 г. является результатом протеста пролетариата против усиливавшейся во время войны эксплоатации. Описывая стачечное движение лета 1915 г. на Ревельских судостроительных заводах, начальник Кронштадтского жандармского управления точно также об'яснял его возникновение усилением эксплоатации: «...Рабочие в громадном большинстве работают по расценкам мирного времени и если вырабатывают более положенного урока, то за таковой излишней платы не получают» [2]).

Между прочим, это донесение отмечает еще один характерный для социальных корней социал-оппортунизма факт, об'ясняющий, почему он, на-ряду с квалифицированной верхушкой рабочих, захватил и наиболее отсталое их крыло в лице чернорабочих: «Вздорожание продуктов первой необходимости, доходящее до неимоверных зачастую размеров, особенно сапожного товара, хлеба, сахара и мяса, и неувеличение заработной платы пропорционально вздорожанию продуктов главным образом и ведет к возрастанию недовольства в рабочей среде. До сих пор увеличена лишь заработная плата чернорабочим и поденщикам, а рабочие профессионалы не получали прибавок. Подобный порядок существует во всех мастерских морского ведомства» [3]).

Итак, усиление капиталистической эксплоатации в условиях растущей дороговизны предопределяет начало под'ема рабочего движения в период весны и лета 1915 года. Главной формой движения в этот период является экономическая забастовка. Небольшой процент политических забастовок падает лишь на празднование 1-го мая.

Репрессии правительства.

Усиление революционного брожения начинает внушать серьезные опасения властям. Охранка начинает опасаться результатов столь ярко выявившегося наступления капитала на рабочих, и, производя аресты, она в то же время пытается умерить нажим капиталистов.

«Недовольство среди рабочих, — делает вывод автор вышецитированной записки, — порождает, к сожалению, и сама администрация, которая за всякую провинность угрожает рабочим отправкою на театр военных действий, стараясь участие в войне, составляющее нравственный долг каждого гражданина, превра-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизв. № 341, 1915 г. Вх. 19744 от 11/VII 1915 г.

[2]) Там же. Вход. 21422 от 26/VII 1915 г.

[3]) Там же. Вход. 19744 от 11/VII 1915 г.

тить в какое-то средство или кару для понуждения к работе, что достигает обратных результатов, так как вызывает в рабочей среде непопулярность войны». (Как будто только из-за этого война становилась «непопулярной»!

Как уже было отмечено в интересах прекращения стачечной борьбы и сохранения столь необходимого для него гражданского мира, правительство пытается воздействовать на фабрикантов в смысле устранения ими поводов для каких бы то ни было столкновений с рабочими. Именно таково содержание циркуляра министра внутренних дел от 8 мая 1915 г. за № 80797 [1]).

Правительство рекомендует местным властям: «обратить самое серьезное внимание на общее настроение фабрично-заводских рабочих, своевременно учитывать малейшие проявления каких бы то ни было замешательств на отдельных фабриках и заводах, выяснять ближайшие их основания, и если окажется, что виновниками таковых являются сами владельцы предприятий, — то путем соответственного энергичного воздействия и влияния побуждать их к немедленному улажению возникающих недоразумений; если же виновниками замешательств окажутся рабочие, то немедленно применять к главарям самые суровые меры в пределах особых прав, предоставленных вам положением о чрезвычайной охране».

Между прочим, такое распоряжение министра внутренних дел чрезвычайно характерно для политики царизма. Еще из истории зубатовщины и гапоновщины мы знаем, что правительство, особенно в лице министерства внутренних дел, представлявшего наиболее реакционные круги русских помещиков, иногда шло на экономические «уступки» рабочим за счет фабрикантов, тогда как последние, как об этом придется говорить несколько далее, весьма охотно искали успокоения рабочих путем политических уступок за счет царизма.

Однако правительство не склонно было удовлетворяться одним воздействием на фабрикантов. Гораздо большее значение оно придавало воздействию на самих рабочих. В развитие цитированного циркуляра от 8 мая, 13 июля 1915 г. рассылается новый секретный циркуляр начальниками губернских жандармских управлений и начальникам охранных отделений [2]).

В этом циркуляре начальникам сыскных учреждений рекомендуется войти «в ближайшие сношения с чинами фабричной и горной инспекции, где таковые имеются, с начальниками заводов, фабрик и мастерских, с прокурорским надзором, с начальниками местной полиции, чтобы, установив живое общение с этими лицами, быть в курсе всех волнений в рабочей среде, и во всех

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизводство № 341, 1915 г. Вход. 19744 от 11/VII 1915 г.

[2]) Там же. «О брожении среди рабочих на экономической почве 1915 г.».

случаях проявления каких-либо брожений в рабочей среде действовать всем властям в полной согласованности». Рекомендуя, «путем заводской надлежащей агентуры освещать настроение рабочих», циркуляр предлагает «обратить особое внимание на появление агитаторов среди рабочих, на распространение на фабриках и заводах каких-либо воззваний или иных преступных изданий», при чем «лиц, основательно заподозренных в этой деятельности или в подстрекательстве к стачкам и забастовкам, подвергать немедленно аресту и привлекать, в зависимости от имеющихся данных, к дознанию в порядке 1035 статьи устава уголовного судопроизводства». Согласно этому же циркуляру, местные охранники и жандармы должны были исполнять роль примирительных камер. «В случае возникновения стачки или забастовки — гласит циркуляр — необходимо принимать меры при посредстве чинов подлежащей инспекции или соответствующего начальства к немедленному рассмотрению причин забастовки и к миролюбивому соглашению сторон, буде же соглашения не последует, то назначать забастовщикам кратчайший срок стать вновь на работу или получить расчет. Заработанные деньги рабочих, которые откажутся получить расчет, препровождать в депозиты местных судебных установлений, а документы — в полицейские управления для выдачи по принадлежности. Всем вообще рабочим об'являть, что всякое нарушение порядка тотчас же будет подавлено, а лица, препятствующие чем-либо правильному возобновлению работ, немедленно будут подвергнуты аресту и высылке».

Правительство особенно рассчитывает на репрессии по отношению к военнообязанным рабочим. Последним оно грозит, в случае забастовки, немедленной отправкой на фронт:

«Относительно рабочих, призванных по мобилизации, получивших отсрочку явки и оставленных на заводах для исполнения срочных заказов военного ведомства, в случае участия их в забастовке и неявки в назначенный срок на работу, немедленно входить в соглашение с военным начальством для требований их на сборные пункты, на предмет отправления в действующие войска».

Между прочим, в своей карательной политике правительство действовало в согласии со всем буржуазным обществом. Буржуазия для того, чтобы оправдать сильнейший нажим на рабочих, пыталась выдавать все имевшие место стачки за результат германского влияния. В своей «Истории русской революции» Милюков даже стачечное движение в 1914 г., накануне войны, относит за счет германского влияния. Нечего говорить, что версия о германских деньгах прикрывала борьбу со стачечным движением и во время самой войны.

По отношению к забастовщикам широко практиковались локауты и расчеты. Последние были особенно выгодны буржуазии, так как они иногда давали ей возможность

при новом наборе рабочих пересматривать условия найма в худшую для рабочих сторону.

Однако репрессии против рабочих не ограничивались мерами экономического воздействия и мерами такого внеэкономического воздействия, как отправка на фронт, а доходили иногда и до вооруженного подавления рабочих выступлений. Например, в 1915 г. имел место расстрел рабочих большой Костромской льняной мануфактуры, о котором мы будем говорить несколько далее.

Слова циркуляра о воздействии на фабрикантов так и оставались словами. На самом же деле за время войны ничего не было сделано в смысле облегчения положения рабочих. Наоборот, война привела к ухудшению экономического положения рабочего класса, к еще большей эксплоатации.

Капиталисты отнюдь не собирались отпустить винт эксплоатации. Промышленники, собравшись на II с'езде представителей военно-промышленных комитетов (25—27/VII 1915 г.), ходатайствовали о полном уничтожении всех существовавших ограничений эксплоатации труда женщин, подростков и раненых.

«С'езд признал необходимым — гласит резолюция по этому поводу — ходатайствовать: а) об отмене на время войны всех ограничений, предусмотренных уставом о промышленности, в отношении пользования женским трудом и трудом подростков, поскольку сие не будет губительно для их здоровья, б) об отмене на время войны действующих ограничений в отношении продолжительности рабочего времени и сверхурочных работ».

И, наконец, с'езд решил принять меры «для более широкого приложения труда раненых и увечных».

Майский немецкий погром.

Продовольственные затруднения, общий рост разрухи, нещадная эксплоатация и, наконец, неудачи на фронте, — все это вызывало повышение революционного настроения среди рабочих. Правительство позаботилось о том, чтобы отвлечь их внимание от настоящих виновников разрухи. Если до войны обычным громоотводом массового недовольства были евреи и еврейские погромы, то теперь таким громоотводом должны были служить немцы. Правительство, а особенно буржуазия, с первых же дней войны развивает широкую агитацию против немцев. Это диктовалось необходимостью подогревать патриотическое настроение, особенно мелкобуржуазных масс, и кроме того, промышленники и фабриканты пользовались борьбой против немецкого засилья для устранения своих конкурентов. По тем же соображениям и помещики усиленно агитировали против немецкого засилья, рассчитывая, не без основания, получить конфискованные немецкие земли.

Антинемецкое движение, взращенное правительством, как мы увидим далее, вскоре обратилось против него самого: в 1915 г.

а особенно в 1916 г. массы, да и сама буржуазия стали искать немецкое засилье и немецких шпионов уже не на улицах, не на фабриках, не в армии, а в царском дворце, но в начале 1915 г. правительство еще могло позволить себе роскошь натравливать народные массы против немцев.

Нужно сказать, что и среди рабочих началось известное недовольство немцами, особенно в тех предприятиях, где имелась немецкая администрация. Общее недовольство режимом, как и вся классовая борьба против капиталистов на предприятиях с немецкой администрацией принимали иногда, благодаря правительственной агитации, националистическую форму, тем более, что за выступления против капиталистов тащили в участок, а эксцессы против немцев встречали только поощрение. Так, например, осведомитель Мирский [1]) сообщал о значительном озлоблении петроградских рабочих против немцев и против правительства за недостаточно энергичную борьбу с дороговизной и немецким засильем.

То же донесение говорит о возбуждении рабочих против немцев, состоящих в администрации заводов, и немецких мастеровых, при чем этот филер добавляет, что если не будет принято мер к увольнению этих лиц с завода, «то возможны убийства и разгромы домов». «На Путиловском заводе, на котором производится достройка миноносцев «Забияка» и «Победитель», рабочие утверждают, что заводская администрация (из немцев. *Б. Г.*) умышленно задерживает отправление их во флот».

Самым крупным проявлением националистической травли против немцев явился майский погром 1915 г., организованный московской охранкой.

Как правильно указывала одна из резолюций московских рабочих [2]), «погром был вызван для того, чтобы отвлечь внимание русских рабочих от тех поражений, которые несет русская армия на фронтах». Так же рассматривала этот немецкий погром и сама охранка. Помощник начальника московской охранки Мартынов доносил в своем докладе, что правительство прекрасно учло «приподнятое настроение до крайности» и избрало «единым, хотя бы временным клапаном напряженности, куда все это было выпущено, немцев» [3]). Погром, оказывается, был заранее подготовлен полицией.

Как видно из агентурной записки Павлова, «в руках погромщиков были личные списки немецких фирм», что указывает на подготовку погрома заранее. Та же записка отмечает «уверенность громил в том, что полиция и войска не будут противодействовать погрому».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 9-е, делопроизв. № 341, ч. 58, л. Б. 1915 г. Вх. 2253.

[2]) Меницкий, Рабочее движение и социалдемократическое подполье Москвы в военные годы. М. 1923 г., стр. 124.

[3]) Там же, стр. 128.

То, что фактически погром был организован полицией и что главную роль в нем играл люмпен-пролетариат, а ни в коем случае не подлинные московские рабочие, не подлежит никакому сомнению.

Участники немецкого погрома, по сообщению «Социал-Демократа», были «хитровцы, женщины, мальчишки, проститутки, интеллигенция и чернорабочие». «Сознательные же рабочие требовали у думы создания милиции для прекращения погрома». То, что пролетариат действительно не принимал участия в антинемецком движении, это должна была признать и сама охранка. «Огромное большинство рабочих, устроивших это движение, не принимало участия в расхищении имущества, — читаем мы в донесении охранки. — Подонки же населения учинили форменный грабеж. Эти «подонки», — по другому донесению, — и явились «действительными» зачинщиками движения». О том, как отнеслись к этому движению сами рабочие, говорят их резолюции. Как мы уже указывали выше, в одной из них погром рассматривался, как попытка отвлечения внимания народа от тех поражений, которые несла русская армия на фронтах. В своей резолюции, переданной в городскую думу, рабочие слагали с себя всякую ответственность за совершившийся факт. «Виновников погрома, — гласила резолюция — нужно искать не в душных корпусах фабрик и заводов, а в кабинетах сановников, стоящих у кормила власти».

Любопытно, что уже во время самого погрома обнаружилась опасность, что погромное движение может обратиться против самого правительства. Как доносит провокатор Романов «Пелагея», погромное движение шло под углом борьбы «с правительством, состоящим из немцев. Сознание, что, борясь с немцами, они борются с правительством, состоящим из немцев, было широко распространено в народных массах» [1].

Майский погром, организованный правительством, несомненно служил симптомом нарастания среди рабочих резкого недовольства, которое правительству удалось направить против немцев. Однако весьма скоро это недовольство должно было вылиться в сильное революционное движение против самого правительства.

Как мы читаем у Ленина, «война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими бурными чувствами невозможна революционная тактика», и это несмотря на то, что «главные потоки этих бурных чувств» крайне противоречивы. Вот как их характеризует Ленин: «1) Ужас и отчаяние... Отсюда усиление религии... 2) Ненависть к врагу — чувство, разжигаемое специально буржуазией и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, —

---

[1] Меницкий, Рабочее движение и социалдемократическое подполье Москвы в военные годы. М. 1923 г., стр. 122.

чувство всех сознательных рабочих, которые понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза — без революции против своего правительства» [1]).

Отношение рабочих к немецкому погрому показывало, что «ненависть к врагу» у русских рабочих была не столь уж велика, гораздо более сильным чувством была ненависть к правительству.

Показателем этого настроения служило то, что во время майского погрома в рабочей среде распространялись слухи о подготовляющемся в Петрограде массовом выступлении рабочих. Как доносит агентурная записка (Мирского), «среди рабочих Выборгского района упорно ходил слух о предстоящих беспорядках, даже указывался их день и план». Беспорядки предполагалось начать под видом патриотической демонстрации. Однако об истинном ее характере говорит тот факт, что момент начала ее приурочивался ко времени призыва в армию ратников ополчения 2-го разряда. Записка отмечала общий рост недовольства, вследствие дороговизны, виновника которой рабочие видели в господствующих классах и в правительстве.

Сообщения о росте революционного настроения поступали и из ряда других провинциальных городов. Так, например, из Екатеринославской губ. писали: «Настроение против немцев уступает место раздражению против правительства и капиталистов. Безрезультатность правительственной борьбы с дороговизной теперь уже об'ясняется не кознями немцев, а тем, что правительство щадит интересы капиталистов. Это убеждение растет и укрепляется под влиянием партийной (большевистской) агитации» [2]).

Стачечная борьба летом 1915 г.

Летом 1915 г. неудачи на фронтах и углубление продовольственной разрухи, особенно увеличившейся вследствие разрухи транспорта, забитого как раз в летние месяцы движением беженцев, еще более усиливают революционное движение. Оно теперь захватывает уже не только одних рабочих, но и городскую мелкоту, городскую мелкую буржуазию, которая условиями войны была поставлена в чрезвычайно тяжелое положение. Среди рабочих и городской мелкой буржуазии начинает нарастать сильное недовольство уже не против «немцев», а против царского правительства и против «буржуя», опирающегося на поддержку «городового». Это недовольство охватывает не только столицы, но и провинцию.

---

[1]) Ленин, О поражении своего правительства в империалистической войне. Собр. соч., т. XIII, стр. 83.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167. «Сведения по телеграмме 976», ч. 23, 1915 г.

В июне «Социал-Демократ» отмечал волну экономических стачек среди питерских металлистов, охватившую 15.000 рабочих. «Была применена итальянская стачка. В результате было арестовано 400 человек, из них 30 послано на передовые позиции, 100 приговорено к разным наказаниям, остальные выпущены» [1]).

Правительство производит жестокую расправу с крепнущим рабочим движением. Московская стачка, как сообщает «Социал-Демократ», окончилась расстрелом рабочих, в результате которого оказалось 20 убитых и раненых.

В июне же происходит кровавое подавление стачки Костромских ткачей, при чем было убито до полутора десятка рабочих.

Этот расстрел настолько типичен, что на нем стоит остановиться подробнее. По словам с.-д. депутата Хаустова, посланного от меньшевистской думской фракции для расследования событий в Кострому, они происходили следующим образом:

«Примерно, в первых числах мая на фабриках г. Костромы и ее окрестностей начинают вспыхивать экономические стачки за повышение заработной платы то в одной фабрике, то в другой; в одной прекращается, в другой вспыхивает. И так забастовочная волна катится все дальше и дальше. В конце концов, она захватывает большую Костромскую льняную мануфактуру. 2 июня там вспыхивает экономическая стачка; пред'явлено было одно только требование: просили о прибавке квартирной платы, по примеру соседней Зотовской мануфактуры. Дирекция фабрики, в лице костромского городского головы, отказала. 5 июня около 9 час. вечера группа рабочих, примерно человек 700 или 800, собирается на улице и направляется вдоль улицы по направлению к соседним мануфактурам. Помните, что забастовка началась 2-го, а это происходило 5-го. На пути им встречается полиция. Конная полиция, желая смять эту толпу, врезывается в рабочих, но смять не могла всю массу. Разбегаясь от полиции несколько человек попадают в Зотовскую мануфактуру, и девять человек из них были арестованы полицией там. Рабочие стали требовать освобождения этих девяти товарищей, — все юноши, в возрасте от 16 до 19 лет. Полиция отказала. Рабочие заявили, что «мы до тех пор не уйдем, пока вы не освободите». В результате, без всякого предупреждения, полиция открывает огонь по рабочим. На месте, по официальным сведениям — эти сведения исходят от следственных и полицейских властей — остаются четыре человека убитыми, в том числе десятилетний мальчик, — ясно, что он никакого участия не принимал, — и девять человек ранено, в том числе 15-летний мальчик. В действительности же, как ходят слухи, убито 12 человек [2]) и ранено 45 человек» [3]).

---

[1]) «Социал-Демократ», № 47 от 13/X 1915 г.

[2]) По данным «Социал-Демократа» (№ 47 от 13/X 1915 г.) было убито 14 человек.

[3]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия 4-я, заседание 6, 8/VIII 1915 г., стр. 541—542.

Как отмечалось в думе, «еще не успели отзвучать костромские выстрелы, как снова десятки рабочих были расстреляны» в Иваново-Вознесенске. Уже в июле месяце экономическое движение начинает сменяться политическими. Характерно, что оно начинается с текстильщиков, положение которых во время войны оказалось еще более тяжелым, чем у металлистов. Одной из первых (за время войны) политических стачек текстильщиков и явилась стачка в Иваново-Вознесенске. Эта стачка, как отмечал «Социал-Демократ», проходила под руководством большевиков («сторонников ЦК») и «сопровождалась крупными демонстрациями, со знаменами, пением революционных песен, лозунгами «долой войну и правительство», «всеобщая амнистия» и т. д.» [1]).

События развертывались, как по трафарету, почти в точности воспроизводя события костромской стачки.

Вот как с думской трибуны описывался этот расстрел:

«10 августа в Иваново-Вознесенске вспыхнула забастовка на всех фабриках и заводах. В последние месяцы в этом районе уже не раз возникали отдельные экономические забастовки, но на это не было обращено никакого внимания, и положение рабочих — и экономическое и политическое — все ухудшалось. Терпение масс истощилось. 10 августа, об'явив общую забастовку, рабочие Иваново-Вознесенска целый день обсуждали создавшееся тяжкое положение; около же $7\frac{1}{2}$ ч. вечера многотысячная, но совершенно безоружная толпа рабочих пошла на площадь к городской управе. Здесь двигавшаяся масса была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений, как сообщают нам об этом лица, бывшие в толпе. Упали убитые и раненые. Толпа бросилась бежать, вдогонку новые выстрелы — новые жертвы. Точные цифры убитых и раненых нам еще неизвестны, во всяком случае их несколько десятков» [2]).

По данным «Социал-Демократа» было 100 убитых и 40 раненых [3]).

Русский пролетариат не оставил без ответа костромской и иваново-вознесенский расстрелы. Они вызвали целый ряд забастовок протеста. В Петрограде в забастовке протеста, как сообщает «Социал-Демократ», принимало участие 15.000 рабочих.

Летние забастовки 1915 г. наглядно показали, как чисто экономическая борьба в условиях империалистической войны и крепостного режима на фабрике неизбежно превращается в политическую. Нарастание политического протеста рабочих ясно выявилось уже к концу лета 1915 г. Если в июле политические стачки составляли еще очень незначительный процент в отношении экономических, то уже август дает небывалое увеличение

---

[1]) «Социал-Демократ», № 47 от 13/X 1915 г.

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия 4-я, заседание 9-е, 14/VIII 1915 г., стр. 784.

[3]) «Социал-Демократ», № 47 от 13/X 1915 г.

политических забастовок, которые в 2½ раза превышают число экономических.

На этот раз, против обыкновения, главное количество политических забастовщиков дают не металлисты, а текстильщики (см. диаграмму № 1). Общее число бастовавших в предприятиях по обработке хлопка в августе равнялось 27.000, из них по политическим причинам — 24.000. Забастовочное движение захватывает московский текстильный район. Так, в августе наибольшее число забастовок политического характера имело место во Владимирской губ., в районе Иваново-Вознесенска. В этих забастовках приняли участие 32 предприятия, преимущественно по обработке хлопка, с общим числом бастовавших рабочих 25.000 человек [1]). Движение носило весьма обостренный характер. Те рабочие, которые отказывались примкнуть к забастовке, снимались с работы.

Такое усиление движения среди текстильщиков об'яснялось тем, что как раз на летние месяцы падала переорганизация текстильных предприятий для работы на оборону. Что значила эта переорганизация для рабочих — об этом мы уже говорили выше. Кроме того, те заводы, которые не смогли приспособиться к работе на оборону летом 1915 г. (военное ведомство было довольно скупо на заказы), должны были сжимать производство и, конечно, делали это за счет рабочих. Вот характерный пример, приводимый в донесении московской охранки [2]): один из местных крупных заводов об'явил рабочим о необходимости вследствие недостатка материала пустить завод тише, а в связи с этим понизить зарплату. После этого об'явления рабочие почувствовали некоторое давление со стороны заводской администрации (бо́льшие придирки, штрафы, недопущение к работе за опоздание на 2—3 м.). Как выяснили рабочие из об'явлений местной газеты, администрация имела в виду взять на работу 150 человек беженцев.

Положение текстильной промышленности было настолько затруднительно, что администрация оказывала упорное сопротивление требованиям стачечников в отношении повышения заработной платы. Более того, несмотря на рост дороговизны, предприниматели стремились уменьшать расценки, поэтому весьма часто рабочие требовали уже не прибавки, а хотя бы только сохранения прежних расценок. Все эти условия и вызвали летом 1915 г. особенно сильное стачечное движение в текстильной промышленности. Весьма скоро к текстильщикам присоединяются и другие отрасли, и прежде всего — металлисты. У металлистов стачечное движение носит вначале также экономический характер. Особенно сильно стачечное движение было в Донецком бассейне, где в целом ряде

---

[1]) I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров. «О борьбе с рабочими забастовками».

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции. 9-е делопроизводство, № 341, т. II, 1915 г. Вх. № 23069 от 19/VIII 1915 г.

металлургических заводов разразилась жестокая экономическая борьба на почве отказа администрации в увеличении заработной платы. У металлистов, как и у текстильщиков, политическая борьба разгорелась на почве ухудшения их экономического положения, но во время экономических стачек они пред'являли также и политические требования. Однако характер этих требований у металлистов совершенно иной, чем у текстильщиков. Хотя у последних политическое движение было значительно слабее, однако, уже в 1915 году, например, в Иваново-Вознесенске, рабочие-текстильщики выдвигают требование прекращения войны. Последнее вполне понятно, так как именно текстильщики более других страдали от войны. Металлисты же вначале с трудом поддавались пораженческой агитации. Наоборот, их движение шло под оборонческими лозунгами. Как доносит охранка, августовская забастовка у металлистов, особенно на снарядных заводах, выявляет «приподнятое настроение среди рабочих». Это «приподнятое настроение» находит себе выражение в требованиях увеличения заказов предприятиям. Так, например, кронштадтская охранка доносит, что рабочие оживленно обсуждают вопрос о недостатке снарядов на фронте и о том, что тыловые учреждения, как, например, Кронштадт, недостаточно энергично работают на потребности армии.

В своем сообщении от 27-го августа тот же агент пишет о совещании уполномоченных петроградских заводов, работающих на оборону (Капсюльного завода, Охтенского порохового завода, Металлургической мастерской на верфи, капсюльного отделения Порохового завода), на котором, «при обсуждении военных поражений на фронтах, резкой критике подверглось правительство, не принимающее должных мер в отношении администрации, недостаточно энергичной в деле изготовления боевых припасов». В этот период политические требования пред'являются металлистами нередко в меньшевистском духе.

Оборонческое течение среди части металлистов об'ясняется тем, что как раз заработная плата этой группы рабочих держалась благодаря работе на «оборону».

Поэтому часть металлистов и явилась об'ектом воздействия буржуазии в ее попытке приручить рабочий класс. Именно летом и осенью 1915 года были образованы рабочие группы при созданных буржуазией военно-промышленных комитетах.

Августовское движение пролетариата, несомненно, отражало общий кризис в стране. Тогда же наиболее обострилась и борьба буржуазии с царизмом. Именно, в августе месяце организуется прогрессивный блок, и впервые буржуазия выдвигает требование создания «министерства, пользующегося доверием страны». Однако, если августовская стачка, при ее сравнительно мирном характере, особенно у металлистов, подталкивала буржуазию на оппозиционные выступления, то очень скоро стачечное движение столь сильно развернулось, что заставило буржуазию бить отбой. Таким поворотным пунктом была сентябрьская стачка.

Сентябрьская стачка.

Из числа промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, забастовочное движение коснулось в сентябре 174 предприятий с общим числом занятых в них рабочих — 136.771 чел.; в этих предприятиях имели место 184 забастовки с 113.866 участниками, потерявшими вследствие забастовок 224.482 рабочих дня.

Сравнительно с предшествовавшим месяцем августом число забастовок в сентябре возросло почти в 2½ раза, а число бастовавших рабочих и потерянных дней более чем в 2 раза.

По сравнению с сентябрем 1914 г. число забастовок в сентябре 1915 г. увеличилось более чем в 18 раз, число бастовавших рабочих — более чем в 24 раза, а число потерянных вследствие забастовок дней — более чем в 28 раз.

Это показывает рост напряженности забастовок, а также и то, что они охватили более крупные предприятия.

Из зарегистрированных в сентябре месяце забастовок свыше $^3/_5$—115 забастовок — носило неэкономический характер и около $^2/_5$—69 забастовок — возникло на экономической почве.

Политические забастовки происходили в Петроградской, Московской губ., в Донской области, в губерниях: Владимирской, Саратовской и др. Всего в этих политических забастовках приняли участие 87.621 рабочий, из коих 84.313 чел. приходилось на предприятия Петрограда и Москвы. В Петрограде забастовка происходила со 2-го по 5 сентября и продолжалась от 1½ до 2½ дней [1]).

Участвовали в ней преимущественно металлообрабатывающие предприятия [2]).

---

[1]) «Стачка должна была продолжаться три дня — сообщает «Социал-Демократ» — но, когда ген. Фролов издал приказ о предании стачечников военно-полевому суду и пр., то Петербургский комитет постановил бастовать еще день для демонстрации того, что рабочие прекращают стачку не по приказу генерала. Против этого были ликвидаторы, сторонники которых стали на работу; наши стали на работу через день, как было решено. В общем, в Питере бастовало 150.000 (а не 75 тыс., как сообщали в буржуазных газетах), в Нижнем — 25.000; были крупные стачки в Москве, Харькове и Екатеринославе (в Нижнем бастовали только один день). «Социал-Демократ», № 47 от 23/X 1915 г.

[2]) Из числа более крупных предприятий, принимавших участие в этих забастовках, надлежит указать: Путиловский завод и Путиловскую верфь (бастовали 2-го и 3 сентября 17.593 рабочих), Компанию Петроградского металлического завода (бастовали 3-го и 4-го сентября 6.733 рабочих), три завода Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов — снарядный, литейный и сталелитейный (бастовали 5.176 рабочих), два завода Акц. О-ва механических заводов — Г. А. Лесснер — старый и новый (бастовали 5.170 рабочих), Акц. О-во механического, гильзового и трубочного заводов П. В. Барановского (бастовали 3-го и 4 сентября 3.209 рабочих), О-во меднопрокатного и трубочного завода бывш. Розенкранца (бастовали 1 день 3.475 рабочих), Невский судостроительный завод (бастовали 2.027 рабочих),

В Москве картина политических забастовщиков более пестра. На-ряду с металлистами здесь бастуют, с одной стороны, наиболее квалифицированные и политически развитые рабочие полиграфического производства, а с другой,—рабочие близкие по производству к рабочим-одиночкам и более других связанные с мелкобуржуазной средой, находящиеся в ее сфере влияния, как, напр., кондитерские и обувные фабрики.

В Москве из общего количества 22.092 политических забастовщиков, бастующих в знак протеста по поводу разгона государственной думы, на металлистов приходится около 14 тыс., па текстилей и типографщиков — 4 тысячи. Таким образом, и здесь среди бастовавших рабочих значительную группу составляют металлообрабатывающие заводы (34 предприятия) и типографии (26 предприятий); остальные забастовки приходятся на фабрики обуви, кондитерские, смешанные производства по обработке волокнистых веществ и пр. [1].

Товарищество машиностроительного завода «Феникс» (бастовали 3-го и 4 сентября 1.650 рабочих), два завода Акц. О-ва «Промет» — трубочный и Поллюстровский (бастовали на обоих заводах 3-го и 4-го сентября 1.240 рабочих), Акц. О-во машиностроительного завода «Людвиг Нобель» (бастовали 3-го и 4 сентября 1.450 рабочих), телефонную ф-ку «Русского Акц. О-ва Л. М. Эриксон и К°» (бастовали 3-го и 4 сентября 3.000 рабочих), завод Акц. О-ва Петроградского механического и литейного завода (бастовали 2.560 рабочих), Акц. О-во машиностроительного завода «Я. М. Айваз» (бастовали 3-го и 4 сентября 650 рабочих), Акц. О-во северного механического и котельного завода (бастовали 2 дня 750 рабочих), чугуно-литейный завод Акц. О-ва «Лангензипен и К°» (бастовали 1 день 501 раб.), Акц. О-во механ. изделий системы «Артур Копель» (бастовали 1 день 450 раб.) и другие (I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров «О мерах борьбы с рабочими забастовками».

[1]) Из числа более крупных по числу участников предприятий Москвы, принимавших участие в забастовках протеста по поводу роспуска государственной думы, надлежит отметить: ситценабивную фабрику т-ва Э. Циндель (бастовали $1^1/_2$ дня 2.500 раб.), кондитерскую ф-ку т-ва Эйнем (бастовали 1 день 2.135 раб.), типо-литографию т-ва И. Д. Сытина (бастовали 3 дня 1.700 раб.), типографию т-ва печатного дела и торговли И. Н. Кушнерева и К° (бастовали 2 дня 760 раб.), машиностроительный завод т-ва Добровых и Набгольц (бастовали $1^1/_3$ дня 1.350 раб.), скоропечатню А. А. Левенсон (бастовали 2 дня 650 раб.), литейный и арматурный завод торг. дома Ф. Гакенталь и К° (бастовали 1 день 550 раб.), ленто-ткацкую фабрику Гандшин и Бирц (бастовали 1 день 530 раб.), машиностроительный завод акц. о-ва Г. Лист (бастовали $^1/_2$ дня 470 раб.), машиностроительный завод Международной Компании жатвенных машин в России (бастовали 1 день 450 раб.), обмундировочную фабрику о-ва Марс (бастовали 1 день 440 раб.), машиностроительный завод т-ва Донгауэр и Кайзер (бастовали 2 дня 425 раб.), котельный завод А. В. Бари (бастовали $^1/_2$ дня 421 раб.), кондитерскую фабрику т-ва Г. Е. Леновы (бастовали $^1/_2$ дня 400 раб.), чугуно-линейный завод Устрипцева (бастовали 1 день 350 раб.), механический завод т-ва Сущевского завода (бастовали 1 день 330 раб.), электро-механический завод торгового дома бр. Гантерт (бастовали $2^1/_2$ дня 300 раб.), механический завод о-ва «Перенуд» (бастовали 2 дня 260 раб.) и др. В числе металлообрабатывающих заводов, принимавших участие в забастовках, преобладали средние и мелкие по своим размерам предприятия.

Число бастующих металлистов поднялось в сентябре (с 30 тыс. в июле и 19 тыс. в августе) до 62 тыс., при чем забастовки охватывали наиболее крупные предприятия с числом рабочих свыше 1.000. Текстильщики, хотя и бастуют, но движение их слабее, чем в июле месяце: в июле число стачечников-текстильщиковв достигало 30.000, а в сентябре — только 15.000. Интересно, что в этом политическом движении довольно активное участие принимают рабочие-печатники. Как мы говорили в предыдущей главе, положение рабочих этой отрасли было во время войны особенно тяжелым, и поэтому печатники, которые раньше всегда шли в политической борьбе пролетариата в первых рядах, теперь теряют свою политическую роль. Но в сентябре 1915 г. они вновь, впервые за время войны, выступают в движении, ведя активную и напряженную борьбу.

Внешним поводом к возникновению сентябрьской стачки послужил роспуск государственной думы. Конфликт между правительством и буржуазией, развернувшийся на почве общих противоречий, обостренных военными поражениями, закончился роспуском думы 3 сентября 1915 года. Однако, было бы в корне неправильно рассматривать сентябрьскую стачку, как выступление рабочих со специальной целью поддержать буржуазно-помещичью думу. Именно такой характер пытались придать движению оборонцы и оппортунисты, которые вели широкую агитацию за ее поддержку. На самом же деле вопрос о думе был лишь поводом для выявления накопившегося у пролетариата революционного недовольства.

Как мы читаем в «Социал-Демократе», «в связи с роспуском думы была об'явлена ПК (большевиков) всеобщая демонстративная стачка, которая предполагалась и помимо роспуска в ответ на правительственную политику вообще».

Охранка доносит: «рабочие круги не смотрят на думу такими идеалистическими глазами, как буржуазия и интеллигенция». «Они являются — с удовлетворением констатирует охранка — более сознательными критиками ее деятельности». Под влиянием лидеров социалистических партий, организованная часть рабочих, разумеется, рассматривает наше народное представительство, как представительство исключительно правящих и буржуазных классов населения, интересы которых противоположны классовым интересам пролетариата. С такой же точки зрения в этом случае рассматривается и деятельность нарождающегося прогрессивного блока, как чисто буржуазной организации, стремящейся вырвать у правительства либеральные политические реформы».

Охранка довольно верно учла, что рабочие воспользовались думой лишь для выявления своего общего недовольства! «Конфликт буржуазии с правительством, — говорится в том же донесении, — учтен пролетариатом в его интересах».

Ленин, между прочим, придавал большое значение этому использованию государственной думы в интересах пролетариата.

В опубликованных 13 декабря 1915 года «Нескольких тезисах» он, предвидя возможность перевыборов думы, писал:

«О бойкоте государственной думы не может быть и речи. Участие в перевыборах безусловно необходимо. Пока в государственной думе нет депутатов, нашей партии необходимо использовать все происходящее в думе с точки зрения революционной социал-демократии» [1]). Таким использованием всего происходящего в думе и вокруг думы и явилась сентябрьская стачка.

Если рабочие, находившиеся под влиянием меньшевиков, протестовали против разгона государственной думы в целях поддержки либеральной буржуазии в ее борьбе с царизмом, т.-е. фактически шли в хвосте буржуазной оппозиции, то для революционных рабочих, исходивших в своей тактике из классового характера «народного представительства», забастовка явилась протестом против реакционной политики правительства и была лишь случаем для подсчета сил борющегося пролетариата. Как совершенно правильно отмечает автор одних воспоминаний, — лозунгом пролетариата в эту забастовку «был не созыв думы, а — долой правительство!» [2]).

«Совершенно ложны сведения, распространяемые буржуазной печатью, — писал «Социал-Демократ», — что здесь была проявлена «солидарность с думой» или либералами. Лозунги были не «созыв думы», а «долой правительство» [3]).

«Выдвинутый меньшевиками лозунг полновластной думы и поддержки «левого» блока успеха не имел. Забастовка проходила очень организованно и, как забастовка протеста, продолжалась три дня. Настроение рабочих было таким напряженным, что «14 сентября незначительный инцидент привел к баррикадам и к новому расстрелу» [4]).

Указание на то, что дело было не в поддержке думы, а в протесте против правительства, находим мы, например, в сводке донесений московской охранки министру внутренних дел Белецкому от 14 ноября 1915 года. «Во время сентябрьской стачки, — читаем мы в донесении, — наблюдалось большое желание к организации противоправительственного массового протеста, хотя бы однодневной забастовкой, но недостаток для этого дела опытных руководителей, из'ятых из рабочей среды двумя предшествовавшими ликвидациями (т.-е. арестом — *Б. Г.*), не дал возможности осуществить желание». Общее недовольство рабочих, нашедшее себе выражение в забастовке в связи с роспуском думы, направлялось прежде всего против войны. В ряде предприятий, не только в центре, но и в провинции, отмечалось повышенное

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 207.

[2]) «Пролетарская Революция», № 1 (13) 1923 г. В. Васильевская, Забастовочное движение в Петербурге по агентурным данным, стр. 62.

[3]) «Социал-Демократ», № 47 от 13/X 1915 г.

[4]) «Социал-Демократ», № 49 от 21/XII 1915 г.

настроение среди рабочих вследствие призыва ратников ополчения 2-го созыва. Так, например, в связи с этим бастовали завод сельско-хозяйственных машин Донецкого акционерного о-ва в Нахичевани-на-Дону и чугунно-сталелитейный завод Гунера там же.

В сентябрьской забастовке уже явно выявилось антивоенное настроение пролетариата, усилившееся в результате почти годичного опыта войны. «В начале войны, — читаем мы в донесении екатеринославской охранки, — настроение рабочих масс было патриотическим и приподнятым; оно продолжало оставаться таковым до того времени, когда последствия войны в тылу — такие, как дороговизна жизни, недостача некоторых продуктов продовольствия и т. п. результаты экономической депрессии не коснулись этих слоев весьма существенным образом. С этого момента в рабочей массе весьма заметно начинает чувствоваться отрицательное отношение к войне, при чем оно не базируется на принципиальных вопросах, вроде того, кто и как ведет войну и прочее, а просто рабочие массы угнетаются неизбежно сопровождающими военное время условиями и обстоятельствами, и, в конце концов, опять-таки без всякой теоретической подкладки, а на почве именно этого угнетенного состояния как бы чувствуется настроение против войны. Эти массы тяготеют к тому, как бы скорее закончить войну, и в этом смысле с ними солидарен и средний обыватель, и, по отзывам с мест инструкторов по кооперации, такое настроение наблюдается и в крестьянстве: «Нас уже побили, успеха нет, дальше народ будет только зря гибнуть».

«Как доказательство теперь такого настроения, — продолжает донесение, — можно привести то обстоятельство, что нельзя было говорить о мире до начала текущего года ни на одной из бывших «массовок»: ораторов срывали, их освистывали, а минувшим летом и осенью на происходивших массовках с участием серого элемента фабрик и заводов вопрос о мире уже не встречал к себе резко отрицательного отношения» [1].

На утомление войной и отрицательное к ней отношение указывает и ряд других провинциальных донесений. Так, например, донесение начальника казанского губернского жандармского управления от 14 ноября 1915 г. указывает на связь антивоенного настроения с чрезмерной эксплоатацией рабочих!

«Поворота настроения к миру не замечается, но утомление войной начинает чувствоваться, прежде всего вследствие дороговизны жизни. Последняя растет весьма заметно, а прибавки рабочим к заработной плате хозяевами делаются незначительные. И нужно признать, что существовать на заработок очень нелегко. Те рабочие, которые освобождены от призыва в войска, благодаря службе на фабриках, заводах или у подрядчиков, как специа-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив, 6-е делопроизводство, 1915 г. Дело департамента полиции, № 167, ч. 23, донесение от 18/X 1915 г.

листы, сплошь и рядом эксплоатируются подрядчиками, кои свои требования пред'являют к таким рабочим строже, а плату им уменьшают и к тому же сплошь и рядом скверно с ними обращаются, угрожая при малейшем проступке или упущении отправить к воинскому начальнику для сдачи в войска. Рабочие терпят это, но ропщут, говорят, что они «попали в кабалу», и, естественно, страстно ждут окончания войны. Свои жалобы они не стесняются высказывать окружающим, и это, конечно, производит известное впечатление и создает нежелательное настроение» [1].

Итак, уже одно наличие пораженческих настроений в рабочей массе совершенно несовместимо с представлением о «народном возмущении», вызванном разгоном «народного» представительства.

Как мы видели, причина сентябрьского выступления рабочих меньше всего определялась разгоном буржуазно-помещичьей думы. Она заключалась в росте общего недовольства и прежде всего в утомлении войной, а разгон думы был использован пролетариатом лишь как удобный для выступления момент.

Выступление мелкой и крупной буржуазии.

Стачечная борьба пролетариата в сентябре месяце, окончившаяся вооруженным столкновением, всколыхнула и мелкую городскую буржуазию, вызвав ряд сочувственных выступлений среди студенчества. Как известно, буржуазное студенчество, вместе со своим старшим поколением, в первые месяцы войны всецело было захвачено шовинистическим настроением. Однако, это настроение под влиянием роста оппозиции среди буржуазии, которое выразилось в создании прогрессивного блока, начало постепенно исчезать. То же донесение отмечало, что «в последнее время такое настроение уже нельзя признать господствующим: ряд систематических неудач на фронте, разоблачения в области германского шпионажа, экономическое расстройство тыла, беженство и пр. и, наконец, не прекращающаяся осада власти систематическим натиском общественных учреждений и организаций не замедлили отразиться и на настроении академической молодежи, которая на политические резолюции с'ездов начала реагировать такими же политическими резолюциями». Как всегда, толчком к организованному выступлению учащихся послужили рабочие забастовки и, особенно, столкновения с полицией: уличные столкновения 14-го—15 сентября вызвали ряд забастовок-протестов московского студенчества; движение захватило не только высшие учебные учреждения, но и средние — вплоть до духовных семинарий и епархиальных училищ.

Рабочее движение и выступление мелкой буржуазии сопровождались оппозиционным выступлением и крупной буржуазии. Борьба последней с правительством за власть обострилась летом

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 22, 1915 г.

и осенью этого года, особенно в связи с роспуском думы, на который крупная буржуазия, как мы увидим это далее, весьма активно реагировала. Однако этот протест против роспуска думы в значительной мере был ослаблен выступлением пролетариата, которое поставило буржуазию лицом к лицу с самым опасным для нее классовым врагом. Московская дума реагировала на роспуск государственной думы экстренным собранием с принятием известного политического «приговора», за городской думой последовали протесты и других буржуазных организаций.

Под влиянием массового революционного под'ема и из боязни усиления движения, буржуазия протестует даже против репрессий, которые принимались полицией в борьбе с забастовщиками. 15 сентября состоялось закрытое экстренное заседание Московской городской думы для обсуждения вопроса о действиях полиции при прекращении ею беспорядков на Страстной площади, происходивших накануне, и для выражения протеста «против легкомысленного отношения к человеческой жизни». Однако, как и следовало ожидать, дело до выражения протеста не дошло. «Заседание это, — читаем мы в донесении охранки, — не имело практических результатов, так как, за от'ездом М. В. Челнокова в Петроград, оно происходило под председательством его заместителя, почему окончательное суждение по этому делу было отложено до возвращения городского головы».

Итак, сентябрьская стачка выявила все характерные моменты сильного под'ема революционного движения. Движение захватило в первую голову пролетариат, который выступил в мощной забастовке, вслед за пролетариатом потянулась мелкая буржуазия, которая также начала выносить резолюции протеста. Этот общий революционный под'ем вызывает усиление буржуазной оппозиции, во главе которой идет цензовая крупная буржуазия — представители финансового капитала. Оппозиционная буржуазия, как мы увидим далее, именно в этот период впервые поставила вопрос о «министерстве, пользующемся доверием страны».

Упадок движения и репрессии правительства.

Однако сентябрьская стачка была лишь только небольшой репетицией будущих, более крупных, боев. Разложение хозяйства не зашло еще так далеко, чтобы эта стачка могла свалить старый режим. После сентябрьского под'ема вплоть до начала 1916 г. стачечная волна неуклонно падает: в сентябре число стачечников достигало 113.000 человек, в октябре оно упало до 79.000, в ноябре — до 39.000, а в декабре — до 17.000. Движение почти всецело возвращается в экономическое русло, процент политических стачек падает с 65% в августе и 62% в сентябре до 10% в октябре, 11% в ноябре и 2% в декабре. Упадок революционного движения дал возможность пра-

вительству начать расправу с революционным пролетариатом. Еще в самый разгар стачечного движения, 2 сентября в Петрограде был опубликован приказ по Петроградскому военному округу, в котором устанавливались кары за участие в забастовках рабочих всех вообще предприятий, как изготовляющих запасы для нужд армии, так и работающих частные заказы. Этим уравнением заводов, работающих «на оборону» и на «частные заказы», полиция явно демонстрировала оказываемую ею услугу капиталу. Однако нужно сказать, что революционный под'ем в сентябре был настолько силен, что правительство было поставлено в затруднительное положение при проведении карательных мер. Как отмечают «Русские Ведомости» от 10 сентября, в правительственных кругах было решено принять меры к урегулированию действий отдельных ведомств по ликвидации забастовочного движения. Министр торговли и промышленности просил министра внутренних дел принять меры к недопущению со стороны органов министерства внутренних дел «каких-либо, не вызываемых моментом, мер, а также предложить полицейским охранным учреждениям применять репрессивные меры с большой осторожностью». Почему необходима была эта осторожность, прекрасно выявляет памятная записка московского градоначальника от 3 октября 1915 года.

«Постановка вопроса, устанавливаемая приказом от 2-го сентября сего года и об'емлющая всех рабочих, сильно расширяет количество об'ектов (рабочих. — *Б. Г.*), подлежащих действию этого исключительного положения, тогда как, казалось бы, нет особых причин подчинить действию этого исключительного положения рабочих заводов, занятых изготовлением частных заказов, почему само осуществление этого положения может, в случае крупных забастовок, встретить затруднение в необходимости применять крупную репрессию к огромному числу об'ектов, и, кроме того, сама идея исключительного положения может быть скомпрометирована укором в «услуге капиталу», если положение это придется применять к рабочим заводов, работающих не на военные нужды» [1]).

Московская охранка считала, что приказ от 2 сентября, который устанавливал наказуемость стачек для всех вообще предприятий, как изготовляющих снаряжение для нужд армии, так и работающих на частные заказы, «влагает в руки владельцев частных заводов сильное средство для воздействия на рабочих и даже для злоупотребления им в тех случаях, когда правильное функционирование предприятий не вызывается нуждами обороны, а нарушение его может быть вызвано и корыстными видами предпринимателей».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 1915 г., 6-е делопроизводство, № 167, ч. 46. Сведения по телегр. № 976.

Поэтому московский градоначальник предлагает: «поставить в исключительное положение рабочих только тех заводов или отделов этих заводов, деятельность которых обслуживает нужды армии и предприятия общественного значения, что, обеспечивая цели обороны, естественно, сузит количество об'ектов, подлежащих воздействию исключительных положений; обеспечить, за ответственностью владельцев этих предприятий и надзором за их отношением к труду рабочих, условия труда и вознаграждение занятых в них рабочих; изыскать такой способ воздействия на нарушивших условия труда рабочих, без особого ослабления производительных сил государства и армии».

Он находил, что таким «способом воздействия» и могла бы быть милитаризация рабочих, «чтобы все рабочие, исполняющие эти работы, безусловно были освобождаемы от призыва в ряды действующей армии на время выполнения ими этих работ, на все время войны, но одновременно считались бы призванными на действительную военную службу призывными или охотниками, в зависимости от отношения их к отбытию воинской повинности».

Милитаризация рабочих была необходима охранке для того, чтобы превратить рабочих в таких же крепостных, как и солдат, и чтобы их можно было привлекать к ответственности по законам военного времени: «чтобы рабочие, — читаем мы в этом донесении, — прекратившие самостоятельно работы в указанных предприятиях (т.-е. работающих на армию. — *Б. Г.*) за нарушение заводских правил немедленно передавались бы в распоряжение военных властей для использования их на общем положении и для привлечения, в потребных случаях, к ответственности по законам военного времени, независимо от того, находится ли данное предприятие в районе действия армии или вне его».

Предложение московского градоначальника фактически осуществлялось всеми органами полиции. В докладах фабричной инспекции мы часто встречаем сообщения о практикующихся в этот период отправках на фронт за забастовки. Упадок революционного движения дает возможность как полиции, так и буржуазии перейти в наступление. После сентябрьской стачки имел место целый ряд массовых локаутов; так, например, Путиловский завод, в ответ на забастовки, был закрыт по соглашению с правлением, и было об'явлено о новом наборе рабочих. То же было сделано в ряде других предприятий [1]. Репрессии правительства и локауты проводились при общем одобрении буржуазии, которая в этот период, в особенности в лице такой крупной партии, как кадеты, начинает уже определенно улюлюкать по поводу выступлений «улицы». Если в первый момент движения буржуазия не прочь была на нем спекульнуть с тем, чтобы выторговать у царизма столь необходимые для нее уступки, то теперь, после того, как рабочие выступили

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 341, т. II, 1915 г., вх. 25014.

на улицу не только с политическими, но и с экономическими требованиями, она быстро поворачивает фронт направо и уже спешит на сделку с царизмом. В шифрованной телеграмме директора департамента полиции в ставку верховному главнокомандующему мы читаем: «Народная «поддержка» думы, повидимому, уже подействовала охлаждающим образом на тактику кадетской группы, которая, опасаясь дальнейших выступлений улицы, в лице Челнокова и его группы склонна держаться умеренной тактики, не доводя дела до забастовки организаций, обслуживающих армию». «Городская дума обратилась к населению с успокоительным воззванием» [1]. Как мы уже отмечали, в самые горячие дни сентябрьской забастовки многие «общественные деятели» пытались использовать весь свой авторитет для того, чтобы убедить стачечников отказаться от борьбы. Ряд таких выступлений предпринял, например, московский городской голова Челноков. После сентября капиталисты переходят в наступление. Отчеты фабричной инспекции отмечают сильный нажим на рабочих, который выражается в отказе повысить заработную плату, несмотря на рост дороговизны, и в усилении военного режима на фабриках. Для проведения последнего предприниматели пользовались теми широкими возможностями, которые им предоставляло правительство. Московская охранка отмечает сильное недовольство и брожение на московских заводах «в связи с неоплачиваемым сокращением рабочего дня, ввиду недостатка в топливе». Доклад отмечает, что это наступление капитала путем сокращения фактической заработной платы заставляет рабочих, за исключением отдельных отраслей, вести почти исключительно оборонительную борьбу, рассчитанную на сохранение рабочими лишь существовавшего дотоле положения».

Гвоздевщина («рабочие группы» при Военно-промышленных комитетах).

Итак, правительство и капиталисты прежде всего старались задушить рабочее движение репрессиями.

Однако на основании опыта революции 1905 г. и последующих лет буржуазия прекрасно понимала, что одними репрессиями рабочее движение не остановишь.

Наиболее дальновидные промышленники находили чрезмерное вмешательство полиции и охранки в рабочее движение вредным, так как оно вело к обострению отношений между капиталом и трудом. Не веря в возможность «успокоить» рабочих путем военной диктатуры, при помощи одних репрессий, часть руководящей группы промышленников задумала, опираясь на оппортунистов, пристегнуть к своему делу самих рабочих. Промышленники рассчи-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Вход. № 804 от 5/IX 1915 г.

тывали связать рабочих участием в работах на «оборону» и тем подчинить себе рабочее движение. К услугам буржуазии были оппортунисты и социал-шовинисты, готовые взять на себя роль по удушению распыленного рабочего движения.

Идейная смычка, установившаяся с первых дней войны между империализмом и социал-соглашателями, о которой мы говорили выше, неизбежно должна была принять организационные формы.

Сближение между русскими социал-шовинистами и буржуазией особенно сильно проявляется в момент так называемой мобилизации промышленности на «оборону», совпавшей с под'емом забастовочного движения летом и осенью 1915 г.

Буржуазия попыталась привлечь рабочих к участию в работе буржуазных организаций созданием рабочих групп при военно-промышленных комитетах.

В своем приглашении к выборам рабочих представителей центральный военно-промышленный комитет следующим образом определял задачи рабочих делегатов:

«Участвуя в трудах центрального военно-промышленного комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны» [1]).

Итак, руководящие круги буржуазии прекрасно учитывали необходимость сохранения гражданского мира в интересах успешного ведения войны. К тому же использование войны для получения прибылей требовало такой «дисциплинированности» рабочих, которая обеспечила бы безропотное подчинение капиталистической эксплоатации всей рабочей массы.

На этот путь гораздо раньше русской буржуазии встала европейская, где сотрудничество буржуазии и рабочего класса дошло до участия «представителей рабочих» не только в организациях по работе на «оборону», но и в буржуазных правительствах. Эти «социалисты» должны были помочь идейно поработить рабочий класс. Та же работа началась и в России. Меньшевистские вожди горячо взялись за это дело.

«Весь запас «марксистской» фразеологии был пущен в ход, тут фигурировали и интересы экономического развития, и освобождение от немецкого засилия, и интересы демократии и «международной солидарности». Была найдена новая форма солидарности — патриотическое взаимоистребление пролетариев» [2]).

Первым шагом по пути об'единения всех «народных сил» явилось июльское совещание 1915 г. по борьбе с дороговизной. Это был пробный шар, пущенный буржуазией. Здесь «рабочие представители» должны были показать, способны ли они работать в «деловой обстановке». Для этого на это совещание, созванное

---

[1]) Шляпников, Канун 17-го года, стр. 85—86.

[2]) Там же, стр. 86.

главным комитетом союза городов, было признано желательным пригласить рабочих. Нужно сказать, что буржуазия шла не без робости на этот шаг. Как мы узнаем из донесения охранки, этого приглашения сильно опасались кадеты с главноуполномоченным союза городов Челноковым во главе, а также и помещичье крыло прогрессивного блока — во главе с главноуполномоченным земского союза — князем Львовым. Они боялись революционных, враждебных с'езду речей, которые не только им самим было неприятно слушать, но которые в значительной степени могли скомпрометировать с'езд в глазах царского правительства.

Идея об'единенного совещания по вопросам борьбы с дороговизной была с готовностью подхвачена меньшевиками, которые начали на местах проводить усиленную агитацию за участие в этом совещании, призывая рабочих посылать на него своих представителей.

Однако в массе рабочий класс резко отрицательно отнесся к этой оппортунистической затее. Против участия высказалось большинство местных больничных касс. С'езд бойкотировали самые крупные петроградские предприятия во главе с Путиловским заводом, заводом Лесснер и др. [1]).

Отказавшись на с'езде от «деловой работы», которая могла бы лишь создать в рабочем классе иллюзию возможности разрешения вопросов разрухи и дороговизны при существующих условиях, большевики решили использовать с'езд исключительно в целях агитации и раз'яснения широким народным массам причин дороговизны и возможности действительной революционной борьбы с ней. В целях борьбы с революционным течением среди рабочих, инициаторы с'езда позаботились о том, чтобы соответственным образом подтасовать его состав. Благонадежность последнего должен был обеспечить самый подбор тех рабочих организаций, которым было дано представительство. Этот подбор настолько характерен, что нельзя его не привести здесь. Представительство рабочих на продовольственном совещании 1915 года по профессиям:

Металлистов	12
Печатников	2
Мануфактуристов	1
Деревообделочников	1
Рабочих по обработке стекла и фарфора	1
Архитектурно-строительных рабочих	1
Ременного производства	3
Золото-серебряников	1
Рабочих хлебопекарен и кондитерских	2
Поваров и официантов	3
Приказчиков и разных служащих	5
Неизвестных	4
Всего	36 [1])

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 9-е делопроизводство № 5, ч. 57, 1915 г. Вх. № 15134 от 19/VIII 1915 г.

[2]) Меницкий. Рабочее движение и с.-д. подполье Москвы в военные годы. Стр. 204—205.

Как видим, из 36 членов — только 12 металлистов, 2 печатника и 1 текстильщик; почти все остальные являются представителями или мелких ремесленных производств или тех групп, которые более всего были связаны с буржуазией, именно: поваров, официантов, приказчиков и др. служащих, общее представительство которых было значительно выше остальных групп рабочих. Такой состав, само собой разумеется, обеспечивал успех оппортунистическим мелкобуржуазным течениям.

При открытии с'езда, как это и можно было ожидать, в первую очередь выявила себя, в качестве представительницы оппортунистического крыла, организация служащих и приказчиков.

Наиболее яркое отражение тактика соглашателей нашла в предложенной ими на с'езде от имени рабочих оппортунистической резолюции, несмотря на то, что на предварительном совещании, на котором соглашатели безуспешно пытались обработать участников с'езда, была принята большевистская резолюция. Резолюция соглашателей, выдвигая ряд политических требований меньшевистской программы-минимум, обходила самый кардинальный вопрос, — вопрос о войне, замалчивая ее разрушительное влияние на народное хозяйство и не только не указывала на невозможность борьбы с разрухой в условиях продолжающейся войны, но, в полном согласии с кадетской резолюцией (Челнокова), принятой с'ездом, указывала, что борьба с разрухой может успешно вестись «при непосредственном и активном участии всех живых сил страны, а в особенности более заинтересованных в этом вопросе трудящихся классов».

Однако, несмотря на все старания меньшевиков, значительная часть рабочих на совещании оказалась стоящей на классовой революционной позиции, что и выявилось в оглашенной ими декларации (выработанной большевиками). Она подчеркивала желание рабочего класса «добиться мира во что бы то ни стало» и заявляла, что «рабочий класс посылает своих представителей на с'езд не для работы, а для того, чтобы с точки зрения пролетариата осветить вопрос о дороговизне и мерах борьбы с ней».

В противоположность буржуазным и мелкобуржуазным вождям и теоретикам, представители рабочих подчеркнули роль войны в возникновении дороговизны и разрухи и указывали на невозможность борьбы с нею в рамках капиталистического строя [1]).

П р о д о в о л ь с т в е н н о е с о в е щ а н и е о б н а р у ж и л о д о в о л ь н о р е в о л ю ц и о н н о е н а с т р о е н и е р а б о ч е й м а с с ы и е щ е б о л е е в с к о л ы х н у л о е е.

«Настроение масс, — писал в своем докладе о совещании начальник петроградской охранки—в настоящее время агентурой приравнивается к общественному настроению 1904 г. непосредственно

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 9-е делопроизводство, № 5, ч. 57, 1915 г. Записка Петроградского охранного отделения № 15134.

перед смутой 1905 г.» [1]). «Самое совещание, — как доносил начальник московской охранки в своем докладе от 1/X 1915 г., — а главным образом выступления рабочих на нем безусловно подняли настроение рабочих масс, которыми начали устраиваться различные собрания, на которых обсуждались подымавшиеся на с'езде вопросы и выносились соответствующие резолюции» [2]).

Июльское продовольственное совещание послужило лишь первым опытом привлечения рабочих в буржуазные организации. Вслед за ним последовало создание рабочих групп при военно-промышленных комитетах, которые должны были быть избраны на фабриках и заводах. Такой способ избрания «рабочего представительства» меньше всего определялся демократизмом капиталистов. Дело было в том, что существующие рабочие организации отказались итти на сотрудничество с буржуазией для работы на войну. Как докладывал Коновалов на 3-м заседании центрального военно-промышленного комитета, «разрешение этого вопроса встречает большие трудности, так как у рабочих сейчас не имеется таких организаций, при содействии которых можно было бы осуществить это представительство. Единственная организация — больничные кассы — оказалась неудобной для этого». Почему она «оказалось неудобной», поясняет следующая часть доклада: докладчик, оказывается, беседовал с несколькими представителями этой организации, но они все отказались войти в центральный военно-промышленный комитет в качестве представителей, так как они не уполномочены на эту роль своими избирателями. То же самое повторили и представители рабочих Путиловского и Невского заводов [3]).

Такое резко отрицательное отношение существующих рабочих организаций заставило Коновалова притти к необходимости провести выборы по заводам как работающим, так и не работающим на «оборону». Он предлагал собранию выработать следующую норму представительства: каждый завод выбирает по одному выборщику от каждой 1.000 рабочих, при чем те заводы, на которых работает меньше 1.000, но больше 500 человек, тоже посылают по одному выборщику.

В целях соответственной подготовки рабочих, по предложению присутствующих на совещании гвоздевцев, было высказано пожелание, чтобы было составлено специальное воззвание относительно этих выборов и чтобы на собрание выборщиков прибыли представители центрального военно-промышленного комитета [4]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Доклад начальника Петроградского охранного отделения. Вх. № 15134.

[2]) Там же, дело департамента полиции, 6-е делопроизводство. Доклад начальника Московского охранного отделения от 1/X 1915 г., 167, ч. 46, 1915 г.

[3]) Там же. Дело «о рабочей группе при военно-промышленном комитете».

[4]) Там же.

Для соответствующего подбора предприятий решено было переговорить с министерством торговли и промышленности относительно составления новых списков заводов и фабрик, что и было поручено сделать старшему фабричному инспектору.

Итак, мы видим, что уже с первых моментов были приняты меры, чтобы должным образом обеспечить соответственное представительство рабочих. В этом начинании большую помощь буржуазии оказали ликвидаторы и правое крыло меньшевиков. Ими была развита на заводах сильнейшая агитация за вхождение в военно-промышленные комитеты, которая, однако, встретила дружный отпор со стороны большевистской партии и всей рабочей массы.

Партия большевиков вела агитацию против участия в военно-промышленных комитетах. В этих целях ее представители участвовали в предвыборной кампании. «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую реакционную войну, — писал Ленин осенью 1915 г. [1]), — мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях».

«Петербургский комитет (большевистский), — писал «Социал-Демократ», — звал рабочих использовать выборы на первой стадии для агитации, но категорически высказывался против участия в самих военно-промышленных комитетах, исходя из интернационалистского взгляда на защиту отечества».

Иную позицию защищали ликвидаторы. В СПБ в это время выходила легальная социал-патриотическая газета «Утро». Эта газета выступала, как идейная представительница всего ликвидаторского направления.

В № 2 «Утра» 19/1 сентября 1915 г. появились следующие строки:

«Надо сказать определенно и твердо, что рабочие пойдут в промышленные комитеты не только тогда, когда предприниматели предупредительно распахнут перед ними двери, но и в том случае, если эти двери будут закрыты и мозолистым рукам самим придется отодвигать их затворы».

Им вторили московские ликвидаторы в своем листке за подписью Московского СДР коллектива, в котором они призывали к выборам в военно-промышленные комитеты и возлагали на рабочую группу при военно-промышленном комитете задачу созыва всероссийского рабочего с'езда.

Гвоздевцы вполне открыто шли на союз с буржуазией. «Рабочий класс должен развивать борьбу между правительством и рабочим классом, но в этой борьбе у него самый сильный союзник в лице буржуазии», — говорил ликвидатор (делегат с «Айваза»).

---

[1]) Н. Ленин, Несколько тезисов. Собр. соч., т. XIII, стр. 207.

«Наша сила в совместных (с буржуазией) действиях, — говорил ликвидатор Емельянов. — Когда мы одни — мы бессильны... И вот, исходя из этих основных предпосылок, мы подходим к вопросу о военно-промышленных комитетах... В борьбе за политическую свободу мы должны итти в контакте с буржуазией».

«Мы должны сказать теперь, — говорил ликвидатор Бройдо, — на чьей мы стороне: на стороне ли буржуазии или отживающего режима; готовы ли мы поддержать ее положительные, прогрессивные требования, или мы отказываемся от этого... Выборами в военно-промышленные комитеты рабочие покажут, на чью сторону они положат гирю своей силы».

«Злейшие реакционеры и империалистические разбойники, — писал Зиновьев, — через своего прямого агента Гучкова заманивают рабочих в царские комитеты, где по сути дела куются цепи для дела свободы. Часть рабочих клюет на эту удочку и лезет прямо в пасть реакции» [1]).

С ясной и определенной точки зрения (против участия в военно-промышленных комитетах) выступили, с одной стороны, большевики, в лице Петербургского комитета, с другой стороны, (за участие) социал-шовинисты, в лице газеты «Утро», деятели «Нашего Дела» и Плеханова, выдвинувшие лозунг «организации всех живых сил»; прочие же «социалисты» ограничились молчанием. Как писал по этому поводу в «Социал-Демократе» Зиновьев, существовало «две точки зрения». Ни на какую третью до выборов нет нигде и намека. Фракция Чхеидзе молчит в то время, как «Утро» говорит от всего направления, к которому принадлежит эта фракция. ОК молчит. Его заграничный секретариат тоже. «Примиренцы» молчат, они еще не придумали средней позиции, и они еще не знают, за кем большинство... «Таким образом, сторонниками участия рабочих в военно-промышленных комитетах оказались не только откровенные ликвидаторы, но и представители русского «центра», которые на словах как будто поддерживают Циммервальд и в большей или меньшей степени солидаризируются с Мартовым-Аксельродом. Достаточно назвать: фракцию Чхеидзе, Петроградскую инициативную группу, сотрудников Самарского «Голоса», Кавказский областной комитет, Дана, Церетели, Ежова. Ни одного голоса из ликвидаторских рядов против участия в военно-промышленных комитетах в России не раздалось. Это — просто факт, опровергнуть который не пытается даже Мартов» [2]).

Обоснование тактических позиций оставалось совершенно одинаковым как у правого ликвидаторского крыла, так и у русских центристов. «Эти комитеты, — писал Дан, — на-ряду с органами земского и городского союзов, уже превращались временами и еще больше имеют шансов превращаться в будущем в раскинутые

---

[1]) Зиновьев, Как ликвидаторство превратилось в социал-шовинизм. Собр. соч., т. V, стр. 324—325.

[2]) Там же, стр. 317.

по всей стране ячейки общеполитической деятельности... Отказываясь иметь свое представительство в таких открытых политических организациях,.. рабочие лишают себя могущественного орудия борьбы за политическую организацию». («Наш Голос», № 10).

Петербургская и Московская инициативные группы, так же решительно отстаивая участие рабочих в военно-промышленных комитетах, повторяли вслед за ликвидаторами их слова о необходимости «единения всех живых сил».

«Буржуазная оппозиция, — заявляли в своей декларации Петербургская инициативная и Московская с.-д. группы, — вступила, наконец, на путь собирания распыленных общественных сил. В интересах пролетариата — поддерживать организационно-политическую работу оппозиции. «Пролетариат» должен положить в основу своей тактики принцип координации политических действий»... «Мы должны в нашей борьбе с главным врагом — самодержавием — искать точек соприкосновения с буржуазной оппозицией... Одолеть его (самодержавие) не может ни одна буржуазия без пролетариата, ни один пролетариат без буржуазии» («Известия», № 5).

Таким образом, как отмечала большевистская печать «Гвоздев есть птенец не только из гнезда Гучкова, но и из гнезда Мартова и Дана» [1]).

Внутри рабочего класса борьба различных течений вокруг выборов приобретает особенно обостренный характер. Рабочие собрания для выборов представителей в военно-промышленный комитет становятся ареной этой борьбы. Рабочие собрания для выборов делегатов, долженствующих по замыслу буржуазных политиков «содействовать более успешной работе на оборону страны», не только не обнаруживали никакой склонности плестись в хвосте буржуазного движения, но приобретали характер демонстраций протеста против «сотрудничества» классов и против империалистической бойни.

Рабочие в подавляющей массе категорически отказывались от выборов представителей. Выборщики вместо назначения кандидатов оглашали революционные декларации, в которых клеймили предательскую политику соглашателей. Яркую картину выборов дает нам «справка об инцидентах с выборами, приложенная к делу о рабочих группах ВПК». Судя по ней, обстановка выборов была аналогична во всех промышленных центрах.

Отношение рабочих к затее буржуазии и соглашателей было настолько отрицательно, что все попытки последних грозили полным провалом. Руководители военно-промышленного комитета, при содействии департамента полиции, гвоздевцев и меньшевиков, приняли все меры к тому, чтобы фальсифицировать представительство рабочих. Как видно из вышеназванной справки [2]), в Питере рабо-

---

[1]) Зиновьев, т. V, стр. 320—321.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 347, «О рабочей группе при военно-промышленном комитете».

чими обнаружены были серьезные недочеты в организационном собрании (выборщиков) 27/IX, а именно некоторым выборщикам не были вручены повестки, иных на собрании заменили, и эти подставные лица выражали взгляды, совершенно противоположные убеждениям лиц, именем которых они воспользовались. Но, несмотря на эту фальсификацию и попытку буржуазии и меньшевиков подставить вместо нежелательного элемента «своих», большинство участников собрания выявило определенно отрицательное отношение к затее буржуазии. Собрание выборщиков 27 ноября, состоявшееся после ряда предвыборных собраний, большинством 9 голосов (90 против 81) высказалось за отказ от участия рабочих в военно-промышленном комитете, при чем пораженцами-ленинцами были произнесены резко революционные речи. «Мы считаем, — заявили представители питерских рабочих, — принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организации, каким-либо образом способствующей войне», «если в составе военно-промышленного комитета окажутся каким-либо образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

Несмотря на все попытки фальсификации рабочего представительства, уже первые собрания выборщиков обнаружили полный провал этой ставки на массы; однако, несмотря на это явно отрицательное отношение рабочих, буржуазия и не думала отказываться от своей затеи. Имея в своем распоряжении гвоздевцев, она обставляла дело так, будто сами рабочие недовольны своими «бессознательными» товарищами, которые «сорвали» столь «патриотическое дело».

А гвоздевцы действовали без стеснения. Разоблачение рабочими фальсификации выборов 27-го ноября было ими использовано для новой подтасовки. Как сообщает вышецитированная справка, по ходатайству самих рабочих (по инициативе рабочего Гвоздева) было назначено вторичное собрание выборщиков рабочих, и после пересмотра вопроса о выборах подтасованные уполномоченные дали большинство, хотя и незначительное, гвоздевцам. Последние провели выборы успешно и избрали представителя рабочих в центральный военно-промышленный комитет с намерением использовать этот комитет для легальных возможностей.

По поводу этих вторых выборов 29-го ноября 84 выборщика (большевика) сочли своим пролетарским долгом заявить, что вторичное собрание выборщиков они признают попыткой фальсифицировать мнение петроградского пролетариата, и, ввиду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать это собрание для перерешения вопроса, уже решенного и одобренного рабочими массами на заводах, они считают изменниками всех способствовавших этой сделке.

Выпущенная ПК РСДРП прокламация указывала на комедию выборов 29-го ноября 1915 г., проведенную Гвоздевым и К° под

руководством Гучкова, и призывала пролетариат к превращению империалистической войны в гражданскую [1]).

При помощи такой же фальсификации проходили выборы и в других городах. «Сводка об инцидентах с выборами» указывает, что аналогичное положение создалось в Харькове, Самаре, Ростове-на-Дону. В Москве 16 ноября 1915 г. в здании биржи под председательством банкира Рябушинского, в присутствии городского головы Челнокова и вице-президента общества заводчиков Поплавского, состоялось собрание уполномоченных от рабочих для выборов десяти представителей в военно-промышленный комитет. Собрание разрешило вопрос в пользу выборов. Банкир Рябушинский предложил после этого текст приветственной телеграммы рабочим Франции и Англии от имени собрания, с пожеланием успеха в их труде по снабжению армии. Большевики демонстративно покинули зал собрания.

В примечании к сообщению о выборах, редакция «Социал-Демократа» писала: «Победил блок черносотенцев и ликвидаторов-оборонцев. Собрания рабочим разрешены не были. Даже в «Речи» отмечено, что выборы были «слепые и немые» и что рабочие часто выбирали, не зная куда. При таких условиях московские выборы не имеют и малой доли того значения, какое имели выборы в Петербурге. Из газет далее известно, что «правдистами» проведен отказ от участия в военно-промышленных комитетах в Нижнем-Новгороде, Саратове и Харькове» [2]).

«В Нижнем-Новгороде из общего числа рабочих 20,500 чел. в подаче записок участвовало 8.848 чел., которыми и было избрано 44 выборщика. На избирательное собрание явились 39 выборщиков, при голосовании выяснилось отрицательное (32 против 7) отношение к выборам в военно-промышленный комитет по причинам политического характера, а также преобладания капиталистов и буржуазии в составе этих комитетов», как безграмотно сообщает охранка [3]).

Аналогичный характер носило собрание выборщиков в Баку. Несмотря на предварительную «подготовку» к выборам, выразившуюся в аресте ряда рабочих, собрание отказалось от выборов и вынесло резолюцию протеста хотя и весьма путано-составленную [4]).

Выборы в военно-промышленные комитеты имели громадное значение для развития классового самосознания пролетариата. «Это был, — писал Ленин, — в жизни российской социал-демократии самый крупный

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 526.

[2]) «Социал-Демократ», № 49 от 21/XII 1915 г.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 347, «О рабочей группе при военно-промышленном комитете».

[4]) Там же, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 7, 1915 г. Доклад № 201 начальника Бакинского губернского жандармского управления.

факт... Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину того, что есть в социал-демократии, как массовой партии. Оказалось, что есть два, всего только два течения: одно революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны. Другое, «оборонческое» или социал-шовинистское, было блоком «нашедельцев» (т.-е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока. Таковы факты. Такова действительность» [1].

«Рабочая группа» на службе капитала.

Само собой разумеется, что если бы гвоздевцы сразу заявили, что они идут на помощь буржуазии, они не могли бы рассчитывать на поддержку рабочих. Но они, как мы видели выше, говорили о союзе с буржуазией, как о союзе политическом, имеющем целью якобы борьбу с царизмом.

Обычная тактика оппортунистов — кричать о защите интересов рабочих и продавать эти интересы на деле. Такой же тактики держалась и «рабочая группа».

В противовес непримиримой позиции большевиков, ликвидаторы и фактически руководимая ими рабочая группа выдвинули лозунг использования всех представляющихся легальных возможностей будто бы в целях защиты интересов пролетариата.

Примерно в таком духе была составлена декларация рабочей группы, оглашенная при ее вхождении в военно-промышленный комитет.

«Мы, рабочие, — гласит она, — не можем взять на себя ответственность за работу центрального военно-промышленного комитета. Промышленный комитет является по существу организацией крупно-промышленной буржуазии. Если мы решили все же принять участие в военно-промышленном комитете, то единственно потому, что считаем долгом отстаивать в этих учреждениях наше понимание интересов страны и путей спасения ее от гибели, а также для того, чтобы энергично отстаивать (?) интересы рабочих от всяких покушений на их завоевания и всячески содействовать (??!) организации рабочих» [2].

Такой же смысл носило и большинство прочих заявлений рабочей группы. За внешней революционной фразео-

---

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 216—217. «Покрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами». «Социал-Демократ», № 49 от 21/XII 1915 г.

[2] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 323, 1916 г.

логией и передко под словесным прикрытием знаменем международной пролетарской солидарности — проводилось полнейшее подчинение верхов пролетариата политике империалистической буржуазии.

Разоблачая тактику гвоздевцев и их идеологию, Ленин вскрывает буржуазную сущность их дипломатии:

«В этих перлах, кроме безграмотности и репетиловского вранья, есть совершенно трезвая и правильная, с точки зрения буржуазии, дипломатия. Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно. И «Рабочее Утро» (орган гвоздевцев. — *Б. Г.*) наряжается, подкрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь» [1]).

Вся гнусность политики рабочей группы заключалась в том, что она фактически поддерживала те империалистические интересы, грабительский характер которых она прекрасно понимала.

Так, напр., в декабре 1915 г. на одном из устраиваемых особенно часто собраний для ознакомления представителей рабочей группы с деятельностью центрального военно-промышленного комитета члены группы заявили: «Нам ясно, что создав центральный военно-промышленный комитет, представители промышленного капитала преследуют 3 цели: 1) способствовать обороне страны, 2) захватить в свои руки власть и 3) набить свои карманы» [2]).

Аналогичные заявления делались неоднократно представителями рабочей группы, которые однако отказывались сделать отсюда логический вывод и продолжали мирно сотрудничать с империалистической буржуазией и во всей своей политике ни на шаг не отступали от буржуазного либерализма.

Это очень рельефно отразил II с'езд военно-промышленных комитетов, где империалистическая буржуазия приняла политическую резолюцию рабочей группы, предложенную Гвоздевым. И как было ей не принять, если по вопросу о войне декларация гласила, что, хотя рабочие стремятся к прекращению братоубийственной войны, затеянной в интересах империалистических и капиталистических, и к заключению мира, обеспечивающего свободное развитие демократии, тем не менее они действуют в полном согласии с идеей защиты народов от военных нападений и насильственных подавлений, являясь в то же время сторонниками энергичного участия пролетариата в самостоятельной защите в тех странах, для которых война создает опасность разгрома. «Только этот путь, — гласила резолюция, — ведет к миру без аннексий и кон-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 218—219. «Покрытие социал-шовинистической политики интернационалистскими фразами».

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 323, 1916 г. Сводка № 645.

трибуций, предоставляющему порабощенным народам самим решить свою судьбу, а не доверять это дело дипломатам».

Даже в отношении политических требований резолюция не шла дальше общих мест буржуазных деклараций; — коснувшись положения земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов, находящихся под полицейским надзором, остановившись на национальном гнете, положении печати, арестах и репрессиях правительства, Гвоздев отмечает на-ряду с этим и бесправное положение рабочего класса, который, стремясь к защите страны от внешнего вторжения и разгрома, должен освободить себя от петли, затянутой на его шее полицейским режимом [1]). Выход из положения Гвоздев, в полном согласии с Милюковым и Гучковым, видел в «немедленном и коренном изменении существующих политических условий и вручении власти правительству, поставленному народом и ответственному перед ним».

Уже одна эта декларация наглядно свидетельствует о том, что рабочая группа всецело находилась в сфере буржуазного влияния и фактически плелась в хвосте буржуазного движения, повторяя его лозунги.

Таким образом гвоздевцы помогли буржуазии овладеть рабочим движением, приручить его, лишить его революционного характера и ввести в конституционное русло.

Рабочая группа оказывала ценную помощь буржуазии не только в идейном закабалении рабочего класса, но также обеспечивала столь необходимые для нее в период империалистической схватки и работы на оборону порядок и спокойствие на заводах.

Рабочая группа все время вела борьбу со стачечным движением, стремясь путем вмешательства, где только возможно, уладить конфликт.

Как отмечает «справка о рабочей группе», «группа и отдельные члены ее оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы».

Охранка в данном случае не ошибалась. Именно так характеризует рабочую группу т. Шляпников: «Они вырабатывали проекты примирительных камер, всюду совались со своим посредничеством и стремились всячески уменьшить количество открытых конфликтов. Через своих сторонников давали советы, чтобы рабочие обращались к ним с петициями, организовали анкеты и т. д. Во время конфликтов они выказывали необыкновенную суетливость, но их дипломатические старания успеха не имели».

Однако гвоздевцы не только брали на себя «дипломатическую часть» в переговорах рабочих с предпринимателями, но и высту-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 347, 1916 г.

пали в качестве прямых штрейкбрехеров. Вот, например, характерная корреспонденция из Питера в «Социал-демократ»: «За несколько дней до 9-го января (1916 г. — *Б. Г.*) на всех заводах и рабочих ячейках происходили совещания. Принято было решение собираться на своих заводах и фабриках, но не начинать работу, а устраивать митинги и с революционными песнями выходить на улицу. Утром 9 января завод Ст. Лесснер, где утренняя смена сходится с ночной, устроил громадный митинг (около 10.000 чел.), говорило 4 наших оратора. После митинга все 10.000 с революционными песнями, с красными знаменами и с криком «долой войну» вышли на улицу. Скоро были рассеяны конной полицией. Та же картина была и на других предприятиях, кроме Эриксона, где работает «сам Гвоздев».

«9 января 1916 г. у Эриксона произошло прямое столкновение наших с гвоздевцами. Собравшись утром, наши решили снять гвоздевцев с работы. На требование рабочих пракратить работу гвоздевцы отвечали бранью и пустили в ход табуретки и гайки... Много раненых и сильно избитых с той и с другой стороны. В результате с работы сняли, устроили митинг и вышли с пением и с красным знаменем на улицу» [1])...

Таким образом, гвоздевцы открыто боролись с революционным движением. Также и в своей практической работе рабочая группа шла на поводу у буржуазии, которая пыталась рядом внешних формальных уступок парализовать рабочее движение. Эта политика буржуазии нашла себе яркое выражение на II с'езде военно-промышленных комитетов, на котором буржуазия вытащила из архива закон 10-го июня 1903 г. о фабричных старостах, выдвинула вопрос о примирительных камерах, сделала постановления об организации посредничества по приисканию работ и, пожалуй самое характерное, что сбило с толку полицию, приняла постановление о подготовке к созыву рабочего с'езда.

В целях борьбы с революционным движением рабочих и чтобы укрепить свое влияние в массах, рабочая группа пыталась завязать более близкие сношения с рядом профессиональных организаций, а также фабрик и заводов. Какой характер носила эта «связь», можно уже судить по тому, что в с е с н о ш е н и я р а б о ч е й г р у п п ы с д р у г и м и р а б о ч и м и о р г а н и з а ц и я м и п р о х о д и л и ч е р е з к о н т р о л ь ц е н т р а л ь н о г о в о е н н о-п р о м ы ш л е н н о г о к о м и т е т а. Характерно для той прислужнической роли, которую буржуазия предназначала для рабочей группы, что центральный военно-промышленный комитет отказался предоставить рабочей группе право бесконтрольной корреспонденции и сношений с внешним миром. Показательно, что когда рабочая группа внесла на утверждение в центральный военно-промышленный комитет уже в конце своей деятельности в декабре 1916 г. инструкцию, регламентировавшую ее деятельность, то пункт 8-й,

---

[1]) «Социал-Демократ», № 52 от 25/III 1916 г.

гласивший, что «рабочая группа сносится по вопросам, относящимся к ее компетенции как с отдельными лицами, так и с представителями других военно-промышленных комитетов и со всякого рода рабочими организациями (профсоюзами, больничными кассами и пр.)», встретил решительное возражение со стороны большинства членов комитета, опасавшихся предоставить рабочему под'отделу право бесконтрольной корреспонденции и сношений с рабочими организациями.

Буржуазия придавала столь большое значение контролю над деятельностью рабочей группы, что не соглашалась пойти ни на малейшее его послабление. Приведенное донесение указывает, что при обсуждении §§ 7 и 8, предоставлявших рабочей группе право непосредственной корреспонденции, замест. председателя ЦВПК С. Н. Третьяков заявил, что если редакция §§ 7 и 8 пройдет, как она есть, он не остановится перед отказом от своей должности заместителя председателя [1]).

Понятно, что при *таком явном сотрудничестве с буржуазией отношение рабочих ко всяким посредническим выступлениям рабочей группы было в большинстве случаев весьма отрицательным.* Часто бывали случаи, когда рабочая группа в своих попытках сблизиться с рабочими организациями наталкивалась на их решительный отказ и заявления о том, что они рабочую группу не только не считают своим представительством, но смотрят на нее, как на организацию, чуждую и враждебную рабочему классу [2]).

Несмотря на отрицательное отношение большинства пролетариата к рабочей группе, все же, поскольку она существовала, некоторые группы рабочих пытались использовать ее влияние и обращались к ней по самым разнообразным вопросам. Так, напр., в деле о рабочей группе мы встречаем обращение рабочих фабрики Лаферм, Богданова, Невского судостроительного завода, которые жалуются на перерыв в производстве из-за недостатка топлива. Другие рабочие фабрики Лебедева, Всеобщей компании электричества, а также ряда предприятий Москвы и Риги в своих обращениях указывают на невыгоду военной прибавки, которая по своим размерам не соответствует возросшей эксплоатации труда. Среди обращений мы встречаем также письмо рабочих Прохоровской мануфактуры и Обуховского завода, последние жалуются на стеснения в переходе военнообязанных с одного предприятия на другое.

Однако реальной помощи группа не могла оказать даже в чисто экономической борьбе пролетариата. Ни правительство, ни буржуазия, конечно, серьезно никогда не думали о сотрудничестве с рабочей группой и использовали ее лишь как ширму

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 347, ч. 57, 1917 г., лист 92.

[2]) См. *Панкратова*, Фабзавкомы в России, стр. 169.

для одурачивания пролетариата. Этим об'ясняется, что большинство ее скромных попыток по улучшению экономического и правового положения рабочего класса терпели неудачу; как правило, переговоры рабочей группы с администрацией завода, вмешательство в возникавшие конфликты, а также попытки урегулировать взаимоотношения внутри фабрик всегда кончались неудачей. Так же безрезультатны были попытки рабочей группы содействовать профессиональным организациям, попытки урегулировать продовольственный вопрос, вопрос о порядке перехода военнообязанных с одного предприятия на другое и т. п. [1]).

Таким образом, бесплодность деятельности рабочей группы и в чисто экономической борьбе пролетариата делала бессмысленным и бесцельным ее существование в глазах даже наиболее отсталых рабочих. Этим об'ясняется, что, чем дальше существовала рабочая группа, тем более в рабочей среде накоплялось против нее недовольства.

Рабочая группа проводила такую явно буржуазную политику, что ею были не всегда довольны даже меньшевики, особенно их левое крыло [2]). Но в общем и целом, рабочая группа действовала в полном контакте с меньшевиками, ликвидаторами, которые составляли ее руководящую группу.

Итак, подводя итог рассмотрению деятельности рабочей группы, мы видим, что прежде всего она заключалась в идеологической обработке пролетариата в оборонческом и шовинистическом направлении, — иначе говоря, рабочая группа являлась проводником буржуазной политики в рабочий класс. В целях сглаживания классовых противоречий, она пыталась играть роль своего рода «буфера» между пролетариатом и буржуазией. Гвоздевцы выступали в урегулировании экономических конфликтов и стачек в буквальном смысле в качестве соглашателей между рабочими и предпринимателями. Таким образом, гвоздевцы распыляли, дезорганизовали рабочее движение, т.-е., по словам Ленина, являлись злейшими врагами пролетариата, делавшими вместе со всей буржуазией контр-революционное дело.

Однако все попытки гвоздевцев отвлечь рабочих от классовой борьбы потерпели фиаско. Как писал Ленин, «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма». Революционное движение продолжало неуклонно развиваться.

Усиление революционного движения в конце 1915 г.

Сильный нажим на рабочих как со стороны полиции, так и со стороны буржуазии вызывает новый революционный под'ем

---

[1]) Панкратова, Фабзавкомы в России, стр. 168.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57, 1916 г., доклад Петроградского охранного отделения от 2/IV 1916 г.

рабочего движения. В противовес контр-революционным организациям в виде рабочих групп при ВПК, пролетариат делает попытку создания революционных организаций. Как чрезвычайно важный факт в рабочем движении этого периода, нужно отметить попытку образования заводских стачечных комитетов и продовольственных комиссий. В октябре 1915 г. «была начата агитация за необходимость самим рабочим позаботиться об обеспечении своего существования и с этой целью стремиться сорганизовать в фабрично-заводских и промышленных предприятиях особые продовольственные комиссии» [1].

«Представители последних, — сообщает охранка, — образуют районные комиссии, а последние сорганизовываются в «общегородские комиссии». Эти комиссии должны сыграть исключительно серьезную и ответственную роль, вырабатывать одинаковые требования об увеличении заработной платы и другие экономические требования. И даже Петроградский комитет партии большевиков видит в подобного рода комиссиях лишь путь к революционному воздействию на массы, а в формирующихся комиссиях—средство к сорганизованию революционных рабочих кругов, в результате чего разрозненные и не поддержанные забастовки примут планомерный характер». Устройство собраний и выборы агентура отмечает в 4 районах: Нарвском, Московском, Петроградском и Выборгском [2]. Помимо организации продовольственных комиссий развертывалась также агитация за создание на фабриках и заводах стаченных комитетов [3]. Как мы читаем у Васильевской, «2 ноября агентура дает следующие сообщения: представители Петроградского комитета организуют стачечные комитеты на заводах. Из них организуются районные комитеты. На некоторых заводах роль этих комитетов выполняется продовольственными комиссиями. Задача этих комитетов — выработка согласованных между заводами экономических требований, которые будут пред'являться владельцам фабрик и заводов и затем будут подкреплены общими забастовочными выступлениями. Агентурой установлен ряд митингов на Путиловском заводе, на заводе Лесснера и других (23 ноября забастовка у Лесснера)». Стачечные комитеты организуются явочным порядком [4].

«Все чувствуют, что близится революция, — писал «Социал-Демократ». «Стремление рабочих к организации было столь велико, что ПК решил вести агитацию за созыв рабочего парламента, в противовес различным буржуазным орга-

---

[1]) «Пролетарская Революция», № 13, Васильевская, Стачки в 1914—1916 гг.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. 1915 г. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57, вх. 29602.

[3]) Там же, 9-е делопроизводство, ч. 57, 1915 г., донес. моск. охранки от 28/XII — 257.

[4]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г. Васильевская, Стачки в 1914—1916 гг., стр. 65.

низациям. Представители фабрик и предприятий, выбранные на основе пропорционального представительства во всех городах, должны составить общерусский Совет рабочих депутатов, где наши думают получить большинство» [1]).

Между прочим, в своем письме к Шляпникову от 10 октября 1915 г. Ленин указывал на необходимость особенно осторожного отношения к этому лозунгу. «Обратите особое внимание — писал он — на тезис о Совете рабочих депутатов. Надо быть осторожным с этой штукой».

Совет рабочих депутатов Ленин мыслил лишь как результат достигшего высшего под'ема массового революционного движения. «Вне связи с восстанием «сила» Совета рабочих депутатов есть и л л ю з и я. Не надо поддаваться ей» [2]).

Рабочее движение периода войны определенно шло к этому высшему под'ему, к восстанию, и с этой точки зрения образование продовольственных комиссий и стачечных комитетов было крупнейшим шагом в рабочем движении. Вполне правильно эти организации рассматриваются как непосредственные предтечи Советов рабочих депутатов.

Общий под'ем революционного движения вызвал значительное усиление партийной организации.

Как мы читаем в «Социал-Демократе», в корреспонденции из Москвы, «до апреля этого года (1915 г.) в Москве было только несколько оторванных одна от другой, необ'единенных групп: группы эти постепенно росли, и к апрелю месяцу таких групп было до 11, но все же они не имели никакого центра и действовали каждая за свой страх и риск» [3]).

Дальше корреспондент сообщал: «работать теперь отчаянно трудно. Поэтому мы сделали немало упущений, не вынесли никаких резолюций по отношению к с'езду городов [4]) и т. п. В Москве все время неизменно стоит вопрос — организационная работа. Главная задача заключается в том, чтобы создать прочный центр Московской организации, т.-е. сильный Московский комитет. Первые попытки создания такового центра были в конце апреля: было созвано совещание из представителей всех нелегальных групп, которые только имелись. Работа этого совещания заключалась в том, чтобы об'единить на определенной платформе разрозненные отдельные группы Москвы, выработать платформу, которой должны руководиться об'единенные группы, и, наконец, выбрать МК. Совещание приняло полностью «Ленинскую» резолюцию, напечатанную в № «Социал-Демократа» (речь идет повидимому о манифесте ЦК. — *Ред.*), за исключением одного пункта, где говорилось насчет поражения (в момент, когда ряды

---

[1]) «Социал-Демократ», № 47 от 13/X 1915 г.
[2]) «Ленинский Сборник», т. II, стр. 249—250.
[3]) «Социал-Демократ», № 51 от 29/II 1916 г.
[4]) Речь идет о с'езде союза городов в сентябре 1915 г.

еще только начинали сплачиваться, этот пункт встречал возражения среди москвичей. — *Ред.*).

«Совещанию, — продолжает корреспондент, — пришлось собираться несколько раз; закончить работы, однако, этому совещанию не удалось. «Выбыло» несколько товарищей, состав совещания пополнился вновь выбранными товарищами, но повторилось то же самое, — МК не был выбран. Таким образом, группы вновь были предоставлены каждая самой себе, хотя группы имели уже более значительный характер. Были уже созданы районы, на заводах были созданы заводские комитеты, каждый заводский комитет давал представителя в район и подчинялся постановлениям района. А район давал представителей в МК. Только аресты, которые сыпятся на нас, как из рога изобилия, не давали окрепнуть Московской организации» [1]).

«Сентябрьская стачка значительно укрепила партийную организацию, — пишет тот же корреспондент, — после сентябрьской стачки появление наших листовок стало чаще. Каждый район выпускал за своей подписью. Лефортовский район за полтора месяца выпустил 7 выпусков листков. Тверской район — до 9 выпусков, и последний выпуск был в десять тысяч экземпляров».

«Также были листовки Симоновского и Пресненского районов и т. д. Приблизительно еще до рождества христова велась такая организационная работа. Приблизительно в то же время организовалась и литературная группа. Впоследствии создалась коллегия пропагандистов, и стало легче устройство массовок и докладов. Было устроено несколько массовок в разных районах и несколько докладов. Значительную часть провела коллегия пропагандистов, а часть была проведена своими силами. ...Были попытки создания московской конференции. На этой почве много трений и неудач, вызванных «московскими обстоятельствами».

«Вскоре после злополучной конференции создался коллектив, об'единяющий три района; коллективу было поручено создание Московского комитета. Скоро были выбраны в Московский комитет представители от 5 районов, и две группы должны были еще выбрать» [2]).

Все это показывает значительное усиление партийной (большевистской) организации. К концу октября в Москве насчитывалось, по данным «Социал-Демократа», 5 районов, 31 группа и 550 организованных социал-демократов (большевиков. — *Б. Г.*) [3]).

Продовольственные волнения конца 1915 г.

С разгромом осеннего стачечного движения наступило некоторое затишье. Однако уже и в этом затишье были налицо, или вернее, во время этого затишья нарастали элементы

[1]) «Социал-Демократ», № 51 от 21/II 1916 г.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

новой бури. Одним из первых предвестников этой бури были продовольственные волнения конца 1915 г. Они явились естественным результатом экономической разрухи, особенно усилившейся с лета 1915 г., в связи с отступлениями русских армий и перебоями в транспорте, вызванными стремительной эвакуацией. Ощущался острый недостаток во всех важнейших продуктах питания и предметах широкого потребления. В первую фазу своего развития продовольственный кризис захватил такие предметы питания, как сахар, жиры, мясо; в следующую фазу продовольственного кризиса у населения вопрос стоял прежде всего о хлебе. В 1915 г. вопрос о хлебе, хотя и стоял уже остро, но далеко еще не в такой степени, как в начале 1917 г. Однако для населения, еще непривычного к продовольственным затруднениям, достаточно было недостатка жиров, сахара, мяса и т. п. продуктов питания, чтобы начались продовольственные волнения.

Осенью и зимой 1915 г. происходит целый ряд продовольственных «беспорядков» не только в столицах, но и в провинциальных городах. В охранке сосредоточены сообщения о продовольственных волнениях в ряде провинциальных городов, выражавшихся в разгроме лавок и столкновениях с полицией.

В растущих беспорядках и волнениях на продовольственной почве выражалось явное недоверие населения ко всем мероприятиям правительства, посредством которых оно пыталось урегулировать продовольственный вопрос. У населения создавалось убеждение в полной неспособности или нежелании правительства, находящегося в союзе с буржуазией и помещиками, бороться с разрухой. В сводке директора департамента полиции мы читаем: «Во внутренней России продовольственная неурядица и дороговизна об'ясняются неумением или нежеланием центрального правительства урегулировать эти вопросы, почему отношение к нему также, в подавляющем большинстве случаев, крайне отрицательное. С недоверием относятся и к представителям местной администрации, чины же полиции открыто порицаются за явное яко бы взяточничество и содействие, оказываемое спекулянтам во всех их экспериментах в отношении обывателей, вместо помощи последним в борьбе с мародерами» [1]. Помимо недовольства, направлявшегося против правительства, об'ектом беспорядков обычно являлись торговцы. Для обывателя, конечно, непосредственными виновниками повышения цен были торговцы. Поэтому против них и направлялось все недовольство. Как доносит начальник казанского жандармского управления,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, 1915 г. Сведения за сентябрь 1915 г. о настроении местного населения и рабочих военных портов Балтийского моря.

«простолюдин знает, что в России хлеба достаточно, а между тем он дорог: печеный хлеб стоит вдвое дороже, чем раньше. За сахар нужно заплатить почти в полтора раза против прежнего или не найдешь его совсем; спички вздорожали больше, чем в два раза; мясо, топливо также поднялись в цене, и все это приписывается недобросовестности торговцев, пользующихся моментом, чтобы нажиться. Временами у рабочих озлобление доходит до такой точки, что можно ждать выступления в виде погрома» [1]. Как мы уже отмечали, правительство, особенно в Западном крае, пыталось направить это недовольство против евреев, которых приказы местных властей рисовали, как злостных мародеров-спекулянтов». Как доносит, например, начальник волынского губ. жандармского управления, «все чаще отмечаются базарные толки, что от «начальства» нечего ждать и надо самим расправиться с евреями и земством, и тогда будут и продукты и настоящие цены на них» [2]. Однако широкие народные массы с одинаковой ненавистью относились ко всем мародерам тыла, независимо от их национальности. Каково было отношение пролетариата и мелкого городского обывателя ко всей буржуазии в целом, прекрасно характеризует следующее донесение петроградской охранки, в котором описаны мысли и настроение обывателей в одном из продовольственных хвостов [3]:

«Мысли и намерения обывателя, связанного подобной ненормальной и нервирующей обстановкой, легко определить, если произвести систематическое наблюдение за одним из «хвостов» у лавок. Все эти женщины, мерзнущие при 20 градусах мороза целыми часами ради получения 2 фунтов сахара или 2—3 фунтов муки, невольно и естественным образом ищут виновников постигшего их бедствия. Если минувшим летом недостаток продуктов можно было об'яснить тем, что торговцы «припрятали» товары, дабы продавать их позднее не по таксе, а по вольной цене, то теперь, когда ежедневно за недостатком товаров, закрывается по 10—15 лавок, подобного рода об'яснения никого не могут удовлетворить. Не вдаваясь вглубь вопроса, не понимая всей важности переживаемого момента и совершенно не интересуясь сложностью создавшейся политической кон'юнктуры, женщины видят виновников всех бедствий в двух собственно лицах: «барыне» (достаточном покупателе), могущей закупать у оптовика товары сразу чуть ли не до сотни рублей и способствующей исчезновению товара, и городовом, пропускающем в лавку одних, останавливающем других и посему яко бы играющем вообще как бы роль вершителя продовольственного вопроса в столице. О т с ю д а в с я з л о б а п о л у з а м е р з а ю щ и х п о к у п а т е л е й и з н и з о в

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 15.

[2] Там же, дело № 167, ч. 28, донесение от 14/II 1915 г.

[3] Там же, № 341, 1915 г., вх. 36343. Донесение от 17/XII 1915 г.

против богатой барыни, хитрого лавочника и якобы (!) стоящей на стороне последних полиции. Стоит только посмотреть, как женщины напирают на городового, толкают его, стараются его оплевать, как кричат и злобствуют в отношении мало-мальски прилично одетых покупателей и покупательниц, чтобы понять, что достаточно одной лишь капли, одного слуха или неосторожно сказанного слова для возникновения крупнейших и серьезнейших беспорядков. Каждый день около лавок образуется что-то похожее на уличные «политические клубы», в коих, помимо бесконечной ругани лавочников и полиции, постоянно слышатся и высказываются мысли такого рода: «мужей угнали, а тут издыхай с голоду», «вот мужья вернутся, так вас, проклятых, разнесут», «да скоро ли кончится война», «мужья мерзнут в окопах, а жены— на улицах», «хоть бы немцы пришли в Петроград, да убрали эту сволочь», «все люди в окопах, а городовых, небось, не взяли: нужны баб колотить» и т. д.

С неменьшим раздражением, чем к правительству, относилось население и к деятельности местных «буржуазных организаций». Начальник розыскного пункта в Ростове-на-Дону доносит: «К заботам правительства против дороговизны бедные и средние слои населения относятся недоверчиво. Говорят, что богатые классы и отдельные капиталисты пользуются как бы покровительством власти; городские самоуправления состоят из тех же представителей и сами способствуют повышению цен на продукты»... «У населения замечается уже настроение в сторону захвата продовольствия в свои руки, именно созданием соответствующих органов власти и реквизицией у буржуев».

Как отмечается в том же донесении, «выходом из тяжелого продовольственного положения трудящиеся слои считают изменение избирательного закона для городских самоуправлений, образование потребительных обществ на демократических началах, учреждение имперских кооперативов, которые бы регулировали цены на продукты. По мнению рабочих, установление правительством в последнее время нормальных цен на сахар и уголь далеко не разрешает вопроса о борьбе с дороговизной; так как дороговизна искусственная, то радикальной мерой борьбы с ней должны быть реквизиция предметов первой необходимости, установление нормальных цен на прочие предметы потребления, как-то обувь, одежду и т. п.» [1]).

Как мы видим из этого донесения, в народных массах уже складывалось убеждение в том, что разрешить продовольственный вопрос они смогут лишь сами. Народные массы уже намечали меры для разрешения продовольственного вопроса, именно — реквизиции у буржуазии и государственное регулирование. То,

---

1) Донесение начальника розыскного пункта Ростова н/Д. от 26/X 1915 г. Ленинградский историко-революционный архив. № 167, ч. 20, 1915 г.

что пролетариат осуществил после Октябрьской революции, назревало еще в 1915 г.

При характеристике продовольственного движения в конце 1916 г. и начале 1917 г. нам придется отметить значительное усиление именно этих тенденций. Разруха капиталистического хозяйства была так велика, что сами массы, помимо какого бы то ни было воздействия, начинают сознавать необходимость принудительного регулирования всего производства и распределения. Они начинают выступать почти с предсоциалистическими требованиями.

«Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, — писал Ленин, — не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны» [1]).

О том, какой остроты достигло недовольство населения продовольственным положением, свидетельствуют те продовольственные беспорядки, которые имели место в Петрограде и Москве зимою, особенно в декабре 1915 г. Как раз в декабре месяце в столицах разразился мясной кризис. К праздникам, когда население обычно пред'являет особенно сильный спрос на мясо, его оказалось весьма ограниченное количество. Еще до беспорядков охранка доносила, что имеющиеся незначительные запасы будут раскуплены в один день более или менее состоятельными обывателями, а остальная масса населения столиц окажется в дни праздников в действительности лишенной мяса и голодной... Слухи о том, что мяса не будет к празднику, постепенно проникают в массы, и мясные лавки уже и теперь осаждаются толпами женщин, спрашивающих, правда ли, что мясо на праздники будет продаваться лишь в участковых управлениях по особой разверстке на душу, что будто бы даже уже существует особая запись для означенной продажи (передают, что таковая запись якобы уже открыта на ветчину) и т. п. Подобного рода слухи в сильнейшей степени волнуют и озлобляют массу, и в редкой лавке в настоящее время не слышно угроз «хорошенько рассчитаться», если лавочник не удовлетворит всех обычных покупательниц мясом. Растет и озлобление женщин против городского самоуправления, не озаботившегося доставкой мяса во-время в необходимом количестве, и против низших чинов полиции, якобы допускающих злоупотребления в пользу отдельных лиц при покупках мяса из лавок, и против состоятельной публики, имеющей возможность и покупающей на глазах беднейшей части населения мясо в более или менее значительном количестве» [2]).

Мясной кризис был еще более усугублен кризисом масла и белой муки, который, по словам охранки, «сразу же вырос до гигантских размеров и вызвал острое недовольство публики». Как

---

[1]) Н. Ленин, Конференция заграничных секций РСДРП. Собр. соч., т. XIII, стр. 49.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 341, 1915 г. Вх. № 36343.

раз в течение 1915 г. из-за недостатка муки и масла в Петрограде закрылось свыше одной трети всех булочных.

Вполне понятно, что, как пишет охранка, «вопрос о муке, мясе и масле затронул интересы всех слоев населения» и был, по словам одного из членов управы, «тем вопросом, который сразу превратил спящего обывателя в гражданина, горячо интересующегося общественными порядками и задумывающегося над политическим положением страны. Недаром на собраниях по поводу дороговизны главной темой являются мясо, мука и масло; недаром эти доклады привлекают публику, которую в обычное время не представлялось возможности привлечь ни на одно собрание».

Настроение петроградского населения прекрасно характеризует следующее место в том же донесении петроградской охранки:

«Негласные расспросы более 100 женщин, жен запасных, о том, каково настроение на рынках по поводу недостачи мяса, дают одинаковые и более, чем неутешительные, результаты (для охранки, конечно. — *Б. Г.*), по существу своему сводящиеся к различным вариантам выражений: «пора проломить мяснику башку», «надо ломать ребра душегубам», «вот к празднику-то сосчитаемся с ними» и т. п.; почти все уверены, что «мясники припрятывают мясо для богатых покупателей», мяса в городе «вдосталь» и т. п.».

Настроение масс было таково, что охранка вполне основательно ожидала, что «это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов». Как мы читаем в донесении директора департамента полиции [1]), «сравнение настроения Петрограда и Москвы и отношения его (населения? — *Б. Г.*) к центральному правительству в данное время и в период 1905—1906 гг. устанавливает, что теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный период. Вся тяжесть ответственности за переживаемые родиной невзгоды возлагается ныне уже не только на правительство, в лице совета министров, но даже и на верховную власть».

Такое необычайно повышенное настроение населения столиц давало основание начальникам охранных отделений заключить, что «в случае, если не изменятся обстоятельства, вызвавшие подобную нервность, как в Петрограде, так и в Москве могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». В декабре 1915 г. Петроград жил в ожидании предстоящих крупнейших беспорядков. В донесении начальника петроградской охранки в департаменте полиции мы читаем:

«За последнее время среди представителей различных кругов петроградского общества вновь начали распространяться усилен-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 167, 1915 г. Общее дело.

ные слухи о предстоящих в ближайшие дни беспорядках и погроме торговцев на почве дороговизны и недостатка предметов первой необходимости... В редакциях газет, на думских заседаниях, на собраниях городских санитарных и торговых попечителей и проч. упорно говорят о возможности стихийного разгрома лавок и магазинов в дни 21—24 сего декабря и даже обсуждают меры, которые могли бы быть приняты для ослабления означенных крайне опасных и нежелательных эксцессов» [1]).

Охранка не ошибалась. Действительно, в декабре произошел ряд столкновений на продовольственной почве. В том же донесении мы читаем:

«В настоящее время уже наблюдается, как женщины, получив отказ в мясе в одной мясной, идут толпами в 50—60 человек с криками и бранью в другие лавки; ежедневно мясные торговцы подвергаются усиленной ругани, плевкам и даже побоям, опасаясь поставить себя в еще худшее положение и спеша закрывать во многих местах лавки с раннего утра».

«По сведениям мясной биржи и городского продовольственного комитета, озлобление женщин растет с каждым днем, и город совершенно бессилен предотвратить надвинувшийся мясной кризис». Вот еще характерный пример, рисующий настроение народных масс зимой 1915 г. «Слухи о предстоящем в дни 21—24 сего декабря погроме, по данным секретной агентуры, заставили многих торговцев принимать заблаговременно меры к защите своего имущества и лавок: спешно и тайно заготовляются новые крепкие щиты на окна и двери, увозятся из лавок более или менее ценные вещи, необходимые товары на квартиры, нанимают особых «молодцов» для защиты дверей от толпы и т. д. Многие лавочники под секретом предупреждают своих знакомых и постоянных покупателей делать необходимые закупки сейчас, так как перед праздниками «вряд ли придется поторговать, до того дошел озлобленный народ».

«Тревожные слухи растут, достигая прямо-таки невероятных размеров: на Тамбовской улице толпа чуть не убила торговца, несшего из лавки домой 2 головы сахару, за то, что кто-то будто бы видел, как он носит ежедневно по 8—10 голов сахару к себе на квартиру; на Большом проспекте Васильевского острова толпа, якобы, избила городового и заплевала околоточного за отказ составить протокол и произвести обыск в лавке, заподозренной в укрывании мяса. Таких слухов и примеров, — говорит донесение, — тысячи, тем более, что чины полиции, избегая возбуждения настроения голодной и озлобленной толпы, всячески стараются не обострять обстановки и считают неудобным поднимать истории из-за повторных и постоянных столкновений с нервно-настроенными беднейшими низами населения».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 341, 1915 г. от 17/XII 1915 г. Вх. № 36343.

Наконец, ожидавшиеся беспорядки разразились. Слухи эти вполне подтвердились. В своем докладе министру внутренних дел от 19 декабря 1915 г. начальник питерской охранки отметил следующие «беспорядки»:

«В течение сегодняшнего дня в столице происходили нижеследующие беспорядки: собравшиеся около 9 часов утра на Сытном рынке женщины-покупательницы заметили, что торговцы, только что отказав им в отпуске мяса, тайно продают его избранным лицам, но не из лавок, а из подвалов. Возмутившись таким произволом, покупательницы учинили на базаре беспорядок, во время которого ими было разбито несколько ларьков. Порядок восстановлен прибывшим нарядом полиции» [1]).

Продовольственные беспорядки находили живой отклик в рабочих массах. Охранка отмечает ряд митингов на заводах, по вопросам о продовольственном положении.

Итак, в 1915 г. революционное движение значительно усиливается.

Начавшись, главным образом, с оборонительных стачек против наступления капитала, оно начинало превращаться в массовое революционное движение, выявившееся за рассматриваемый период в сентябрьской стачке.

Одновременно с ростом революционного движения развивалось и контр-революционное, которое пыталась использовать реакция, желая направить недовольство масс в националистическое русло (немецкий погром), а также буржуазия, стремившаяся при помощи социал-соглашателей дезорганизовать рабочее движение, подчинив его буржуазной политике (гвоздевщина).

Разложение народного хозяйства войною, обострение продовольственного кризиса служили предпосылками дальнейшего усиления революционного движения, симптомами которого явились продовольственные беспорядки конца 1915 г.

Хотя продовольственные беспорядки и были вызваны частичным продовольственным кризисом и хотя они далеко еще не достигали той силы и размаха, как в феврале 1917 г., но во всяком случае они сами по себе были весьма симптоматичны для начала массового революционного движения.

В этом движении имелись налицо уже все характерные черты будущих крупнейших продовольственных беспорядков, которые явились последним ударом, свалившим старый режим в 1917 г.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 4-е делопроизводство, № 61, ч. 2, т. I лит. А, 1915 г.

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОД'ЕМ В 1916 Г.

Усиление стачечной борьбы в начале 1916 г.

Продовольственные беспорядки конца 1915 г. несомненно показывали рост общего революционного напряжения. Они являлись симптомом разложения хозяйства, которое позднее должно было неизбежно вызвать и сильное рабочее движение. И, действительно, с начала 1916 г. начинает вновь оживляться стачечное движение, которое и достигает своего максимума за рассматриваемый период в апреле и мае 1916 г. Впервые за время войны рабочие отметили 9-е января сильным стачечным движением. В 1915 г. в январские дни министр внутренних дел, Маклаков счел долгом «всеподданнейше донести о столь большом успокоении рабочего движения», что рабочие даже не выступили в день 9-го января; теперь же правительство спокойствием рабочих похвастаться не могло. Тогда как в декабре 1915 г. по всей России насчитывалось 900 участников политических забастовок, в январе 1916 г. их насчитывается уже 53.000, общее же количество забастовщиков превышает 135.000.

Январская забастовка, как и нужно было ожидать, захватила наиболее крупные заводы. В Петрограде в забастовках в память событий 9-го января 1905 г. приняли участие рабочие 31 фабрики и завода в количестве 45.155 человек. Из крупнейших предприятий, приостановивших работы 9 января, отчет фабричной инспекции отмечает: старый и новый заводы акц. о-ва «Г. А. Лесснер» (бастовали 6.800 рабочих), минный и снарядный завод Русского о-ва для изготовления снарядов и военных припасов (бастовали 5.746 рабочих), завод «Я. М. Айваз» (бастовали 3.200 рабочих), телефонную фабрику Русского о-ва «Эриксон и К°» (бастовали 3.500 рабочих), завод Компании петроградского металлического завода (бастовали 7.190 рабочих), медно-прокатный и трубный завод бывш. Розенкранц (бастовали 3.300 рабочих) и др. [1]).

Январская стачка сама по себе уже являлась симптомом под'ема революционного движения. Политическое сознание масс начинает постепенно освобождаться от шовинистического угара войны, и движение, наряду с экономическим, которое как мы увидим, было в этот период особенно сильным, носит довольно ярко выраженный политический характер. Январские дни, помимо стачки по поводу событий 9-го января, ознаменовались еще рядом чисто политических стачек протеста против политических преследований. Особенно силь-

---

1) I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров, «О мерах борьбы с рабочими забастовками 1913—1917 гг.».

ным было это движение в Петрограде; правительство ответило на него многочисленными арестами.

«Конец 1915 г. и начало 1916 г., — пишет «Социал-Демократ», — ознаменовались массовыми арестами рабочих по всей России. Административные высылки, военные «отправки» на передовые позиции, порою прямо без всякой военной подготовки, сыпались на головы рабочих со всех сторон» 1). В этом отношении, как отмечал «Социал-Демократ», большую помощь правительству оказывала заводская администрация. «Заводская администрация, — читаем мы там же, — принимает активное участие в доносах. Использование «легальных» возможностей дает охранке порой ценный материал, а «заводские агенты» облегчают ловлю» 2).

Как мы читаем в донесении петроградского охранного отделения от 17 февраля 1916 г., «перед январем 1916 г. была произведена ликвидация большевиков, результатом каковой явились аресты «Петроградского комитета» почти в полном его составе» 3). Вместе с этим были произведены довольно крупные аресты на предприятиях. Эти-то аресты и вызывают ряд забастовок протеста. Так, январский отчет фабричной инспекции сообщает, что в январе из имевших место забастовок — «38 забастовок носили политический характер, в виде протеста против ареста рабочих некоторых предприятий. Происходили эти забастовки в Московской, Петроградской, Тверской, Херсонской и Эстляндской губерниях».

Одновременно усиливается и экономическая борьба. 19 января вспыхнула стачка ремонтных рабочих городских трамвайных парков с общим числом рабочих свыше 2.000 чел. Стачка носила экономический характер. Основные требования, выраженные в 14 пунктах, заключали увеличение заработной платы до 50%, урегулирование вопроса найма, рабочего дня, введение института старост, отпусков и т. д. 23 января к стачке примкнули машинисты и электрики городской центральной электрической станции со всеми отделами, в общем около 300 чел. Присоединение электрических станций вызвало остановку трамвайного движения более чем на полдня. На станции были поставлены солдаты, некоторые из «военнообязанных» рабочих были «мобилизованы» и под конвоем отправлены на работу. 40 человек забастовщиков были приговорены к высылке из Питера.

Эта стачка внесла необычайную дезорганизацию в трамвайное движение, которое сокращалось с каждым днем и через четыре дня сократилось наполовину. В городской думе стачка произвела целый скандал, обнаружила крайнюю халатность заведывающих и т. д. Благодаря стойкости стачечников, требования их были удовлетворены, и 27-го стачка была ликвидирована.

---

1) «Социал-Демократ», № 53 от 13/IV 1916 г.

2) Там же.

3) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 5, ч. 57, 1916 г.

Стачкой руководил Петербургский комитет большевистской партии, была выпущена прокламация о стачке с призывом к рабочим о поддержке путем сборов денег.

Имел место конфликт без стачки на Русско-Балтийском авиационном заводе. Рабочие требовали увеличения заработной платы. За временным отсутствием работы, требования рабочих удовлетворены не были [1]).

Наиболее крупным было столкновение на Путиловском заводе, где с первых же дней стачка протекала под руководством Петроградского комитета. Там, как описывает «Социал-Демократ», «в первых числах февраля пред'явили требования рабочие-электрики, крановщики, монтеры Путиловского завода, зарабатывающие 2 рубл. 50 коп. в день. Администрация резко отказалась удовлетворить скромные требования повышения заработной платы. В ответ на отказ, их требования решил поддержать целый ряд мастерских; бросили работу 5 февраля тысяч 12—15. На другой день завод был закрыт и простоял 6, 7 и 8 февраля. Рабочие, подлежащие мобилизации, были направлены к воинскому начальнику. Громадному большинству рабочих грозила отправка на фронт».

«22 февраля стачечное движение Путиловского завода вновь вспыхнуло с пред'явлением экономических требований, исполнить каковые заводоуправление отказалось. Завод был вновь закрыт и простоял с 23 февраля до конца месяца» [2]).

Между прочим, при описании Путиловской забастовки нельзя обойти молчанием суд над восемью провокаторами, которые, по словам одного доклада в думе, «были в тесном контакте и с заводоуправлением и с охранкой». «Как раз благодаря их указаниям, рабочие, пользовавшиеся наибольшим влиянием на заводе, всегда арестовывались и, разумеется, высылались. И вот 22 февраля в башенной мастерской собралось довольно много рабочих, примерно три, четыре тысячи, поставили их, провокаторов, на плиту, и вся эта масса стала судить их и присудила к вывозу на тачках за ворота» [3]).

И на этот раз, очевидно, тоже не без содействия провокаторов, с 23 февраля начали производить массовые аресты. Сначала, как указывалось в думском запросе о событиях на Путиловском заводе, было арестовано 150 чел., а затем количество арестованных дошло до 250. Как указывали арестованные путиловцы в письме к думским депутатам (меньшевикам), при аресте они подвергались оскорблениям, грубому обращению и угрозам «расстрелять» [4]).

---

[1]) «Социал-Демократ», № 53 от 13/IV 1916 г.

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия 2, ч. 2-я, стр. 2837—2846. Закрытое заседание 7/III 1916 г.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

Первые же попытки властей из'ять руководителей путиловской стачки повлекли новые требования рабочих о возвращении арестованных на завод, об отмене призыва в войска, ответом на что послужило закрытие завода. Большинство фабрик и заводов выразило стачками свою солидарность с путиловцами. Как отмечает донесение московской охранки, с 29 февраля в Петрограде началась забастовка протеста по поводу событий на Путиловском заводе. «Наиболее решительными (очевидно революционными. — *Б. Г.*) были предприятия, расположенные на Выборгской стороне. Принимали участие в забастовке протеста — 6.100 рабочих Русского акц. о-ва соединенных механических заводов, бывш. «Г. А. Лесснер», 900 рабочих акц. о-ва «Людвиг Нобель», 1.650 рабочих минного завода Русского о-ва для изготовления снарядов и военных припасов и 800 рабочих Русского акц. о-ва «Л. М. Эриксон и К⁰» [1]).

Как показывает перечень бастовавших предприятий в день 9-го января, а также забастовки по поводу событий на Путиловском заводе, политические стачки захватывают преимущественно металлистов, между тем как экономические стачки — прежде всего, текстильщиков, которым, как мы уже указывали, приходится в этот период вести особенно острую борьбу за улучшение условий своего существования.

Являясь показателем общего роста революционного настроения, политические стачки несомненно были связаны и с той борьбой, которую приходилось вести рабочим на экономической почве. Рост голода, дороговизна, на-ряду с падением реальной заработной платы, вызывают в этот период мощную волну экономических забастовок, которые в первую голову захватывают предприятия, находящиеся в наиболее тяжелых условиях, — текстильные предприятия. Основной причиной, вызывающей стачечную борьбу, в этот период является борьба за сохранение на прежнем уровне заработной платы, в связи с сильным под'емом цен. Доклад фабричного инспектора об'ясняет это движение «значительным вздорожанием, в связи с войной, предметов первой необходимости, вызывающим у рабочих стремление компенсировать это вздорожание соответственным повышением заработной платы. С другой стороны, — продолжает отчет, — рабочие, будучи осведомлены о значительных прибылях, получаемых владельцами предприятий, в особенности при наличности у последних казенных заказов, считают справедливым, чтобы и их заработки были повышены. Учитывается рабочими также и нужда, испытываемая промышленными предприятиями в рабочем составе, и срочность исполнения казенных заказов, вынуждающая промышленников итти на уступки».

Большинство стачек в этот период, особенно в Петрограде и Москве, носит исключительно напряженный характер. Так,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 5, ч. 57, 1916 г.

в феврале, добиваясь прибавки к заработной плате, Новая Бумагопрядильня бастует 6 дней в количестве 2.221 рабочего, на Сампсониевской мануфактуре 700 ткачей бастуют 2 дня также из-за увеличения расценок, Староткацкая и Новоткацкая фабрики о-ва Российской бумагопрядильной мануфактуры бастуют: первая 8½ и вторая 7½ дней, добиваясь увеличения расценок на 25%, при чем обе забастовки окончились полной победой рабочих. На ватно-ткацкой фабрике Кожевникова 776 рабочих бастуют 15 дней, требуя увеличения зарплаты на 20%. Экономические забастовки охватывают весь центрально-промышленный район, и всюду рабочие бастуют на почве дороговизны, недостатка продовольствия, требуя увеличения зарплаты. Самым меньшим сроком забастовки является 2½—3 дня. Отчет фабричной инспекции отмечает забастовку в Костромской губ. на прядильной и ткацкой фабриках т-ва бр. Горбуновых из-за отсутствия в фабричной лавке продовольствия; эта забастовка продолжалась 13 дней и закончилась лишь тогда, когда в фабричную лавку была доставлена мука.

Таким же напряженным характером отличаются экономические забастовки и в других отраслях. В феврале на Путиловской верфи 3.820 рабочих бастуют в течение 8 дней, добиваясь прибавок к заработной плате. По тем же причинам бастуют 17 дней рабочие Петроградского металлического завода.

В марте в Бакинской губ., тоже на почве недовольства заработной платой, 7 предприятий подрядного бурения бастуют 9 дней.

Одновременно с борьбой за улучшение экономического положения рабочих эти стачки были направлены против того закрепощения рабочих, которое проводилось в годы войны. В период весны 1916 г. количество забастовок, вызванных борьбой против установившихся порядков в заведениях, превышает число забастовок из-за зарплаты. К этому же типу можно отнести и движение среди рабочих по поводу законопроекта «о милитаризации рабочих промышленных предприятий».

С самого начала войны буржуазия не переставала добиваться издания правительственного постановления о милитаризации рабочих, т.-е. приравнения рабочих, занятых в предприятиях по снабжению армии, к военнообязанным. По существу же проект о милитаризации должен был явиться лишь формальным закреплением фактически существовавшего уже полного бесправия рабочих и не только на заводах, работающих на оборону, но и на тех, которые исполняли частные заказы.

Положение рабочих во время войны очень ярко характеризует посвященная этому вопросу листовка большевиков: «Правительство, — гласила она, — превратило в казармы целый ряд заводов и фабрик, оставив там тысячи запасных ратников... Вводится крепостной режим. Рабочий — запасный или ратник — обра-

щается в раба, который лишен возможности защищаться против самых возмутительных издевательств над ним» [1]).

Такое положение существовало как в центре, так и в провинции.

«Замечалось, — доносил начальник Казанского губ. жандармского управления, — что на заводах, исполняющих поставки для военного ведомства, где освобождались от призыва ратники ополчения, как специалисты, на этой почве ведется припугивание рабочих: «Если вы не станете работать на существующих условиях, мы вас рассчитаем», — говорит заводская администрация, а для таких рабочих расчет значит призыв в войска. Это их удерживает, но получается озлобление против администрации». Политическая борьба рабочих, особенно в 1916 г., и направляется против злоупотреблений буржуазии и правительства, пользующихся условиями военного времени для неограниченной эксплоатации рабочих. Естественно, что слух о внесении этого действительно каторжного законопроекта («о милитаризации рабочих промышленных предприятий») в государственную думу вызвал сильное волнение среди рабочих, толки о том, что законопроект «фактически возвращает крепостное право и лишает рабочих последней самостоятельности». Как доносит записка питерской охранки [2]), «в рабочих кругах при активной поддержке партии началась усиленная подготовка к предстоящей кампании против милитаризма». Агентурные записки указывают на митинги, состоявшиеся 15 февраля на крупнейших металлургических заводах Питера, как, напр.: «Новый Айваз», «Старый и Новый Лесснер», «Парвиайнен», Барановского и других, на которых вынесены были резолюции протеста. За ними стачку протеста начал Путиловский завод. Как отмечает охранка, в результате «усилий Петербургского комитета» откликнулись и другие заводы. В кампании протеста приняли участие и меньшевики. Но в то время, как большевики единственным способом выражения протеста считали массовые уличные демонстрации рабочих, меньшевики-ликвидаторы были против уличных демонстраций, опасаясь, что они приведут к столкновениям с полицией, и настаивали на использовании для протеста трибуны государственной думы.

Большевики находили возможным использование создавшегося положения в самых широких размерах, не предрешая вопроса, когда следует считать результаты стачки достигнутыми, а ликвидаторы смотрели лишь с точки зрения необходимости выразить протест и этим ограничиться» [3]). План меньшевиков провалился.

Как мы читаем в том же донесении, «попытка использовать трибуну государственной думы успеха не имела. Открывшая

---

[1]) Шляпников, Канун 17-го года, стр. 150.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 5, ч. 57, 1916 г.

[3]) Там же. Донесение № 88 от 2/IV 1916 г.

9 февраля свои заседания государственная дума не допустила обсуждения вопросов, намечавшихся социал-демократами»[1]). В действительности не думская декларация, а массовый протест рабочих воспрепятствовал появлению на свет этого законопроекта. Тем не менее ни правительство, ни буржуазия не думали отказываться от тех громадных преимуществ, которые давало им в руки военное положение. Они всецело его использовали для преодоления каких бы то ни было попыток протеста со стороны пролетариата. Правительство не останавливалось даже перед расстрелом рабочих. Как мы читаем в отчете фабричной инспекции за май, «все перечисленные выше забастовки сопровождались административными арестами зачинщиков забастовок и призывом в войска некоторых категорий военнообязанных. Кроме того, во время забастовок на рудниках общества южно-русской каменноугольной промышленности, при столкновении с войсками было убито 4 и ранено 2 рабочих...»

Майский отчет фабричной инспекции приводит довольно характерный случай забастовки на Брянском рельсопрокатном и железоделательном заводе. «Несмотря на самый мирный характер пред'явленных требований (рабочие требовали уплаты за прогулы по вине завода), 1.549 рабочих военнообязанных были отправлены в воинские части, не приняты были на завод 300 человек и не вернулись 4.250 чел.».

Происходившая тогда же забастовка на Тверском заводе акц. об-ва Русско-Балтийского завода имела примерно те же результаты. Забастовавшие рабочие, требовавшие увеличения заработка и отказавшиеся удовлетвориться незначительными уступками заводоуправления, были с завода рассчитаны.

Забастовочное движение в мае месяце охватывает горные и горнозаводские предприятия юга России, главным образом, каменноугольные копи Донецкого бассейна и Грозненские нефтяные промыслы. На-ряду с расстрелами и локаутами, капиталисты в своей борьбе с рабочими пользуются и штрейкбрехерами.

В роли последних нередко выступают заводские служащие. Так, например, 15 апреля на Невском судостроительном заводе забастовали 180 рабочих новоснарядной мастерской, требуя увольнения мастера. 19 апреля все 180 рабочих этой мастерской были рассчитаны, что послужило причиной новой забастовки, и 19 апреля, под давлением уволенных рабочих новоснарядной мастерской, забастовали уже все 6.200 рабочих завода. Следует отметить, что когда завод был закрыт, то служащие завода в числе 600 человек, образовав из себя добровольную дружину, 27 апреля встали на работу по производству снарядов»[2]). Суро-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 5, ч. 57, 1916 г. Донесение № 88 от 2/IV 1916 г.

[2]) I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров. «О мерах борьбы с рабочими забастовками 1913—1917 гг.» Отчет фабричной инспекции за апрель 1916 г.

вые репрессии правительства еще более усиливали революционное настроение среди рабочих. Большинство экономических стачек, поскольку они неизменно сопровождались сильнейшими репрессиями правительства, весьма часто превращались в забастовки политические.

Стачечное движение с средины 1916 г. приобретает все черты движения накануне революции 1917 г. Экономическое движение по существу уже является политическим движением. Все это предопределяет рост политического сознания масс и служит предпосылкой для развития деятельности большевиков.

Показателем роста революционного настроения может служить то, что фактически впервые после войны были проведены массовые забастовки в день 4-го апреля — годовщины ленских событий. Как и можно было ожидать, во главе этих забастовок опять идут питерские металлисты. Отчет фабричной инспекции за апрель 1916 г. отмечал, что в забастовках в Петрограде приняли участие рабочие 4 предприятий в количестве 8.000 человек, в том числе 5.200 рабочих Русского об-ва для изготовления снарядов и военных припасов, бывш. Лесснер, 2.050 рабочих машиностроительного завода «Феникс», 450 рабочих Русско-Балтийского воздухоплавательного завода и 300 рабочих машиностроительного завода Семенова; все эти забастовки продолжались от ½ до 1 дня».

Как должна была признать сама охранка, уже в этот период скопилось достаточно горючего материала, готового вспыхнуть при благоприятной для этого обстановке. Вот как характеризует охранка настроение масс в мае 1916 г.: «должно отметить, что серая неорганизованная масса низов населения сейчас находится в исключительно нервном и озлобленно-повышенном настроении». Помимо таких определенно раздражающих факторов, как прогрессивно нарастающая дороговизна и невозможность добыть предметы пропитания даже за дорогую цену и наличные деньги, в Петрограде оно имело еще одну причину: нажим домовладельцев на рабочих. Во время революции рабочие вели борьбу за жилищную площадь. Эта борьба в основных чертах наметилась еще в 1916 г. Петроградская охранка 31 мая 1916 г. доносит: «Массы сейчас в сильнейшей степени обеспокоены, обозлены тактикой домовладельцев, совершенно не считающихся с какими бы то ни было обязательными постановлениями и немилосердно повышающими цены на квартиры. Характерно то, что, отказываясь давать квартирантам дрова, они, вместо естественной, казалось бы, сбавки платы, таковую еще и увеличивают. Означенное обстоятельство, помимо голода, грозящее перспективами выбрасывания бедноты под открытое небо, настолько резко отразилось на массах населения столицы, что последние считают себя доведенными до крайности и теперь, более чем откровенно, склоняются к мысли о погромных и бунтарских выступлениях не только против домовладельцев, лавочников и т. д., но и против чинов полиции, административных властей и правительства».

Охранка отмечала, что это недовольство «в значительной мере вызывается войной и направляется против войны».

«Должно отметить, — читаем мы в этом донесении, — следующее характерное явление, представляющее собой как бы знамение текущего, исключительного по серьезности, момента: масса совершенно не верит газетным сообщениям о затруднительном внутреннем положении воюющих с нами средне-европейских держав, определенно утверждая, что это лишь выдумка начальства, желающего одурачить бедноту, и страстно начинает мечтать и поговаривать о крайней необходимости «кончать войну хоть как-нибудь».

Вполне понятно, что такой революционный под'ем создавал все предпосылки для развития деятельности большевистской партии. В том же донесении охранки от 31 мая 1916 г. говорится о значительном развертывании партийной деятельности весной и летом 1916 г. Партийные большевистские организации исходили уже из возможности начала скорого вооруженного выступления. На собрании больничных касс 15 июня одним из присутствующих был прочитан доклад о текущем моменте и очередных задачах рабочего движения. Момент определялся, как весьма близкий к революции. Докладчик выставлял необходимость стараться частные забастовки переводить в общерайонные или общегородские и выносить по мере возможности движение на улицу, устраивать массовые выступления, митинги и демонстрации с протестом против войны и против ряда других факторов современной жизни: дороговизны, квартирного вопроса, отсутствия предметов первой необходимости и т. п. Эти массовые выступления в конечном счете должны быть превращены в вооруженные выступления. Оживление партийной работы отмечает и ряд других донесений.

Деятельность большевистской партии, которая после ряда ликвидаций, произведенных в конце 1915 г. и начале 1916 г., вырвавших из среды подполья наиболее видных членов и руководителей революционной работы, временно упала, начинает постепенно оживляться. Это выразилось в выпуске довольно значительного количества литературы (листовок и брошюр), организации партийной работы на местах, оживлении деятельности заводских большевистских кружков, об'единении отдельных кружков в районные организации, национальных же эстонских и латышских ячеек — в соответствующие национальные районы, в распространении нелегальной литературы, в организации рабочих собраний.

Социал-демократическая партия большевиков значительно укрепилась. Как отмечает охранка, «несмотря на ряд частичных ликвидаций, которыми из среды социал-демократов большевиков вырывались один за другим вдохновители и руководители подпольной работы, а 5 мая даже была отобрана и подпольная техника, на которой изготовлялись прокламации, приуроченные

к 1-му мая, социал-демократы большевики продолжали крепнуть, в целях же сохранения себя от провалов и усиления технических средств, ими были подысканы легальные типографии, в которых и начали печатать свои преступные издания».

Оживление деятельности партии являлось первым признаком общего под'ема революционного настроения. Это революционное настроение, несколько упавшее за лето 1916 г., с новой силой поднялось осенью 1916 г. и в начале 1917 г., когда оно и привело к свержению самодержавия.

Летнее затишье.

После сильного под'ема стачечного движения весной 1916 г. летом наступает некоторое затишье. Заминка начинается с апреля месяца 1916 г.; в мае число стачек против обыкновения несколько спадает даже по сравнению с апрелем. Об'ясняется это тем, что день 1-го мая пришелся как раз на воскресенье, когда традиционная забастовка не могла быть устроена. После мая стачечное движение неуклонно идет вниз: с 85 тысяч в мае стачечное движение опускается до 75 тысяч в июне, до 50 тысяч в июле и, наконец, в августе падает до 35 тысяч.

Только после августа к сентябрю намечается некоторый под'ем, который переходит в октябрьскую стачку. В течение лета 1916 г. забастовочное движение носит почти исключительно экономический характер; рабочим приходится выдерживать борьбу буквально за каждую пядь экономических требований. Особенно напряженная борьба идет из-за заработной платы. Второе место занимает борьба вследствие продовольственных затруднений. Согласно донесений фабричной инспекции наиболее частыми поводами для забастовок являлись: увольнение работников, требование открыть продовольственные лавки, требование обеспечить рабочих предметами первой необходимости, далее шло недовольство служащими, недовольство харчами, перевод в другие рабочие помещения. Кроме того, весьма часто стачки возникали из-за условий труда и быта. Как мы уже отмечали, война привела к милитаризации предприятий, к установлению на них фактически военного режима. Этот военный режим, естественно, вызывал сильнейшее противодействие со стороны рабочих, которые упорно боролись против установления на фабриках фактического крепостного права. В августе на почве недовольства условиями труда и быта было зарегистрировано 11 забастовок с 4.000 участников [1]).

Однако в общем стачечное движение летом 1916 г. было весьма слабым. Ввиду того, что весна и лето 1916 г. отличались довольно благоприятной кон'юнктурой для промышленности,

---

[1]) I отделение юридической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии совета министров. «О мерах борьбы с рабочими забастовками 1913—1917 гг.». Отчет фабричной инспекции за август 1916 г.

работавшей на оборону, промышленники еще кое-как шли на удовлетворение требований рабочих в области увеличения заработной платы. Напряженность стачечной борьбы, например, в августе месяце не превышала в среднем 3 дней на рабочего, что приходится признать сравнительно низкой нормой, тогда как за предыдущий период в среднем на одного рабочего приходится от 5 до 7 и даже 10 дней. «Уступчивость» фабрикантов менее всего определялась их склонностью делиться своими прибылями с рабочими. Эта уступчивость об'яснялась тем, что, в условиях падающей валюты, предприниматели имели возможность получать за свою продукцию значительно большую прибыль, чем в условиях стабильной валюты. Как правило, заработная плата отставала от падения рубля, поэтому стачки обычно следовали вслед за новым падением курса рубля и ростом дороговизны, фактически сводясь к борьбе за сохранение на прежнем уровне реальной заработной платы. Поэтому-то, при колоссальных и все растущих барышах, предпринимателям так легко было удовлетворять эти требования.

Однако разруха хозяйства настолько углубилась, что повышение номинальной заработной платы не могло угнаться за ростом дороговизны. В первые месяцы работы промышленности на оборону, именно с лета 1915 г. по вторую половину 1916 г., заработная плата в некоторых отраслях, например, в металлообрабатывающей, имела тенденцию даже перегонять рост дороговизны, хотя, как мы подчеркивали, рост заработной платы определялся не тем, что повышалась оплата урочного времени, а исключительно тем, что росли сверхурочные и вообще повышалась эксплоатация.

С мая 1916 г., а в некоторых отраслях с августа, начинает наблюдаться тенденция к понижению реальной заработной платы, которая осенью переходит в резкое падение, послужившее толчком к усилению революционного движения.

Под'ем революционного движения осенью 1916 г.

Затишье стачечного движения летом 1916 г. было лишь временным падением кривой стачечной борьбы пролетариата, которое весьма скоро сменилось новым под'емом. И действительно, тенденция нового под'ема намечается уже с сентября, достигая значительного повышения в октябре в виде массовой стачки.

Прежде чем приступить к рассмотрению массового движения осени 1916 г., мы должны остановиться на той экономической и политической обстановке, в которой оно развивалось. Поскольку главными факторами, влиявшими на положение рабочего класса, были война и связанная с ней экономическая разруха, выражавшаяся прежде всего в продовольственных затруднениях, на последней нам прежде всего и придется остановиться.

Обострение продовольственной разрухи.

О разрушительном влиянии войны на народное хозяйство нам уже неоднократно приходилось говорить выше. Мы видели, что война привела к расстройству не только процесса производства в стране, но она в корне нарушила и тесно с ним связанный капиталистический процесс обмена. В довершение всего разруха транспорта, разорвавшая на части весь рынок, привела к тому, что важнейшие политические и экономические центры страны, как Петроград и Москва, начали испытывать острые продовольственные затруднения. Если буржуазии и помещикам война приносила колоссальные прибыли, которые они никогда не смогли бы получить в условиях мирного времени, то народные массы испытывали на себе все ее разоряющее влияние. Как мы выше отмечали, во второй половине 1916 г. наметилась новая тенденция к падению реальной заработной платы. Хотя в бумажных рублях заработок рабочих и продолжал возрастать, однако, он отставал от падения курса рубля и роста дороговизны. Ножницы между заработной платой и ростом дороговизны с середины 1916 г. начали особенно сильно расходиться, пока в 1917 г. между ними не образовалась зияющая пропасть. Война тяжело отозвалась не на одном только пролетариате. В не менее тяжелом положении, а в некоторых случаях даже в более тяжелом, оказались такие слои населения, как мелкая буржуазия, мелкие служащие, кустари, ремесленники и т. д. Как мы читаем в одном из донесений Петроградского жандармского управления, «число бедняков в городах удесятерилось. Голодает большинство жителей городов, и остальные влачат жалкое существование».

Тяжелое экономическое положение пролетариата, находившегося под двойным гнетом империализма, обострение продовольственной разрухи, утомление войной и революционизирование мелкой буржуазии, — все это создавало осенью 1916 г. необычайно накаленную атмосферу.

Как доносил начальник московской охранки [1]), «невзгоды широких масс, понижающие настроение, так велики, что во многих случаях приходится говорить не только о недоедании, но и о форменном голоде. Не подлежит ни малейшему сомнению, что пресловутые «хвосты» в дни острых продовольственных кризисов равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций. В дни кризиса напряжение масс доходит в Москве до такой степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов. Во всяком случае не будет преувеличением сказать, что от этих эксцессов мы находились и находимся очень близко. Продоволь-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 46, 1916 г. Донесение от 20/X 1916 г. Вх. 292649.

ственные затруднения и совершенно невероятная дороговизна доводят это напряжение до степени, когда определения: острое раздражение, крайняя озлобленность, возмущение и т. д., являются довольно слабым отражением действительности. Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали. В сравнении с настроением данного момента, настроение 1905—1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным. Если в дальнейшем нам не удастся радикально победить все периодические, остро вспыхивающие продовольственные «кризисы» и не удастся если не понизить, то во всяком случае предупредить дальнейший рост дороговизны, никакое патриотическое чувство не выдержит, и Москва легко может явить картину чисто стихийных беспорядков».

Таково было настроение, согласно донесению самой охранки, в Москве. Примерно такое же настроение, пожалуй даже еще более обостренное, было и в Петрограде. Что касается других провинциальных городов, то промышленные районы со значительным количеством промышленного пролетариата по своей революционности мало уступали Питеру и Москве. В архиве департамента полиции, в связи с его запросом о положении на местах, имеется большой подбор ответных донесений местных губернских жандармских управлений и охранных отделений о настроении на местах. Почти все они отмечают чрезвычайно обостренное революционное настроение именно в связи с продовольственными затруднениями. Так, например, начальник Владимирского губернского жандармского управления следующим образом доносит о назревающих продовольственных беспорядках [1]): «Я допускал и допускаю, что нервно настроенная толпа по какому-нибудь пустому случаю, как, например, закрытие лавки на обеденное время, какая-либо дерзость приказчика и т. п., потеряет терпение и, начав с битья стекол, кончит насилием, грабежом и поджогом».

Дороговизна вызывает недовольство не только широких городских масс, но революционизирующе действует и на войска. В донесении начальника Кронштадтского жандармского управления мы читаем о том, что «возрастающая дороговизна и недостаток продуктов первой необходимости создают обстановку, при которой даже в крепости, находящейся на осадном положении, возможно возникновение среди рабочих беспорядков, при чем на подавление их войсками гарнизона рассчитывать нельзя». Причину ненадежности войск донесение видит в их связи с гражданским населением. «Войска состоят из новобранцев, ополченцев и запасных, для которых интересы гражданского населения являются более близкими и понятными, нежели выполнение воинского долга. Есть указания на то, что стражники в некоторых местностях

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 20, донесение от 27/XII 1916 г., вх. № 29805.

являются не вполне надежными и что в острый момент они могут покинуть службу».

Чрезвычайно острым оказалось продовольственное положение и для рабочих южной металлургической промышленности, несмотря на то, что юг в продовольственном отношении находился в значительно лучших условиях по сравнению со столицами. Как доносит начальник донского областного жандармского управления 17 октября 1916 г., «продовольственный вопрос в его полном об'еме принял такой острый характер, что захватил собою все слои населения и вызывает не только много толков, но и раздражение как против капиталистов-спекулянтов, так и в отношении городских самоуправлений, местных административных властей и даже центральной власти. Все встревожены обостряющимся продовольственным кризисом, и на этой почве все больше и больше растет обывательское недовольство, могущее с течением времени превратиться в определенную форму активных выступлений, сначала против спекулянтов, затем и против администрации. И теперь уже следует иметь в виду явное недовольство центральным правительством за неумелое разрешение продовольственного вопроса в России. Как на прямое последствие этого вопроса, можно указать на целый ряд сахарных, мучных, масляных и т. п. беспорядков, имевших место в различных поселениях области, а также на целый ряд периодически повторяющихся чисто экономических забастовок на местных фабриках, заводах и прочих коммерческих предприятиях. Борьба с дороговизной выливается в создание многочисленных кооперативов, об'единяющих в организованные массы огромную часть населения».

Охранка ожидает, что в результате столь остро стоящего продовольственного вопроса и ввиду нарастающего сильного недовольства войной и особенно правительством, возможно ожидать «нежелательных последствий в недалеком будущем, как-то: голодных бунтов, сопровождаемых погромами со стороны неорганизованной массы городских обывателей, или выступления революционных элементов».

Примерно то же революционное настроение наблюдается и на Урале; так, например, начальник пермского губернского жандармского управления доносит [1]), что «дальнейшее промедление в принятии мер к его прекращению может привести к неурядице в общественной жизни. Умы встревожены; недостает лишь толчка, дабы возмущенное дороговизной население перешло к открытому возмущению».

Продовольственный кризис вызывает революционное настроение и в других не промышленных округах и городах, хотя здесь революционное настроение, ввиду отсутствия пролетариата, значительно ниже. Так, донесение о чрезвычайно остром продо-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 66, донесение от 18/X 1916 г., вх. № 25610.

вольственном кризисе имеется, например, из Киевской губ. Начальник киевского губернского жандармского управления доносит, что «затяжка продовольственного кризиса может вызвать беспорядки внутри империи, которыми несомненно воспользуются революционные элементы для приведения тылового района в хаотическое состояние» [1]).

Для иллюстрации степени революционизирующего влияния продовольственного кризиса приведем еще несколько характерных донесений полиции. Начальник астраханского губернского жандармского управления отмечает в своем докладе [2]) «сильное возбуждение в народе вследствие дороговизны и недостатка жизненных продуктов. Чтобы купить фунт сахару, хлеба или картофеля, — пишет он, — приходится обывателям стоять у городских лавок хвостом по 5 — 6 и более часов, что крайне тяжело и мучительно особенно рабочему люду, который дорожит временем. Городом введена карточная система, почему у городских лавок, продающих сахар и хлеб по установленным ценам, стоят хвосты по несколько сот человек даже ночью, при чем зачастую половина ничего не получает; это служит предлогом к неудовольствию и волнению. Народ обвиняет в дороговизне жизни, недостатке продуктов и в трудности получения таковых местные власти, в особенности губернатора. В народе идет молва, что купцы якобы пожертвовали 200.000 руб. в день его 10-летнего юбилея и говорят: «Рука руку моет».

Начальник волынского губернского жандармского управления в своем докладе писал [3]): «Городское население поставлено в совершенно безвыходное положение, и не только низший, беднейший класс, но и мелкое чиновничество живет уже продолжительное время впроголодь. Громадные, на 200 и 300 процентов повышенные цены на все предметы первой необходимости, часто полное отсутствие необходимых питательных продуктов, а в настоящее время, с наступлением холодов и отсутствием дров, стояние по улицам в бесконечных очередях, то на один, то на другой продукт, и часто после продолжительного стояния неполучение ожидаемого продукта, за полным израсходованием его, вызывают открытое озлобление, в резкой форме выражаемое против городского управления, земства и евреев, по мнению населения захвативших все продукты в свои руки и не выпускающих их для продажи населению. Столь же резко обвиняется и администрация, до сего времени не сумевшая обуздать спекуляцию и заставить земство и городское управление притти на помощь изнемогающему от продолжительного недоедания городскому населению». «Насколько сильно негодование бедных классов, — писал в своем

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 32, донесение Киевского губернского жандармского управления от 18/X 1916 г.

[2]) Там же, № 167, ч. 5, донесение от 14/X 1916 г., вх. № 25281.

[3]) Там же, № 167, ч. 15, донесение от 19/X 1916 г.

докладе казанский губернатор, — можно видеть из того, что среди них в последнее время циркулировал слух о предположении подать господину губернатору петицию с просьбой принять против местных торговцев самые суровые меры, так как они спекулируют предметами первой и насущной необходимости и прячут их. Если это будет продолжаться и далее, то обыватели выйдут на улицу с дубинами, потому что терпеть это далее будут не в силах». «На почве дороговизны и нервной напряженности всегда могут возникнуть среди городской черни неорганизованные выступления против торговцев».

Несколько менее остро продовольственный кризис чувствовался в центральных губерниях России. Так, напр., хотя в сообщениях из Курской, Орловской и Рязанской губ. указывается на значительный рост недовольства, однако положение оценивается как более спокойное. Донесение начальника рязанского губернского жандармского управления от 17-го октября 1916 г., на-ряду с указаниями на крайнее обострение продовольственного кризиса, все же отмечает, что беспорядков ожидать не приходится. «Резюмируя все изложенное, — пишет этот охранник, — могу доложить, что, как ни тяжело в настоящее время положение населения Рязанской губ., проявления каких-либо беспорядков ожидать нельзя, и они могли бы возникнуть только в связи с прилегающим московским районом, как отклик такового».

Итак, рассмотрение ряда донесений местной полиции обнаруживает глубочайший продовольственный кризис, который охватил важнейшие центры России. Кризис достигал таких размеров, что грозил опрокинуть весь царский режим, а затем вместе с ним и весь капиталистический строй: на-ряду с ненавистью против правительства усиливается раздражение широких народных масс против капиталистов. В торговце-спекулянте и поддерживающем его правительстве массы видят теперь источник всех зол. Растет убеждение в невозможности улучшить положение в рамках существующего строя. Все более укрепляется сознание необходимости революции, расправы с господствующими классами.

Движение против войны.

Продовольственный кризис и общая экономическая разруха при громадных барышах буржуазии, спекулировавшей на народном обнищании, несомненно обнажили и вскрыли истинный грабительский смысл империалистической войны. В массах постепенно начинает расти более сознательное отношение к империалистической войне, обнаруживаются пораженческие настроения. Как мы читаем в донесении начальника московского охранного отделения

от 26-го октября 1916 г., «в отношении широких кругов населения к войне в последние месяцы несомненно произошел заметный перелом. Налицо много признаков, говорящих об ослаблении того патриотического воодушевления, которое ознаменовало начало войны. Сильно дают себя чувствовать усталость, апатия и неуверенность в исходе войны».

Причину такого настроения охранка видит прежде всего, конечно, в дороговизне и продовольственной неурядице, но она уже вынуждена отметить и другой чрезвычайно «влиятельный фактор», именно последний призыв ратников первого и второго разрядов. «На этот раз под знамена привлечены весьма пожилые элементы, связанные более серьезными хозяйственными отношениями, и тяжесть этих призывов дала себя почувствовать населению очень остро. Вообще, по мере привлечения под знамена более пожилых элементов, патриотическое чувство масс подвергается все более и более тяжелому испытанию».

Помимо того, что война своим разрушительным действием должна была вызвать рост антимилитаристического настроения, громадное значение в разочаровании в войне и в исчезновении шовинистического угара играли военные поражения. Как мы читаем в том же донесении, на рост разочарования и неуверенности в исходе войны повлияло замедление наступления Брусилова, достигшего было во время лета довольно значительных успехов. «Если, — доносит охранка, — эта неуверенность в интеллигентных кругах не находит себе еще столь откровенного выражения, то на низах приходится встречать совершенно новое явление: громкие заявления о том, что тот или иной исход для народных масс является совершенно безразличным. «Хуже все равно не будет», кратко выражают они свое раздражение и разочарование. Бесспорно, отмечаемое прискорбное явление, замалчивать которое было бы непростительной ошибкой, вызвано не столько тяжестью войны, сколько нервной издерганностью, вызванной тыловыми настроениями».

Как мы увидим в следующей главе, буржуазия усиленно муссировала слухи о готовящемся будто бы сепаратном мире, на который под давлением германофильской партии идет царское правительство «против желания и в ущерб интересам русского народа». Однако буржуазия совершенно напрасно преувеличивала империалистическое настроение масс и их симпатии к союзникам: народные массы были настолько сильно настроены против войны, что они с величайшей охотой пошли бы и на сепаратный мир. Охранка должна была признать, что единственно у кого нет никакой «пораженческой позиции» — это у промышленников. «В противоположность интересам широких масс,—откровенно пишет охранник, — в случае заключения преждевременного мира, промышленность была бы весьма сильно этим обеспокоена». Ряд провинциальных донесений указывает на наблюдающееся повсюду сильнейшее утомление войной и на стремление к миру,

Можем сослаться для примера на донесения таких провинциальных жандармских управлений, как казанское, владимирское, костромское, Донской области, орловское и т. д. Так, например, начальник донского областного жандармского управления в своем донесении от 17-го октября 1916 г. отмечает, что «настроение населения Донской области вообще далеко не то, какое наблюдалось в первой половине войны. Нет былого энтузиазма, наблюдается общая усталость и нервность. Мысли о насущном хлебе и дальнейшем существовании заглушают прежние порывы. Дороговизна непомерно прогрессирует, и потому перед населением стоит роковой вопрос: кто же выведет жизнь из тупика. Условия, созданные войной, поставили в особо тяжелое положение городское население: рабочих, мелких чиновников, служащих в частных предприятиях и, вообще, людей 20-го числа. Но, конечно, утомление войной и антимилитаристическое настроение особенно развито в серых массах городского населения: мало обеспеченное, обескураженное дороговизной, напуганное тревожными ложными сообщениями о якобы (!) огромных наших потерях на театре войны — оно жаждет возможно скорого окончания ее». Характерно и то, что даже казаки, которые, по словам жандармского управления, пока что «спокойно несут все тяготы военного времени», почти открыто всюду заявляют, что они после заключения мира «со всеми и за все рассчитаются».

Примерно такое же настроение наблюдалось и в других городах. Так, донесение из Астраханской губернии отмечает, что «среди жителей Астраханской губернии начинает расти недовольство продолжающейся войной, а вследствие призыва белобилетников в народе говорят, что эта война — истребление народа и что конца не предвидится войне» [1]).

Единственно, откуда сообщают о том, что, несмотря на утомление войной, среди населения нет еще активного антимилитаристского пораженческого настроения, так это из центрально-земледельческого района, например, из Курской и Орловской губ., особенно последней, которая по оппозиционному настроению идет позади всех остальных губерний. Отсталость же этих губерний в значительной мере об'яснялась их преобладающим крестьянским характером и отсутствием крупных промышленных предприятий.

В целом ряде местностей отрицательное отношение к войне нашло себе выражение в неудачных мобилизациях, на которые население перестало являться. В донесении начальника владимирского губернского жандармского управления от 20-го октября 1916 г. мы читаем, что в одном из уездных городов Владимирской губ., а именно в Судогде, из 1.660 чел., подлежащих призыву, явились к воинскому начальнику только 545. Остальные же оказались отчасти служащими в разных учреждениях или рабо-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч.5, донесение от 14/X 1916 г., вх. № 25281.

тающими где-то на фабриках и заводах, а главным образом, просто неявившимися. Недовольство масс войной и стремление к миру были громадным революционным фактором. Как писал Ленин в статье «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия», — «несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. д.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение».

Задачей партии и ее «сознательных передовиков» Ленин считал использование этого нарастающего стремления к миру, конечно, отнюдь не для поддержки «пошлых утопий о демократическом мире при капитализме», а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным, чтобы «систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и их настроение, ...доказывать необходимость массовых революционных выступлений против буржуазии и правительств своей страны, как единственного пути к демократии и к социализму» [1].

Отношение к правительству.

Продовольственная разруха, по отношению к которой правительство не принимало фактически никаких реальных мер, и особенно затягивание империалистической войны вызывали сильнейшее недовольство правительством. Ненависть к своему правительству и своей буржуазии должна была явиться неизбежным следствием войны. Народные массы, не говоря уже о рабочем классе, начинали сознавать подлинную классовую сущность царского правительства. Царское правительство в 1916 г., как мы увидим далее, потеряло кредит не только в глазах народных масс, но даже у буржуазии, которая выступила с требованием создания своего, буржуазного, правительства. Для уяснения отношения к правительству населения и в особенности трудящихся масс прекрасный материал дают те же донесения охранки.

«Трудно назвать класс общества, который был бы солидарен с правительством, — пишет московское охранное отделение в донесении от 20-го октября 1916 г. [2]). — Слова сурового осуждения приходится встречать как справа, так и слева. Вся тяжесть ответственности за недавние тяжкие неудачи на войне, осуждение по поводу тяжких настроений тыла, — все это ставится правительству на вид как дворянством и крупным торгово-промышленным классом, так и более широкими обывательскими кругами. Ненависть же либеральной интеллигенции в отношении правительства едва ли когда-нибудь достигала высших степеней. Констатировать выше отмеченное настроение общества приходится

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 69—70.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 46, вх. № 29249.

на основании многочисленных и совершенно неопровержимых фактов. Раздражение и озлобление масс настолько велики, что они перестали стесняться в выражении своих чувств по адресу как правительства, так и верховной власти. При определении состояния широких масс в данный момент приходится говорить о значительности революционного настроения. Трудно сказать, в какой мере сдерживающей силой в данном случае является патриотическое чувство, — есть много оснований не слишком переоценивать это чувство. Самым характерным для революционного настроения масс является рост их сознательности».

Как мы уже отмечали выше, правительство начинают ненавидеть как правительство классовое, как правительство помещиков и фабрикантов, прижимающее народ, живущее за счет его разорения. В представлении пролетариата одиозность правительства предопределялась уже его тесной связью с капиталом. В этом отношении интересные указания мы находим в цитированной выше записке начальника московской охранки от 20-го октября [1].

Останавливаясь на причинах «неприязни» городских народных масс к министру земледелия гр. Бобринскому и тов. мин. внутр. дел Протопопову, начальник московской охранки пишет: «С первых же шагов своих на министерском посту неприязнь — и именно в городской народной массе — вызвал к себе министр земледелия гр. Бобринский. В его лице массы видят откровенного защитника крупно-помещичьих интересов, виновника продовольственных страданий городской бедноты. Известные интервью гр. Бобринского страшно повредили его престижу, — именно из них массы узнали о том, что министр — крупный аграрий, сахарозаводчик, миллионер, чуждый и враждебный народным интересам. Несомненно, если бы проводником твердых цен на хлеб являлся не гр. Бобринский, а рядовой представитель бюрократического мира, он вызвал бы много меньше озлобления. Связь с торгово-промышленным миром или, вернее, откровенные заявления об этой связи сильно повредили в глазах широких масс и новому министру внутренних дел А. Д. Протопопову. От него ничего не ждут или, вернее, ждут лишь ухудшения положения, увеличения существующей дороговизны. Общее убеждение и либеральной интеллигенции и масс приписывает министру внутренних дел намерение совершенно развязать руки спекулянтам, отдать на их усмотрение интересы народа. Такое убеждение в условиях настоящего напряжения, бесспорно, должно вызвать самое серьезное опасение в смысле возможных последствий. Оба последних назначения — гр. Бобринского и Протопопова — истолкованы были в обществе не только как неумение, но именно как сознательное нежелание бороться с народными бедствиями, как сознательное покровительство хищническим стре-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 46, 1915 г., вх. № 292649.

млениям дворянского землевладения и торгово-промышленного класса».

Таким образом, задолго еще до Октябрьского переворота не только у пролетариата, но и у мелкой буржуазии сложилось вполне определенное отношение к правительству, как к правительству помещичье-буржуазному. Как мы увидим далее, такую же классовую ненависть питали народные массы по отношению к буржуазному обществу. Помимо общего недовольства правительством, как классовым правительством, другой причиной недовольства являлось обвинение его в германофильстве. Последнее, однако, было скорее свойственно мелкой буржуазии и интеллигенции, у пролетариата же являлось отголоском мелкобуржуазных влияний. Так, донесение начальника московского охранного отделения от 20-го октября 1916 г. отмечало враждебное отношение к Штюрмеру «и в низах». «Немецкая фамилия председателя совета министров уже сама по себе в глазах темных масс дискредитирует главу правительства». Таким образом, к осени 1916 г. агитация против немцев, шумиха вокруг борьбы с германским засильем, вначале поднятая самим же правительством, обратилась против него самого.

Большое влияние на прояснение классового сознания пролетариата оказала та взаимная грызня, которая все время велась между буржуазными организациями и правительством. Взаимные обвинения этих двух тяжущихся сторон господствующих классов — в особенности разоблачения буржуазией всей деятельности царского правительства — несомненно способствовали росту антиправительственного движения среди пролетариата и мелкой буржуазии. Однако, если пролетариат крайне отрицательно относился к царскому правительству, выдвигая лозунг «долой самодержавие», — то не менее отрицательно и враждебно относился он и к тому классу, который хотел занять место царского правительства, именно — к буржуазии. Для уяснения последнего для нас небезынтересно остановиться на отношении народных масс к государственной думе как раз в период наиболее острого конфликта между думой и правительством.

Отношение к государственной думе.

Если в период первой русской революции у пролетариата еще могли быть кое-какие, хотя бы мизерные, «конституционные иллюзии», то деятельность думы, особенно третьего и четвертого созывов, сделала все возможное, чтобы до конца уничтожить их остатки.

В тяжелые годы войны буржуазная говорильня окончательно дискредитировала себя полнейшей безрезультатностью своей деятельности. Как доносил в своей записке директору департамента

полиции начальник московской охранки [1]), «отношение народных масс к государственной думе в последнее время претерпело серьезные изменения. Деятельность государственной думы в минувшую сессию сильно разочаровала массы. Руководящие думские круги слишком плохо отдают себе отчет в том, в какой мере бездеятельность государственной думы в минувшую сессию в наиболее наболевших вопросах народной жизни нанесла тяжелый ущерб вере в народное представительство и его престижу в широкой народной массе. В борьбе с дороговизной и продовольственными затруднениями государственная дума ровно ничего не сделала. А то, что она сделала (проведение закона о мясопустных днях), лишь серьезно ухудшило положение. На низах государственную думу обвиняют не только в отсутствии житейского опыта, но и в сознательном нежелании притти на помощь народным массам».

Хотя охранка по понятным причинам и преувеличивала отсутствие интересов масс к государственной думе, но полагаем, что она была не так далека от истины, когда писала, что «в настоящий момент, накануне открытия новой сессии государственной думы, в обществе нет уже того захватывающего интереса к ее работам, какой можно было наблюдать в конце прошлого года. Отсрочка сессии, как отсрочка урегулирования тягостного положения, тогда принята была с величайшим возмущением и угрозами, — теперь же, в результате разочарования в надеждах, возлагавшихся на государственную думу, такая отсрочка, кроме узко-политиканствующих кругов, едва ли вызвала бы столь же бурное и шумное негодование. Это прекрасно понимают и кадеты, не решающиеся слишком обострять отношения с правительством». Наибольший интерес к думе проявляла средняя и крупная буржуазия и интеллигенция: у широких народных масс наблюдалось совсем иное отношение к думе. В то время, как первые смотрели на государственную думу как на средство борьбы с царским правительством и как на орган борьбы за власть, народные массы лишь тщательно следили за борьбой внутри господствующих классов, особенно в моменты острых конфликтов между думской оппозицией и правительством в целях использования ее в своих интересах. Так, например, ноябрьская сессия думы, когда буржуазная фронда выступила с рядом обличительных речей против правительства, привлекла к себе внимание и пролетариата и мелкой буржуазии. Как отмечает донесение московской охранки от 20-го октября 1916 г., широкое распространение, несмотря на запрет цензуры, нелегальным порядком думских речей имело революционизирующее значение. Борьба государственной думы с правительством, как выражается охранка, «распалила страсти». Однако массы прекрасно понимали бесплодность думской говорильни и мало чего ожидали от словесного поединка между буржуазной оппозицией

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 46, 1916 г., донесение от 20/X 1916 г., вх. 292649.

и правительством. Дума потеряла все свое значение в их глазах. Этим и об'ясняется то, что роспуск ее 16-го декабря после бурной ноябрьской сессии не вызвал никаких осложнений. В ответ на роспуск думы в сентябре 1915 г. меньшевикам удалось вызвать рабочую забастовку протеста, которая была использована большевиками для того, чтобы выбросить лозунг «долой самодержавие» и обратить эту стачку из борьбы за поддержку думы в борьбу против правительства; теперь же роспуск думы не вызвал в рабочей среде никакого отклика.

Безразличное отношение к государственной думе наблюдалось не только среди столичного, но и среди провинциального населения. Как сообщает начальник астраханского губернского жандармского управления, «низшие классы населения к затеям государственной думы в последнее время и к существованию ее относятся безразлично». Подобные же донесения поступали и из других мест.

Октябрьская стачка.

Итак, хозяйственный кризис и война вызвали осенью 1916 г. сильный рост революционного настроения. Оно захватило не только пролетариат, но и широкие слои мелкой и средней буржуазии, более того — оппозиционно начала выступать даже крупная буржуазия. Но хотя революционное настроение среди мелкой буржуазии было и довольно сильно, она свою революционность ни в чем, кроме продовольственных беспорядков, проявить не могла. Гегемоном во время октябрьской стачки, как и в течение всей русской революции, был один пролетариат. Октябрьская стачка 1916 г. для нас интересна, как последний — девятый вал накануне февральского переворота.

В октябре 1916 года стачечное движение достигает такой высоты, какой не наблюдалось еще ни разу за все годы войны. Число стачечников достигает 180 тысяч человек, превышая число стачечников предыдущего месяца, т.-е. сентября, в 3 раза.

На этот раз стачечная борьба носит достаточно ярко выраженный политический характер и в этом отношении может вполне справедливо считаться непосредственной предшественницей Февральской революции. Как и нужно было ожидать, во главе стачечного движения в октябре идут наиболее крупные предприятия металлообрабатывающей промышленности. Первыми выступают металлисты, которые дали 65 бастующих предприятий из 98. Из общего числа 187 тысяч стачечников на долю металлистов пришлось 127 тысяч.

Наиболее крупным из бастовавших предприятий были завод акц. об-ва «Лангензипен и К°» (бастовали 1.600 рабочих), акц. об-ва «Динамо» (бастовали 2.200 рабочих), при этом на некоторых заводах происходили повторные забастовки: так, на машиностроительном заводе И. А. Семенова, «И. Л. Нобель» рабочие бастовали три раза, на заводах же Русского об-ва изготовления сна-

рядов и военных припасов, акц. об-ва «Я. М. Айваз», «Новый и Старый Лесснер», П. В. Барановского, т-ва завода «Феникс» и петроградском металлическом — бастовали 2 раза. Средняя продолжительность забастовок была от полудня до пяти дней.

Как видно из отчетов фабричной инспекции, наиболее сильное стачечное движение в октябре происходило с 17-го по 29-е число, как раз на этот период падают и указанные забастовки. Первая стачка началась на заводе «Рено» на Выборгской стороне [1]).

Как указывает корреспонденция из Питера в «Социал-Демократе», непосредственным поводом к забастовке послужил вышедший в средине октября листок «к пролетариату Петербурга», подписанный Петербургским (большевистским — *Б. Г.*) комитетом.

Уже один этот факт может служить доказательством усиления партийного влияния в рабочих массах. В листке указывалось, что «с каждым днем жизнь становится труднее. Война несет с собою не только смерть миллионам и море горя, она вызывает и продовольственный кризис: страшный призрак — царь-голод вновь угрожающе надвигается на Европу, и ледяное дыхание его веет ужасом и смертью», — «война ведется на истощение».

Листок призывал народные массы взять инициативу в свои руки: «Довольно терпеть и молчать; чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества».

Призыва к забастовке в этом листке не было, но по выходе его на многих заводах были митинги, на которых обсуждались средства борьбы.

17-го октября началась забастовка на заводах «Рено» на Выборгской стороне. Пришли снимать другие заводы. После обеда 17-го октября на Сампсониевском проспекте, близ Флюгова переулка, у завода «Новый Лесснер», произошло столкновение рабочих с полицией [2]). В этом столкновении, которое произошло против казарм 181-го запасного полка, назначенного к отправке на позиции 26-го октября, самое важное — активная поддержка демонстрантов солдатами.

Вот как «Социал-Демократ», со слов участника этого столкновения — солдата 181-го полка, описывает это выступление: «Кого-то хотели арестовать. Он выстрелил в городового и ранил его. На свистки прибежали еще полицейские. Солдаты увидели это и стали бросать в полицию камни, потом сломали забор казарм и высыпали на улицу. Произошла свалка, было опрокинуто 2 вагона конки. Дело затянулось до сумерок. Выступил с революционной речью какой-то прапорщик. Был вызван командир полка. Когда он приехал на автомобиле, в него полетели камни. Командира ранили в голову, автомобиль повредили, командир исчез

---

[1]) Шляпников, Канун 17-го года. М. 1923 г., стр. 222.
[2]) «Социал-Демократ», № 57, от 30/XII 1916 г.

(кто-то рассказывал, что он и несколько офицеров спрятались на каком-то заводе, окна которого были выбиты). Говорят, что из казарм вышла только часть солдат, остальные были заперты и ничего не видели. Была вызвана учебная команда этого полка — 600 чел. (обычно набирается из более «надежных» элементов). Они загородили пролом забора, чтобы не пропустить оставшихся 2-х батальонов, но и эти солдаты заявили толпе, что стрелять не будут. «Не расходитесь, — говорили они, — с нашей стороны выстрелов не будет, и в нас не посмеют стрелять». На троекратное «пли» опустили ружья вниз. Вызвали казаков. Те тоже отказались стрелять или, может быть, побоялись 600 вооруженных. Солдаты, вышедшие из казармы, и рабочие пошли дальше. Солдаты просили забастовку продолжать, указывая на жертвы, которые понесут они. Солдаты надеялись, не знаю на основании чего, что к ним примкнут и другие полки. Рабочие пошли снимать с ночной смены. Раздались звуки рожка, зовущие на поверку, и солдаты вернулись в казармы. Невернувшихся (несколько десятков человек) арестовали. Остальных заперли и даже ротам не позволяют сообщаться между собой» [1]).

Выступление завода «Рено» послужило толчком к выступлению остальных заводов. «Часть рабочих Выборгской стороны забастовала с вечера 17-го. После митингов разошлись с песнями. По Сампсониевской набережной неслась песня: «Вставай, подымайся», кричали «Долой войну!» и пр. Бастовали до трех четвертей заводов Выборгской стороны 3—4 дня. Каждый день приходили на заводы, устраивали собрания и расходились с песнями. Требований никаких не выставлялось — протест против войны, против дороговизны. На Васильевском острове бастовал Сименс-Шукерт, затем Путилов, Нарвская застава, Новый Лесснер закрыт» [2]). Эта стачка носила стихийный характер и вскоре была ликвидирована. Однако вслед затем вспыхнула новая весьма значительная забастовка в защиту моряков Балтийского флота: 20 товарищей-моряков были преданы военному суду за создание партийной военной организации. 25—26 октября, в день суда над ними, петроградский пролетариат выступил для их поддержки. «25-го октября забастовка снова вспыхнула на Выборгской, кое-где на Петербургской стороне, Васильевском острове и на одной мастерской Путиловского завода». Демонстрации ходили с песнями и кликами «Долой войну, долой казнь» [3]).

Насколько высоко было революционное настроение, показывает тот факт, что в этот день бастовало свыше 130 тысяч рабочих [4]). Правительство и общество заводчиков и фабрикантов ответило

---

[1]) «Социал-Демократ», № 57 от 30/XII 1916 г. Сравни Шляпников, Канун 17-го года. М. 1923 г., стр. 222.

[2]) Там же, № 57 от 30/XII 1916 г.

[3]) Там же.

[4]) Шляпников, Канун 17-го года, стр. 230.

рабочим локаутом, во время которого были закрыты все бастовавшие 26-го октября предприятия. В ответ на этот локаут Петроградский комитет снова призвал рабочих к забастовке. Однако, как отмечает Шляпников, в самый день выхода листовки локаут был снят. «Заводы и фабрики, — пишет Шляпников, — были открыты без всяких последствий. Очевидно, правительство боялось пустить в ход свои строгости, чтобы не вызвать бури в ответ».

Как видим, стачечное движение в октябре, в особенности в Петрограде, носило ярко выраженный политический характер: экономические стачки на этот раз уступили место политическим.

Революционное движение пролетариата, захватывая небольшую часть войск, шло под непосредственным руководством Петроградского комитета большевиков. Это являлось гарантией его выдержанно-классового характера. Это же политическое настроение всецело сохранилось и в последующие месяцы. Хотя, как мы увидим ниже, в ноябре-декабре стачечное движение было значительно меньше октябрьского — в ноябре упало с 187.000 до 39.000 и в декабре поднялось всего до 100.000, — все же оно попрежнему носило уже политический характер. В выписке «из наиболее интересных срочных донесений, полученных от секретной агентуры петроградского охранного отделения за 14-е ноября, по российской социал-демократической рабочей партии» мы читаем: «Среди рабочих Петрограда сейчас сильно приподнятое настроение. Идут толки об организации нового массового выступления против войны в форме всеобщей забастовки и уличных демонстраций».

Правительство не решилось принять суровых мер против октябрьской стачки 1916 г., и это было вполне правильно учтено рабочими, как признак слабости правительства. Это сознавала и сама охранка, объясняя в вышецитированном донесении революционное настроение рабочих «уверенностью в сравнительной безнаказанности предполагаемого движения, вызванной отсутствием массовых арестов в предшествующие две забастовки, что истолковывается в рабочих массах, как боязнь правительства растущей революции, следовательно, как показатель значительной силы последней».

Показателем сильного революционного настроения в последующие месяцы после октябрьской стачки являются различные упорно циркулировавшие в рабочей среде слухи. Так, по сообщению того же донесения, в рабочей среде ходили слухи о крупных демонстрациях против войны, будто бы происходивших в Харькове и Екатеринославе, в последнем даже с насильственным освобождением из местной тюрьмы всех арестованных, и о волнениях, будто бы происходивших в разных частях войск по различным концам России. Вполне понятно, что при таком настроении охранка ожидала новых забастовок и демонстраций.

Хотя стачечное движение по своим абсолютным цифрам несколько и упало, но все же продолжало держаться на определенной высоте; так, например, в декабре месяце число стачечников достигло внушительной цифры — 100 тысяч. Уже ясно намечалось приближение революции. Показателем этого явился рост влияния партии: укрепление ее организационного влияния на массы и осуществление действительно партийного руководства.

Партийное руководство.

Как мы указывали выше, в начале 1916 г. в деятельности большевиков наступает значительное оживление. С лета 1916 г. налаживается организационная связь с рабочими массами и армией, в последнем отношении показательна отмеченная нами выше забастовка рабочих по поводу суда над моряками Балтийского флота 26-го октября.

Неудивительно, что охранка уделяла деятельности партии в армии исключительное внимание.

Вот как описывает ее охранка: «К средним числам июля месяца с. г. работа оформившегося комитета Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, с выборной исполнительной комиссией во главе, уже настолько наладилась, что на ряде заседаний этого коллектива были подняты вопросы о расширении круга своей преступной деятельности в сторону воинских частей и создании при Петербургском комитете автономной военной организации, входящей в его состав на федеративных началах».

Другое донесение охранки, относящееся к лету 1916 г., также отмечало усиление работы Петербургского комитета среди солдат и принятые им меры к закупке через Финляндию оружия, «дабы при осложнениях не быть с голыми руками».

Понятно, что охранка не могла мириться с развитием столь активной деятельности партии. «Ввиду того, что Петербургский комитет начал работать уже слишком интенсивно и, выпуская подпольную литературу, усиленно ею снабжал не только петроградских рабочих, но и провинцию, нанося этим существенный вред государственному порядку, я, — доносит петроградский градоначальник, — приняв во внимание начавшееся налаживание связей с воинскими чинами, признал необходимым прекратить вредную и опасную деятельность упомянутой подпольной организации и распорядился произвести ликвидацию социал-демократов большевиков в ночь с 20-го на 21-е июля, при чем было произведено до 120 обысков лиц, причастных к деятельности Петербургского комитета и входивших в таковой в качестве членов, а из числа обысканных 30 человек были арестованы, как особенно опасные и вредные».

После массовых арестов, произведенных в подполье летом и осенью 1916 г., охранка рассчитывала, что она окончательно разгромила партийную организацию; об этом торжественно доносил

директор департамента полиции министру внутренних дел 30-го октября 1916 г.[1]).

Однако охранка переоценила свою работу, хотя ее деятельность по борьбе с революцией и «стояла на высоте». В октябре партийная организация еще больше укрепляется, и работа ее растет. Партия принимает активное участие в руководстве октябрьской забастовкой и усиленно готовится к новому революционному под'ему. Она завязывает или, точнее, пытается завязать более тесные организационные связи с массами.

Само собой разумеется, что революционную работу фактически вели одни большевики. Меньшевики всех их оттенков, как правило, стояли в стороне от революционной работы. Это с удовлетворением констатирует и сама охранка. «Несмотря на значительные литературные силы, — отмечало одно из донесений, — деятельность ликвидаторов не отличалась продуктивностью и живостью; во всех же активных и стачечных движениях пролетариата, вообще, и в выступлениях социалистических организаций, в частности, ликвидаторы, не реагируя на события, уклонялись от проявления собственной инициативы».

Однако можно сказать, что общий под'ем революционной борьбы вызвал известное оживление и среди меньшевиков. Это оживление нашло себе выражение в известном стремлении к об'единению, в стремлении создать единую социал-демократическую организацию. Впрочем, эта попытка потерпела неудачу.

Не могло быть и речи об об'единении в одну партию двух противоположных течений: оппортунистического буржуазного и революционного марксистского.

Ленин в своей брошюре «Социализм и война» писал: «Единство с оппортунистами есть союз рабочих со «своей» национальной буржуазией и раскол интернационального революционного рабочего класса... Социализм реформистский умирает, социализм возрождающийся будет революционным, непримиримым, повстанческим»[2]).

Выводы.

Революционное движение за рассмотренный период обнаруживает достаточно сильный напор революционных масс, но все же осень 1916 г. была лишь предвестницей революции, но далеко еще не самой революцией. Массовое движение еще не было достаточно сильно, охранка еще надеялась справиться с ним.

«Сопоставляя, — доносит директор департамента полиции министру внутренних дел 30-го октября 1916 г., — все вышеприведенные признаки назревающего нового смутного периода с ходом вообще революционного движения в России, обязуюсь доложить вашему высокопревосходительству, что, признавая создав-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, 1916 г.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 104.

шееся положение безусловно в высшей степени напряженным и в значительной степени угрожающим государственному порядку и общественной безопасности и возможностью возникновения в разных местностям империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, однако, что нарастающее движение в настоящее время еще носит характер экономический (?), а не революционный (?)».

К такому выводу департамент полиции приводят, оказывается, следующие соображения. «Совокупность всех имеющихся в департаменте полиции данных об общественно-оппозиционном и революционном движениях устанавливает, что хотя действительно весьма энергичные и планомерные действия руководителей и участников этих движений под предлогом обороны и спасения России от гибели направлены к изменению существующего строя, но, во-первых, как оппозиционные, так и революционные силы сами вследствие распыленности их и не сорганизовались и не об'единились для решительных выступлений в данный момент или в ближайшем будущем, а, во-вторых, несмотря на все попытки представителей революционного и оппозиционного движения, им до сего времени не удалось революционизировать в должной мере и сорганизовать крестьянские массы и, надо полагать, не удастся этого сделать в близком будущем, благодаря благоприятно сложившимся для деревни экономическим условиям [1]). Между тем, как показал революционерам опыт возбуждения частично вооруженных восстаний в 1905 г., подобного рода выступления без участия в них крестьянских масс не могут достигнуть поставленных целей и неизбежно повлекут за собой новый и на этот раз окончательный, по их мнению, разгром революции».

Как видим, охранка основные надежды на неуспешность революции возлагала на неорганизованность сил революции и прежде всего на неорганизованность пролетариата и руководящей большевистской партии, а также на то, что крестьянство не будет участвовать в революционном движении. «Такое положение вещей в революционном лагере, в связи с неимением в распоряжении революционеров оружия для вооружения боевых дружин, и делает близкие революционные выступления неосуществимыми».

Однако, как мы увидим далее, полиция глубоко ошибалась: в крестьянстве имелись налицо все элементы революционного движения, которое могло вспыхнуть и развернуться при первом же благоприятном случае. Хотя охранка довольно оптимистично смотрела на предстоящее революционное движение, все же она учитывала возможность частичных вооруженных выступлений, однако относила их к моменту после окончания войны — к продолжительному и тяжелому периоду демобилизации, «когда боевые революционные кадры будут легко пополняться массами дезертиров, а вооружение для них доставляться в изобилии из войск теми

---

[1]) См. об этом далее, главу о крестьянстве.

революционными элементами, которые влились в войска во время войны, а также и теми воинскими чинами, которых этим революционным элементам удастся, благодаря полному отсутствию наблюдения за революционным движением в войсках, привлечь на сторону революции». Однако и в этом охранка ошиблась. Революция наступила не после войны, а в самом ее разгаре.

Итак, мы рассмотрели революционное движение осени 1916 г. Мы видели, что налицо уже были все элементы наступавшей революции: народные массы в значительной мере начали освобождаться от шовинистического угара и выступать под лозунгами большевиков, т.-е. лозунгами превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Для общего революционного под'ема показательно, что пролетариат стал выступать не в одиночку, а начал увлекать за собой и мелкобуржуазные массы. Как мы будем говорить в одном из следующих разделов, в этот момент устанавливается его более тесная связь с крестьянством и с армией, что имело решающее значение для хода и успеха революции. Вся обстановка 1916 г. показывала, что революция была уже не за горами. Как развивались события в последние дни старого режима, мы рассмотрим в следующей главе.

Глава седьмая

АГОНИЯ СТАРОГО ПОРЯДКА

Разруха и вакханалия спекуляции.

В предыдущей главе мы рассмотрели осеннее движение пролетариата и видели, что в октябре и ноябре 1916 г. налицо уже были все элементы начинавшейся революции. Последним толчком к неуклонно подготовлявшейся революции послужило новое усиление хозяйственной разрухи. Как мы указывали во введении, каждый месяц войны все сильнее увеличивал разруху, приближая полный крах самодержавия, а затем и капитализма. Одно из таких резких падений кривой народного хозяйства приходится на январско-февральские дни 1917 г.

В эти месяцы достигает большой остроты как продовольственный кризис, так и кризис сырья и топлива. Вследствие разрухи транспорта была прекращена подача продовольствия в важнейшие рабочие центры — в Петроград и в Москву. Наступило небывалое еще до того нарушение всего процесса товарооборота в стране. На этот же период падает значительное сокращение или закрытие ряда промышленных и торговых предприятий. В одном из донесений охранки мы читаем: «Отдельные группы капиталистов вынули свои капиталы из торговых пред-

приятий, следствием чего явилась новая заминка в торговле, все последствия которой (заминки — *Б. Г.*) не могут быть вполне учтены в данный момент; например, целый ряд обществ, производивших доставку и перепродажу муки из провинции в столицу, вдруг стал ликвидировать свои дела и отказываться от новых контрактов»[1].

Рост дороговизны был использован буржуазией для спекуляции. Ввиду слухов о возможности заключения мира, началась игра банковских акул со ставкой на мир и войну, что еще более нарушало экономическое равновесие страны. В этот период газеты полны сведений о колебаниях цен на все важнейшие продукты продовольствия и промышленного сырья. Колебание цен заставило продавцов не торопиться с заключением сделок и задерживать товары у себя, в ожидании более выгодного момента.

Во главе всей спекуляции идут банки и крупнейшие оптовики. Нужно отметить, что в этих спекуляциях активнейшее участие принимал и иностранный капитал. Недопроизводство самых основных предметов в России чрезвычайно поощряло частичный ввоз их из-за границы и спекуляцию ими.

Разруха вызывает закрытие предприятий. Среди закрывающихся мелких предприятий большой процент падает на предприятия по обработке пищевых веществ: колбасные, сыроварни и кондитерские. Это, в свою очередь, еще больше усугубляет продовольственный кризис в столице. Кризис достигает размеров небывалых с начала войны. Закрытие предприятий и начавшаяся безработица были, таким образом, лишь одним из проявлений развивающегося кризиса, который больнее и острее всего выявился в нарушении снабжения Петрограда продовольствием.

В течение января и февраля прекратился, вернее говоря, сократился подвоз хлеба, ставшего теперь почти единственным продуктом питания. В 1915 г. кризис выражался в отсутствии таких продуктов, как сахар, жиры, мясо, теперь уже население спустилось в продовольственном отношении еще на одну ступеньку ниже, и ему уже приходится думать не об этих продуктах, а только о хлебе. В связи с отсутствием товаров и ростом эмиссии в течение января и февраля, небывало повысились цены на все продукты. Повышение достигло 100—150%. Само собой разумеется, за этим под'емом цен ни в коем случае не могла угнаться заработная плата: население, таким образом, обрекалось на голод.

В своем озлоблении оно главным виновником происходящих бедствий считало правительство. Как отмечало донесение петроградской охранки, по Петрограду циркулируют десятками рассказы об уничтоженных администрацией или по вине администрации товарах, о миллионных злоупотреблениях в министерствах и орга-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградского охранного отделения за 1917 г.

нах, ведающих доставкой и распределением товаров, и пр. Если в «низах» населения особенно популярен слух о «десятке миллионов рублей», данных Вильгельмом совету министров за назначение министром немца Риттиха, то в интеллигентных кругах считают вполне достоверными слухи о запрещении министром внутренних дел подвозить товары к Петрограду: «если будет много продуктов, то население не согласится на мир с Германией». В результате продовольственного кризиса «озлобление это достигло ныне своего апогея: никогда еще не было столько ругани и скандалов, как в настоящее время».

Особенно ужасным стало положение рабочего класса. Все произведенные анкеты говорят об ухудшении санитарных условий как работы, так и жизни рабочих, вследствие чего среди них сильно повысилась заболеваемость. Неявки на работу по болезни дошли во многих предприятиях до 10% рабочих дней, в то время как в 1915 г. они составляли всего 0,5%.

Изменился и бюджет рабочих: в 1915 г. рабочие еще потребляли мясо, рыбу, молоко, теперь же питание их значительно ухудшилось, сведясь к наиболее грубой пище, главным образом, к потреблению хлеба. Разрушительная роль войны проявилась во всей своей полноте. Разорение масс достигло своего предела; они не могли дольше безропотно переносить вопиющую нужду, до которой их довела империалистическая война: кризис делал революционное выступление масс неизбежным.

«Дороговизна, — сообщал из Москвы корреспондент «Социал-Демократа», — здесь чудовищная. Спекуляция доходит до недопустимых безобразий. Недовольство на этой почве громадное. Ропщут все и на дороговизну и на войну. Все устали от войны. Примиряются с тем, что есть, т.-е. что немцы пока что победили нас. Стремления к победе над немцами нет, — есть только желание скорого конца. Настроение в рабочей среде — озлобленное. Но озлобленность против войны, против правительства вынужденно прячется из-за военного положения» [1].

Революционность масс.

Близость революции становится понятной даже самому правительству. «Если население, — читаем мы в агентурной записке за январь 1917 г., — не устраивает еще голодные бунты, то это не означает, что оно не устроит их в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... а что подобного рода стихийное выступление голодных масс явится первым и последним этапом к пути и началу бессмысленных (?) и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархических (??) революций, сомневаться не приходится».

[1]) «Социал-Демократ», № 58 от 31/I 1917 г.

Голод заставляет массы чрезвычайно чутко реагировать на все вопросы политической жизни. «Полуголодный обыватель, — отмечает другая записка, относящаяся к тому же периоду, — с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции, — будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, мародеров, на правительство или на немцев, — все равно». В первую голову возмущение направляется против войны. Как отмечает эта же записка, не раздается других голосов, кроме «мира, скорее мира, мира во что бы то ни стало».

Активными участниками революционных выступлений против голода и продовольственного кризиса становятся женщины, простаивающие безрезультатно в очередях и не имеющие возможности удовлетворить голод детей. Эту роль женщины в предстоявшей революции еще в январские дни предвидела и охранка: «И эти матери семей, — отмечала цитированная записка, — изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы и К^0, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собой тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. С каждым днем все большее количество голосов требует в столице: «или обеспечьте нас продуктами, или кончайте войну». И эти массы — самый благодарный материал для всякой открытой или подпольной пропаганды: им терять нечего от невыгодного мира. Когда это будет и как все это произойдет в действительности, судить сейчас трудно, но во всяком случае события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской общественности не за горами» [1]).

Охранка не ошиблась. Даже тогда, когда массовое движение еще не было охвачено партией, когда оно еще оставалось стихийным, — оно уже представляло собой начало социальной революции. У Ленина в его статье по поводу ирландского восстания мы читаем: «Думать, что *мыслима* социальная революция... без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит *отрекаться от социальной революции*. Должно быть, — иронизирует Владимир Ильич, — выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом — другое и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция!».

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградского охранного отделения № 19.

«Социалистическая революция в Европе, — продолжает Ленин, — не может быть ни чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всячески угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [1]).

Так писал Ленин по поводу социалистической революции. Тем более это было правильно в отношении первого этапа русской революции — свержения самодержавия. В той же самой статье Ленин приводит в доказательство этого пример русский революции 1905 года:

«Русская революция 1905 г., — пишет он, — была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты, авантюристы и т. д. Об'ективно, движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им».

Само собой разумеется, что революцию могла делать не разрозненная мелкая буржуазия, а только пролетариат. Обострившаяся безработица, непрерывно растущие цены вызывали в первые месяцы 1917 г. необычайно сильный под'ем стачечного движения. Число забастовщиков в январе достигло, по весьма неполным данным фабричной инспекции, 167.000, т.-е. почти уровня 1914 г., в феврале же, по которому точных данных нет, число забастовщиков несомненно еще более возросло.

Стачечное движение накануне февральского переворота открылось крупными забастовками в день 9-го января. Накануне Петербургским комитетом по соглашению с бюро ЦК было решено провести агитацию не только за устройство забастовок, но и за устройство уличных демонстраций с революционными антивоенными лозунгами. Такие же директивы ЦК были даны и москвичам. Вместе с тем Межрайонный комитет (так назывались об'-

[1]) Н. Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении. Собр. соч., т. XIII, стр. 430—431.

единенцы) и инициативная группа с.-д. выпустили листовки. Как отмечает Шляпников [1]), «самыми оживленными и наиболее содержательными листовками, родственными большевикам по своим лозунгам и принципиальному протесту против войны, были листовки Межрайонки. Листовки же инициативной группы были весьма бледны по содержанию и слабы по лозунгам. В день 9-го января размеры забастовок превзошли все ожидания. На многих заводах и фабриках рабочие, придя в обычный час на работу, организовали митинги, на которых выступали ораторы с оценкой положения дела в стране и призывали пролетариат к активной борьбе с царским режимом, виновником войны. Правительство мобилизовало полицейские силы и пыталось пресекать преступные сборища рабочих».

На некоторых заводах рабочие после митингов устраивали уличные демонстрации с красными знаменами, пытались даже проникнуть в центр города, но были разгоняемы конной и пешей полицией. «Одновременно с Петроградом произошли выступления в Москве, а также и в провинциальных городах (Баку, Нижнем-Новгороде и др.), при чем в Москве были также попытки демонстраций с красными флагами под лозунгом «долой войну» [2]). Каково было настроение рабочих в эти дни, можно судить по следующему донесению охранки: «Единственный вывод из настроения столичного пролетариата — это возможность в любую минуту забастовки и всевозможных эксцессов. Слухи об этом встретили огромное сочувствие низов населения, и в дни 9—12-го января Петроград вновь сделался ареной слухов, подобных октябрьским, — о начале всеобщей забастовки протеста, об остановке движения поездов и пр. Слухи эти распространялись с быстротой молнии: остановка 8-го января электрического тока, продолжавшаяся не больше часа, вызвала на огромной территории столицы упорные слухи о начале забастовки: публика безумно ломилась в вагоны трамвая на Садовой улице, где всякого рода проходимцы говорили, что «этот-де трамвай еще пойдет, а вот те, которые выйдут после 7 часов, про те сказать трудно». Не лучше было и 12-го января, когда толпы публики в несколько минут собирались у всякого вывешенного листка на стене и когда на улице и в трамваях незнакомые лица передавали друг другу о забастовке трамваев Васильевского парка и пр. И вывод, делаемый из подобного настроения рабочими партиями, правилен. Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была и в 1905 г. «Ожидание» важных событий стало обычным содержанием обывательского дня: все слухи касаются так или иначе вопроса о будущем на днях событий» [3]).

---

[1]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г.

[2]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г. Авдеев, Первые дни Февральской революции.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив, дело петроградского охранного отделения 1917 г.

Как мы уже указывали, революционное движение захватывает и мелкую буржуазию, в том числе и студенчество. Донесение охранки сообщает о «предстоящих уже в текущем месяце длительных и резких выступлениях учащейся молодежи, лозунгом каковых выступлений явится протест против настоящей политической обстановки вообще и назначения реакционного министра народного просвещения — в частности. Весьма вероятно, что эти студенческие беспорядки в конечном своем развитии увенчаются попытками к совершению террористических актов». Правительство всерьез начинает опасаться террора. В том же донесении охранки мы читаем: «В различных столичных общественных кругах высказываются также опасения и относительно угрожающего в этом случае будто бы развития террора». Охранка опасается, что революционность населения такова, что требует «кровавых гекатомб из трупов министров, генералов и всех тех, кого общество и пресса считают главными виновниками неудач на фронте и неурядицы в тылу». Как видим, ненависть народа против министров и генералов была достаточно ярко выявлена еще до начала революции, хотя, как мы знаем, в порождении этой ненависти буржуазная и соглашательская пресса впоследствии обвиняла большевиков.

Близость революции была настолько очевидна, что буржуазия уже начинала подумывать о бегстве от «бунтующей черни». Агентурная записка за январь 1917 г. отмечает «крайнее беспокойство во всех слоях столичного общества (не приходится об'яснять, какое «общество» имеет в виду записка — *Б. Г.*), боящегося предстоящих катастрофических событий и мечтающего о том, как бы не пострадать при неизбежных проявлениях красного и белого террора, усиленно говорят о необходимости ликвидировать, кто может, дела, уехать подальше и в более спокойных местах переждать окончания приближающейся разрухи. Слово «революция» у всех на устах» [1]). Охранка отмечает также общую уверенность, что «мирного разрешения продовольственного вопроса не может быть», и что «все партии связывают экономический кризис с политическими событиями и видят лишь в революции разрешение продовольственной проблемы в ее теперешнем запутанном виде».

Неизбежность революции была настолько очевидна, что господствующие классы, с своей стороны, начали к ней усиленно готовиться. Правительство усиливает меры репрессии. «За каждую экономическую забастовку,—сообщает корреспонденция из Москвы в «Социал-Демократ», — с рабочими расправляются круто: отправляют на фронт, квалифицированных рабочих мучат до ужаса около двух месяцев и возвращают опять на заводы. То же и в Питере» [2]). Кроме того, правительство усиленно готовит во-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело при канцелярии петроградского градоначальника по к.-д. партии и общественному движению 1917 г.

[2]) «Социал-Демократ», № 53 от 31/I 1917 г.

оруженную силу. Об этом открыто писали даже в легальных газетах, не говоря уже о нелегальных [1]). Интересные данные о подготовке расстрела революционных масс находим мы в материалах чрезвычайной следственной комиссии временного правительства [2]).

Демонстрация 14-го февраля 1917 г. и арест рабочей группы.

Если царское правительство готовило пулеметы и полицию, то верхушки буржуазии пытались, хотя и неудачно, овладеть движением и направить его в буржуазное русло. Поскольку главной причиной революционного движения в глазах буржуазии являлась «неумелая» политика царского правительства, а главным образом то, что правительство не хотело делиться с буржуазией своей властью, постольку основным условием ликвидации революции буржуазия считала переход власти от царского правительства в ее руки и создание буржуазного временного правительства. Этой мерой буржуазия рассчитывала не только освободиться от «ужасов анархии», но осуществить и прочие классовые задачи, чтобы обеспечить себе господство в стране для успешного ведения военных операций и использования коммерческих возможностей, открывшихся с войной.

Как развивалась борьба за власть между буржуазией и царизмом, мы рассмотрим несколько ниже. В этом разделе мы должны остановиться на попытке буржуазии направить рабочее движение по буржуазному руслу и использовать его в своих классовых целях: мы имеем в виду попытку буржуазных организаций направить рабочее революционное движение на поддержку буржуазно-помещичьей думы.

Известно, что в периоды буржуазных революций буржуазия всегда пыталась использовать рабочих в своей борьбе с абсолютизмом. Такая же картина имела место в России накануне революции 1917 г.

Борьба буржуазии с царизмом до того обострилась, что буржуазия уже начала мечтать о подготовке дворцового переворота, т.-е. о том, чтобы на место Николая II поставить другого, более подходящего царя. В этой борьбе с царизмом на первое место буржуазия выдвигала думу. Дума являлась своего рода органом захвата ею власти.

В борьбе с буржуазной фрондой правительство решило окончательно распустить думу. 3 января 1917 г. открытие занятий думы, прерванных 16 декабря, было вновь отсрочено до 14 февраля. В день созыва думы, 14 февраля, буржуазия

---

[1]) «Социал-Демократ», № 53 от 31/I 1917 г.

[2]) «Падение царского режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. Редакция П. Е. Щеголева, т. I. Показания Протопопова и Хабалова.

в лице руководителей центрального военно-промышленного комитета, во главе с Гучковым, Коноваловым и Рябушинским, решила организовать широкие «народные демонстрации». Конечно, эта попытка не могла быть осуществлена без участия верных лакеев буржуазии — меньшевиков и особенно гвоздевцев.

Буржуазия никогда своими силами революции не совершала. Для того, чтобы провести необходимую для нее смену министерства, т.-е. смену верхушки власти, ей необходима была живая сила — «участие народа»... И вот этот-то «народ», «народную поддержку» и должны были доставить буржуазии гвоздевцы. Выше мы рассмотрели их деятельность в рабочих группах при военно-промышленных комитетах по подчинению рабочего движения буржуазии и по устранению экономических конфликтов между рабочими и предпринимателями. Теперь же они пытались помочь буржуазии использовать пролетариат в качестве живой силы, на предмет свержения придворной клики и утверждения буржуазной монархии (таков был смысл всей буржуазной фронды).

Согласно выработанному плану в день открытия думы 14 февраля рабочие демонстрации должны были направиться к Таврическому дворцу с требованием передачи власти временному правительству, при чем, само собой разумеется, это временное правительство, как и получилось действительно через каких-нибудь несколько недель, должно было образоваться исключительно из представителей цензовой буржуазии.

9 января 1905 г. пролетариат шел к Зимнему дворцу; теперь он должен был итти к Таврическому дворцу. Буржуазия рассчитывала, что если эти демонстрации и не приведут к желательному для нее результату, т.-е. к образованию временного правительства и передаче ей власти, то, по крайней мере, они окажут известное моральное воздействие на правительство, и последнее не решится распустить думу. Вот как описывает настроение думских депутатов одно из донесений охранки: «Распустить государственную думу и потом учинить над ними (т.-е. депутатами) расправу правительство, пожалуй, и не постесняется, так как вряд ли найдутся охочие люди выступать с протестами в защиту «бывших депутатов», утерявших обаяние своей прежней «неприкосновенности». Но сможет ли то же правительство учинить что-либо в отношении непослушной думы после вероятного повторения событий 9-го января 1905 г. — вопрос, и вопрос весьма и весьма серьезный».

Если верить донесению, буржуазия определенно рассчитывала, что 14 февраля 1917 г. повторится то же самое, что 9 января 1905 г., т.-е. расстрел рабочих. Однако это чрезвычайно мало ее смущало. Что значил расстрел рабочих по сравнению с возможностью получения ею политической власти! Но если пролетариат 9 января 1905 г. мог еще пойти к Зимнему дворцу, то 14 февраля 1917 г. он уже не мог пойти к Таврическому дворцу.

Пролетариат не поддался на эту провокацию, несмотря на то, что гвоздевцы приняли все зависящие от них меры, чтобы заставить его выступить на улицу. Ими была развита широкая агитация. Однако гвоздевцы и буржуазия заранее предвидели, что демонстрация, может быть, и не удастся. Поэтому решено было, на случай неудачи демонстрации, по крайней мере, добиться посылки с фабрик и заводов делегаций, которые должны будут заявить о поддержке «народных представителей» в их борьбе с правительственной властью.

«В случае, если бы идея массового демонстративного шествия рабочих к Таврическому дворцу по каким-либо причинам (!) оказалась на митингах и собраниях недостаточно популярной, — читаем мы в одном из донесений охранки, — рабочей группой ЦВПК, по инспирации руководителей оппозиционного думского большинства, решено добиться во что бы то ни стало отправки в день 14 февраля в государственную думу хотя бы особых делегаций от фабрик и заводов, долженствующих в той или иной форме огласить перед председателем государственной думы свои резолюции и заявить о готовности рабочих поддержать борьбу народных представителей с правительственной властью». Однако это предположение делалось на худой конец. Все меры принимались к тому, чтобы вызвать массовые демонстрации.

На заседании рабочей группы 16 января решено было устроить ко времени открытия думской сессии ряд митингов для ознакомления рабочих с содержанием выработанной группой резолюции политического характера. Суть этой резолюции сводилась к тому, что от имени рабочего класса требовалось «устранение самодержавного режима» и «полная демократизация страны». «Для достижения этой цели, — указывалось далее в резолюции, — рабочие должны немедленно приступить к сплочению и организации своих сил, избрать заводские комитеты, сговориться с рабочими других фабрик, на собраниях выяснить всем товарищам важность момента и к моменту открытия думы быть готовыми на общее организованное выступление». Резолюция заканчивалась следующим призывом: «Пусть весь рабочий Петроград к открытию думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса: только учреждение временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран».

В конце января и начале февраля, действительно, на ряде фабрик и заводов начали проводиться митинги. Вот как гвоздевцы, по сообщению одного из агентов охранки, убеждали рабочих в необходимости поддержки думы: «Рабочим нужна не дума и ее

буржуазные депутаты, но им нужна атмосфера думы, дающая рабочим (?) возможность хоть немного дышать(!?)». «Эти слова одного с.-д. оратора (меньшевика), — рассуждает охранник, автор донесения, — определяют позицию рабочих (?!): без думы правительство скоро уничтожит революционные (?) организации, существующие под флагом рабочих групп, военно-промышленного комитета, бирж труда и т. п., без думы невозможны с'езды рабочих и публикование речей с.-д. депутатов. Сама по себе дума буржуазная рабочим не нужна и она бы не нашла защиту, если бы не сплелось вокруг существования думы такого множества других жизненных вопросов. Ввиду же того, что на думу почти все (!) население возлагает огромные надежды (?), в связи с прекращением продовольственной разрухи, с упорядочением подвоза продуктов, с ограничением роста дороговизны и т. п. жизненными вопросами, вполне понятно, что рабочие группы встанут на защиту думы в случае ее роспуска».

Так обманывали рабочих гвоздевцы, приписывая думе совершенно несвойственные ей качества и неизмеримо преувеличивая ее возможности по борьбе с хозяйственной разрухой.

Однако все благие намерения социал-соглашателей и гвоздевцев оказать услугу буржуазии не увенчались успехом.

Если, как мы увидим далее, правительство не могло мириться с крупными буржуазными организациями, как земгор и военно-промышленные комитеты, то тем менее оно было склонно мириться с их подручной организацией — рабочей группой при центральном военно-промышленном комитете. Пока рабочая группа выступала в качестве буфера между полицией и рабочими, сглаживала конфликты и предупреждала стачки, правительство более или менее мирилось с ней. Но лишь только «рабочая группа» выступила с попыткой поддержать буржуазную фронду, что выявилось в организации шествия к Таврическому дворцу, правительство решило ее ликвидировать.

Непосредственным поводом к аресту рабочей группы послужило ее нежелание подчиниться изданному правительством 1 сентября 1916 г. указу о подчинении всех собраний непосредственному контролю полиции. Как мы будем говорить об этом в конце 3-й части, правительство в целях борьбы с буржуазными организациями поставило под контроль полиции всю их деятельность.

Буржуазия и гвоздевцы решительно протестовали против посягательства на неприкосновенность своих собраний. В частности, между председателем рабочей группы при центральном военно-промышленном комитете Гвоздевым и председателем военно-промышленного комитета Гучковым, с одной стороны, и начальником Петроградского военного округа Хабаловым — с другой, в течение января происходила оживленная переписка в связи с отказом военно-промышленного комитета извещать полицию о дне собраний рабочей группы. В результате в ночь с 26 на 27 января

в помещении рабочей группы был произведен обыск, и в ту же ночь были арестованы в своих квартирах все ее члены, за небольшим исключением.

Как об'яснялось в секретном докладе петроградской охранки, действительной причиной ареста было то, что представители рабочей группы имели в виду подготовить и организовать демонстрацию 14 февраля. В правительственном же сообщении, опубликованном 30 января, ей ставилось в вину «превращение в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империи», чем, конечно, правительство несоответственно преувеличивало действительное значение рабочей группы в революционном движении. Кроме того, правительство одним из основных пунктов обвинения выставляло то, что рабочая группа поставила «своей конечной целью превращение России в социал-демократическую республику», против чего, между прочим, центральный военно-промышленный комитет, в оправдание рабочей группы, энергично возражал.

Рабочая группа была настолько мало связана с широкими рабочими массами, что пролетариат фактически не откликнулся на ее арест. Весьма слабо откликнулась на него и буржуазия. Рабочая группа нужна была руководителям буржуазии лишь как известное орудие воздействия на рабочий класс, но они отнюдь не склонны были из-за рабочей группы вызывать выступление пролетариата. Арестованная рабочая группа потеряла теперь для них прежнее свое значение. Этим об'ясняется, что буржуазия не предприняла особенно решительных шагов к тому, чтобы активно протестовать против ареста рабочей группы. Однако удар по рабочей группе был одновременно ударом по остальным буржуазным организациям, поэтому-то совсем не отметить этого ареста было невозможно.

27 января, по сообщению «Утра России», под председательством Гучкова и при участии Коновалова состоялось заседание бюро ЦВПК, на котором было постановлено поручить А. И. Гучкову и А. И. Коновалову «отправиться к председателю совета министров и к начальнику Петроградского военного округа и просить об изменении примененной к членам рабочей группы меры, как совершенно ими не заслуженной, так как рабочая группа в своей деятельности всегда была лойяльной. Имеется целый ряд фактов, доказывающих, что, благодаря воздействию рабочей группы на целый ряд заводов различных районов, были предупреждены возникавшие острые конфликты между рабочими и администрацией этих заводов». Как мы видим, аттестация рабочей группы была для нее убийственной. Что могло быть хуже похвалы капиталистов? Однако дальше выражения сочувствия, да и то чрезвычайно слабого, буржуазия не пошла. В этом отношении чрезвычайно характерны заявления «общественных деятелей». В докладе петроградской охранки от 31-го января

1917 г. № 58 [1]) мы находим интересные данные по поводу собрания центрального военно-промышленного комитета и лидеров буржуазной оппозиции, имевшего место 29-го января в связи с арестом рабочей группы. Открывший собрание кратким сообщением об аресте Гучков призывал участников совещания «пока частным образом обсудить, как смотреть на подобного рода акт со стороны правительственной власти, и осведомить о случившемся те учреждения и организации, представителями коих они являются». Для характеристики полной растерянности буржуазии в первый момент после ареста рабочей группы интересно замечание агента—автора донесения—о том, что Гучков «закончил свою краткую речь, совершенно уклонившись от какой бы то ни было оценки случившегося». Это собрание, происходившее меньше чем за месяц до февральского переворота, отчетливо отразило две тактики буржуазного либерализма.

Лишь часть деятелей военно-промышленного комитета во главе с Коноваловым выдвигала тактику использования рабочего движения. Остальные же участники собрания высказывались решительно против предложения перенести борьбу с правительством за пределы государственной думы, т.-е. превратить ее из парламентской в «народную». Особенно резко против этой тактики «развязывания народной стихии» выступал Милюков. Вот как передает эту речь охранка: «Популярный оратор и вождь общественности, как бы устрашенный событиями и проявленной властью решительностью, явно стремится печальную историю с рабочей группой лишить всей важности ее политического значения. Речь Милюкова была настолько цинична, что она обескуражила даже его коллег по партии. Присутствовавшие, ожидавшие услышать от Милюкова резкую и горячую речь, были положительно подавлены подобным характером его заявления, так как всем стало ясно, что оратор как бы спешит уже теперь открещиваться от того, что затея пропагандировавшихся рабочей группой выступлений в день 14 февраля фактически исходила из депутатских думских кругов. С горячей отповедью Милюкову выступил Аджемов, заявивший, что «удар по рабочей группе является фактически ударом по всей русской общественности, выбытие из строя рабочей группы является ослаблением всего строя общественных сил страны, дело союзников рабочей группы изыскать средства к тому, чтобы реагировать должным образом на этот удар». «Мы, — заявил он, — все уже сказали и сделали, мы уже уперлись в стену, выхода нет, и нам в данном случае остается лишь одно: разрешать создавшееся положение с точки зрения его политического значения и характера». Пожалуй, самым интересным на этом собрании было выступление меньшевиков, певших в унисон с левым крылом

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградского охранного отделения по партии к.-д. и общественному движению 1917 г.

буржуазной оппозиции. Чхеидзе, как говорится в донесении, «в своей речи, главным образом, нападал на Милюкова, который, давая совет остаться в стороне в деле рабочей группы, повидимому, сам не понимает, что говорит. Своими советами он, Милюков, явно показывает, что он человек слова, а не дела: где же его пресловутая реальная политика? При таком положении вещей Милюков в один прекрасный день рискует оказаться в хвосте событий, так как, если все будет продолжаться таким порядком, легко и неожиданно во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие». «Это удар по рабочему классу, но помните, что вслед за гибелью рабочих последует и ваша гибель», — так патетически закончил свою речь депутат Чхеидзе. Итак, меньшевики призывали буржуазию реагировать на события, чтобы «не оказаться в их хвосте». Характерно, что Коновалов вполне присоединился к этой точке зрения. Как мы увидим дальше — вся тактика Коновалова и его группы сводилась к тому, чтобы итти не в хвосте движения, а руководить им. Конечно, Коновалов должен был с полной готовностью встретить предложение буржуазного руководства со стороны Чхеидзе.

Единственно, чем военно-промышленный комитет отметил арест рабочей группы, это обращением к членам государственной думы и государственного совета, в котором реабилитировал деятельность рабочей группы. Однако нужно сказать, что и здесь буржуазия больше имела в виду себя, чем рабочую группу: военно-промышленный комитет реабилитировал этим себя от нападок со стороны не только правительства, но и части самой же буржуазии за то, что он будто бы поддерживал рабочее движение.

«В этом раз'яснении, распространенном среди членов государственной думы и государственного совета и других общественных организаций, были изложены те самые мотивы, которые Гучков излагал в совете министров, именно: «Группа оказывала комитету деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, работающих на оборону», при чем группа «решительно высказалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы», группа стремилась к уменьшению продовольственной нужды в рабочей среде, и вообще деятельность ее не только не носила революционного характера, но, напротив, «имела целью создание условий для спокойной работы на оборону», и если за последнее время усилились политические выступления группы, то «основной причиной этому являлось укоренившееся в населении убеждение, что существующий политический режим ведет страну не к победе, а к поражению». Отрицая, далее, выводы правительственного сообщения о том, что конечной целью деятельности рабочей группы являлось превращение России в социал-демократическую республику, центральный военно-промышленный комитет заявлял о своей солидарности с рабочей группой «в оценке нынешнего

политического режима и правительственного курса» и признавал существующую власть «неспособной обеспечить победу России над внешним врагом». После этой похвалы Гучкова рабочей группе к ее характеристике нам добавлять ничего не приходится.

Итак, с арестом рабочей группы фактически прекратилось ее существование. Однако гвоздевщина отнюдь не умерла, как не умер пока капиталистический строй, необходимым элементом которого она являлась. Гвоздевщина, как и всякий оппортунизм в русском рабочем движении, была окончательно убита лишь Октябрьской революцией.

Несмотря на арест рабочей группы, оставшиеся на свободе гвоздевцы продолжали вести среди пролетариата агитацию за участие в демонстрации 14 февраля. Под ее влиянием часть рабочих решила принять участие в этой демонстрации.

Как доносит охранка [1]), «ряд митингов в различных фабрично-заводских предприятиях столицы, имевших место уже после ликвидации рабочей группы, в связи с общей повышенностью настроения в рабочих массах и под воздействием будирующего влияния общественности, также высказался за желательность прекратить в день 14 февраля работы в обслуживаемых ими предприятиях, устроить демонстративное шествие и, явившись к Таврическому дворцу, огласить свои проголосованные на этих митингах резолюции с требованиями освобождения рабочей группы и создания незамедлительно временного правительства. Из числа предприятий, определенно высказавшихся за подобное решение, ныне открыто указывают Путиловский и Обуховский заводы и сапожную фабрику «Скороход», кои в себе об'единяют до 50.000 рабочих.

Однако оказывается, рабочие готовы были принять участие в этой демонстрации отнюдь не под теми лозунгами, какие навязывали им гвоздевцы.

Большевики повели решительную борьбу с гвоздевцами против их попытки вовлечь пролетариат в буржуазную авантюру. Они противопоставили лозунгу гвоздевцев — «поддержка государственной думы» — лозунг борьбы против буржуазной думы, против самодержавия, а самое главное — против империалистической войны. В противовес оборонческому лозунгу защиты отечества, большевики выдвигали лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. В противовес оборонческой демонстрации 14 февраля, большевики призывали рабочих организовать выступление 10 февраля в день годовщины суда над социал-демократической фракцией государственной думы.

Вопрос о демонстрации несомненно всколыхнул рабочие массы. Как мы видели выше, в январе — феврале революционное

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградского охранного отделения по партии к.-д. и общественному движению 1917 г. Доклад петроградского градоначальника от 2/II 1917 г., агентура «Шаров».

настроение вообще чрезвычайно обострилось. Революция уже носилась в воздухе, и накануне готовившейся февральской демонстрации происходили забастовки в целом ряде фабрик и заводов. Правительство предприняло решительные шаги к предотвращению подготовлявшихся демонстраций.

10 февраля появилось обращение начальника петроградского военного округа Хабалова к рабочим, в котором он призывал «не слушать преступных подстрекательств, которые зовут вас к измене», убеждал рабочих «оставаться при станках, исполняя тем ваш долг перед вашими братьями, которые заменили вас в окопах». Заодно с полицией действовали и кадеты. Рядом с обращением Хабалова в газете «Речь» было опубликовано письмо Милюкова, в котором он призывал рабочих не принимать участия в демонстрации и оставаться в этот день спокойными.

Демонстрация 10 февраля не удалась. Но эта неудача об'яснялась отнюдь не репрессивными мерами правительства и воздействием кадетов. Дело в том, что день 10 февраля, на который большевиками была назначена демонстрация, оказался выбранным чрезвычайно неудачно. Это была пятница на масленице, когда после обеда работы в большинстве предприятий прекратились. Таким образом в этот день не могла быть проведена широкая демонстрация, но тем не менее агитационное значение этого дня отрицать не приходится. Достаточно указать, что в этот день и накануне его Петроградским комитетом было распространено около 10.000 листовок.

Неудача демонстрации 10 февраля заставила употребить усилия на то, чтобы демонстрацию 14 февраля провести под большевистскими лозунгами. И это удалось. 14 февраля в Петрограде бастовало около 60 предприятий с несколькими десятками тысяч рабочих [1]). Забастовки были в Невском районе — на Обуховском заводе, на карточной фабрике, «Торнтона» и других, в Выборгском районе — на заводах «Старый и Новый Лесснер» и других. Рабочие завода «Лесснер» вышли на улицу с пением революционных песен. При появлении полиции осталось около 200 человек, которые с криками «хлеба», «долой войну» продолжали итти по Литейному проспекту вплоть до тех пор, пока полиция не бросилась на толпу с шашками наголо. В Нарвском районе демонстрация рабочих завода «Скороход» была рассеяна нагайками. Рабочие Путиловского завода вышли на улицу с красными флагами, с лозунгами «Долой правительство», «Долой войну», «Да здравствует республика». В результате произошла стычка с полицией, и два демонстранта были арестованы. В других районах произошел ряд мелких забастовок и митингов под лозунгами Петроградского комитета (большевиков).

---

[1]) Авдеев, Первые дни Февральской революции. Хроника событий. «Пролетарская Революция», № 1 (13), стр. 12—13.

Показательно, что в день 14 февраля демонстрировало и студенчество, требуя создания временного правительства, т.-е. передачи власти в руки буржуазии. В этот день в высших учебных заведениях происходили сходки, после которых студенты и курсистки ходили по Невскому проспекту с революционными песнями. Полицией было арестовано около 20 человек. Около Таврического дворца собралось до 500 человек, но они были рассеяны полицией. В Москве в этот день также произошел ряд забастовок, но менее крупных, чем в Петрограде. И здесь полиция приняла все меры к предотвращению беспорядков. Были произведены крупные аресты.

Чрезвычайно характерно для этого своеобразного повторения гапоновщины то, что пролетариат был втянут в движение в целях защиты и поддержки буржуазии, при чем вместе с пролетариатом выступало и студенчество. Как известно, после 1905 г. студенческие выступления прекратились: студенчество из оппозиционного элемента превратилось в элемент реакционный. Но в этот момент оно выступало вместе со своими отцами, т.-е. оппозиционной буржуазией, что являлось признаком глубокого кризиса всего старого режима и служило показателем наступающей революции.

Итак, подводя итог попытке гвоздевцев превратить петроградский пролетариат в послушное орудие буржуазной либеральной политики и использовать его движение для поддержки буржуазно-помещичьей думы, мы можем считать установленным, что попытка эта потерпела полное фиаско, как и вся предшествующая соглашательская деятельность рабочей группы при центральном военно-промышленном комитете.

Если рабочие и выступили в день 14 февраля, то во всяком случае демонстрация в этот день шла отнюдь не под меньшевистскими, а под большевистскими лозунгами. Вместо поддержки думы — демонстранты кричали: «Долой думу!», вместо оборонческих лозунгов — были лозунги «долой войну!».

Попытка буржуазии организовать рабочее выступление вскрыла наличие глубоких противоречий между буржуазией и царизмом; выступление же рабочих свидетельствовало об общей напряженности настроения и сознательности рабочих, выступавших с классовыми революционными требованиями.

Итак, не только об'ективные революционные признаки, но и суб'ективные были налицо. Как отмечает Ленин, для революционной ситуации было весьма важно, что вместе с пролетариатом

выступала и мелкая буржуазия, прежде всего крестьянство.

Для успеха революции, помимо рабочего движения, имела значение позиция крестьянства и армии, на чем нам и придется остановиться.

Крестьянство накануне революции.

Выше мы рассматривали главным образом движение городского пролетариата. Однако мы бы поняли чрезвычайно мало в русской революции, если бы не приняли во внимание той решающей роли, которую играло в ней крестьянство. Как мы указывали во введении, основной задачей русской революции было завершение демократической революции, т. е. уничтожение остатков крепостничества в деревне и главного рудимента крепостнического строя, в лице царской власти. Эта революция, крестьянская в первую голову, не могла быть завершена без активного участия крестьянства под руководством пролетариата.

Именно эту решающую роль крестьянства в революции, указание на которую в зачаточном виде мы находим еще у Маркса, установил Ленин. Ленинское учение о гегемонии пролетариата означает руководство в революции революционной мелкой буржуазией и прежде всего крестьянством. В эпоху империализма, разоряющего крестьянина и высасывающего из него последние соки, вопрос о союзе пролетариата с крестьянством приобретает особенно важное значение.

Руководство мелкой буржуазией, стонущей от гнета империализма, «борьба между пролетариатом и империализмом за крестьянство и угнетенные нации», — такова была основная задача большевиков в эпоху империалистической войны.

Как мы указывали выше, даже охранка и та понимала, какую громадную роль в революции могло сыграть крестьянство. Она, как мы видели, возлагала главные надежды на то, что крестьянство окажется пассивным и тем облегчит возможность справиться с рабочим движением.

Однако охранка глубоко ошибалась. Те противоречия, которые имелись в русской дореволюционной деревне, именно противоречия между крестьянами и помещиками, во время войны не только не были сглажены, но еще более обострились.

Если война всей своей тяжестью обрушилась на городское население, то в не менее тяжелом положении оказалось и сельское население. Война вызвала, как мы видели выше [1]), общее сокращение посевной площади, сокращение животноводства, ухудшение инвентаря и, наконец, самое главное, отрыв от производительного труда наиболее здоровой рабочей силы. Однако война неодинаково отразилась на различных слоях крестьянства. По-

---

[1]) См. главу I.

вышение цен на продукты сельского хозяйства было использовано прежде всего сельской буржуазией, менее — середняком, но отнюдь не деревенской беднотой. Для последней повышение цен, вызванное войной, было не менее разорительно, чем для городского пролетариата. Известно, что громадное большинство деревенской бедноты еще и до войны должно было покупать бо̀льшую часть потребляемых ею продуктов, в том числе и сельско-хозяйственных; поэтому рост цен разорял и деревенские низы. Наиболее тяжелым было положение тех середняцких и бедняцких семей, из которых «кормильцы» были призваны на фронт. Пособия, которые выдавались правительством, были для них слишком ничтожным подспорьем.

Однако нужно сказать, что деревенская беднота пока что особой активности не проявляла. Она начала играть роль лишь в годы революции, когда на помощь ей пришли полупролетаризованные солдаты и рабочие, ушедшие с городских фабрик в деревню из-за голода и закрытия предприятий. В годы же войны беднота еще всецело находилась во власти местного кулачества и особенно активно не выступала. Те материалы, которые мы приводим в дальнейшем, рисуют настроение и позицию крестьянства в целом. Сельская буржуазия в годы войны и в первые месяцы революции играло видную роль в крестьянском движении, поскольку последнее носило общебуржуазный демократический характер и было направлено против помещиков и крупного капитала, эксплоатировавшего также и мелкую буржуазию, а крестьянство в особенности.

Что касается положения сельской буржуазии, то война, особенно в первый период, несомненно ее усилила. Хотя призывы в армию, реквизиции и т. п. разрушительные мероприятия правительства связанные с войной, как мы видели, чрезвычайно сильно били сельскую буржуазию, однако до поры до времени она с этим мирилась, поскольку война принесла ей значительное повышение цен, а тем самым и улучшение ее экономического положения. Поэтому сельская буржуазия, в лице ее партии эсеров, и была так оборончески настроена в годы войны.

Что же касается остальных групп крестьянства, то основная его масса, в особенности в первый период войны, не испытывала такого острого хозяйственного кризиса, какой имел место в городах. Хотя уже в первые месяцы войны началось значительное возрастание цен на такие необходимые для крестьян продукты промышленности, как сахар, керосин, соль, спички, но этот рост все же в значительной мере компенсировался повышением цен на продукты сельского хозяйства. Больше всего выигрывали от войны, конечно, зажиточные крестьяне в промышленных центрах России: в этих районах наблюдалось наиболее благоприятное соотношение между ценами на продукты сельского хозяйства и на продукты промышленности.

Поэтому в первые месяцы войны, пока ее разрушительное влияние не докатилось еще до деревни, последняя оставалась более или менее пассивной.

Деревня в своем политическом движении значительно отстает от городского движения. Так, характеризуя общее напряженное, весьма оппозиционное настроение в городах России в октябре 1915 г., директор департамента полиции в своей докладной записке министру внутренних дел [1]) подчеркивает, что в отношении общественного настроения «речь идет лишь о городах, так как в деревнях, по согласному свидетельству донесений, в большинстве случаев, вследствие весьма благоприятно сложившихся для крестьян (зажиточных. — *Б. Г.*) экономических условий, не только не наблюдается повышенного настроения, но отмечается даже довольство (!) населения и спокойное или, скорее, безразличное отношение ко всему тому, что так тревожит городское население». Таково заключение, которое делает охранка на основании полученных в департаменте полиции сведений от местных охранных отделений и жандармских управлений. Почти все донесения за этот период, хотя, как мы увидим далее, и отмечают зарождение некоторого недовольства в среде крестьян, все же подчеркивают пока что безразлично спокойное настроение деревни.

Однако это затишье было лишь затишьем перед бурей.

Война встряхнула деревню, подняла ее политическое сознание, обострила внутренние противоречия и, в конце концов, привела к революции.

Война вновь всколыхнула в крестьянах надежду на получение земли. Как известно, с первых же дней военных действий правительство и правая печать усиленно муссировали слухи о предстоящем в результате войны наделении крестьян, особенно участвовавших в войне и пострадавших в ней, землями, отобранными у немцев как внутренних, так и внешних. В целях подогревания патриотизма были даже пущены слухи о наделении крестьян землею в Галиции и в других областях, на захват которых в первое время рассчитывал русский империализм. Вряд ли нужно доказывать, насколько обманчивы и ложны были эти обещания. Однако нужно сказать, что мысль о получении земли в результате войны у крестьян засела довольно крепко. Но они шли гораздо дальше: они рассчитывали на получение земли не только от немцев, но и от помещиков.

Указания на надежды крестьян — получить в результате войны землю — мы находим в целом ряде донесений. Так, например, в сообщении начальника симбирского губернск. жанд. управления от 20-го октября 1916 г. мы читаем: «крестьяне убеждены, что за все невзгоды за время войны они будут наделены землей» [2]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, 1915 г. Записка от 30/X 1915 г.

[2]) Там же. Дело департамента полиции № 167, ч. 70, донесение от 20/X 1916 г., вход. 25628.

Аналогичные донесения имеются из Тамбовской, Орловской и целого ряда других губерний. В первые моменты после возникновения войны особенно сильна была надежда на получение земли в тех районах, где много земель принадлежало немцам, как, напр., на юге. В донесении начальника харьковского губернского жандармского управления [1]) мы читаем: «С об'явлением настоящей войны вопрос о расширении землевладения захватил настолько умы крестьянского населения губернии, что теперь не сходит с их уст. Ввиду того, что в Харьковской губ. значительной площадью земли владеют немцы германского и австрийского подданства и колонисты, настоящая война породила в них яркие надежды на ликвидацию этих земель в их пользу. Эти надежды затем вылились уже в форму почти убеждения после того, как чрезвычайное земское собрание 14-го июня с/г. приняло резолюцию уполномочить губернскую земскую управу возбудить в установленном порядке ходатайство о распространении на Харьковскую губ. действия высочайше утвержденного 2-го февраля с/г. положения совета министров о ликвидации недвижимых имуществ, принадлежащих неприятельским подданным, равно как о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в пограничных местностях». То же самое доносит и начальник екатеринославского губернского жандармского управления: «Никогда не замирающее стремление крестьян к земле с началом войны не только не ослабело, но, наоборот, усилилось. Во всех толках крестьян о войне сейчас красной нитью проходит одна надежда — надежда на то, что по окончании войны участники ее щедро будут наделены землей. В этом отношении в массе циркулируют самые разнообразные слухи, и нельзя не отметить, что слухи эти находят полную веру в рядах армии. Обсуждая в своей среде вопрос о наделении землей, крестьяне в части других, предназначенных для них земель неизменно имеют в виду земли собственников-немцев, громко выражая, что был бы большой несправедливостью переход их не в крестьянские руки и, в частности, не в руки героев войны. Слухи о том, что ликвидируемые земли немцев-собственников уже переходят в другие, не крестьянские, руки, вызывают большое смущение и раздражение. Стремление получить немецкие земли тем более велико, что в массе распространены самые преувеличенные слухи о их количестве, плодородности, богатстве хозяйственного инвентаря, который, согласно тем же слухам, также будет передан новым владельцам «немецких земель».

«Надежды кр стьян, — доносит начальник таврического губернского жандармского управления, — на ликвидацию немецкого землевладения столь велики, что неудовлетворительное разрешение этого вопроса может грозить большими осложнениями, без всякого

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 88, донесение от 5/XI 1915 г.

даже участия революционных партий». Как мы уже отмечали, крестьяне возлагали также некоторые надежды на получение земель в завоеванных странах. По сообщению из Екатеринославской губ., «в народе ходят слухи, распространяемые нижними чинами, прибывающими в отпуска, что по окончании войны правительство должно отдать бесплатно все завоеванные земли участникам текущей войны. Народ этому охотно верит» [1]). Как курьез, отметим сообщение из Херсонской губ., в котором указывалось на глубокое разочарование крестьян в связи с очищением в 1915 г. Галиции: «Очищение Галиции рассматривалось крестьянами почти как потеря собственности и потеря надежды на прирезку земли» [2]).

Однако настроение крестьян далеко не было таким мирным, как это рисовала охранка. «Были случаи,—читаем мы в донесении из Харькова, — когда крестьянами высказывались угрозы разгромить немецкие экономии, если правительство не отберет у немцев земли, занятые этими экономиями, но случаев попыток приведения в исполнение этих угроз не было. В последнее же время крестьяне стали особенно часто толковать о праве своем не только на так называемые немецкие земли, но и земли помещиков. Эти суждения, однако, пока высказываются отдельными лицами» [3]).

Весьма скоро, однако, крестьяне начинают попрежнему обращать все свое внимание на земли более близкие к ним, чем галицийские или восточно-прусские. Во многих селах под боком были земли помещиков. Уже в 1915 г. из некоторых губерний, например, из Екатеринославской, сообщают об отказе крестьян в уплате помещикам арендных денег за снятые ими земли. В то же время отмечаются столкновения крестьян с хуторянами, выделившимися при начатом еще до войны землеустройстве. Крестьяне, в расчете на ожидаемое после войны перераспределение земель, активно сопротивляются всем попыткам выделения общинных земель в отдельные хутора и отруба.

Итак война опять поставила в деревне вопрос о земле, всколыхнула надежды на ее получение, что несомненно было громадным революционизирующим фактором. Однако скоро война и сама по себе начала вызывать рост революционности.

Общее раздражение крестьянства начинает выливаться в активные протесты против войны. Раздражение особенно обостряется в моменты призывов, которые вырывали из деревни все большее и большее количество необходимой для нее рабочей силы. Особенно сильно ударил крестьян призыв в 1915 г. ратников второго разряда. «В крестьянской среде, — пишет охранка, — укоренилась уверенность, что ратники второго разряда безусловно свободны от службы».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 75, вход. 20278 от 20/VII 1916 г.

[2]) Там же, дело № 167, ч. 89. Донесение от 18/X 1915 г.

[3]) Там же, дело № 167, ч. 88. Донесение от 5/XI 1915 г.

Отметим, между прочим, что опасность призыва ратников второго разряда прекрасно сознавал Распутин, как никак вышедший из крестьянской среды. «Распутин, — писала Александра Федоровна Николаю 14-го июня 1915 г., когда этот призыв только еще предполагался, — говорил, что ты спасешь свое царствование тем, что не призовешь сейчас второго разряда». Хотя, конечно, в данном случае вопрос о спасении царствования и не шел, однако бесспорно призыв ратников второго разряда имел большое революционизирующее значение.

Вот как, например, отнеслись к этому призыву в Тульской губернии [1]): «Призыв ратников второго разряда последовал вскоре после прений, имевших место в государственной думе о желательности призыва в войска чинов полиции. Узнав об этом пожелании из газет, ратники второго разряда вообразили, что призыв чинов полиции в войска мог бы всецело заменить их призыв, начали высказывать в некоторых уездах губернии свои претензии по этому поводу. В Новосильском уезде лишь после продолжительных увещеваний воинского начальника и уездного исправника призванные ратники второго разряда согласились принять присягу, от принятия которой первоначально отказывались, ввиду непризыва чинов полиции». Принять присягу, оказывается, заставило крестьян лишь активное вмешательство полиции во главе с местным исправником.

На крайне отрицательное отношение крестьян к новым и частым призывам в армию указывает и целый ряд других донесений. «Частые призывы на службу в действующие войска, — пишет, например, начальник харьковского губернского жандармского управления [2]), — безусловно волнуют население и вызывают чувство тревоги и нежелательные толки о крупных наших потерях на войне. В этих видах было бы желательно частые призывы заменить более редкими, но крупными по численности». Оказывается, и здесь крестьян чрезвычайно волновало то, что их призывали, тогда как полицию оставляли в тылу.

Все без исключения донесения с конца 1915 года отмечают сильный рост недовольства такими частыми призывами. «Вот берут, берут, берут солдат, а толку нет: ни мира, ни победы», говорят крестьяне в Курской губ. Вопрос о мире все сильнее и сильнее начинает занимать умы крестьян. О таком же утомлении войной сообщается из Тамбовской [3]) и других губерний. Так, из Курской губ. пишут, что крестьяне начинают уже «сетовать на войну»: «Берут людей без конца, а победы нет».

Помимо того, что призывы сами по себе революционизируют крестьян, последние начинают остро реагировать на то, что вся тяжесть войны ложится на них, тогда как господствующие классы,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 83, 1915 г.

[2]) Там же, дело № 167, ч. 88, донесение от 5/XI 1915 г.

[3]) Там же, донесение от 17/X 1915 г., вх. 25538.

благодаря широко практиковавшимся злоупотреблениям, фактически уклоняются от призыва в армию. Как мы читаем в донесении владимирского губернского жандармского управления, «повсеместно во всех слоях населения наблюдается как бы утомление войной. Такому охлаждению высоко патриотического настроения начала и первого года войны (даже среди крестьян), помимо некоторых неудач нашего оружия, содействуют в значительной степени частые призывы ратников, особенно старших возрастов, а также злоупотребления при призывах, благодаря чему люди вполне здоровые, но состоятельные или имеющие протекцию, во множестве избавляются от несения службы в действующих войсках, устраиваясь в тыловые учреждения и переполняя их. Как результат охлаждения к войне можно рассматривать растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен («уходы в плен»)».

Помимо призывов в армию, недовольство крестьян вызывали и реквизиции, которые начались с первых же дней войны. О недовольстве на почве реквизиций свидетельствуют сообщения целого ряда местных полицейских органов. Так, например, в Курской губ. крестьяне уже начали поговаривать о том, что «правительство сначала должно реквизировать скот в крупных экономиях и у городских жителей, а затем и у крестьян» [1]). Вместе с тем начало проявляться недовольство крестьян ростом дороговизны, особенно недостатком таких необходимых для них продуктов, как сахар, спички, керосин и т. д. Поводом к недовольству служило также и неправильное распределение пособий, которые причитались семьям призванных на войну. Указывалось на неправильность и несвоевременность выдачи пособий и отказы в их выдаче по формальным причинам или без достаточного к тому основания. Особенно тяжелым в продовольственном отношении становится положение крестьян в потребляющих районах России, где у крестьян и в прежнее время до конца года нехватало своего хлеба и приходилось его прикупать. Здесь в октябре 1916 года на почве остро растущей дороговизны обнаружилось настолько сильное недовольство, что полиция ожидала «открытых возмущений и крайне серьезных событий», как писало об этом тверское губернское жандармское управление [2]).

Всем этим и об'ясняется, что отношение крестьян к войне и правительству начинает резко изменяться. Если в начале война, по выражению охранки, рассматривалась «как божье наказание», то теперь сознание крестьян постепенно проясняется, и они начинают смотреть на войну как на помещичье-буржуазное предприятие. И соответственно, конечно, пассивное отношение к войне переходит в активно-отрицательное. Все донесения 1916 года

---

[1]) Донесение начальника курского губернского жандармского управления от 2/VI 1916 г., вход. 16163.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 167, ч. 77, донесение от 4/IV 1916 г., вход. 10495.

почти единогласно говорят о сильном стремлении крестьян к скорейшему миру.

Вот как рисует перелом настроения крестьянства одно донесение из Казанской губ. [1]): «В уездах губернии при сборе призванных по мобилизации ратников о каком-либо патриотическом под'еме уже не было и речи; в донесениях из уездов были указания на унылый вид призванных и на разговоры о том, «когда же, наконец, кончится война, когда перестанут брать из семейств последних работников», при чем слышались сетования, что берут в войска только бедняков, а богатые устраиваются в разного рода предприятиях, работающих на оборону, и таким образом освобождаются от строя. Вообще, в крестьянской среде о желательности заключения мира возможно скорее теперь приходится слышать нередко. Вот, например, выдержка из одного донесения из уезда: «Население, хотя и сживается с трудом с обстоятельствами настоящего времени, но никогда не выходит из рассуждений о войне и дороговизне. Войну считают наказанием божьим, потому что народ истребляется, а конца ей не видно, и призывы в войска еще продолжаются. Хотя острого уныния и не замечается, но все же есть желание, чтобы скорей окончилась эта убийственная война».

В фабричных районах настроение оказывается куда более решительным. «Во всех слоях населения, — доносит начальник владимирского губернского жандармского управления в октябре 1916 года,—в каждом по-своему и по разным побуждениям и соображениям, чувствуется изменение отношения к войне в дурную сторону. В крестьянской среде, ранее разнузданной под влиянием фабрики и избалованной за последние годы хорошими (?) заработками, которые принесла война, с казенным пайком за ушедших на войну, слышатся жалобы на призывы в войска, на реквизиции скота, раздаются речи о невозможности победить немцев, о целесообразности сдачи в плен. В деревне говорят: «Пора отказаться от новых призывов парней и старых мужиков, все равно правительство всех не перевешает, а немцы сумеют всех перебить или перекалечить». Заметно участившиеся случаи «оскорбления величества» по поводам, в большинстве связанным с войной, и бросающееся в глаза обилие пленных, падающее на крестьян и рабочих Владимирской губ., служат живым и фактическим подтверждением высказанного взгляда».

Таким образом, крестьяне начинают настолько отрицательно относиться к войне, что ищут всяких способов, чтобы уклониться от призыва, дезертировать из армии или просто отдаться в плен. Например, в Харьковской губ. крестьяне стали советовать новобранцам «совершать какие-либо, хотя бы незначительные преступления, чтобы «попасть» под следствие и тем избавиться

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, донесение казанского губернского жандармского управления от 15/X 1916 г.

от «верной смерти на войне». Эти разговоры будто бы вызывались отпускными нижними чинами, агитацию которых охранка признает значительно более вредной, чем деятельность местных революционных организаций, поэтому она предлагает запретить отпуска для солдат.

Революционное движение в городах начинает оказывать свое революционизирующее влияние и на крестьянство. Как доносил еще в июне 1915 г. начальник киевского губернского жандармского управления [1]), «повседневные переживания народных масс деревни и особенно городов подвергаются тяжкому испытанию, благодаря проникающим в народную толщу самым нелепым слухам о случаях будто бы государственной измены в высшем командном составе, подкупах, о взяточничестве, уклонении офицеров от руководства вверенными частями. Последнее время пущен слух о том, что взято сравнительно ничтожное количество пленных, и что правительство распорядилось перевозить по железным дорогам одних и тех же пленных взад и вперед, чтобы убедить народ в наших военных успехах».

У крестьян начинают постепенно открываться глаза на подлинную сущность правительства и господствующих классов «После того, как точно определились наши неудачи на войне, сообщают из Харькова, а также после резких выпадов в государственной думе со стороны ее членов против высших чинов центральной правительственной власти, в населении, особенно крестьянском, стало замечаться враждебное отношение к высшей власти в России вообще, при чем тогда же распространялись усиленно слухи о царящей везде государственной измене, огромных подкупах и пр.» Крестьяне начинают сознавать, что фактически вся война ведется прежде всего за их счет. В донесении екатеринославского губернского жандармского управления от 19-го октября 1916 г. говорится: «Сознание, что защита отечества прежде всего ведется на плечах крестьянства, сознание, что «серые герои» — это опять-таки крестьянство, и, наконец, сознание, что город без деревни с ее хлебом и продуктами никак не может обойтись — произвели заметный перелом в миросозерцании широких крестьянских масс, с чем уже теперь приходится считаться и придется считаться в будущем. Восторженные газетные статьи о выносливости солдат, их доблестях и подвигах, а также рассказы возвращающихся домой раненых солдат сделали и делают свое дело в этом направлении: военнопленные, отпущенные на крестьянские работы, и военнообязанные, расселенные по деревням, тоже способствуют привитию крестьянству новых идей и взглядов на войну».

Крестьяне начинают все яснее сознавать противоположность своих интересов интересам господствующих классов. Еще зимой 1915 г. у них складывается мысль о необходимости революцион-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 175, донесение от 15/VI 1915 г.

ного выступления [1]): начали поговаривать о «необходимости вооружаться и уничтожать господ». Одно из донесений земского начальника Смоленской губ. отмечает в крестьянах «все более и более растущее недовольство теперешним политическим положением» и сообщает «о сильно распространенном среди народа мнении, что он, де, продан немцу, проливает последние капли крови, жертвует всем материально — и все это идет на пользу русского немца. На-днях на базаре в селе Панино целая толпа народа во главе со стариком рассуждала следующим образом: «Всю нашу молодежь они от нас скоро заберут, остается лишь одно: всем нам старикам вооружаться и уничтожать господ и правительство, ведущих нас к гибели и разорению». Накануне революции у крестьян уже твердо складывается уверенность в том, что «господа ведут крестьян и всю страну к гибели».

Среди крестьян начинает распространяться антидинастическое настроение. Фетиш монарха в их глазах падает. Крестьянство, как это видно из донесений, хорошо осведомлено о всех безобразиях придворной клики, сплетнями о которых жило тогда все буржуазное общество. Крестьяне определенно начинают говорить о том, что надо «повесить» Сухомлинова, «вздернуть 10—15 генералов, и мы бы стали побеждать». «Настроение деревни стало резко оппозиционным не только по отношению к правительству, но даже и к другим недеревенским классам населения — чиновникам, духовенству и т. д.».

Интересные данные о настроении деревни накануне 1917 г. мы находим в сводках департамента полиции накануне февральского переворота, в которых приведены сообщения об'езжавших деревню лиц. Так, по словам одного уполномоченного по продовольствию, вернувшегося из поездки в Поволжье, «в деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1905—1907 гг. Повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций... Конечно, об'единяющего центра пока нет, но надо думать, что крестьяне об'единятся через кооперативы (??), которые ежечасно растут по всей России. Таким образом, крестьянство, несомненно, окажется весьма действительным участником нового и неизбежного движения».

Другая сводка сообщает: «теперь в деревне уже не верят в успех войны; по словам страховых агентов, учителей, торговцев и пр. представителей деревенской «интеллигенции», «все ждут не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война». Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны, после 1906 г., не было» [2]).

---

[1]) Донесение смоленского губернского жандармского управления от 31-го декабря 1915 г., дело № 167, ч. 71.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 57, донесение начальника петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г.

Правда, сознание крестьян было пока еще крайне мало оформлено, у них еще сохранились некоторые конституционные иллюзии, на что указывается, например, в одном из донесений. «Крестьяне будто бы убеждены, что именно государственная дума передаст им землю, что будто бы кадетами уже давным давно разработано положение о передаче крестьянам земли и что против него сопротивляется царское правительство».

Несомненно, подобные надежды крестьян на либеральную буржуазию, и «конституционные иллюзии» были исключением. Война отчетливо показала противоположность интересов крестьянства не только интересам помещиков, но и всего капиталистического строя. Это обнаружилось особенно наглядно, когда буржуазия стала у власти и смертной казнью пыталась удержать солдат на фронте «во имя войны до победного конца».

Итак, подведем итоги. Донесения о настроении крестьян во время войны несомненно показывают крупный перелом, который совершился в крестьянской массе.

Революционность крестьянства предопределялась полукрепостническими отношениями, сложившимися в деревне, и полукрепостной кабальной зависимостью от помещиков.

Война открыла глаза крестьянству на грабительскую политику господствующих классов и направила его недовольство не только против помещиков, которые держали в руках землю, но и против буржуазии.

Однако ввиду большой отсталости деревни, она задним числом переживает события города и отнюдь не с такой силой реагирует на события, как городской пролетариат. Все же противоречия в деревне настолько обострились к 1917 г., что крестьянство активно выступило на поддержку пролетариата. В революцию 1917 г. крестьяне, находившиеся на фронте, не повторили ошибки 1905 г.: они сразу выступили на стороне революционных рабочих. Крестьяне должны были изведать опыт господства буржуазии и ее мелкобуржуазных попутчиков социалистов-революционеров, чтобы ясно понять, что единственным их союзником может быть только пролетариат, как это доказала Октябрьская революция.

Союз пролетариата и крестьянства обеспечил торжество в России пролетарской революции, которая принесла ликвидацию всех остатков крепостничества и освобождение крестьянства от помещичьей кабалы.

Армия.

Для успеха революционного выступления громадное значение имела позиция армии. Как известно, неудача революции 1905 г., помимо прочих причин, в значительной степени об'яснялась тем, что армия находилась в далекой Сибири и не могла принять активного участия в революционном движении. Та же часть войска, которая находилась внутри России, как не бывшая на фронтах, была наименее революционна и потому могла быть использована правительством для подавления рабочего и крестьянского движения.

В 1917 г. обстановка сложилась совсем иначе. Война велась на территории страны, и, что самое главное, в армию была призвана значительная часть мужского населения. Таким образом, армия являлась частью рабоче-крестьянской массы. В отличие от старой кадровой армии, состоявшей из годами муштруемых солдат и десятилетиями муштруемых офицеров, сохранявших свой кастовый замкнутый дворянский характер, армия эпохи империалистической войны имела совершенно иной состав. «Поражение, — писал Ленин, — истребляя в громадном размере старые командные составы заскорузлого дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменяло его молодым, свежим, преимущественно буржуазно-разночинским и мелкобуржуазным» [1]).

Перерождение командного состава из кастового дворянского в буржуазно-разночинский имело громадное значение для установления смычки между командным составом армии, его верхушкой, и руководящими кругами оппозиционной буржуазии. Это и сделало сравнительно легким свержение царизма и установление буржуазной диктатуры. Общая оппозиционность буржуазии, имевшей большие связи с командным составом армии, оказывала сильное воздействие на офицерство. Как сообщалось в одном из донесений департамента полиции о настроении лиц высшего командного состава, представители последнего, «не считаясь со своим положением, сами высказывают мысли, за которые не так давно карали каждого, как преступника» [2]).

Если буржуазный командный состав, отражая настроение буржуазии, становился оппозиционным, то тем более солдатские массы, состоявшие из крестьян, оторванных от сохи, и рабочих, оторванных от станков, быстро революционизировались по мере роста общего революционного движения. Армия поддерживала непрерывную связь с оставленными дома семьями и естественно жила их жизнью, волновалась их интересами и питалась их недовольством. Все донесения департамента полиции отмечают, что

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 8.

[2]) «Былое», т. I, 1918 г. «Русская армия накануне революции», стр. 156.

армия заражалась недовольством и революционностью, господствовавшими в тылу.

Письма подвергались цензуре и потому не могли служить верной связью между армией и тылом; эта связь поддерживалась гораздо лучше солдатами-отпускниками, которые приносили в тыл настроение армии и в армию уносили настроение тыла [1]).

Самым революционным элементом в армии являлись призванные в армию рабочие. Не случайно, что среди войсковых частей наиболее бунтарским характером отличались флотские команды. Последнее об'яснялось не только особенно суровым режимом во флоте, но также и тем, что матросы в большинстве случаев рекрутировались из рабочих.

В целях разобщения армии и революционного тыла правительство принимало все меры к тому, чтобы избежать «нежелательного соприкосновения солдат с рабочими». Целый ряд воинских частей, замеченных в сочувственном отношении к рабочему движению в 1916 г., был выведен из Петрограда. Правительство ограничивало отпуска и тщательно следило за солдатской перепиской.

Помимо революционизирующего влияния тыла на армию, в армии существовали свои собственные причины, вызывавшие ее революционизирование.

«Из казарм, — писал «Социал-Демократ» [2]), — доносятся стоны и вести о протестах и стачках. Солдат содержат плохо, нет обуви, нет одежды, плохая пища. Обращение грубое, и за пустяковые проступки наказание одно — порка. Порют и «дают в зубы» всюду, в тылу и на фронте. В начале ноября в Петергофе подвергли телесному наказанию 170 солдат 1-го запасного батальона по приказу ротного командира Протопопова. Порка по 100 ударов широко практикуется также и в 3-ем батальоне. В Петергофе, во время смотра 3-го запасного батальона Каспийского пехотного полка, батальонный командир потребовал «подставить маску» (выражение командира) 217 солдатам. То же происходит в казармах Царского и Красного села. Наблюдается переход от зуботычин к хлыстам, так как г.г. офицеры жалеют руки и стегают серую скотинку нагайкой».

«На позициях «милостивые» офицеры предлагают солдатам выбирать наказание — расстрел или порку. И это за пустяки — за неотданную честь, отлучку, незнание словесности. Но зато и солдаты не остаются в долгу: вместо роты, в атаку бросается половина, а полроты остается в окопах. В связи с повторением таких случаев, на Северном фронте издан приказ, чтобы офицеры не бросались первыми в атаку, а сначала слали перед собой солдат. И действительно, приходится слать «пушечное мясо» в атаку шашками и палками».

---

[1]) «Былое» № 1, 1918 г. «Русская армия накануне революции», стр. 157.

[2]) «Социал-Демократ», № 53, 3/IV, 1916 г.

К шашкам прибегают профессионалы-офицеры, а к палкам и плеткам — прапорщики. Дело здесь не обойдется без снятия таких ретивых погонщиков».

Громадное революционизирующее влияние имели военные поражения. Как писал Ленин в «Письмах издалека», «поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию» [1]).

Военные поражения все больше и больше убеждали солдат в совершенной бесполезности дальнейшего продолжения войны. Как доносят агентурные записки, «в армии складывается все больше убеждение в том, что немца победить невозможно, что в командных верхах господствует измена, что солдат предают и даром посылают на убой. Солдаты начинают открыто высказывать, «что в атаку не стоит итти», что «зря на убой итти не следует» [2]).

Из другого донесения мы узнаем об организации солдатами братания. Число братаний было еще незначительно, но мысль о них уже носилась в воздухе.

В сводке «агентурных сведений о настроении нижних чинов Кронштадтского крепостного района» мы читаем о весьма распространенных среди солдат слухах, «что между нижними чинами передовых войск, посредством патрулей и дозоров, ведутся переговоры с неприятельскими войсками о том, чтобы обе стороны бросили оружие и тем заставили правительства заключить мир» [3]). Пока это были только слухи, но из тех, которые предвосхищают события.

Бывали случаи ухода целых полков с позиции. Так, например, «Социал-Демократ» сообщает об уходе с позиций Туркестанского полка, который «ушел с передовых позиций в полном боевом вооружении и ушел беспрепятственно вглубь около 75 верст. Этим воспользовались турки и «прорвали» фронт» [4]).

В армии начинает развиваться дезертирство. Указания на последнее мы встречаем в ряде донесений начальников губернских жандармских управлений, которые отмечают не только сильное развитие его, но и трудность борьбы с ним, «ввиду сочувственного отношения к дезертирам населения». Борьба с дезертирством — доносит один из них — «встречает сильное затруднение, ввиду известного благожелательного отношения к дезертирам сельских властей», а также вследствие того, что «задержанные с большим трудом дезертиры по доставлении их к войсковым начальникам вновь бегут» [5]).

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 8.

[2]) Донесение начальника волынского губернского жандармского управления от 19-го октября 1916 г. о настроении солдат в Луцком районе.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 15, 1915 г.

[4]) «Социал-Демократ» № 58 от 31/I 1917 г.

[5]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 57, 1915 г., вход. 25730.

В течение 1916 г. все более увеличивается количество донесений о сильнейшем «моральном разложении войск». Солдаты все настойчивее и настойчивее указывают на необходимость скорейшего заключения мира, чего по донесению охранки, «никогда не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас».

Разложение царской армии сказалось прежде всего в росте антагонизма между солдатами и офицерами. Донесения сплошь да рядом указывают на падение дисциплины и рост революционного настроения среди солдат, а также на «резкое обострение отношений между нижними чинами и офицерами». «Офицеры, — читаем мы в одном донесении, — часто даже отказываются вести команды в бой, ввиду опасности быть убитыми своими же людьми». Недовольство командным составом увеличивается еще и потому, что армия полна слухами о злоупотреблениях офицеров, особенно находящихся в нестроевых интендантских частях. В то время, как солдатские массы испытывают острый недостаток в самых необходимых предметах снаряжения и в продовольствии, офицеры — особенно в тылу — кутят, пьянствуют, открыто расхищают казенное имущество. Армия полна слухами, что командиры дружин на получаемую за счет солдатского питания и обмундирования экономию приобретают себе лошадей, фураж, седла, экипажи, покупают материалы для офицерского обмундирования и обуви, пьянствуют, при чем «вино и водка доставляются для офицерского стола ведрами». Понятно, что такое экономическое неравенство и явные злоупотребления командного состава чрезвычайно революционизировали армию и вызывали озлобление против офицеров. Как мы читаем в донесении начальника петроградского губернского жандармского управления, «настроение в армии очень тревожно, отношения между офицерами и солдатами крайне напряжены и натянуты, почему неоднократно имели и имеют место даже кровавые столкновения. Держат себя солдаты в тыловых частях крайне вызывающе, публично обвиняя свои власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве» [1]).

Разложение армии сказывается в резком падении той палочной дисциплины, при помощи которой сохранялось подчинение солдат офицерам. Из многих частей сообщают о падении, а то и полном отсутствии всякой дисциплины. Начальник кронштадтского охранного отделения доносит, что в ротах «люди в большинстве своем ведут нетрезвый образ жизни, отлучаются самовольно из казарм, в особенности после вечерней переклички, не исполняют приказаний начальства и непочтительно и грубо относятся как к фельдфебелям и прапорщикам в ротах, так и к ротным командирам и штабс-капитанам, которые не могут справиться с людьми и в ночное время избегают даже посещать казармы. Точно так же

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 167, ч. 57, 1915 г.

казармы не посещаются в ночное время даже дежурным по полку офицером»[1]).

Каковы были взаимоотношения солдат и командного состава, прекрасно характеризует следующий эпизод, описанный в одном из дел департамента полиции. «В январе месяце с./г., — читаем мы в этом донесении, — 3-я рота 356 пешей Лифляндской дружины не ответила утром на приветствие прапорщика Рихарда Рохта, ввиду чего последний с револьвером в руках, угрожая смертью, стал обходить людей по одиночке и здороваться с ними. В одиночку нижние чины на приветствие отвечали. Как на причину неудовольствия этим офицером нижние чины указывали на дурное обращение с ними». «Фельдфебелям, — читаем мы в том же донесении, — ротные командиры предоставляли настолько неограниченную власть, что за всякий пустяк ратники ставятся под ружье на 10 часов. Под влиянием всего этого в дружине создался настолько тяжелый и невыносимый уклад жизни для нижних чинов, что возможно ожидать возникновения беспорядков»[2]).

Под влиянием поражений и начавшегося разложения армии все более и более растет сознательность солдат. Отовсюду поступают сведения о росте их политической активности. Солдаты внимательно читают газеты и интересуются всем происходящим внутри страны и прежде всего—развертывающейся политической борьбой.

В армии чисто стихийно начинают возникать «революционные ячейки, которые уже потом завязывают сношения с революционным подпольем». Как мы читаем в донесении департамента полиции по делу о социал-демократической партии[3]), «ячейки и коллективы на судах зародились совершенно самостоятельно, без помощи Петроградского Комитета. По поступившим агентурным сведениям, флотская организация со времени своего возникновения искала случая связаться с Петроградским Комитетом, и это удалось ей недавно через одного из активных деятелей рабочего движения». Так доносит охранка об известной социал-демократической организации Балтийского флота, которая была открыта полицией и участники которой были преданы суду.

Чем ближе к революции 1917 г., тем чаще донесения охранки отмечают успех пропаганды в армии, о которой с каждым днем поступают все новые и новые данные. Пропагандистами являются те рабочие, которые влились в войска. Многим становится ясно, что начало революции положат те солдаты, в которых насильно обратили вчерашних рабочих и крестьян, и те рабочие, которых, под страхом пуль и штыков, заставляли делать эти самые штыки и пули.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 291, ч. 58, 1916 г. Сообщение осведомителя «Дружинина», о нижних чинах нестроевой роты Кронштадтской крепостной артиллерии.

[2]) Там же.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 5, ч. 57, 1915 г.

Армия ждет революции и готовится к ней. Еще первого мая 1916 г. среди солдат Кронштадтской крепостной артиллерии был распространен слух, что 1-го мая «возможны среди рабочих манифестации на почве прекращения войны. К беспорядкам этим якобы неминуемо примкнут и военные части, находящиеся на передовых позициях» [1].

Не только тыл жил в ожидании революции, но и в армии к концу 1916 г. и в начале 1917 г. твердо укрепилось убеждение в близости «крупных событий». Еще до начала этих «крупных событий» воинские чины, «прибывающие с позиций, открыто высказываются, что после окончания войны они разделаются, с кем будет следовать, за существующие порядки». Комментируя это сообщение, охранка приходит к заключению, что «революционный период уже не за горами» [2].

Московский корреспондент пишет в «Социал-Демократе»: «В армии настроение, судя по разговорам с солдатами, таково, что на армию можно рассчитывать, если в стране будет восстание. Недовольства войной и правительством солдаты в разговорах не скрывают. Слышны жалобы, что мы-де разобщены, что нет организации. Ну, было бы желание, а остальное приложится. Неповиновение начальству на фронте — обычное явление» [3].

В ожидании революционных выступлений солдаты уже заранее готовятся перейти на сторону революционного народа. Среди солдат идут разговоры о том, что, в случае выступления рабочих, они стрелять в народ не будут. И действительно, такие случаи имели место несколько раз еще до февральской революции [4].

Записка о настроениях в армии отмечает: «Армия и в тылу, и в особенности на фронте полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий, но при достаточной организованности первых едва ли в армии найдутся в достаточном количестве элементы, способные стать активной контр-революционной силой правительства. Вооруженный народ, стоящий теперь в окопах и в тылу, пропитан насквозь массою революционных элементов сознательных крестьян и рабочих, к которым надо прибавить еще десятки тысяч солдат угнетенных национальностей» [5].

Само правительство прекрасно учитывает, что на армию оно рассчитывать не может. На это указывают, например, случаи отказа солдат итти на усмирение забастовщиков, при чем солдаты

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 291, ч. 58, л. 8, сводка от 29-го и 30-го апреля 1916 г.: «О брожении в войсках Петроградской губ.».

[2] Там же, дело № 167, ч. 36, донесение от 17/X 1916 г., вход. 25563.

[3] «Социал-Демократ», № 58 от 31/I 1917 г.

[4] Там же.

[5] Историко-Революционный Бюллетень, № 2—3, 1922 г.

грозили, в случае принуждения, «повернуть ружья и палить в фараонов» [1]).

Итак, армия накануне революции превращалась в громадную революционную силу, переход которой на сторону революции, в случае выступления рабочих масс, делался неизбежным. Последнее и предрешило успешность русской революции.

Насколько в тот момент безнадежно было положение царского правительства, прекрасно иллюстрирует следующий диалог, имевший место уже после свержения старого режима в следственной комиссии временного правительства, между ее членом и бывшим министром внутренних дел Протопоповым.

Соколов (член комиссии). — Вы сообщали, что из департамента полиции к вам шли слухи о нарастании (революционного.— *Б. Г.*) движения. Как рисовалось в отчете департамента полиции это движение?

Протопопов. — Движение это рисовалось мне таким образом, что вся Россия — взбаламученное море, и притом — где слои, которые были бы довольны? Таких нет. Где слои, на которые можно было бы опираться, которые внушали бы доверие? Таких нет. Вот какую картину представляла вся Россия.

Председатель. — Следовательно?

Протопопов. — Очевидно, кувырнемся, полетим..

Соколов. — В этих сведениях о нарастании движения каковы были сведения департамента полиции о настроении войска, офицеров, командного состава?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Отвратительные для старого режима?

Протопопов. — Отвратительные [2]).

Рабочие свергают царский режим.

Выше мы рассмотрели резкое обострение хозяйственного кризиса в начале 1917 г., рост рабочего движения и, наконец, нарастание революционности среди крестьян и армии. Все это показывало, что в России в начале 1917 г. была налицо настоящая революционная ситуация. Не только рабочие и крестьянские массы об'ективно и суб'ективно были готовы к революции, но даже господствующие классы, как мы в этом особенно убедимся в следующей части работы, «не могли жить по-старому».

Налицо были все признаки, которые Ленин считал показателями наступающей революции:

«1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину,

---

[1]) «Былое», № 1, 1918 г., стр. 160.

[2]) «Падение царского режима», т. I, стр. 149.

в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому;

2) обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов;

3) значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению» [1]...

Однако Ленин предупреждал, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, «а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше об'ективным переменам присоединяется суб'ективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить или надломить старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» [2].

Как видим, в данный момент в условиях российской действительности к революционной ситуации вполне присоединялась «способность революционного класса на революционные массовые действия». Эти «действия» оказались «достаточно сильными», чтобы уничтожить старый режим.

Движение, непосредственно приведшее к перевороту, началось в Петрограде, как указывает Авдеев [3]), 23-го февраля (8-го марта), т. е. в «женский день».

«В этот день бастовало около 50 предприятий приблизительно с 90.000 рабочих. Боевое настроение вылилось в демонстрации, митинги и схватки с полицией. Масса женщин двигалась к городской думе с требованием хлеба. В разных частях города появились красные знамена с революционными надписями, требованиями свержения самодержавия и прекращения войны. Часов с 4 дня на Инженерной, Садовой и Невском рабочие останавливали трамваи. Улицы были переполнены полицией и конными городовыми, врезавшимися на тротуары и стегавшими народ нагайками. По Невскому взад и вперед гарцовали казаки с пиками. Только к 10 часам вечера все успокоились, и улицы все опустели» [4]). 24-го февраля (9-го марта) движение возобновилось с новой силой: в этот день в Петрограде бастовало до двухсот тысяч рабочих. Толпы народа в течение всего дня собирались в разных частях города, хотя и усиленно разгонялись полицией, пехотными и кава-

---

[1]) Н. Ленин, «Крах II Интернационала». Собр. соч., т. XIII, стр. 139—140.

[2]) Там же.

[3]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г.

[4]) Там же, № 1 (13), 1923 г., стр. 20. Авдеев, «Первые дни Февральской революции».

лерийскими частями; на мостах стояли заставы; масса народа шла с Выборгской стороны по льду.

Как указывал в следственной комиссии ген. Хабалов, движение сначала носило характер скоплений на улицах толпы, которая кричала: «хлеба!!!». «Впоследствии этот характер уже видоизменился. Появилось большое количество флагов с надписями: «долой самодержавие!», «долой войну!» и аналогичными в этом стиле» [1]).

В три часа на Знаменской площади прорвалась толпа, разогнала городовых и устроила митинг у памятника Александра III. Среди криков: «да здравствует республика, долой полицию», раздавались возгласы «ура» по адресу присутствовавших казаков, которые сочувственно относились к собравшимся.

В самые последние дни существования старого режима правительство пытается обеспечить население хлебом. В качестве «успокоительного» средства Хабаловым издается приказ о том, что «хлеба в городе имеется в достаточном количестве». Наряду с этим фиктивным заверением принимаются меры к распределению хлеба через общество фабрикантов по фабрикам и заводам [2]).

Днем (24 февраля) на квартире у Хабалова было совещание должностных лиц по вопросу о мерах прекращения беспорядков. Было решено: 1) следить за более правильным распределением муки, 2) произвести обыски и арестовать уже намеченных охранным отделением лиц и 3) вызвать запасные кавалерийские части в помощь казакам первого Донского полка, которые нерешительно разгоняли толпу [3]).

Итак, наряду с «побочными» мероприятиями, правительство принимает более «действительные», с его точки зрения, меры к успокоению — оно организует настоящую вооруженную борьбу с революционным народом.

Еще задолго до революционных выступлений, как показывали в следственной комиссии Протопопов и Хабалов [4]), был выработан план «охраны города на случай народных волнений и беспорядков». По расписанию на все заводы были назначены «войсковые части — где рота, где полурота — для предупреждения возникновения беспорядка на самом заводе» [5]).

Однако правительство было уже бессильно бороться с движением: «25-го февраля (10-го марта) в Петербурге началась всеобщая забастовка рабочих, к которой присоединились в продолжение дня и учащиеся высших учебных заведений. Десятки тысяч

---

[1]) «Падение царского режима», т. I, стр. 183.

[2]) См. там же, стр. 183.

[3]) См. «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г., стр. 22. Сравните с показаниями Хабалова. «Падение царского режима», т. I, стр. 183.

[4]) Там же, стр. 155.

[5]) Там же, стр. 189.

граждан и гражданок стекаются к полудню к Казанскому собору и примыкающим к нему улицам. Делаются попытки устраивать митинги, демонстрации, происходит ряд столкновений с полицией. У памятника Александра III выступает ряд ораторов. Начинается стрельба со стороны полиции. Один из ораторов падает раненый. Есть и убитые. Был убит пристав, ранен полицмейстер Шалфеев и несколько других полицейских чинов. В жандармов бросали ручные гранаты, петарды и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость по отношению к действиям полиции. Казаки, когда конная полиция начала стрельбу возле памятника Александра III, дали залп по полиции, и она принуждена была ускакать на Гончарную улицу» [1]).

«26-го февраля (11-го марта), в воскресенье, фабрики и заводы были закрыты. К полудню толпы рабочих двигаются со всех частей пригорода к центру. По пути во многих местах шествие им преграждается воинскими патрулями. Город напоминает боевой лагерь. Всюду патрули, раз'езды конницы. Все пути, ведущие к Невскому, усиленно охраняются, раздаются залпы из невидимых засад. На Знаменской площади и в других местах — много убитых и раненых. Это, однако, не устрашило народ, который в громадном количестве продолжал ходить по улицам со знаменами и устраивать митинги. Правительством были пущены в ход пулеметы. Чтобы усилить полицию, часть солдат была переодета в полицейские шинели, что вызвало в полках петроградского гарнизона большое негодование и послужило толчком к переходу их на сторону народа» [2]).

Особенно подогрела рвение полиции комическая телеграмма Николая: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». «Эта телеграмма, — показывал в чрезвычайной следственной комиссии временного правительства ген. Хабалов, — как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «завтра же»... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «хлеба дать», — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «долой самодержавие», — какой же тут хлеб успокоит? Но что же делать? Царь велел. Стрелять надо» [3]).

27-го февраля на сторону восставших рабочих переходят войска: «К революционному народу начали присоединяться первые восставшие полки: Волынский, Литовский, Павловский, Преображенский. Начавшие восстание обходили другие казармы и снимали

---

[1]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г. Авдеев, «Первые дни Февральской революции», стр. 23. Сравните с показаниями ген. Хабалова: «Падение царского режима», т. I, стр. 189.

[2]) Там же, стр. 26.

[3]) «Падение царского режима», т. I, стр. 190.

солдат. К ним присоединилась часть офицеров. Казаки, которые с самого начала относились нейтрально, разгоняли время от времени толпу, но репрессивных мер не принимали и отдельными частями присоединялись к рабочим. Восставшие солдаты вместе с рабочими взяли арсенал, завладели Петропавловской крепостью» [1].

Последние остатки правительственных войск (впрочем это громко сказано, так как у правительства оставалось не больше 1½—2 тысяч «верных» солдат почти при полном отсутствии патронов) во главе с Хабаловым и прочими военно-полицейскими чинами пытались было забаррикадироваться в Зимнем дворце. Последний был выбран не столько по стратегическим соображениям, сколько «по нравственным». «Если помирать последним верным слугам царя, то именно защищая дворец», — заявил один из генералов [2]. Однако от этой патриотической идеи пришлось отказаться и занять адмиралтейство, которое по своему положению давало возможность обстреливать три улицы: Вознесенский пр., Гороховую и Невский пр., то-есть подступы от трех вокзалов [3]. Войска продержались недолго. Была последняя попытка воспользоваться бронированными автомобилями. По крайней мере, такое предложение Хабалову сделал один из капитанов, но и от этого пришлось отказаться. Вот как передавал об этом в следственной комиссии Хабалов. «Ну хорошо, автомобиль то автомобилем, а кто будет управлять, это лицо будет надежным?» Капитан остановился в затруднении и молчал. — Я говорю: «Если руки, которые будут управлять автомобилем, ненадежные, то мне ваш автомобиль не нужен». «Можно, — говорит, — посадить туда офицеров...» Однако, и это оказалось невыполнимым. В конце концов, забаррикадированному в адмиралтействе отряду не пришлось даже сдаваться. «Войска сами разошлись, — как формулировал в следственной комиссии Хабалов, — просто разошлись, оставив орудия... Сдачи не было...» [4].

Революционные войска и рабочие овладели всеми важнейшими зданиями города, двинулись к тюрьмам, откуда освободили политических заключенных. Между прочим была освобождена и рабочая группа при центральном военно-промышленном комитете. «Руководители этой группы непосредственно из тюрьмы направились вместе с войсками и народом к Таврическому дворцу, где они совместно с представителями профессионального и кооперативного движения и левыми депутатами государственной думы образовали «Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов». Его непосредственной задачей было созвать Совет рабочих депутатов Петербурга, которую он немедленно и выполнил, рас-

---

1) «Пролетарская Революция», № 1 (13), стр. 27—28.
2) См. «Падение царского режима», т. I, стр. 203.
3) Там же.
4) Там же, стр. 206

пространив по столице обращение к рабочим собраться в тот же день, в 7 часов вечера, в Таврическом дворце» [1]).

Революция совершилась. Царское правительство было свергнуто восставшими рабочими и солдатами. Но плодами восстания воспользовалась буржуазия. Мелкая буржуазия во главе с Гвоздевым добровольно передала власть буржуазному временному правительству. Это решение отнюдь не соответствовало действительному настроению масс и тогдашнему соотношению сил. Но только что вышедшее из подполья революционное движение еще не было достаточно организовано, и рабочие массы еще не были готовы, чтобы захватить власть в свои руки. Как указывает Шляпников, в этот момент Петроградский Комитет довольно мало внимания уделял деятельности Совета. Вся энергия Петроградского Комитета в этот момент, все внимание большевиков было направлено на организацию масс. Надо было организовывать массы, начать активную борьбу за установление диктатуры пролетариата.

«Лозунгом момента, — писал Ленин в третьем «Письме издалека», — и накануне новой революции и во время нее и на другой день после нее должна быть пролетарская организация» [2]). В письме к Коллонтай от 16-го марта он писал: «Главное теперь — печать, организация рабочих в революционную с.-д. партию».

Ленин так мало надеялся на возможность работы в условиях милюковско-гучковского режима, что тут же говорит о необходимости нелегальной работы: «Мы, — писал он, — создадим попрежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной» [3]).

Наряду с организацией партии, «первейшей неотложнейшей важности задачей» Ленин считал организацию Советов. Советы «должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти» [4]) — повторял он лозунги, выдвинутые в «Социал-Демократе» еще в октябре 1915 г.

Царизм был свергнут, надо было еще свергнуть диктатуру буржуазии, установленную при непосредственном содействии социал-соглашателей.

Итак, мы рассмотрели рабочее движение с первых дней войны до свержения самодержавия. В первый момент война внесла колоссальную дезорганизацию в рабочее движение. Стачечная борьба почти прекратилась. Лишь с началом военной разрухи в первую половину 1915 г. началось оживление экономической борьбы рабочих против наступающего капитала.

---

[1]) «Пролетарская Революция», № 1 (13), 1923 г. Авдеев, «Первые дни Февральской революции», стр. 28.

[2]) «Ленинский Сборник», ч. 2, стр. 347.

[3]) Там же, стр. 289—290.

[4]) Там же, стр. 348.

Сентябрьская стачка 1915 г. выявила уже достаточную силу и мощность рабочего движения. Попытка буржуазии при помощи социал-предателей овладеть рабочим движением и направить его в буржуазное русло потерпела полный крах. Рабочий класс постепенно освобождался от угара шовинизма. Рабочее движение непрерывно нарастало. Росла и укреплялась партийная большевистская организация. К концу 1916 г. уже вполне наметилось сильное движение против войны и правительства. Значительное усиление хозяйственной разрухи в начале 1917 г. заставило рабочие массы выйти на улицу.

Рабочий класс в союзе с крестьянством и крестьянской армией сверг старый режим. Всем ходом событий пролетариат выдвигается в качестве гегемона революции. Хотя в первый момент, при активном содействии социал-соглашателей, плодами победы пролетариата воспользовалась буржуазия, но непрерывно нарастающее революционное движение при наличии прогрессирующего разложения капитализма, с которым не в состоянии было справиться буржуазное временное правительство, предопределяло неизбежность победы пролетариата и крестьянства и установления пролетарской диктатуры.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

БУРЖУАЗИЯ И ЦАРИЗМ.

Глава восьмая.

ОТ „ЕДИНЕНИЯ С ЦАРЕМ" К ОБРАЗОВАНИЮ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА (1914—1915 г.г.).

> «Не будем делать себе иллюзий.
>
> «Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что, в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации, слились вместе и замечательно «дружно» слились совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с K° к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны, а с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.
>
> «Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по кон'юнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и K°, желавших только смены одного монарха другим».
>
> Н. Ленин. «Первый этап первой революции». «Письма издалека». Собр. соч., т. XIV, стр. 9.

Империализм русской буржуазии.

Выше мы рассмотрели экономику войны, начало разложения капитализма и вызванное хозяйственной разрухой рабочее движение. Теперь нам необходимо остановиться на рассмотрении позиции буржуазии в годы войны.

Позиции буржуазии невозможно понять, не выяснив предварительно тех целей, какие она преследовала в войне, и того значения, какое имела война для русских империалистов.

Конечно, мы не можем здесь хотя бы в тысячной доле исчерпать всю сложность вопроса о русском империализме. Это — задача специальной работы или, вернее, работ.

Нам же нужно остановиться на империализме постольку, поскольку это необходимо для уяснения позиции русской буржуазии во время империалистической войны.

Разумеется, русский империализм имел те же самые корни, что и мировой. Ленин в своей работе об империализме писал: «Не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков:

1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии; 3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [1]).

Русский капитализм в своем развитии значительно отставал от европейского, так как Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. Однако и в России в конце XIX и начале XX века капитализм развивался настолько бурно и быстро и так прочно связывал Россию экономическими нитями с мировым хозяйством, что можно было уже смело говорить о включении ее в общую систему мирового империализма. И действительно, если указанные Лениным основные признаки империализма заполнить конкретным содержанием русской экономической действительности, то окажется, что о России можно смело говорить, как о стране империалистической.

По определению Ленина, основной признак империализма — господство монопольного капитала, предпосылкой которого является высокая концентрация промышленности.

Капитализм в России развивался под непосредственным воздействием и влиянием европейского капитализма. За последнюю четверть XIX века иностранный капитал хлынул в Россию в своей высшей форме — в форме финансового капитала. Россия с быстротой, значительно превосходящей темп развития других капиталистических стран, начала покрываться сетью крупнейших предприятий-гигантов. В отношении концентрации промышленности, несмотря на слабое развитие своей промышленности по сравнению

---

[1]) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма», Собр. соч., т. XIII, стр. 305—306.

с западно-европейской, Россия превосходила не только Европу, но и Америку. Более чем десятилетняя депрессия в России начала XX века особенно способствовала концентрации русской промышленности и созданию в ней монополистических об'единений. Но свое завершение этот процесс получает только в период нового промышленного под'ема накануне войны.

Концентрация русской промышленности, несмотря на общую промышленную отсталость России, была выше, чем даже в Соединенных Штатах.

К 1914 г. количество рабочих в предприятиях с числом рабочих свыше 1.000 чел. составляло в Соединенных Штатах 1.225.000 чел., а в России — 1.300.000 чел. Среднее число рабочих на одно предприятие с числом рабочих свыше 1.000 чел. в России уже в 1902 г. было на 550 человек выше, чем в Америке в 1914 г. (в России — 2.490 чел., в Америке—1.940).

Относительное количество рабочих в крупных предприятиях (свыше 500 человек) в России в 1914 г. составляло 56,5% всех рабочих, а в Соединенных Штатах — 31% общего их числа.

Если даже принять во внимание то, что большое количество рабочих на предприятиях в России определялось низкой техникой русского производства и потому низким органическим строением капитала, все же вышеприведенные цифры говорят за то, что первый признак империализма в России был налицо.

Концентрация русской промышленности сопровождалась теснейшим сращиванием русского промышленного капитала с банковым. Банки монополизировали всю русскую промышленность, особенно же русскую тяжелую индустрию. «Несколько банков, распоряжавшиеся 16 доменными заводами, монополизировали продукцию чугуна в размере 66,8% всей российской выплавки или 99,7% выплавки юга. Эти же банки монополизировали через те же доменные предприятия 54,4% добычи железной руды или 75,4% добычи юга»...

«В таком же положении находилась русская каменноугольная промышленность, в которой монополистический капитал об'единял 63,1% добычи угля Донецкого бассейна, 44,6% всероссийской добычи и 79,8% всех акционерных капиталов, вложенных в южные каменноугольные предприятия».

В нефтяной промышленности «к 1918 г. банковый капитал владел 69,8% всех акций крупнейшего акционерного Бакинского об-ва». «Подобно Бакинскому нефтяному об-ву другие нефтяные компании тоже упрочили свои связи с банковым капиталом в эпоху депрессии и под'ема»... «К 1913 г. т-во «Нобель» представляет собой группу нефтяных предприятий, которыми распоряжается банковый синдикат с «Disconto-gesellschaft» и Петербургским международным банком во главе»... «Пуская глубокие корни в русской нефтяной промышленности, европейский банковый капитал подготовлял организацию нефтяного треста. В 1912 г. этот трест

нашел свое осуществление в лице «Russian General Oil Corporation», организованной в Лондоне» [1]).

То же было и в области добывающей промышленности. «Русская медная промышленность к кануну войны оказалась монополизированной английским банковым капиталом в лице пяти обществ, добывавших в 1913 г. 65,5% всей уральской добычи меди, 88,5% сибирской добычи и 32,8% кавказской, или 56,8% всероссийской добычи». «Параллельно с монополизацией разработки медных руд, английский банковый капитал стремился включить в орбиту своих монополий, по возможности, всю русскую добычу металлов». «Электро-техническая промышленность России была целиком монополизирована германским трестом, возглавляемым немецкими кредитными учреждениями».

И в легкой индустрии к началу войны распространилась система монополистического капитализма. Таким образом, к кануну войны вся Россия вступила в процесс замены конкуренции монополией.

«Параллельно с финансовой реорганизацией предприятий, европейский банковый капитал овладевал русской банковой системой... так что система русского монополистического капитализма представляла собой не обособленную систему, а звено в цепи более развитых монополистических систем Западной Европы» [2]).

Таким образом, «ничто империалистическое» уже «не было чуждо» русскому капитализму, и в XX веке мы уже наблюдаем его участие в «международных монополистических союзах капиталистов» и в «территориальном разделе земли между крупнейшими империалистическими державами» [3]). Россия принимает активное участие в разделе турецкого наследства, азиатских колоний и пр. и пр.

Итак, развитие финансового капитала в России, вступление России в фазу империализма делало неизбежным ее участие в союзе национальных монополистических капиталов.

Однако еще недостаточно установить факт вступления России в фазу империализма для того, чтобы понять ее участие в мировой войне на стороне Антанты против Германии. Для понимания последнего нужно рассмотреть корни ее антагонизма и солидарности с теми или иными империалистическими государствами, т.-е. корни русско-германского антагонизма и союза России с Францией и Англией.

Основным содержанием империалистической борьбы России в начале XX века была борьба с Германией и Австрией, закончившаяся мировой войной. Разумеется, у русского империализма были свои противоречия, и довольно крупные, и с так называе-

---

[1]) Н. Ванаг, «Финансовый капитал в России накануне мировой войны», стр. 72, 122, 132—134.

[2]) Там же, стр. 146—147, 149, 151.

[3]) Н. Ленин, «Империализм», Собр. соч., т. XIII, стр. 306.

ными «союзниками», в первую голову с Англией. Но соотношение сил в Европе было таково, что, несмотря на очевидные противоречия между Россией и Англией, они должны были заключить союз с целью борьбы с Германией, которая в данный момент казалась куда опаснее Англии [1]).

В борьбе против Германии соединились интересы русских аграриев и промышленников. Интересы империалистической России и Германии скрещивались почти во всех точках соприкосновения хозяйственных организмов обеих стран.

Столкновение русского империализма с германским вызывалось такими причинами, как: 1) борьбой русских и немецких аграриев за внутренний немецкий хлебный рынок (борьба вокруг договора 1894 г. и дополнительной конвенции 1904 г.); 2) борьбой русских и немецких промышленников за внутренний русский рынок, захватываемый немецким капиталом; 3) борьбой за внешние рынки и прежде всего за Ближний Восток.

Одно из центральных мест в империалистической борьбе между Россией и Германией занимала борьба русских и немецких аграриев [2]).

Вопрос шел о вытеснении русского хлеба с германского рынка. Еще в 80-е гг., в годы сильнейшего кризиса хлебных цен, резко упавших с конца 70-х годов вследствие массового экспорта из заокеанских стран, немецкие аграрии ввели высокие пошлины (до 50% основной цены) на русский хлеб. Эти пошлины сохранялись по договору 1894 г. и конвенции 1904 г.

Русская рожь пошла в Германию окружным путем через Голландию и другие страны, но вообще экспорт ржи из России из года в год падал, тогда как экспорт из Германии непрерывно возрастал [3]).

Сокращался не только экспорт ржи, но и пшеницы, вытесняемой заокеанской, что, понятно, весьма сильно било русских помещиков, владельцев капиталистических хозяйств.

В этом, между прочим, была одна из причин повышенного империалистического настроения либеральных помещиков, входивших в кадетскую партию, которых, как известно, давала, главным образом, нечерноземная полоса (центрально-промышленный район). Кстати сказать, во время войны именно эта группа помещиков не только не потеряла, вследствие прекращения экспорта (по-

---

[1]) Н. Ленин, «О сепаратном мире». Собр. соч., т. XIII.

[2]) М. Н. Покровский, «Внешняя политика».

[3])

Годы.	Пшеница.		Рожь.	
	Привоз.	Вывоз.	Привоз.	Вывоз.
	В тысячах пудов.			
1909 . . .	4.643,2	314.468,8	6.159,9	35.499,3
1910 . . .	8.197,5	374.590,4	6.442,3	40.538,3
1911 . . .	10.463,6	240.544,7	6.928,5	53.879,2
1912 . . .	5.832,5	161.020,3	5.357,4	30.596,5
1913 . . .	7.953,1	203.255,7	12.047,2	39.469,5
1914 . . .	7.736,2	147.219,7	8.456,5	23.346,1

добно своим южным собратьям), но даже, благодаря близости промышленного района, значительно выиграла от сильного роста хлебных цен, которые здесь были особенно высоки.

Все это империалистически настраивало русских аграриев и капиталистов, заставляя их готовить пушки и пулеметы для подкрепления своих аргументов при предстоящем пересмотре русско-германского договора в 1917 г.

Германофильски могли быть настроены только крайние правые помещики, которые, являясь владельцами полукрепостнических, отработочных и арендных хозяйств, не так уже были заинтересованы в экспорте хлеба и были к тому же связаны узами реакции с прусским юнкерством. Это нам об'ясняет пассивную роль в войне и германофильство двора, о котором так много кричала русская «прогрессивная», т.-е. империалистическая, буржуазия и помещики. Совсем не случайно Вильгельм II в своих воспоминаниях и в пометках на документах накануне войны [1]) высказывает твердую уверенность, что русские придворные круги не допустят до войны.

Не менее характерно, что в своем официальном заявлении о целях войны германская консервативная партия, представлявшая также высшие слои прусского юнкерства, хотя и не отрицала опасности, грозящей со стороны России, и необходимости улучшить свои границы на востоке, но в то же время высказывала надежду, что после войны Россия и Германия возобновят прежнюю давнишнюю дружбу. Останавливаясь же на хозяйственной борьбе с Англией, германская консервативная партия считает, что только уничтожение Англии может удовлетворить Германию [2]).

Однако не следует думать, что в вопросе об экспорте хлеба были заинтересованы только русские помещики.

Особенностью эпохи империализма является то, что развитие финансового капитала постепенно стирает грани между помещиками и буржуазией.

Финансовый капитал, охвативший русскую промышленность, начал подчинять себе и сельское хозяйство, в том числе и хлебную торговлю. Как пишет Бухарин в своей статье «Новое откровение советской экономики», «через банки, через форму «акционерных компаний» промышленники и землевладельцы стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда» [3]).

Это сращивание буржуазии и помещиков дало политическое отображение в создании двух таких буржуазно-помещичьих партий, как октябристы и кадеты, а в годы империалистической войны привело к созданию прогрессивного блока.

---

[1]) «Die deutschen Documente zum Kriegsausbruch», под ред. Каутского.

[2]) D-r. Alf. Lanick, «Klarheit über die Kriegsziele», S. 49. Heidelberg u. Leipzig, 1907.

[3]) «Правда», № 283 (2917) от 12/XII 1924 г.

При тесной связи сельского хозяйства со всем народным хозяйством, в котором оно играло колоссальную роль (половина народного дохода поступала от сельского хозяйства), вполне естественно, что в экспорте хлеба не менее помещиков была заинтересована буржуазия. Известно, какое громадное значение имел экспорт продуктов сельского хозяйства для всего хозяйства страны.

На экспорте хлеба, и не столько помещичьего, сколько крестьянского, держался весь активный баланс и вся финансовая устойчивость русского государства. Значение последней для буржуазии, особенно в эпоху финансового капитала, об'яснять не приходится.

Угроза сокращения экспорта хлеба и создания пассивного торгового баланса являлась гарантией прочного империалистического союза русских аграриев и промышленников.

Как раз за годы, предшествующие войне, в 1911—1913 гг., накануне предстоящего пересмотра русско-германского договора, буржуазная печать непрестанно вопила о том, что Германия забивает русский хлеб, что русский хлебный экспорт непрерывно падает, что это невыгодно для всей России.

Довольно характерно, что автором ряда таких статей являлся крупнейший представитель русского промышленного и финансового капитала — Крестовников [1]).

Промышленная буржуазия, выступая на защиту интересов сельского хозяйства, заявляла, что вообще неправильно противопоставлять интересы сельского хозяйства интересам промышленности.

«Земледелие и промышленность, — писал журнал «Промышленность и Торговля», — составляют одно целое... потому то противоположение промышленности земледелию, которое так часто встречается в нашем обществе... должно исчезнуть... этого требует правильное понимание экономических интересов России» [2]).

Журнал в данном случае отражал интересы всей русской буржуазии, заинтересованной в увеличении, а не в уменьшении хлебной торговли, в целях создания активного баланса.

Империалистические цели создавали тесный блок между промышленниками и аграриями.

Помимо вопроса о хлебном экспорте, интересы «русского» империализма сталкивались с германскими прежде всего в борьбе за русский рынок. Германский капитал выступал в России в качестве импортера товаров — и импортера, находящегося в особо благоприятных условиях — благодаря договору 1894 г., подтвержденному в 1904 г.

Суть договора 1894 г. и конвенции 1904 г. заключалась в том, что путем частичных уступок русскому хлебному экспорту Гер-

---

1) Журнал «Промышленность и Торговля». 1911 г., № 7 (79).

2) Там же, 1912 г., № 7 (103).

мания облегчила себе ввоз в Россию продуктов своей промышленности и вывоз из России необходимого сырья. Допущение германских товаров на русский рынок вызывало среди русских капиталистов вопль о «немецком засилии». Поэтому еще до войны русская буржуазия усиленно готовилась к пересмотру германского договора, в целях уменьшения экономической зависимости от Германии.

Для настроений империалистической буржуазии очень характерна речь Крестовникова 3-го апреля 1912 г. в заседании выборных московских биржевых обществ в присутствии министра финансов Коковцева. Это была своего рода программа, которую русские империалисты поручали провести правительству. Отметив «повышение ввоза из-за границы продуктов и товаров иностранного происхождения», Крестовников приходил к выводу, что «из ввоза к нам из-за границы едва одну треть составляет стоимость тех продуктов, которые Россия по своим климатическим условиям не могла бы производить у себя».

Главную причину этого бедствия Крестовников усматривал в «невыгодных договорах с другими странами, которые (подразумевается — Германия) предусмотрительно направили свои усилия на то, чтобы ограничить промышленное развитие России, выговорив в свою пользу такие тарифные ставки, при которых Россия является для них обеспеченным рынком сбыта... Сроки этих договоров истекают в период деятельности государственной думы (четвертого созыва. — *Б. Г.*)... При современной напряженности экономической борьбы между странами потери от неудачно заключенных договоров превышают известные до сего времени миру военные контрибуции» [1].

Конечно, ни для кого не было секретом, что это «освобождение от экономической зависимости», получившее во время войны образное название «борьбы с германским засилием», может потребовать и вооруженного вмешательства. Правительство и вся буржуазия усиленно готовились к войне, не только приводя в боевую способность армию, но и подготовляя союзы с другими государствами.

Однако интересы русских помещиков и капиталистов в империалистической борьбе не ограничивались германским хлебным или внутренним русским рынком — они распространялись до пределов Балканского полуострова и Турции.

Помимо того значения, которое имел ближне-восточный рынок для русской промышленной буржуазии, существенное значение приобретал вопрос о «ключе от русских дверей» [2], т.-е. вопрос о проливах, поскольку основная масса русского хлеба, и прежде всего пшеница, шла через черноморские порты.

---

[1]) Журнал «Промышленность и Торговля», 1912 г., № 8 (104).
[2]) Сборник «Великая Россия», кн. I, ст. Струве.

Стремление овладеть «ключом к русским дверям», или вернее «ключом» к южной Европе и Малой Азии, составляло гвоздь империалистических стремлений русских аграриев и промышленников на Ближнем Востоке. Владея Константинополем, русский помещик, по выражению М. Н. Покровского, зажал бы в кулак своих европейских конкурентов, прежде всего Придунайскую монархию, Болгарию и Румынию.

В этом были заинтересованы не только экспортеры зерна, но и экспортеры сахара, которым приходилось выдерживать жестокую конкуренцию с Австро-Венгрией на том же Балканском полуострове.

Конечно, вопрос шел не о «свободном» проходе через проливы, а об овладении ими. Как выражается М. Н. Покровский, «для этой «свободы» нужно было, чтобы берега были под тем же флагом, под которым плавают корабли».

Когда, например, во время войны начались переговоры с союзниками о передаче России проливов, то, как известно, союзники отнеслись к этому довольно прохладно: они предпочитали русскому овладению проливами их нейтрализацию. Понятно, как это должно было волновать русских империалистов. Дворяне, собравшиеся в 1915 г. на свой XI с'езд, завопили о том, что союзники «не то, что не хотят дать России ключ от дверей собственного дома, а совсем хотят снять двери» [1].

В своих мемуарах «Императорская Россия в эпоху войны» бывший французский посол М. Палеолог пишет: «Все лица в Москве, имевшие возможность разговаривать с государем, говорили ему о Константинополе и выражались, приблизительно, следующим образом: «Приобретение проливов есть насущнейшая потребность России, является значительно важнейшей, чем все территориальные преимущества, которые могли бы быть получены в случае разгрома Германии и Австрии. Нейтрализация Босфора и Дарданелл представляла бы собой неполное, неестественное и полное опасности в будущем разрешение вопроса. Константинополь должен быть русским городом. Черное море должно обратиться в русское озеро».

«Приехавший с юга французский промышленник сообщил мне, что все настроены в том же направлении. Но если в Москве это положение вытекает, главным образом, из исторических, политических и, быть может, мистических (!) предпосылок, — в южной России преобладают коммерческие соображения. Здесь движущим стимулом к овладению Дарданеллами являются хлеба черноземной полосы и донецкий уголь».

Вопрос о проливах накануне войны занимал исключительное внимание русского империализма. «Ближне-восточные проливы, — писал журнал «Промышленность и Торговля» в декабре

[1]) См. XI с'езд дворянских обществ. Протоколы.

1912 г. [1]), — один из важнейших в мире торговых путей. Торговая свобода последних необходима с точки зрения международного товарообмена. Для нас она представляет исключительную важность... Страна не может жить под постоянным страхом, как бы «ключ от входной двери» в наше жилище, выпав из слабых турецких рук, не очутился в чужих сильных руках, которые будут вольны по своей прихоти казнить нас или миловать».

Единственный вывод, который можно было отсюда сделать, — это тот, что нужно самим стать хозяевами «ключа». Точно такую же мысль проводил «веховский» сборник «Великая Россия», откровенно признавая, что вопрос идет не о свободе, а о владении, почему он может разрешиться не путем мирных договоров, а только путем оружия.

«Вообще, — писал он, — нельзя не признать, что мечты о разрешении вопроса о проливах в нашу пользу мирным договорным путем едва ли принадлежат к области реальной политики... В случае обращения к державам, те из них, которые соглашаются, делают это лишь по уверенности, что этому помешают другие» [2]).

Как мы уже отмечали выше, владение Константинополем и проливами означало владение всем ближне-восточным рынком, в чем русский империализм был более чем заинтересован.

На Ближнем Востоке русскому капиталу приходилось выдерживать жестокую конкуренцию прежде всего с Германией и Австрией.

Внимание буржуазии к Ближнему Востоку особенно усилилось после аннексии Боснии и Герцеговины Австрией [3]) и после Балканских войн 1911—1913 гг. [4]). Когда начался дележ турецкого наследства, естественно, должны были притти в движение такие крупнейшие претенденты на него, как Россия и Австрия.

Из турецкого наследства Россия претендовала на приобретение в полное обладание России не только Босфора и Дарданелл, вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, «чтобы обеспечить защиту проливов», но также и на захват турецкой Армении и прочих владений Турции, о чем откровенно писали кадеты в сборнике «Чего ждет Россия от войны».

Помимо борьбы с Австрией и Германией на Ближнем Востоке за раздел турецкого наследства, — борьбы, которая в настоящее время прекрасно освещена опубликованными документами [5]), Россия претендовала и на земли самой Австрии и Германии. Пред-

---

[1]) Журнал «Промышленность и Торговля», 1912 г., № 24 (120).

[2]) Сборник «Великая Россия», т. II, стр. 328.

[3]) Стенографические отчеты 3-й государственной думы, сессия II, стр. 2677. Речь Милюкова.

[4]) 4-я государственная дума, сессия I, отчет фракции народной свободы, стр. 40.

[5]) См. сборники документов, изданные НКИД: «Русско-французские отношения» и «Ближний Восток».

метом вожделений русского империализма была Восточная Галиция — «Угорская Русь» — Западная Галиция и Познань.

Эти империалистические вожделения прикрывались «высокоидейными» соображениями о необходимости «воссоединения славянских народностей», «восстановления Польши» и т. д. На самом же деле вопрос шел об овладении экономически богатыми районами. В Галицию Россию тянули не столько русские народности, сколько выработка в громадном количестве сахара, вывозом которого Австро-Венгрия побивала Россию на Ближнем Востоке. Недаром во главе панславистского движения стоял крупнейший сахарозаводчик, граф Бобринский.

Итак, мы видим, что корни русско-германского и русско-австрийского конфликта шли по линии основных противоречий империалистических держав, по линии «борьбы за рынки», за сферу приложения капиталов и, главным образом, «за территориальный захват колониальных и полуколониальных стран».

Однако не следует думать, что у русского империализма не было антагонизма с Францией и Англией. Как мы уже отмечали, в вопросе о проливах и дележе турецкого наследства интересы России непосредственно сталкивались с интересами Англии. Имеющаяся в архивах и уже опубликованная Народным Комиссариатом Иностранных Дел переписка о переговорах с союзниками во время империалистической войны о дележе турецкого наследства показывает, каких громадных трудов стоило русской дипломатии добиться согласия Франции и особенно Англии на аннексию Россией Босфора и Дарданелл. Это согласие было куплено ценою согласия России на оккупацию Францией и Англией территории западной Германии и германских колоний.

«Наряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии, — писал Ленин, — существует не менее, если не более глубокое столкновение между Россией и Англией... Задача империалистической политики России, определяемая вековым соперничеством и об'ективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем, при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая» [1]).

Уже отсюда видно, почему в мировой империалистической войне Россия выступила на стороне «союзников». Кроме того, решающее значение в союзе русской буржуазии с французской и английской имела тесная связь русского финансового капитала с капиталом этих стран.

Как мы уже указывали, русская промышленность весьма условно могла быть названа «русской», так как туземный капитал

---

[1]) Н. Ленин, «О сепаратном мире». Собр. соч., т. XIII, стр. 387.

играл в ней роль значительно меньшую, чем иностранный. Россия служила колоссальным полем приложения иностранного капитала. Франко-бельгийский и английский капиталы играли главную роль, благодаря большому числу предприятий, основанных в России; французский же капитал имел значение, как кредитный прежде всего. На этом основывалась взаимозависимость русского царизма и союзнической буржуазии, взаимозависимость кредитора и должника.

Какую громадную роль играл капитал Антанты в русской промышленности, иллюстрирует приводимая ниже таблица.

По данным о национализированных предприятиях иностранные капиталы в предприятиях, работавших в России (находящихся ныне на территории С. С. С. Р.), распределялись по отдельным странам следующим образом:

	Тысяч рублей.
Французские	648.089,7
Английские	500.563,7
Германские	317.475,5
Бельгийские	311.812,4
Американские	117.750,0
Голландские	36.450,7
Швейцарские	31.666,7
Шведские	16.646,7
Датские	14.537,7
Австрийские	5.900,0
Норвежские	2.300,0
Итальянские	2.10[illegible],2
Финляндские	2.000,0

Таким образом на долю французских и английских аннулированных капиталов в банковых, промышленных и торговых предприятиях приходится 1.148.653,4 тыс. рубл. или 57,2%, а на долю всех стран, входящих в состав Антанты, — 1.580.322 тыс. рубл. или 78,7%. На долю же германских и австрийских капиталов приходится 323.375,5 тыс. рубл. или 16,1%, а на долю остальных стран — всего лишь 103.607,8 тыс. рубл. или 5,2% [1]).

Значение иностранного капитала в России определялось не только его фактическим участием в предприятиях, но еще в большей степени той громадной ролью, которую приобретают в эпоху финансового капитала банки.

Имея долю участия в предприятиях, банки фактически подчиняют себе все производство.

Мы уже видели, что вся русская промышленность находилась в подчинении у банков, *русская же банковая система находилась в полном подчинении у англо-французского капитала.*

Французские банковые об'единения накануне войны являлись почти полными монополистами русской металлургии, распоряжаясь

[1]) П. В. Оль, «Иностранные капиталы в России».

обществами, основной капитал которых равнялся 67,5% капиталов всех предприятий, находившихся в распоряжении банков, возглавляя нелегальный металлургический трест и руководя синдикатом «Продамет». Парижские банки являлись полными распорядителями русской угольной промышленности, подчинив себе общества, капитал которых составлял 75% капитала предприятий всех банковых групп, возглавляя синдикат «Продуголь»; точно так же французские банки вместе с английскими являлись монополистами в русской нефтяной промышленности [1]) и в других отраслях.

Если принять во внимание процент союзнического капитала в России, станет ясно, что в борьбе с Германией русская буржуазия защищала не только свои интересы, но и интересы Англии, Бельгии и особенно Франции, с которой она была связана толстыми золотыми нитями.

Поскольку так называемые союзники выступали в России, как импортеры капиталов, вполне понятно, что интересы как туземных, так и иностранных предпринимателей в России солидаризировались в борьбе против германской товарной интервенции.

Импорт товара всегда вызывает враждебность туземной буржуазии к импортирующей стране, и, обратно, импорт капиталов как производственных, так особенно кредитных, который пронизывает все поры туземного производства, подчиняет туземную буржуазию стране, экспортирующей капиталы. В конкурентной борьбе мировых империалистических держав импорт капиталов в определенную страну в виде ли займа, в виде ли постройки железных дорог всегда означал вовлечение данной страны в сферу влияния страны, экспортирующей капиталы.

Таким образом, поскольку громадный процент имевшихся на территории России банков, значительная часть акций русских предприятий, а также векселей русского правительства и русской буржуазии находились в руках англо-франко-бельгийского капитала, постольку это являлось гарантией надежнейшего союза между ним и русской буржуазией. Естественно, что союзническая буржуазия выступала застрельщиком борьбы против германского засилья, против немецкой товарной интервенции.

На русском рынке товаров и капиталов развертывалась конкурентная борьба мировых империалистических держав.

Вот в этом-то корень союзнической ориентации русской империалистической буржуазии, корень ее особых симпатий к странам «передовых демократий», как любили выражаться русские буржуа и их мелкобуржуазные попутчики. Союз с Францией и Англией был необходимым условием борьбы с Германией. Соотношение сил было таково, что цели русского империализма не могли быть осуществлены без мировой войны.

---

1) *Ванаг*, «Финансовый капитал в России», стр. 152.

Наряду с материальной подготовкой к войне, буржуазия уделяет место и идеологической ее подготовке. Идеологом русского империализма выступает партия, тесно связанная с русским финансовым капиталом и тем самым с европейским империализмом — партия конституционных демократов — кадетов. Кадеты выступают застрельщиками империализма и идеологически обосновывают великодержавную политику России. Накануне войны в 3-й и 4-й думе буржуазные партии исключительное внимание уделяют вопросам обороны страны и созданию необходимых условий для ведения войны [1]).

Кадетские литераторы не устают трубить об интересах России на Ближнем Востоке, о необходимости для России завоевания Дарданелл.

Милюков не раз в печати и с думской трибуны (особенно в период Балканских войн 1912—1913 гг.) призывал правительство к агрессивной политике на Ближнем Востоке, доказывая, «что для защиты русских интересов на Ближнем Востоке наступил благоприятный момент, пропустить который нельзя».

Во время войны русский национал-либерализм выступает главным застрельщиком борьбы буржуазии с царизмом, не умеющим организовать обороны и пытающимся пойти на заключение сепаратного мира. То громадное значение, которое имела война для осуществления целей русского империализма, предопределяло позицию русской буржуазии во время войны, ее стремление во что бы то ни стало довести войну до «победного конца».

Буржуазия в первые дни войны.

Показателем настроения буржуазии в первые дни войны может служить торжественное заседание государственной думы 26-го июля 1914 г. Кадетский лидер Милюков заявил на этом заседании, что только в результате войны должно наступить «окончательное разрешение нашей (т.-е. буржуазной. — *Б. Г.*) вековой национальной задачи: выхода к свободному морю, без которого не может быть закончено строение великого государственного организма, без которого организм этот будет постоянно потрясаться судорогами нарушенного обмена и не выйдет из чужой зависимости». В противном случае, по словам Милюкова, должен был произойти «окон-

---

[1]) См., напр., сборник «Великая Россия», т. I, стр. 88, 174, 175. Гучков, Речи по вопросу о государственной обороне и об общей политике. Стенографические отчеты 3-й государственной думы, сессия III, ч. 2-я, стр. 1361—1362. Стенографические отчеты 3-й государственной думы, сессия II, ч. 3-я, стр. 1022—23. Стенографические отчеты 3-й государственной думы, сессия III, ч. 3-я, стр. 1422—1475, 1477—8. Стенографический отчет 3-й государственной думы, доклад бюджетной комиссии, сессия V, т. II, стр. 542. Стенографические отчеты 3-й государственной думы, сессия IV, ч. 3-я, стр. 908, 909, 911, 912, 914.

чательный захват центральными государствами Европы сплошной территории от Дуная до Персидского залива, с окончательным стеснением нас в тот заколдованный континентальный круг, из которого вывела нас сильная рука великого создателя Петербурга». «Господа, — продолжал патетически Милюков, — в этой войне все наше прошлое и все наше будущее, и этим, я думаю, все сказано» [1]).

Само собой разумеется, что для масс буржуазия должна была выдвинуть более подходящие причины войны, чем ее стремление к голому захвату. «Наше дело, — говорил кадетский оратор в том же заседании, — правое дело; мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства — от германского преобладания, всего мира — от невыносимого гнета постоянно растущих вооружений, разоряющих мирных тружеников и вызывающих все новые и новые вооруженные столкновения» [2]).

Единственно, что омрачало настроение буржуазии в первые дни войны, это — невыясненность позиции Англии, невыясненность, которая существовала только для широких кругов; для правительства и руководящих кругов буржуазии эта позиция была совершенно ясна. Когда же Англия выступила против Германии, налет некоторой паники немедленно слетел, патриотический под'ем достиг высших пределов. К царскому престолу посыпались бесчисленные телеграммы с выражением верноподданнических чувств от всевозможных буржуазных организаций. В первые дни войны буржуазия в буквальном смысле слова ползала перед царем на коленях: вспомним выход царя к толпе в Петербурге у Казанского собора в первые дни войны. Московское буржуазное студенчество на призыв в войска ответило патриотическими манифестациями. «Студенты выслушивали патриотические речи градоначальника и, стоя на коленях, пели «боже царя храни».

Ввиду грандиозных задач и возможностей, которые открывались для буржуазии с началом войны, она готова была отложить всякие внутренние счеты в интересах сохранения гражданского мира. Последний теперь ей был нужен более чем когда-либо, тем более, что сильнейший под'ем рабочего движения накануне войны создавал угрозу повторения революции 1905 г. Поэтому буржуазия с такой радостью ухватилась за брошенный правительством лозунг «единения царя с народом», т.-е. с буржуазией. Либеральная печать помещала восторженные статьи по поводу царского манифеста с призывом к населению — «в грозный год испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его народом!» — «Своим подлым нападением, — писала «Речь», — они (т.-е. немцы) заставили Россию встрепенуться, они об'единили ее от края до края и обратили ее

---

[1]) 4-я государственная дума. Отчеты фракции народной свободы. Военная сессия от 26/VII 1914 г. — 3/IX 1915 г., стр. 8.

[2]) Там же, стр. 67.

в несокрушимую скалу. В три дня образовалась титаническая спайка с единой мыслью, с единым чувством. Счастлив тот, кто живет в эти великие исторические дни» [1]). Буржуазия надеялась, что внешняя опасность и общность империалистических целей и устремлений сблизит царскую власть с «прогрессивными элементами страны» и что война явится толчком к «оздоровлению власти», ее приспособлению для осуществления политики буржуазной оппозиции. Поэтому буржуазная оппозиция в первые месяцы войны стушевалась. В торжественном заседании государственной думы 26-го июля 1914 года представитель фракции народной свободы заявил, что хотя «фракция и не изменила своих взглядов на необходимость обновления России, но в эту минуту иная задача грозная и величественная (!) стоит перед нами... Мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, в этой борьбе мы все заодно: мы не ставим условий и требований — мы просто кладем на весы нашу твердую волю одолеть насильника».

Действительно, демонстрацией буржуазного и помещичьего единства служило уже само торжественное заседание думы. Последнее, по словам буржуазии, «явилось грандиозным проявлением национального (т.-е. буржуазного. — *Б. Г.*) единства». «Такого энтузиазма, — пишет в своих воспоминаниях депутат 4-й думы С. Шидловский, — конечно, никогда ни раньше, ни позже не было».

Обстановка первых дней войны еще могла создать иллюзию у буржуазии, что правительство сумеет осуществить стоящие перед ним военные задачи. Как известно, в первые месяцы война велась с переменным успехом. Согласно плана германского генерального штаба, в первый момент главный удар германских армий должен был быть направлен против Франции. Это и дало возможность русским войскам в течение первого полугодия войны не только задержать немцев от вторжения в Польшу, но и занять Галицию до предгорья Карпат на юге и границ Силезии на севере. С захватом Галиции осуществились давнишние вожделения русских сахарозаводчиков.

Весьма удачно развивались операции и против Турции, выступившей в конце октября 1914 года на стороне центральных держав. В конце декабря и начале января русские нанесли решительное поражение туркам под Саракамышем и откинули их к Эрзеруму. Успехи русского оружия достигли своего зенита к началу марта, когда был взят Перемышль и австрийцы в некоторых местах были оттеснены за карпатские перевалы. Одновременно союзники усиленно форсировали Дарданеллы, окрыляя русских помещиков перспективами сбыта русского хлеба, кстати сказать, в большом количестве сосредоточенного, в расчете на это открытие, в южных портах.

Внутренняя обстановка первых месяцев войны также не нарушала общего радужного настроения господствующих классов.

---

[1]) «Речь» № 194, 23/VII 1914 г.

В этом отношении решающую роль сыграл резкий упадок рабочего движения. Казалось, гражданский мир начинал осуществляться. «Забвение внутренних распрей», «об'единение от края до края» — вот те лозунги, которые казались буржуазии осуществленными на основании опыта первых дней войны. Немалое содействие в этом оказали буржуазии социал-соглашатели. Буржуазная пресса трубила о развале Интернационала и с большой похвалой рекламировала поучительный пример «разумного отношения к войне» заграничной социал-демократии. Кадеты ликовали по поводу того, что даже «эмиграция» и та была за поддержку войны. (Большевиков пока в расчет не принимали.) Милюков с упоением цитировал Плеханова, по словам Милюкова, «с обычным своим искусством» доказывавшего «разницу между английским империализмом и германским, между войной оборонительной и наступательной», «доказывавшего с этой специфически марксистской точки зрения (действительно «специфически марксистской»!— *Б. Г.*) тождественность победы Германии с победой реакции».

Однако патриотическое настроение буржуазии, ее консерватизм в первые дни войны питались не только этими причинами. Как мы говорили выше, издержки войны всей своей тяжестью ложились на трудящиеся массы, а военные прибыли целиком шли в карман буржуазии за счет разорения этих масс. Получение больших военных прибылей было само по себе вполне достаточно для создания патриотического настроения буржуазии.

Первые конфликты оппозиционной буржуазии с царизмом.

Однако «единение царя с буржуазией» так же быстро кончилось, как и началось. Если кадетский Магомет и готов был итти к правительственной горе, то правительственная гора не обнаружила ни малейшей склонности итти к кадетскому Магомету [1]).

Каково было разочарование буржуазных политиков, когда перед открытием «исторического заседания государственной думы» 26-го июля 1914 года собравшийся в кабинете Родзянко совет думских старшин с изумлением узнал от него, что правительство имеет в виду не созывать думы до ноября 1915 г. Подобное решение правительства обескуражило патриотически настроенную буржуазию. «Мы никак не хотим верить, — писала «Речь» 27-го июля 1914 г., — чтобы речь могла итти серьезно о подобном плане. Такая мера стояла бы в слишком резком противоречии с намерением поддержать и укрепить «единение царя с народом». Депутация из 7 членов государственной думы отправилась к главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину, который ближе всех других царских министров стоял к буржуазии, и просила его немедленно доложить совету министров о протесте членов думы против не роспуска, что тот и

созыва

---

[1]) Общие причины конфликта буржуазии с царизмом — см. введение.

обещал сделать. На этот раз правительство пошло на уступки. В результате переговоров был назначен срок созыва думы не тот, на котором настаивали депутаты, т.-е. 15-го октября 1914 г., но все же гораздо более ранний, чем предположенный вначале, именно не позднее 1-го февраля 1915 г.

Однако на этом инциденте дело не остановилось. И в дальнейшем накоплялось все больше и больше недовольства в среде буржуазии, которое нарушало настроение медовых месяцев войны. Как доносит начальник московского охранного отделения от 4-го сентября 1914 года, — «после известного исторического заседания государственной думы в общественных кругах царила твердая уверенность, что правительство ответит на патриотический под'ем каким-нибудь либеральным актом. После воззвания верховного главнокомандующего к полякам со дня на день ожидали подобного же акта в отношении евреев и финляндцев. Затем настойчиво стали говорить об амнистии и вообще о ряде мер, направленных к «примирению с обществом». Когда все эти ожидания не сбылись, в радикальных кругах общества стало нарастать раздражение, сперва глухое, а в последнее время все более открытое». Это раздражение еще больше обострилось, когда выяснилось, что правительство не собирается созвать государственную думу и проводит ряд крупнейших законодательных мер в порядке 87 ст. основных законов. Буржуазия особенное неудовольствие выражала по поводу тех мер, которые непосредственно затрагивали ее карман и интересы, как это было, например, с законом о подоходном налоге.

Так, например, московская охранка сообщает: «особенно недопустимым — об этом говорят в самом решительном тоне — в кадетских кругах считают проведение в таком порядке закона о подоходном налоге». Наконец, «острое раздражение вызвали известия о том, что законодательные предположения, касающиеся Финляндии, не только не сняты с очереди войной, но, наоборот, неуклонно проводятся в спешном порядке». Эти законы были проведены вопреки желанию буржуазной оппозиции. «Вся совокупность этих фактов, — заканчивает доклад московская охранка, — резко изменила настроение тех кадетских кругов, которые вначале надеялись, что после исторического заседания государственной думы открывается новая страница в истории отношений правительства и общества. Полное разочарование и нараставшее раздражение стали выливаться в речах на тему, что против подобной тактики правительства необходимо так или иначе протестовать. Не указывалась конкретная форма протеста, но мысль о необходимости протестовать, познакомить правительство со складывающимся настроением общества стала пускать корни. Замечательно, что подобные толки были не только в среде кадетов, но и в среде левых октябристов, которых кадеты стремились и стремятся заразить тем же настроением». Буржуазия начинала

подумывать об обращении к верховной власти с «всеподданнейшим адресом» [1]).

Первые симптомы роста оппозиционности буржуазии проявились на январской сессии государственной думы. Однако по политическим соображениям лидеры буржуазных партий решили воздержаться от каких бы то ни было открытых выступлений. Начальник московского охранного отделения от 10-го января 1915 г. [2]) доносит, что «накануне открытия думской сессии, в первых числах сего января, в Петрограде состоялось совещание членов центрального и петроградского комитетов конституционно-демократической партии с участием представителей от местных комитетов партии, находившихся в то время в Петрограде, на каковом совещании обсуждался вопрос, были ли бы по условию момента целесообразными оппозиционные выступления от имени партии в государственной думе при ожидающемся ее открытии к началу февраля с. г. В Москве этот вопрос обсуждался в местном комитете партии 1-го сего января. Ответ на предложенный вопрос был вынесен повсюду отрицательный, и постановлено не делать от имени партии оппозиционных выступлений, так как это, по общему мнению, произвело бы в широких кругах (буржуазии. — *Б. Г.*) неблагоприятное впечатление и скомпрометировало бы партию. Против каких бы то ни было открытых оппозиционных выступлений высказались и другие буржуазные партии, прогрессисты и октябристы». Буржуазия в эти месяцы еще надеялась на путь закулисных переговоров с правительством и не хотела нарушать столь необходимого ей в этот момент единства. Речи буржуазной оппозиции во время январской сессии были специально предназначены для «внешнего употребления» — для поддержки патриотической шумихи. «6 месяцев назад, — заявил Милюков, — мы дали нашим воинам обет свято хранить, как зеницу ока, как величайшее национальное сокровище, духовное единство страны — залог моральной силы страны. Теперь, как и тогда, мы выполняем не жест политика, а твердое решение гражданина, свободное и независимое от какого бы то ни было решения власти» [3]). «Работа думы — по словам ликвидаторского «Наше Дело» [4]) — проходила под лозунгом единства. Элементы критики проскальзывали только мимоходом, в виде замечания вскользь с оговоркой о нежелании вдаваться в более подробную оценку и критику существующего».

Но если в своих декларативных речах в думе, предназначенных для одурачения широких масс, буржуазные партии,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив, дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, 1914 г. Донесение от 4/IX 1914 г.

[2]) Там же, 9-е делопроизводство, № 27, ч. 46, л. 8, вх. 1082. Донесение от 10/I 1915 г.

[3]) Стенографические отчеты 4-й государственной думы, заседание от 27/I 1915 г.

[4]) «Наше Дело», 1915 г., № 2, ст. Череванина, «Вопросы внутренней жизни».

по выражению отчета кадетской фракции, «лишь в беглых намеках» касались как вопросов общеполитических, так и связанных с ведением военных действий, то в закрытых заседаниях бюджетной комиссии в январе 1915 г. они имели полную возможность открыто высказать свое подлинное настроение. Однако это настроение было пока что сдержанным.

Военные поражения и начало мобилизации промышленности.

Позиция буржуазной оппозиции меняется с весны 1915 г., когда начались первые крупные поражения царских армий и наступил хозяйственный кризис в связи с перебоями в работе транспорта, вызванными беспорядочной эвакуацией и массовыми воинскими перевозками.

Весною немцы развернули против России громадные военные операции, для которых они перебросили значительные силы с западного фронта. 18-го апреля, с ураганным огнем, на который русская артиллерия, не имевшая снарядов, была бессильна отвечать, армия генерала Макензена прорвала русский фронт на Карпатах. Наступление немцев, постепенно развиваясь, охватило весь громадный фронт от Балтийского моря и до границ Румынии. 25-го апреля была взята Либава, что создавало прямую угрозу Риге, а тем самым и всей Прибалтике, но главные события развернулись в Галиции. 20-го мая австрийцами был занят Перемышль. 9-го июня был оставлен Львов. Русские армии, не имея снарядов и патронов, отступали в панике.

После некоторой передышки в конце июня, немецкое наступление с новой силой началось в июле — августе.

В течение июля были оставлены все польские крепости, 23-го июля русские войска эвакуировали Варшаву. Вместе с занятием Польши началась оккупация Прибалтийского края и Литвы. 26-го июля германский флот вошел в Рижский залив. 5-го августа было занято Ковно, 10-го — Оссовец, 19-го — Гродно и Луцк, 5-го сентября — Вильно.

Положение царских армий становилось критическим. Из царской ставки и из министерства иностранных дел полетели вопли о помощи к союзникам. С первой половины сентября начались крупные бои на французском фронте в районе Шампани. Германия должна была перебросить значительную часть войск с востока на запад. Россия получила временную передышку, и к первой половине сентября наступление немцев приостановилось. Началась затяжная позиционная война.

Виновником военных поражений выставлялось царское правительство, не только не умевшее обеспечить армию снарядами, но, по представлениям оппозиционной буржуазии, не желавшее это сделать. Помимо поражений и угрозы проигрыша войны, фабриканты и заводчики не могли простить правительству отказа в выдаче военных заказов, добиваясь которых, им приходилось

обивать пороги правительственных учреждений. Громадную революционизирующую роль, помимо военных поражений, сыграло усиление хозяйственной разрухи. Стремительная эвакуация забила весь подвижной состав железных дорог и спутала планы перевозок. Заводы начали остро ощущать недостаток подачи сырья и топлива. Подымается вопль об упорядочении перевозок и регулировании снабжения предприятий, работающих на оборону. Все это вместе взятое — военные поражения, обострение хозяйственной разрухи уже сами по себе служили достаточной причиной для роста оппозиционности буржуазии летом и осенью 1915 года. К этому прибавилась еще угроза сепаратного мира, о чем более подробно мы будем говорить далее.

Военные поражения заставили буржуазию усиленно добиваться проведения так называемой мобилизации промышленности с целью улучшения снабжения армии, что одновременно дало бы ей возможность с наибольшей полнотой использовать все выгоды военной кон'юнктуры. Летом 1915 года были значительно расширены функции еще ранее организованных земского и городского союзов и образованы военно-промышленные комитеты.

Деятельность военно-промышленных комитетов и земского и городского союзов мы рассматриваем в главе о политической позиции буржуазии, а не в главе о регулировании хозяйства, именно потому, что их регулирующая роль была скорее потенциальной, чем реальной. Как мы увидим далее, в известной мере за это урегулирование и развертывалась борьба между буржуазией и царизмом. Буржуазные организации, являясь экономическими организациями прежде всего, представляли собой в то же время политические организации крупного капитала, вокруг которых и сосредоточивалась вся эта борьба.

Военно-промышленные комитеты возникли в середине 1915 г. как об'единяющие центры по работе буржуазии на оборону. Эта работа началась с первых же дней войны. Но вначале она не могла развернуться в достаточно широком масштабе и ограничивалась размером потребностей армии, так как в первое время после открытия военных действий война велась преимущественно за счет накопленных еще в мирное время военных запасов и отчасти за счет несколько усиленной деятельности военных заводов.

Однако очень скоро старые запасы истощились, а военные заводы оказались не в состоянии удовлетворять неимоверно возросший спрос на военное снаряжение. Нужны были основательные поражения на фронтах, уничтожившие колоссальное количество военного снаряжения, чтобы буржуазия могла пред'явить правительству требования на заказы «для нужд обороны».

Такой переломный момент, с которого начинаются (в смысле барышей) золотые дни буржуазии, наступил весной 1915 г. Отступление из Галиции обнаружило, с одной стороны, неспособность царского правительства вести войну, а с другой — вскрыло колоссальную потребность армии в военном снаряжении и прежде

всего в снарядах. Известно, какой шум подняла буржуазная пресса вокруг недостатка снарядов. В этом сказывалось не только опасение за успешное ведение войны, но и стремление с наибольшей полнотой использовать спрос на военное снаряжение, в целях расширения деятельности частных предприятий. Буржуазия не могла простить правительству не только тех колоссальных жертв, которые были понесены армией из-за недостатка снарядов, но и угрозы поражения и краха своих империалистических целей, а также потери тех барышей, которые она могла бы получить на производстве снарядов. Отсюда — требования буржуазии мобилизовать промышленность и приспособить ее к работе на оборону. Буржуазия, по словам одной записки охранки, «добивается участия прежде всего в организации того очередного дела, в котором обнаружилась опасная для армии недостаточность бюрократических приемов — в деле снабжения армии снарядами».

Буржуазия хочет выступать «не в качестве помощника бездарного и неспособного к выполнению своей задачи старого режима, а в качестве организатора обороны». Стремление наладить оборону, подогреваемое перспективой громадных прибылей, вызывало у буржуазии исключительную инициативу. «Надо, не медля ни одной минуты, — писало «Утро России» [1]), — мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны... Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы на те предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине так же ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях».

Положение на фронтах было таково, что и само правительство вынуждено было пойти навстречу этим мобилизационным настроениям буржуазии. Как говорил в думе докладчик комиссии по военным и морским делам (земец-октябрист Савич), «приблизительно, в середине мая, когда выявились наши неудачи на галицийском фронте, повидимому, на верхах нашей военной администрации возникла большая тревога по случаю неудачного снабжения нашей армии. Затревожились даже правые» [2]). В промедлении мобилизации промышленности даже Марков 2-й видел «что-то дурное» и считал, что «этим промедлениям нет оправдания» [3]).

19-го мая 1915 года «удостоилось высочайшего одобрения» положение об образовании особого комитета по надзору за распределением и выполнением военных заказов, созданного при военном министерстве под председательством военного министра. Этот комитет был образован по инициативе председателя госу-

---

[1]) «Утро России», 23-го мая 1915 г.

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание от 1/VIII 1915 г., стр. 25.

[3]) Там же, ч. 1, стр. 56.

дарственной думы Родзянко, только что вернувшегося из поездки по галицийскому фронту.

Первыми буржуазными организациями были всероссийский земский союз и всероссийский союз городов, которые возникли почти одновременно в первый же месяц войны. Всероссийский союз городов был сформирован на с'езде городских голов в Москве 8—9-го августа 1914 г. 14—15-го сентября того же года собрался второй организационный с'езд союза городов, на котором было представлено 195 городов, заявивших желание войти в состав союза, в том числе 75 губернских [1]).

Начало организации земского союза было положено собранием уполномоченных губернских земств 30-го июля 1914 года. Окончательно же союз оформился 12-го августа, когда было получено «высочайшее» разрешение его деятельности.

Союз городов работал почти исключительно на государственные средства. С первых же дней его существования 26-го августа 1914 года правительством было ассигновано в распоряжение союза 3.000.000 рублей [2]), и в последующие годы союз городов неизменно получал правительственные субсидии.

«Всероссийский союз городов, — читаем мы в его отчете, — работает почти в полном об'еме на государственные средства. Русские города денежные средства в общую кассу союза городов, ввиду безнадежного положения финансов, могли уделить немного. В первый год деятельности союза, окончившийся к 1-му августа 1915 г., на приход союза было записано 35.574.232 рубля, в том числе 32.099.000 руб. правительственных. От городов поступило всего 1.300.000 руб. и 2.000.000 руб. пожертвований».

В первое время деятельность как земского союза, так и союза городов выражалась почти исключительно в помощи больным и раненым. «Первое время деятельность земского союза, — отмечал его официальный отчет, — являлась известным дополнением к деятельности военно-санитарного ведомства и красного креста, но затем быстро развернулась. Земский союз берет на себя все дело помощи раненым и перемещения беженцев». О размерах деятельности земского союза некоторое представление могут дать приводимые ниже цифры. Так, со складов земского союза за 11-месячный период (август 1914 г. — июль 1915 г.) выпущено предметов на общую сумму 31,3 милл. руб. [3]). Хотя союз городов и отставал в размере заготовок для лазаретов от земского союза, но и у него общая сумма отправленных

---

[1]) Очерк деятельности всероссийского союза городов 1914—1915 гг. На правах рукописи. М., 1916 г., стр. 91.

[2]) Там же, стр. 8.

[3]) Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, бухгалтерский отчет главного комитета 1/VIII 1914 г. по 1/VII 1915 г., стр. 13.

на нужды раненых товаров на 1-е февраля 1915 г. составляла — 6.000.000 руб. [1].

В процессе этой «скромной» работы по помощи «больным и раненым воинам» союз городов и всероссийский земский союз, представлявшие собой организации буржуазии и капиталистических помещиков, устанавливают тесную связь с представляемыми ими классами.

Доказательством этой тесной связи и того, что союзы земства и городов являлись признанными представителями русского империализма может служить та материальная связь, которая существовала между ними и буржуазией, в частности же обильные пожертвования, которые притекали к ним от буржуазии. Так, на 1-е августа 1915 года в Земгор поступило пожертвований на сумму 1.057.218 рублей, при чем первым и крупнейшим было пожертвование Морозова — 200.000 рублей 21-го августа 1914 г., и с этого момента «пожертвования потекли широким потоком» [2].

Приложенная к цитируемому «очерку деятельности» диаграмма показывает, что максимальное количество пожертвований приходилось на август месяц 1915 года, когда число пожертвованных сумм достигло 140.000 руб., а число жертвователей дошло до 1.400 человек [3].

Общность империалистических целей буржуазии и капиталистических помещиков, об'единение их в процессе войны (что выразилось в образовании прогрессивного блока) являлись предпосылкой для тесной координации действий их организаций: земского (помещичьего) и городского (городской буржуазии) союзов.

Общность задач приводит быстро к об'единению обе организации. Отчет всероссийского союза городов отмечал важный общественный результат, который он видел в том, что «городская и земская Россия в процессе совместной деятельности все теснее сближаются друг с другом, привыкают итти рука об руку к одним и тем же целям» [4].

Как с удовлетворением констатировал отчет, «все трения, имевшие место в прежнее время между городской (буржуазной. — *Б. Г.*) и земской (помещичьей. — *Б. Г.*) общественностью, почти исчезли, и вся история обоих союзов отмечена их взаимным сближением к полной совместной деятельности».

Такое же единство существовало и в области политической. Эта совместная деятельность выразилась в организационном слиянии земского и городского союзов, в результате чего был создан об'единенный комитет всероссийского земского и городского союзов

---

[1]) Очерк деятельности всероссийского союза городов в 1914—1915 гг. На правах рукописи, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 195—196.

[3]) Там же, стр. 197.

[4]) Там же, М., 1916 г., стр. 32.

(для краткости именуемый Земгор), который и приступил к своей деятельности 10-го июля 1915 [1]).

Об'единение империалистических помещиков и буржуазии шло, таким образом, по линии увязки деятельности союза городов и земского союза и создания об'единенной организации Земгора; с другой стороны, оно шло по линии тесной координации между земским союзом и военно-промышленным комитетом.

Как мы читаем в пояснительной записке к финансовому отчету московского военно-промышленного комитета, — московский областной военно-промышленный комитет и земский союз полюбовно распределяли между собой заказы. Из 117,1 милл. руб. — общей суммы заказов особого совещания — на долю московского военно-промышленного комитета представлено распределение заказов на 47,8 милл. руб.; остальные же заказы были переданы главному комитету земского союза [2]).

По мере того, как союз земств и союз городов укреплялись и их деятельность расширялась, росло и их значение в экономической жизни страны. «Первоначально этой деятельности, — гласит отчет союза городов, — извне были поставлены весьма узкие рамки. И вот вся история союза представляет собой неотступное отстаивание союзом своего права на более широкую и разнообразную работу, потребность в которой так настойчиво выдвигалась развертывавшимися событиями. Вся история союза представляет собою последовательное расширение первоначально столь тесного круга его задач».

«На этом пути союзу приходилось отвоевывать каждый свой шаг ценою упорных усилий. Осторожно и боязливо отмеривалось ему поприще для деятельности, столь необходимой для армии и страны» [3]).

Таким эзоповским языком характеризовал отчет напряженную борьбу с правительством, которую буржуазным общественным организациям приходилось непрерывно вести и на которой дальше нам придется неоднократно останавливаться.

Как мы уже указывали, всероссийский союз городов занялся, главным образом, особенно в первое время, помощью больным и раненым. Такова была деятельность союза до его первого с'езда 13—15-го февраля 1915 г., когда в союз вошло 385 городов. Помимо помощи раненым и борьбы с эпидемиями, перед буржуазией постепенно встают иные задачи, работа на армию и борьба с продовольственными затруднениями. Для этого было сорганизовано особое совещание по экономическим вопросам при комитете союза. В момент общей мобилизации промышленности, предпринятой после

---

[1]) Очерк деятельности всероссийского союза городов 1914—1915 гг. На правах рукописи. М., 1916 г., стр. 193.

[2]) Московский военно-промышленный комитет. Финансовый отчет. М., 1917 г., стр. 1.

[3]) Очерк деятельности всероссийского союза городов 1914—1915 гг. На правах рукописи. М., 1916 г., стр. 28—31.

разгрома Галиции, союз постановил: «Принять посильное участие в деле снабжения армии и делегировать своих представителей в военно-промышленный комитет» (постановление комитета союза от 30-го мая 1915 г. [1]).

Так постепенно расширяли свою деятельность буржуазные организации, охватывая своими щупальцами все главные узлы экономической жизни страны, подбираясь к работе на «оборону» — главному нерву всей военной экономики.

Конечно, правительство даже и в первый период, когда земский и городской союзы работали почти исключительно на раненых и, по существу, не выходили из рамок «благотворительности», далеко не охотно шло навстречу буржуазным общественным организациям. Но тем не менее, как сообщает отчет, обстановка была такова, что с союзами «приходилось мириться, так как после колебаний и сомнений власти все же приходили к заключению о невозможности обойтись без услуг союза в каждой данной стороне дела, и тогда обыкновенно оказывалось, что союз к этому времени фактически уже успевал заявить себя в данной области весьма энергичной работой, и оставалось только санкционировать эту работу и отпустить на ее продолжение необходимые средства. И председатель III с'езда союза городов — продолжает отчет — имел полное основание сказать при открытии с'езда: «Несмотря на различные затруднения и препятствия, союзу удалось создать большую работу и организацию, которая в различных трудных положениях оказалась и жизненной, и гибкой, и легко приспособляемой к новым потребностям. Мы в союзе нашли наши собственные приемы работы; союз сумел привлечь к себе широкие круги сочувствующих ему работников и заслужил доверие со стороны широких кругов общества» (буржуазии. — *Б. Г.*) [2]).

Военные поражения вызвали значительное расширение функций земского и городского союзов по снабжению армии военным снаряжением и работе на оборону.

Эти же военные поражения вызвали к жизни новую организацию буржуазии — военно-промышленные комитеты.

Военно-промышленные комитеты.

Начало об'единения промышленников в целях работы на оборону положил с'езд представителей торговли и промышленности, открывшийся 26-го мая 1915 г. По вопросу о войне и промышленности с'ездом была принята резолюция, которая «призывала всю русскую промышленность и торговлю к об'единению в дружной работе, по примеру наших союзников, для того, чтобы дать армии все необходимое и во-время». Резолюция признавала совершенно

---

[1]) Очерк деятельности всероссийского союза городов 1914—1915 гг. На правах рукописи. М., 1916 г., стр. 19.

[2]) Там же, М., 1916 г., стр. 28—31.

недостаточными «правительственные попытки пойти навстречу этой потребности созданием продовольственного комитета и особого комитета по снабжению армии». Промышленники высказывали пожелания, «дабы к участию в действиях новых учреждений привлекались широкие круги (буржуазии. — *Б. Г.*): представители земского и городского союзов, промышленных и торговых организаций и ученой силы, ибо только знание и опыт людей практики и общественной инициативы могут согласовать деятельность всей промышленности для нужд обороны». Характерно, что, на ряду с экономическими требованиями, буржуазия пытается выставить и свои политические притязания. С'езд выдвинул было требование о немедленном созыве законодательных учреждений, но потом его снял, так как руководящие круги буржуазии пока еще не решались начать открытую борьбу с правительством [1]).

Сейчас же после с'езда началась лихорадочная организационная работа при участии всевозможных буржуазных организаций, торгово-промышленных учреждений, биржевых комитетов, земств и городского союза.

После майского (1915 г.) торгово-промышленного с'езда начали быстро расти и организовываться военно-промышленные комитеты по всей России. В мае и июне организуются военно-промышленные комитеты в Петрограде и Москве, а затем и в провинциальных городах.

Буржуазия надеялась, что мобилизация промышленности явится положительным фактором в деле вооружения армии и тем самым усилит военные шансы России. Помимо этой основной империалистической цели мобилизация промышленности открывала перед ней возможность получения в работе на оборону больших барышей. Поэтому мобилизация промышленности была восторженно встречена всей буржуазией, даже мелкой и средней.

Но, конечно, руководящую роль играли наиболее крупные промышленные тузы, которые получали и львиную долю прибылей. По своему составу и всему характеру своей деятельности военно-промышленные комитеты являлись организациями крупного финансового капитала. Так как от того, кто будет организовывать оборону, зависело и то, кто будет получать прибыли, то вполне понятно, что захват руководящей роли в военно-промышленных комитетах тузами финансового капитала вызывал резкое недовольство мелкой и средней буржуазии. «Они будут беспокоиться, мобилизоваться, спасать Россию, — писали «Русские Записки» [2]), — а сама Россия пусть остается пассивной. Из среды общества значительная часть сил остается вне движения, вне движения остается и часть (едва ли не большая) местной интеллигенции. Силы, собственно, народные мало затронуты. Такова воля органи-

---

[1]) II отделение экономической секции ЕГАФ, дело военно-промышленного комитета, № 345.

[2]) «Русские Записки», № 7, 1915 г., статья Борисова, стр. 299.

заторов: к организации приглашают не всех, а с разбором» — так возмущались организацией дела «обороны» идеологи мелкой и средней буржуазии.

Война, порвавшая экономические нити, связывавшие капиталистическое хозяйство, потребовала внеэкономического регулирования, установления твердых цен, реквизиции сырья, топлива и предметов снаряжения армии; работа же на оборону требовала распределения заказов. Само собой разумеется, что от того, кто и как будет «регулировать», зависело, кто и как из отдельных групп предпринимателей будет «зарабатывать» на войне. Поэтому уже с первых дней своего существования буржуазные организации попытались взять в свои руки все регулирование экономической жизни страны, а если последнее не удавалось, то по крайней мере корректировать в своих интересах мероприятия правительства.

Первое, с чем пришлось столкнуться военно-промышленным комитетам, особенно центральному, это — с необходимостью охранять предприятия, принадлежащие предпринимателям, входящим в состав комитетов, от посягательств со стороны военных властей, так как действия последних не всегда совпадали с интересами отдельных капиталистов. Кроме того, перед военно-промышленными комитетами стояла задача приобрести и распределить новое оборудование для заводов, так как нужда в последнем, в связи с переходом предприятий от мирного производства к военному, была колоссальная. Прежде всего буржуазные организации приняли участие в распределении эвакуированного фабрично-заводского оборудования, которое поступало из районов, захваченных немцами. Заводы и местные военно-промышленные комитеты массами подавали заявления о получении этого эвакуируемого имущества. Приобретение последнего являлось для буржуазии столь выгодным, что в борьбе за него промышленники еще летом 1915 г. не стеснялись требовать эвакуации Риги, в целях вывоза оттуда оборудования заводов. «Подумать только, — возмущался товарищ председателя московского военно-промышленного комитета Поплавский на торжественном открытии московского комитета, — что в Риге 448 заводов и из них 108 металлургических. Артиллерийское ведомство, вместо того, чтобы самому заботиться раньше о себе, отнимает у других, с уже налаженных заводов снимает станки. Пусть бы обратились в Ригу: оттуда с одного лишь завода можно вывести 47 станков. Должна быть проведена немедленная реквизиция при участии члена комитета и артиллерийского ведомства. Вывести станки из Риги необходимо, важно там ничего не оставить» [1]). Как видим, то, что осуществил Корнилов в 1917 г., по существу было решено буржуазией еще в 1915 г., с той только разницей, что в 1917 г. это было

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I. Записка начальника московского охранного отделения от 28/VI 1915 г.

необходимо буржуазии для создания общественного настроения в пользу «белого генерала», теперь же причина была еще более прозаической — желание воспользоваться оборудованием рижских заводов. Таким образом, уже первое выступление военно-промышленных комитетов было направлено на овладение оборудованием заводов для наилучшего использования военной коп'юнктуры.

Но основным вопросом для буржуазии являлся вопрос о распределении заказов, на чем и было сосредоточено главное внимание военно-промышленных комитетов. Вокруг заказов шла вакханалия явных злоупотреблений в целях обогащения отдельных групп предпринимателей, на удовлетворение аппетитов которых тратились полученные комитетом из казны колоссальные средства. Нередко были случаи, когда авансы на заказы выдавались предприятиям, совершенно неспособным их выполнить, и, как правило, заказы оплачивались по цене значительно выше рыночных. Всевозможные проходимцы пользовались этим для явных злоупотреблений. Подтверждающие факты весьма тщательно собрала охранка в целях дискредитирования общественных организаций [1]).

Сплошь и рядом, на полученные от казны через военно-промышленный комитет средства буржуазия организовывала новые предприятия, которые с успехом могла бы организовать сама казна. Так, например, в 1915 г. был передан крупный заказ в 150 миллионов акционерному обществу «Аксай», т-ву Кузнецов, Рябушинский и К°, а также некоторым другим фирмам на постройку автомобилей для военного ведомства. Эти предприятия соответствующих заводов не имели и построили их исключительно на выданный им казной аванс [2]). Аналогичных примеров можно было бы подобрать очень много.

Как мы уже указывали, заказы большей частью давались по очень высоким ценам. Так, напр. (как сообщал московский градоначальник), московский военно-промышленный комитет выдал нескольким московским фирмам заказ на колючую проволоку по цене 12 руб. за пуд, в то время как рыночная цена составляла всего 5 руб. 50 к. [3]).

Понятно, что прибыли по военным заказам, шедшим через военно-промышленный комитет, значительно превосходили среднюю прибыль военного времени, не говоря уже о прибылях мирного времени.

Спешность работы, форсируемой патриотической шумихой, создавала почву для колоссального хищничества и прямых злоупотреблений, недопустимых даже по старому царскому законодательству; департамент полиции, который вел тщательную слежку за деятельностью военно-промышленных комитетов и, понятно,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, 1915 г. Донесение московского охранного отделения от 16/XI 1915 г., вх. 132600.

[2]) Там же. Дело № 344. Материалы по государственной думе.

[3]) Там же. Донесение от 25/XI 1915 г., вх. 33622.

был заинтересован в их дискредитировании, подобрал большой материал об их злоупотреблениях. Вор вора выдает: о правительственных безобразиях в этот период мы в значительной мере узнаем от буржуазии, о злоупотреблениях буржуазных организаций — узнаем от правительства.

Собранные департаментом полиции материалы свидетельствуют о крайней бесхозяйственности, переходящей в открытые злоупотребления в организациях, работавших на оборону. Как в военно-промышленных комитетах, так и в Земгоре не соблюдались самые элементарные правила делопроизводства и бухгалтерии, что являлось не только результатом неумения наладить дело, но и исходило также из стремления замести следы, скрыть преступления [1]). Ревизии, производившиеся самими организациями, обнаруживали всевозможные злоупотребления и полный хаос, царящий в хозяйственной части всех учреждений [2]). Организации совершенно бесконтрольно распоряжались отпущенными им суммами [3]). Широко практиковалась явная переплата на выдаваемых заказах [4]). Поставлялись негодные и недоброкачественные продукты, которые принимались за взятки представителями этих организаций. Широко практиковалось использование службы в военно-промышленных комитетах и Земгоре для уклонения от воинской повинности. Сотни приглашенных людей оставались без всякой работы, система протекции свила себе в организациях прочное гнездо [5]).

Само собой разумеется, что все эти сведения о хищениях и злоупотреблениях собирались департаментом полиции отнюдь не из-за простой любознательности. Материалы о злоупотреблениях в общественных организациях были использованы и правительством и правыми помещичьими партиями для дискредитирования своих политических противников. С своей стороны для противодействия военно-промышленные комитеты, а также городской и земский союзы начали кампанию по рекламированию своей полезной патриотической деятельности. В соответствующей печати появились сообщения, которые представляли финансово-хозяйственную деятельность комитетов в самом блестящем виде [6]).

Как мы читаем в отчете о деятельности городского союза, «особое внимание за этот период (вторую половину 1915 г.) было уделено вопросам внутреннего контроля и отчетности союза. Был

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, 1916 г., л. 20—27. Доклад председателя отдела по перевозкам от 29/I 1916 г.

[2]) Там же, № 343, т. IV. Из письма начальника снабжения армий Западного фронта командующему 10 армией от 21/XI 1916 г.

[3]) Там же. Донесение начальника минского жандармского управления от 29/VII 1916 г., вх. 20727.

[4]) Там же. Сводка о всероссийском городском и земском союзе.

[5]) Там же, № 343, т. III, из перлюстрированных писем.

[6]) См. «Русск. Ведомости» от 1/VII 1916 г., № 151. Беседа с Челноковым, в которой он горячо протестовал против обвинения Земгора и ВПК.

составлен предварительный бухгалтерский отчет... были затребованы по определенной схеме отчеты местных комитетов» [1]).

Буржуазные организации печатали в своей прессе благодарственные отзывы и письма с фронта, в составлении которых, как оказывается, не последнюю роль играли сами же уполномоченные, посещавшие фронт [2]).

Возможно, что департамент полиции и сгущал краски в расписывании злоупотреблений общественных организаций. Однако последнее нисколько не меняет общего характера их деятельности.

Конкуренция крупной и мелкой промышленности.

Хотя «патриотическая» работа на оборону была прибыльной для всей буржуазии в целом, однако ею более всего пользовались крупные капиталистические акулы, в руки которых поступало большинство наиболее выгодных военных заказов. В последнем отношении чрезвычайно характерна та борьба, которая развернулась вокруг заказов между представителями крупной и мелкой промышленности. Как сообщает начальник петроградского охранного отделения в докладе министру внутренних дел от 16-го декабря 1915 г. [3]). «Когда стала мобилизоваться и работать на оборону крупная промышленность, представители средней промышленности тоже ухватились за брошенный лозунг мобилизации и решили к общему делу привлечь и мелкого производителя». Однако оказалось, что, захвативши в свои руки военно-промышленные комитеты, крупная буржуазия отнюдь не склонна была делиться своими заказами с мелкой буржуазией. «Наибольшее недовольство, — говорит тот же доклад, — вызывала в обществе деятельность комитета (военно-промышленного), направленная исключительно к защите и поддержке крупной промышленности в явный ущерб средней и мелкой».

«Очень скоро организации средней промышленности пришлось убедиться, что городской комитет под давлением центрального военно-промышленного комитета уклоняется от первоначально намеченного пути совместной работы, даже отозвал назначенных своих представителей из комитета средней промышленности. Этот факт привел комитет средней промышленности к убеждению, что если он сам не вступит на путь самостоятельного приобретения заказов, то он, весьма возможно, их еще долго иметь не будет и, в конце концов, может совсем остаться без заказов». В докладной записке приведен целый ряд иллюстраций того, как центральный военно-промышленный комитет и прочие местные комитеты

---

[1]) Очерк деятельности всероссийского союза городов 1914—1915 гг. На правах рукописи. М., 1916 г., стр. 27 и 204—208.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1916 г., вх. 5905. Письмо московского градоначальника Климовича к тов. МВД Белецкому от 25/II 1916 г.

[3]) Там же. Дело № 343. т. III, 1915 г., вх. 36490.

систематически отказывали представителям средней промышленности не только в заказах, но в сырье и необходимом оборудовании. В результате этого, трения между комитетами крупной и средней промышленности не только не прекратились, но обострились еще более. «Никакой взаимности и поддержки не проявлялось». Вполне понятно, что у представителей средней промышленности «упал под'ем настроения», и им пришлось, «чтобы не терять дорогого времени, вступить на путь получения самостоятельных заказов», тем более, что правительство, в целях политической борьбы с организациями крупной буржуазии, начавшими вскоре выступать претендентами на власть, оказывало широкую поддержку организациям мелкой и средней промышленности, которые в политическом отношении были значительно более пассивными.

Аналогичная борьба шла и между отдельными группами военно-промышленных комитетов. Центральный военно-промышленный комитет, который был заинтересован в распределении заказов среди «своих» предпринимателей, весьма часто «обижал» в самых лучших патриотических чувствах местные военно-промышленные комитеты и прочие об'единения: в ряде записок, поступивших в департамент полиции о деятельности различных местных организаций, имеются указания, что местные комитеты, имея вполне оборудованные предприятия, не могут добиться получения заказов [1].

Борьба с правительством из-за заказов.

Если буржуазные организации не могли помириться и полюбовно распределить заказы среди отдельных предпринимателей и среди провинциальных военно-промышленных комитетов, то тем труднее им было мириться с зависимостью их самих в получении заказов от правительства. Источник прибылей буржуазии—государственная казна—была в чужих руках, в руках царского правительства, которое в любой момент могло прекратить выдачу заказов.

Верхушке финансового капитала, которая фактически владела всем производством страны, было крайне трудно мириться с таким подчиненным положением. Буржуазные организации претендовали не только на роль технических посредников между казной и предпринимателями, но на роль самодовлеющей организации, руководящей всем народным хозяйством. В странах европейских «демократий», которым особенно симпатизировала русская буржуазия, финансовая олигархия стояла во главе всего управления государством; русская же буржуазия должна была этого только добиваться. Сосредоточие капиталов во время войны в ее руках и вследствие этого рост ее экономического и политического могущества сделали неизбежным ее борьбу за полное подчинение себе политической власти. Это сознавали и представители бур-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, 1915 г.

жуазии, а еще лучше — само правительство, хорошо осведомленное о настроениях буржуазных кругов через департамент полиции.

Как только военно-промышленные комитеты и земский и городской союзы — эти своеобразные советы буржуазных депутатов — организовались, они сейчас же начали пред'являть претензии на более действительное участие в управлении политической и хозяйственной жизнью страны.

На первом же торжественном заседании московского военно-промышленного комитета 25-го июня 1915 г. Рябушинский, останавливаясь на ближайших задачах мобилизации промышленности, указывал на ряд определенных условий, при которых только и возможна была деятельность комитетов. «Промышленные комитеты, — говорил он, — не должны исполнять одну роль подрядчика или комиссионера». «Роль комитета, — говорил Челноков, — должна быть организаторская для крупной, средней и мелкой промышленности. Москве должно быть предоставлено право распределять заказы. Пусть они на места идут не из далекого Петрограда, а отсюда. Зачем нам Петроград, когда мы сами устроим это лучше».

В отношении требований на заказы у буржуазии был более чем сильный аппетит. На том же заседании Челноков заявил: «Заказы надо давать не в обрез, 100 тысяч ружей нужно — давайте на 200 тысяч, ибо только в этом случае будет уверенность, что наберется 100 тысяч. Петроград должен давать заказы в гораздо большем количестве, чем он думает делать». После образования военно-промышленных комитетов представители последних неоднократно обращались к правительству с просьбой об увеличении заказов. В этом отношении характерно письмо Рябушинского военному министру Поливанову от 5-го февраля 1915 г., в котором он, указывая на предстоящую весною «решительную кампанию», настаивал на устранении «некоторых наблюдающихся недочетов в деле снабжения армии необходимыми предметами». Эти недочеты он предлагал устранить «увеличением заказов и усилением внимания к деятельности военно-промышленных комитетов» [1]).

Как видно из финансового отчета московского областного военно-промышленного комитета, за год его деятельности с 1-го августа 1915 г. по 1-е августа 1916 г. общая сумма принятых им к распределению заказов составляла 105.957.289 р. Распределено же было заказов на 88.000.000 р., из них наибольшее количество по механическому отделу (37½ милл.) и по вещевому (27½ милл.) [2]).

---

1) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1916 г. Письмо Рябушинского к Поливанову от 5/II 1916 г.

2) Московский областной военно-промышленный комитет. Финансовый отчет с начала деятельности комитета по 1/VIII 1916 г. М., 1917 г., стр. 36.

Как показывают ведомости дебиторов и кредиторов, военно-промышленный комитет был теснейшим образом связан как с местными военно-промышленными комитетами, так и с целым рядом круппейших фирм, главным образом, московского района [1]). Все эти заказы шли от правительства. Потому-то военно-промышленные комитеты так остро чувствовали свою зависимость от него, тем более что правительство отнюдь не склонно было выпустить из своих рук ту золотую веревочку, на которой фактически держало руководящие круги русской буржуазии. Известно, что в довоенные годы, особенно в конце XIX века, реакционность буржуазии предопределялась именно ее финансовой зависимостью от царского правительства, которое, располагая средствами, собранными путем налогов или путем заграничных займов, могло и экономически и политически держать в своих руках промышленную буржуазию.

В условиях войны такой золотой веревочкой являлись военные заказы и подряды, которые выдавались казной предпринимателям.

Пока буржуазные организации не выходили за пределы своих узких задач, пока они открыто не выступали в качестве претендентов на участие во власти, правительство еще мирилось с ними и давало им возможность развернуть столь необходимую для буржуазии «работу на оборону». Однако весьма скоро неудачи на фронте, вскрывшие неспособность царского правительства не то что «довести войну до победного конца», но и просто ее вести, заставляют буржуазные организации выступить с критикой правительства и правительственных мероприятий. «Тот, кто умеет работать, тот и будет хозяином страны», — говорила себе буржуазия еще в самом начале работы на оборону и организации военно-промышленных комитетов [2]). Буржуазия считала себя более способной работать, чем царское правительство, и потому, естественно, претендовала на то, чтобы стать хозяином страны. А этого больше всего боялось царское правительство. Как мы увидим далее, в тот момент буржуазное движение казалось правительству куда более опасным, чем даже рабочее движение. Гучковы, Львовы и Милюковы казались для правительства страшней рабочих вождей.

Буржуазия ставит вопрос о власти.

Если даже в первое время правительство не особенно благоволило к буржуазным организациям, но все же терпело их, то вскоре оно начинает с ними открытую борьбу. Вот как описывает

---

[1]) Московский областной военно-промышленный комитет. Финансовый отчет с начала деятельности комитета по 1/VIII 1916 г. М., 1917 г., стр. 36.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1915 г. Агентурная записка, вх. 17085.

этот переломный момент начальник московского охранного отделения в «памятной записке по общественному движению в Москве от 3-го октября 1915 г.» [1]). «Вначале работа этих учреждений, — доносит он, — не уклонялась от своей прямой задачи, и ее в высшей степени полезные практические результаты обратили на себя внимание правительства и удостоились высочайшего одобрения. Но уже с весны текущего года (1915 г.), когда наши неуспехи на фронте обострили настроение общества, подчас приписывавшего такие неуспехи нераспорядительности и неумелости правительства, среди левых групп обоих союзов все настойчивее определялась мысль воспользоваться об'единенными земскими и муниципальными силами для давления на правительство в сторону проведения желательных для них реформ нашего государственного строя. О такой тенденции использовать готовую силу об'единенных земства и городов для натиска на правительство в сторону своих вождений и до этого момента имелись определенные указания, но первоначально предполагалось произвести такой натиск по окончании победоносной войны; неуспехи на фронте, раскрывшие дефекты в деле снабжения армии и в деле охраны ее от военного шпионажа, вместе с тем расстройство экономической жизни населения, которое неизбежно является следствием войны, ускорили осуществление тайных намерений левых деятелей обоих союзов, создав для них благоприятную почву для острой критики правительства и пред'явления к нему определенных политических требований».

«Общественные организации» становятся для буржуазии своего рода органами борьбы за власть, которую она ведет чрезвычайно осторожно. Буржуазия первое время надеется, что своей активной работой на оборону она сумеет добиться доверия царской власти: «стоит, мол, поработать», как власть «убедится» и т. д. В первые моменты буржуазия еще всячески обходит самую мысль о возможности конфликта с властью. В работе на оборону она надеется добиться мирного сожительства с царским правительством и постепенного врастания в старый режим. Вот как одна агентурная записка [2]) описывает настроение буржуазных кругов в этот период. «Тот, кто умеет работать, — говорил кадет Н. В. Тесленко, — будет хозяином страны. Общественная мысль далека от устранения работы правительственных органов, напротив, всеобщее желание пойти с ними рука об руку, но думают, что общественные силы в этой совместной работе сумеют показать такие результаты, что перед всей страной станет очевидной разница между бюрократией и людьми из общества. Более того, при соприкосновении с общественными элементами, бюрократия

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 167, ч. 46. Сведения по телеграмме № 976.

[2]) Там же, № 343, т. I. Вх. 17085. 1915 г. Донесение начальника московского охранного отделения 13/VI 1915 г. Агентура «Павлова».

не сумеет удержаться на высоте общего размаха и пойдет за обществом в такой работе. Как земский и городской союзы заслонили собой Красный крест в деле помощи раненым, так точно об'единенная промышленность, торговля, земство и города сумеют создать такую организацию по снабжению тыла, что она заслонит работу канцелярий, а государственная дума, по предположениям общественных кругов, явится именно тем посредником, который соединит работу правительства и общества в одно целое». Буржуазия прекрасно учитывала роль для нее государственной думы, если не как органа захвата власти, то как органа участия во власти, хотя бы и весьма ублюдочного и несовершенного.

«Дума, — продолжает записка, — будет важна для земского и городского союзов и тем еще, что, засвидетельствовав перед всей страной грандиозность работы, предпринятой союзами, она даст тем возможность значительно укрепить их позиции, а путем расширения работы для снабжения армии все большие стороны деятельности отдельных земств и городов будут подчинены союзам». Действительно, первым словом собравшейся думы было приветствие буржуазным организациям. Деятельность буржуазной общественности встретила всеобщее одобрение со стороны думы. Общественные организации, по словам товарища председателя думы, «вписали прекрасную страницу в историю своего государственного бытия (рукоплескания и голоса: браво)». Тут же было высказано мнение о необходимости, «помимо доброжелательного отношения некоторых лиц, поставленных во главе ведомств, изменение самого духа и управления действующей системы (продолжительные рукоплескания и голоса: браво, правильно)» [1].

Такова, по существу, была программа постепенного врастания во власть, которую в 1915 г. выдвигала буржуазия. Первым ее требованием было нормальное функционирование единственного органа ее законодательной власти — государственной думы. Требование о созыве последней становится лейт-мотивом всей буржуазной прессы и всех буржуазных организаций. Характерно, что торгово-промышленный с'езд 28-го мая 1915 г., принимая свое постановление об организации военно-промышленных комитетов, одновременно принял было резолюцию о необходимости, «ввиду тяжелого положения страны и необходимости проведения исключительных мер, созыва законодательных учреждений». Еще накануне торгово-промышленного с'езда 22-го мая, по возвращении Родзянко с галицийского фронта — у него состоялось заседание членов государственной думы, на котором он сообщил об учреждении под председательством военного министра особого комитета по надзору за распределением и выполнением заказов. Как сообщается «в отчете фракции народной свободы» [2],

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 1-е от 19/VII 1915 г., стр. 5.

[2]) 4-я государственная дума. Отчеты фракции народной свободы, стр. 17.

тогда же присутствовавшие в довольно острой форме поставили вопрос о скорейшем созыве государственной думы. Однако в печати обсуждение вопроса о созыве государственной думы было строго запрещено. Известия о совещании членов думы появились только в московских газетах и в неточном изложении. Через неделю, 29-го мая 1915 г., опять у Родзянко состоялось новое совещание депутатов, посвященное вопросу о скорейшем созыве государственной думы. Членам думы, находящимся в провинции, были разосланы циркулярные приглашения приехать в Петроград к предстоящей думской сессии. В середине июня в Петрограде собралось уже до 100 депутатов.

Между тем события развивались с головокружительной быстротой. Армии непрерывно отступали. В мае и июне 1915 г. была очищена Галиция, оставлены Перемышль и Львов. Войска начали очищать Польшу, Литву и часть Прибалтийского края.

Настроение буржуазии как крупной, так и мелкой начало резко падать. Слухи об измене стали принимать все более конкретный характер. Буржуазия подняла шум вокруг дела Сухомлинова, который «обманывал думу, успокаивая ее насчет благополучного положения армии». К тому же, как мы уже указывали выше, буржуазия не могла простить Сухомлинову, что он не обеспечил боеспособности армии и таким образом не только содействовал проигрышу войны, но и лишил буржуазию возможности заработать на военных поставках. Одновременно был поднят шум вокруг шпионажа полковника Мясоедова.

Правительство, само опешившее под влиянием неожиданных для него неудач, пошло на известные уступки. 5-го июня был уволен министр внутренних дел Маклаков и столь ненавистный буржуазии военный министр Сухомлинов. Несколько позднее был казнен Мясоедов.

На место Сухомлинова был назначен ген. Поливанов, который до того был «в большой немилости у царя», благодаря своим связям с буржуазной оппозицией. Это назначение делалось в качестве уступки «общественному мнению» и являлось результатом воздействия Николая Николаевича. С точки же зрения правящей клики, как видно из переписки Романовых, Поливанов был человеком более чем «сомнительным». Еще большей уступкой явилось назначение Самарина обер-прокурором Синода. Последний царю и особенно царице был просто ненавистен. «Я уверен — писал, как бы оправдываясь в этом назначении, царь своей жене, — что тебе это не понравится потому, что он москвич (московская буржуазия, как известно, была наиболее оппозиционной. — *Б. Г.*), но эти перемены должны состояться, и нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается» [1]). Но несмотря на эти доводы царица не могла примириться с назначением и твердила свое: «Теперь опять начнутся

[1]) «Переписка Романовых», т. I. Письмо от 15-го июня 1915 г.

сплетни насчет нашего друга (Распутина) и все пойдет плохо» [1]).

Точно так же лишь с большим надрывом решился Николай на созыв думы, создание которой его жена приписывала Витте и Николаю Николаевичу (?) и которая, по ее справедливым словам, принесла бывшему царю «больше забот, чем радости» [2]).

14-го июня в ставке был подписан высочайший рескрипт на имя Горемыкина, в котором признавалась необходимость приблизить время созыва законодательных учреждений, чтобы выслушать «голос земли русской». Созыв думы назначен был на 19-е июля. Несколько ранее этого, как мы уже указывали, правительство дало согласие на создание при военном министерстве особого совещания по обороне, куда входили представители государственной думы. Одновременно были несколько расширены права земского и городского союзов, и образованы военно-промышленные комитеты.

Несмотря на уступки правительства, буржуазия остро чувствовала необходимость сосредоточения власти в своих руках. Буржуазия выдвигает требование создания более подходящего для нее правительства. На конференции кадетской партии 6—8-го июня 1915 г. вопрос о власти был поставлен ребром. «Как выяснилось с несомненностью, — читаем мы в резолюции этой конференции, — правительство в его нынешнем составе оказалось несостоятельным в деле организации тыла войны», поэтому конференция выдвинула требование «образования кабинета, способного обеспечить правильную организацию тыла войны, с соблюдением внутреннего мира в стране и тесного сотрудничества правительства и общества» [3]). Конференция выдвинула также требование немедленного созыва государственной думы. Однако кадеты дальше словесного протеста не пошли. Тактика этих представителей буржуазной оппозиции несмотря на словесную шумиху в действительности была более чем умеренна. Кадеты не думали предпринимать никаких решительных шагов для борьбы с правительством. Они боялись, что эта борьба может «весьма гибельно отразиться на обороне». Как говорил на конференции Милюков, «не поддерживать сейчас правительство, это значило бы шутить с огнем». Поэтому, если иногда под влиянием «чувства» буржуазия довольно далеко заходила в своих оппозиционных по форме выступлениях, то все же она до самых последних дней гибели царского режима почти не переходила за пределы чистой «словесности». Теперь так же, как и до войны, кадеты отметают всякие «неконституционные» выступления, которые могли бы быть истолкованы, как «вызов» правительству.

---

[1]) «Переписка Романовых», письмо от 16-го июня 1915 г.

[2]) Там же. Письмо от 17-го июня 1915 г.

[3]) 4-я государственная дума. Военная сессия. Отчеты фракции народной свободы, стр. 19.

Однако положение летом 1915 года было таково, что буржуазия для воздействия на правительство вынуждена была прибегнуть к оружию критики, хотя еще и весьма робко. Начало этой критики было положено на открывшейся 19-го июля 1915 г. сессии государственной думы. По сравнению с январской сессией теперь тон буржуазных речей был иной. Новый характер выступлений буржуазной оппозиции Милюков сам характеризовал в своей первой речи 19-го июля, как переход «от патриотического под'ема» к «патриотической тревоге».

В первые же дни думской сессии буржуазная оппозиция формулировала свое основное требование участия во власти. «Сегодня, — говорил Милюков, — мы собрались в годину тяжких испытаний для родины. Патриотическая тревога народных представителей оказалась, к несчастью, вполне основательной. Тайное стало явным, и все успокоения оказались только словами. Страна словами удовлетвориться не может. Народ хочет сам теперь приняться за дело и исправить упущенное. В нас (?) он видит первых законных исполнителей своей воли. И он посылает нас сюда с другим определенным наказом: сказать власти всю правду о стране, узнать для страны всю правду и сделать, что осталось у нее недоделанным. Оставаясь в пределах своей контролирующей власти, государственная дума имеет возможность призвать правительство к исполнению его долга и указать всенародно, в чем этот долг заключается. Конечно, может не помочь и это средство, но оно последнее, и прибегнуть к нему необходимо» [1]).

«Настоящий источник ошибок, — говорил Милюков, — есть ненормальное отношение между общественными силами и властью... Власть точно нарочно все делала, чтобы распылить народный порыв. Эта тактика послужила даже почвой для обвинения министров, по счастью ныне ушедших [2]), в германофильстве».

«Признак политической благонадежности продолжал отделять те лица и учреждения, которым разрешалось нести на жертву родины свои средства, силы и даже собственную жизнь, от тех, которым это не разрешалось. Сношения с армией и с ранеными были заранее заподозрены и поставлены под строжайший надзор с обильным бумажным производством. Внутренняя политика втягивала военную власть в гражданские распри и отвлекала внимание армии от ее настоящего дела» [3]).

«Нужна политика власти, не связывающая живых сил народного почина. Снимите путы, дайте дорогу общественным организациям, верните народу свободное общение и об'единение, сделайте все это в порядке управления, и явятся на сцену такие силы, такие новые средства, такие возможности, которые сразу исправят

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 19/VII 1915 г., стр. 92.

[2]) Здесь имелся в виду прежде всего военный министр Сухомлинов.

[3]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 19/VII 1915 г., стр. 94—95.

функциональные расстройства народной жизни, вызванные не столько войной, сколько неумелым вмешательством власти. Дайте, г.г., стране внутренний мир, прекратите разжигание национальных распрей, и вы вызовете новый порыв энтузиазма, вы дадите народу возможность сосредоточить всю свою мысль на задаче момента: все для войны» [1]).

Интересно обвинение Милюковым правительства в неправильном распределении заказов, при чем это связывается с обвинением в предательстве и измене.

«В верхах и низах, — говорил он, — среди грамотных и неграмотных, в столице и глухой провинции, из края в край земли русской расползается темный слух о предательстве, об измене. Слух этот, г.г., забирается высоко и никого не щадит».

«Вполне ли, однако, эта подозрительность лишена основания? Более осведомленные люди не говорят об измене. Но они говорят о другом, — они говорят о господстве частных интересов над общественными в тесном кругу лиц, захвативших монополию выгод от военных заказов. Все говорят, г.г., что в военном ведомстве нельзя получить заказ без взятки (голоса: правильно), что строгость условий приемки заказов отпугивает новичков и неопытных и в то же время забронировывает от публичности дружный круг тех, которые из грабежа казны сделали себе прибыльную профессию. Я мог бы привести ряд случаев, — вы о них слышите каждый день, — когда наивные предложения взять заказ по дешевой цене были отвергнуты с тем, чтобы потом передать те же заказы по цене несравненно более дорогой более опытным контрагентам, готовым быть щедрыми... за счет казны» [2]).

В этой же сессии депутатами думы был сделан ряд указаний на злоупотребления при снабжении армии лошадьми, фуражем, провизией, обмундированием и сырьем [3]) и открыто высказывалось мнение, что военное министерство совершенно неприспособлено к проведению в жизнь мобилизации промышленности [4]).

Буржуазия уже начинает требовать реформ не после войны, а во время войны, реформ в целях войны. И главная из этих реформ — смена власти.

Требование кабинета обороны.

Если буржуазные теоретики, в лице кадетов, отражая общее настроение буржуазных кругов, начинали требовать реформ и, прежде всего, смены власти, то это требование еще более резко

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 1-е, 19/VII 1915 г., стр. 103.

[2]) Там же, стр. 99—100. (Сравни с аналогичной речью 10/II 1916 г. Стенографический отчет государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. 2, стр. 1316.)

[3]) Там же, стр. 253—256.

[4]) Там же, стр. 262 и след.

выдвигали буржуазные «хозяйственники», которые в своей работе на оборону, как мы неоднократно отмечали, находились в исключительно невыгодной для них зависимости от царской казны.

Представитель финансового капитала банкир П. Рябушинский на экстренном совещании представителей военно-промышленных комитетов 25-го августа 1915 г. говорил: «стране пора узнать, что мы бессильны что-либо сделать при существующем к нам отношении правительства, не стоящего на должной высоте. Мы вправе требовать, чтобы нам была дана возможность работать, раз на нас взваливают эту ответственность... Мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте своего положения. Сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны, и наша задача теперь давлением на центральную власть добиться от власти исполнительной соответствующего направления». Буржуазия прекрасно учитывала, что военные поражения создавали для подобного натиска на власть вполне подходящие предпосылки. «Наш комитет, — продолжал Рябушинский, — обсудив этот вопрос вместе с другими общественными организациями, пришел к убеждению в необходимости, чтоб наш с'езд определенно высказался по этому делу. Нам нечего бояться: нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо армии наши бегут перед неприятелем. Делать же это нужно, пока не поздно, ибо потом и лучшие люди не в состоянии будут поправить дело, если государственный организм наш омертвеет. Всякое противодействие нам должно быть заклеймено, как антинародное» [1]).

Собрание весьма сочувственно откликнулось на поставленный Рябушинским вопрос. Один из членов собрания выдвинул требование создания министерства «обороны». «Если в состав нынешнего министерства, — говорил он, — войдут одно-два лица с общественным настроением, то этим они лишь себя скомпрометируют, и введение этих лиц в министерство послужит только прикрытием деяний остальных министров с возложением за эти деяния ответственности на этих новых людей». Поэтому он предлагал требовать «образования совета министров исключительно из лиц, пользующихся общественным доверием».

Буржуазия чувствовала себя единственным претендентом на власть. «В силу остроты момента и событий, — говорил другой участник с'езда, председатель Нижегородского военно-промышленного комитета Сироткин, — великая ответственность встает перед нами, ибо народ наш спит беспробудно. Единственные люди, которые могут принять эту ответственность на себя, это — общественные силы, почему и необходимо требовать обновления всего министерства».

В результате прений с'ездом единогласно была принята следующая резолюция, предложенная Рябушинским: «С'езд представи-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1915 г., вх. 22914.

телей военно-промышленных комитетов Московского района, призванных всемерно содействовать снабжению нашей доблестной армии всем необходимым и тем способствовать доведению войны до победного конца, пришел, однако, к ясному убеждению в неизбежности перестройки самой руководящей правительственной власти и в необходимости немедленного призыва новых лиц, облеченных доверием страны, в совет министров. Для достижения этого является крайне необходимым, чтобы наше глубокое убеждение проникло в сознание высшей правительственной власти, противодействие же или промедление в проведении в жизнь этого начинания, откуда бы оно ни исходило, приведет, по определенному мнению с'езда, к гибельным и непоправимым для России последствиям».

Это выступление буржуазии с требованием перемены власти отнюдь не было единичным. Почти за две недели до этого с'езда аналогичное требование было выдвинуто на небольшом совещании представителей крупной московской буржуазии, состоявшемся у председателя Московского биржевого комитета П. П. Рябушинского. Как доносит агент московской охранки [1]), «Рябушинский обратился к городскому голове Челнокову с речью, в коей, указывая на серьезное внутреннее положение, переживаемое страной, на бездарность, полную бездеятельность правящих классов и неспособность правительственных элементов сорганизовать страну для победы, доказывал необходимость для всех общественных элементов своевременно вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти».

Буржуазия готовила соответствующий список министров на тот случай, если бы «глубокое убеждение в необходимости призыва лиц, облеченных доверием страны, проникло в сознание высшей правительственной власти», на что так наивно надеялась буржуазия. Как пробный шар 13-го августа в газете Рябушинского «Утро России» [2]) под скромным заголовком «Кабинет обороны» была помещена следующая заметка: «Сегодня в думских кулуарах циркулировал следующий список лиц, проектируемых думской оппозицией в состав кабинета обороны: премьер-министр — М. В. Родзянко, министр внутренних дел — А. И. Гучков, министр иностранных дел—П. Н. Милюков, министр финансов—А. И. Шингарев, путей сообщения — Н. В. Некрасов, торговли и промышленности — А. И. Коновалов, главноуправляющий земледелия и землеустройства — А. В. Кривошеин, военный министр — А. А. Поливанов, морской министр — Н. В. Савич, государственный контролер — И. Н. Ефремов, обер-прокурор синода — В. Н. Львов, министр юстиции — В. А. Маклаков, министр народного просвещения — граф П. Н. Игнатьев».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции; 6-е делопроизводство, д. № 343, т. I, 1915 г. Донесение начальника московского охранного отделения от 14 августа, вх. 22914.

[2]) «Утро России» от 13-го августа 1915 г., № 222.

Как видит читатель, в этом списке фигурирует значительная часть тех самых лиц, которые вошли в состав временного правительства, лишь только буржуазия очутилась у власти.

Требование министерства, пользующегося доверием страны, становится общим для всех буржуазных организаций. 18-го августа на чрезвычайном заседании московской городской думы была принята резолюция, выдвигавшая лозунг «единение народного представительства со страной» и требовавшая «создания правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна».

К резолюции московской думы в ближайшие же дни присоединилось московское купеческое общество, петроградское купечество и совет с'ездов представителей торговли и промышленности [1]). Московский городской голова М. Челноков получил ряд приветственных телеграмм от местных городских дум, присоединяющихся к принятой московской думой резолюции. 26-го августа петроградская городская дума, обычно в политике отстававшая от московской, тоже приняла аналогичную резолюцию.

Такой под'ем оппозиционного настроения буржуазии, вызванный, с одной стороны, военными поражениями, а с другой, теми препятствиями, которые буржуазные организации встречали в своей работе на оборону, понятно не мог не отразиться на деятельности буржуазных политических партий. Он нашел свое выражение в организации так называемого прогрессивного блока.

Образование прогрессивного блока.

Один из активных участников блока — представитель октябристов С. Шидловский [2]) — пишет: «Когда стало очевидно, что без известной общественной организации правительство не справится с выпавшей на него задачей, среди думских партий возникла мысль о создании внутридумского об'единения».

Это об'единение создавалось «на почве общей работы для удовлетворения нужд, вызванных войной».

Эта-то необходимость «общей работы для удовлетворения нужд, вызванных войной», и заставила все буржуазные партии временно отложить «обсуждение тех вопросов, по которым между партиями существует непримиримое разногласие». В самом деле, что значили эти разногласия по сравнению с тем основным согласием, которое существовало у буржуазии по отношению к войне, и к тем возможностям, какие она открывала.

Если в первые месяцы войны буржуазия устами своей оппозиции в лице кадетов провозгласила отказ от всяких политических требований ввиду «грозных задач, стоящих перед страной»,

---

[1]) «Речь» от 24-го августа, № 232.

[2]) С. И. Шидловский, «Воспоминания», ч. 2-я. Берлин, 1923 г., стр. 43—45.

то теперь обстановка сложилась таким образом, что для осуществления своих требований буржуазия была поставлена перед необходимостью политической борьбы.

Это сформулировал московский городской голова Челноков при открытии IV всероссийского с'езда городов в марте 1916 г. [1]): «Мы не стремились, — говорил он, — развивать свою деятельность до тех рамок, в какие она вылилась в настоящее время. Вначале мы собирались помогать раненым и только. Но когда мы увидели, что правительство ведет страну к гибели и готовит армии разгром, мы из инстинкта самосохранения, из инстинкта государственности, того инстинкта, который чужд правительству, принуждены были вмешаться, взять дело в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили сделать это. Когда мы увидели, что правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства и замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа» (т.-е. буржуазии. — *Б. Г.*).

Образование прогрессивного блока нужно рассматривать как поворот в тактике буржуазии. Его создание означало переход от «деловой работы» к «вмешательству в политику».

Переговоры о соглашении между различными фракциями государственной думы и государственного совета с целью образования парламентского блока начались уже с первого дня открытия летней сессии государственной думы, т.-е. с 19-го июля. Предпосылкой об'единения явилось то единодушие, которое обнаружилось среди буржуазного центра думы почти по всем вопросам, стоявшим перед думой. Иллюстрацией такого единства могла служить единодушная работа военно-морской комиссии. Показательно, что председателем последней голосованием всех буржуазных партий, включая октябристов и националистов, был избран Шингарев. Выборы последнего тем более достопримечательны, что в третьей думе октябристы и националисты не только не думали выбирать кадета председателем комиссии по обороне, но и совсем не хотели пускать в нее кадетов.

Теперь же картина была совершенно иная. Вот как националист Савенко мотивировал необходимость выбора Шингарева председателем военно-морской комиссии: «Бывают положения, — говорил он, — когда функции контроля и критики независимая оппозиция может выполнить лучше, чем партии, которые по временам грешили излишним угодничеством перед властью. Поэтому А. И. Шингарев на своем посту может оказаться незаменимым» [2]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I. Донесение начальника московского охранного отделения от 13/III 1916 г., вх. 8041.

[2]) А. Хрущов, «А. И. Шингарев». Москва, 1918 г., стр. 71.

Несомненно, об'единению способствовала и угроза срыва правительством работ думы. Вскоре после заседания 28-го июля 1915 г., на котором были подвергнуты резкой критике недочеты военного дела и был поднят вопрос о переменах в командном составе армии, стали определенно поговаривать о роспуске думы. 5-го августа Родзянко сообщил членам думы личное мнение председателя совета министров Горемыкина о том, что думу надо распустить во вторую половину августа. Угроза роспуска думы явилась лишним толчком к об'единению буржуазных партий. На это указывала и буржуазная печать. Уже после оформления соглашения «Речь» писала [1]: «Можно сказать, что если бы такого соглашения не было заключено, то вся текущая сессия государственной думы повисла бы в воздухе и потеряла бы тот смысл, который связывает с ней страна... Ее роспуск явился бы в настоящую минуту совершенно естественным выводом из беспредметности ее дальнейшего существования».

Начало прогрессивному блоку было положено на заседании 6-го августа, на котором лидеры основных буржуазных партий (от кадетов — Милюков, от прогрессистов — Ефремов и от октябристов — Шидловский) сговорились об основах об'единения. Они решили, в целях создания единства, после военных законопроектов поставить на обсуждение, как наименее спорные и наиболее безобидные, проекты о волостном земстве и т. п. Об остальном предполагалось сговориться с центром государственной думы.

На этом же заседании выяснились и те группировки, которые могли войти в об'единение большинства государственной думы.

Против проекта об'единения выступили как правые, так и левые. Правые доказывали, что дума создана лишь для разрешения вопросов обороны, и решительно возражали против создания политического об'единения, с другой стороны, левые — трудовики и социал-демократы-меньшевики — настаивали на том, чтобы расширить программу работ думы, поставив на первый план требование политических свобод. На заседании лидеров фракций Милюков сказал: «Оба крайние фланга, возражая против единения и не соглашаясь на программу, которая одна только и может об'единить большинство в государственной думе данного состава, тем самым устраняют себя от возможного соглашения. Пределы этого соглашения очертились сами собой». Таким образом на первом же заседании совета старейшин наметились как программа блока, так и его участники. Поэтому кадеты и считали заседание 6-го августа днем создания прогрессивного блока.

Дальнейшие шаги к образованию блока последовали сейчас же вслед за этим заседанием. Представители фракций, между которыми наметилась возможность соглашения, были приглашены на частное совещание на квартире Родзянко 9-го августа. Здесь произошло окончательное соглашение думских фракций на законо-

---

[1]) «Речь» от 26-го августа 1915 г., № 234.

дательной программе фракции народной свободы с небольшими изменениями и дополнениями [1]).

В заседании представителей фракций 12-го августа были поставлены на обсуждение меры, необходимые для создания сильной власти и для восстановления к ней доверия страны. После обсуждения, наметившего точные формулы отдельных пунктов, была выбрана комиссия для выработки окончательного текста соглашения.

В состав этой комиссии вошли члены государственной думы: П. Милюков, И. Ефремов, С. Шидловский, К. Ростовцев и А. Савенко, и члены государственного совета: Д. Гримм, В. Гурко, кн. Оболенский, гр. Д. Олсуфьев и В. Меллер-Закомельский.

В заседании 19-го августа закончено было обсуждение программы блока и постановлено было немедленно передать ее на обсуждение фракций. В заседании 22-го августа были подведены итоги опроса фракций, внесших в программу лишь незначительные редакционные изменения, по принципиальным же вопросам ограничившихся лишь оговорками. В результате, в конце заседания 22-го августа, поздно ночью «соглашение было об'явлено заключенным».

Конструкция блока была установлена следующая: исполнительным органом парламентского блока являлось б ю р о под председательством члена государственного совета В. Меллер-Закомельского. В состав бюро входили следующие представители отдельных фракций и групп, примкнувших к блоку, — от государственного совета: от академической группы — Д. Гримм, М. Ковалевский И. А. Васильев; от внепартийных — В. Гурко, М. Стахович, князь А. Оболенский, гр. Д. Олсуфьев, А. Кони и И. Шебеко; от государственной думы: от кадетской фракции — П. Милюков, А. Шингарев, Н. Некрасов; от прогрессистов — И. Ефремов, В. Ржевский; от октябристов и октябристов-земцев — С. Шидловский, Е. Ковалевский, Милютин, А. Звегинцев, Н. Ростовцев, Алексеенко, И. Годнев; от группы центра — П. Крупенский, В. Львов и от прогрессивных националистов — А. Савенко и В. Шульгин [2]).

Это об'единение основного ядра оппозиционных буржуазии и помещиков, в противовес правительству, несомненно являлось наглядным доказательством той трещины, которая во время войны образовалась внутри господствующих классов.

Не только октябристы и националисты заговорили о необходимости реформ, но даже Пуришкевич нашел «в речах Павла Николаевича Милюкова и в речах Ефремова, и даже в речах

---

[1]) Государственная дума. Военная сессия. Отчеты фракции народной свободы, стр. 30.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III. Донесение начальника петроградского охранного отделения от 13/IX 1915 г., вх. 21797.

Чхеидзе, и в речах Караулова много истины, много святой правды, которая должна быть сказана в России, и той правды, которая должна в конечном результате обновить наш государственный организм. Кто будет спорить, г.г., о том, что нужны перемены, кто будет спорить о том, что нужен ряд реформ, что нужна реорганизация многих отраслей управления, что нужно обновить ту сгустившуюся атмосферу во внутренней жизни России, которая сгущена, благодаря массе подпольных сил, играющих сейчас, как никогда, громадную роль и оказывающих громадное влияние на ход жизни русского государственного корабля» [1]).

То, что даже Пуришкевич заговорил о необходимости реформ и «обновления сгустившейся атмосферы», служило лучшим доказательством глубокой трещины, образовавшейся внутри господствующих классов: даже правящая верхушка не могла больше жить «по-старому».

Крупной буржуазии вторила и мелкая. Вслед за Милюковым Керенский истерично выкрикивал: «Во имя нашего долга, во имя нашей родины мы должны сказать всем, кто сейчас не по праву держит в своих руках власть: уйдите, вы губите страну. Мы хотим ее спасать, дайте нам управлять страной, иначе она погибнет (Рукоплескания слева)» [2]).

Вообще же мелкая буржуазия во главе с думскими фракциями трудовиков и меньшевиков сочувственно отнеслась к образованию прогрессивного блока.

Политика меньшевиков, которые плелись в хвосте у буржуазных либералов, в отношении прогрессивного блока сводилась к двум моментам: «поддерживать» и «подталкивать». В этом отношении характерна речь Чхеидзе, который призывал блок стать «ближе к народу» и доказывал, что, «пока этот блок спиной будет обращен к народу, а лицом вот сюда (указывая на места правительства), он будет обречен на полное бессилие. Надо сделать оборот в сторону народа. Вот единственное условие, что вы действительно сделаете то, что нужно стране. Мы с своей стороны, г.г., заявляем, что все ваши прогрессивные шаги мы будем поддерживать, но, с другой стороны, мы вам заявляем, что все ваши соглашательские шаги с правительством мы будем разоблачать самым беспощадным образом» [3]).

Характерно, что в речи этого «социалиста» не было ни одного слова, которое бы разоблачало классовую сущность империалистических вожделений буржуазно-помещичьего блока. Чхеидзе обещал в дальнейшем разоблачать соглашательские шаги блока, как будто само образование блока не основывалось на таком соглашательстве.

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. 2-я, 12/II 1916 г., стр. 1499—1500.

[2]) Там же, заседание 6-е, 8/VIII 1915 г., стр. 537.

[3]) Там же, ч. 2-я, 10/II 1916 г., стр. 1282.

Изложив историю образования блока, обратимся теперь к тем основам, на которых было создано это соглашение между думскими фракциями.

Програма блока.

25-го августа 1915 г. в печати была опубликована, в виде декларации, за подписью представителей всех фракций, вошедших в блок, следующая программа блока:

«Нижеподписавшиеся представители фракций и групп государственной думы и государственного совета, исходя из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что такою может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти не может быть осуществлена без выполнения нижеследующих условий:

1) создание об'единенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы;

2) решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности:

а) строгое проведение начал законности в управлении;

б) устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций;

в) обновление состава местной администрации;

г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры как в порядке управления, так и в порядке законодательства:

1) в путях монаршего милосердия прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягченных преступлениями общеуголовного характера, освобождение от наказания и восстановление в правах, включая право участия в выборах в государственную думу, в земские и городские учреждения и т. д. лиц, осужденных за эти преступления, и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления, за исключением шпионов и предателей;

2) возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера;

3) полное и решительное прекращение гонений за веру, под какими бы то ни было предлогами, и отмена циркуляров, последо-

вавших в ограничение и извращение смысла указа 17-го апреля 1905 г.;

4) разрешение русско-польского вопроса, а именно: отмена ограничений в правах поляков на пространстве всей России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроектов об автономии царства польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении;

5) вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения и отмена стеснений в выборе профессий; восстановление еврейской печати;

6) примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемена в составе администрации и сената, прекращение преследований против должностных лиц;

7) восстановление малорусской печати, немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и сосланных, и освобождение тех из них, которые подвергались преследованию невинно;

8) восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии; восстановление рабочей печати;

9) соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения:

а) всех законопроектов, имеющих ближайшее отношение к национальной обороне, снабжению армии, обеспечению раненых, устройству участи беженцев и другим вопросам, непосредственно связанным с войной;

б) следующей программы законодательной работы, направленной к организации страны, для содействия победе и поддержания внутреннего мира:

уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение волостного земства, изменение городового положения 1890 г., введение земских учреждений на окраинах, как-то: в Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказе и т. д., законопроект о кооперативах, законопроект об отдыхе торговых служащих, улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих, утверждение трезвости навсегда, о земских и городских с'ездах и союзах, устав о ревизии, введение мирового суда в тех губерниях, где введение его приостановлено по финансовым соображениям, осуществление законодательных мер, в которых может встретиться необходимость при выполнении в порядке управления намеченной выше программы деятельности».

Программу эту подписали: от прогрессивной группы националистов — граф В. Бобринский, от фракции центра — В. Львов, от фракции земцев-октябристов — И. Дмитрюков, от группы союза 17-го октября — С. Шидловский, от фракции прогрессистов — И. Ефремов, от фракции народной свободы — П. Милю-

ков, от группы членов государственного совета — В. Меллер-Закомельский, Д. Гримм.

Программа блока говорит сама за себя. Целью буржуазии было прежде всего создать «сильную, твердую и деятельную власть», которая «может привести отечество к победе». Все пункты программы блока должны были (по мнению буржуазии) облегчить победу. Потому прогрессивный блок говорит о создании власти, которая опиралась бы «на народное доверие» (т.-е. доверие буржуазии) и была способна «организовать активное сотрудничество всех граждан» (т.-е. установить гражданский мир). Буржуазия стремилась к созданию своей власти и менее всего склонна была создавать власть на более широком социальном базисе. Она не требовала даже ответственного министерства, она требовала всего лишь создания «об'единенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». «Формула ответственного министерства, — пишут кадеты в своем отчете [1]), — составившая демаркационную линию между левой и блоковской тактикой, не встретила в эти дни всеобщего признания в качестве наиболее точного выражения основной потребности момента», так как «ставила состав кабинета в зависимость от соотношения думских фракций».

Итак, основной пункт программы являлся компромиссом между различными буржуазными группами, при чем программа блока равнялась на более правые круги буржуазии.

Одним из главных требований блока было «решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности». Каких убытков стоило буржуазии это «отсутствие доверия», мы увидим далее в главе о борьбе буржуазных организаций с правительством. Буржуазия требует прежде всего «строгого проведения начал законности в управлении», от отсутствия которых она немало страдала в условиях царизма. Так как у буржуазии не было своего военного аппарата и в этот период она еще и не мечтала об из'ятии армии из ведения «верховной власти», то она стремилась, по крайней мере, оградить проектируемое правительство от вмешательства военных властей. Поэтому одним из основных пунктов программы выставляется «устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций». Если она еще соглашалась оперативные дела предоставить царскому командному составу, то экономическую сторону войны, т.-е. главным образом снабжение и снаряжение армии, которое для нее имело первостепенное значение, она хотела из'ять из сферы воздействия

---

[1]) 4-я государственная дума. Военная сессия. Отчеты фракции народной свободы, стр. 26.

военных властей. В тех же целях — создания своей власти — она требует обновления состава местной администрации.

Вместе с тем блок выдвинул требование изменения городового положения 1890 г. В какую сторону могло итти это изменение, можно судить по проекту реформы городового положения, разработанному главным комитетом союза городов. Этот проект предполагал создание цензового городского самоуправления, при чем избирательные права городского населения были урезаны в значительно большей степени, чем права по выборам в государственную думу, установленные законом 3-го июня 1907 г.

«Законопроект городского союза, — писало ликвидаторское «Дело» [1]), — лишает избирательных прав громадную массу населения, не только рабочих, но мелкую и среднюю буржуазию и служащих. Согласно законопроекта, в провинции оклад в 70 р. в месяц будет недостаточен для получения прав по городским выборам, в то время как для участия в государственных выборах по закону 3-го июня 1907 г. нужен был оклад жалования в 50 р.». Союз городов решительно высказался против всеобщего избирательного права. Он считал, что препятствием к его осуществлению будут служить «технические затруднения», а также и то, что «огромный избирательный корпус» состоит из «лиц, дезорганизованных и не имеющих избирательного навыка». Нужна была революция, чтобы буржуазия, хотя бы на словах, согласилась на введение всеобщего избирательного права.

Требуя установления с в о е г о правительства, буржуазия уже заранее заботилась о возможности его устойчивого существования. Так как главная опасность для него заключалась в классовой борьбе и прежде всего в рабочем движении, реальная возможность которого была ярко продемонстрирована июльскими и августовскими (1915 года) рабочими забастовками, то одним из требований блока была «разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами». В целях сохранения «гражданского мира» буржуазия предлагала провести «в путях монаршего милосердия прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях», «возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера» и, наконец, «восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии и восстановление рабочей печати». Эти требования, которые скромно фигурировали на последнем месте среди мер, направленных к сохранению «внутреннего мира», несомненно, были вызваны необходимостью бросить подачку соглашательским партиям. Недаром последние

---

[1]) «Дело» № 3, 1916 г. В. Т р а п е з н и к о в, «Союз городов и права горожан».

оказывали весьма ценную услугу капиталу по части успокоения рабочих, которые в это время, как мы видели выше, начали уже пред'являть вместе с экономическими и политические требования.

Характерно, между прочим, что буржуазия специально подчеркивала необходимость улучшить «материальное положение почтово-телеграфных служащих» и провести законопроект об отдыхе торговых служащих. Этим буржуазия ставила ставку на более поддающиеся ее влиянию слои рабочих и служащих.

С этой же точки зрения — стремления к сохранению «внутреннего мира» и устранению «розни между национальностями» надо рассматривать требования прогрессивного блока в области национальной политики. Так, он требовал разрешения русско-польского вопроса, «вступления на путь отмены ограничения в правах евреев», «примирительной политики в финляндском вопросе» и, наконец, «восстановления малорусской печати». Подобные, хотя бы и робкие, требования о смягчении национальной политики царского правительства в годы войны властно диктовались обстановкой момента. Это понимало и само царское правительство, которое должно было пойти хотя бы только на декларативные уступки полякам, так как установление более или менее «дружественных» отношений с народностями, на территории которых велись военные действия, было необходимо по военным соображениям.

По этим именно причинам еще до войны кадеты в 3-й и 4-й думе требовали ряда мер по ограничению проводимой царским правительством политики «зоологического национализма».

Итак, рассмотрение программы прогрессивного блока показывает, что в общем и целом блок не шел дальше чрезвычайно скромных требований, осуществление которых открыло бы перед буржуазией широкое поле деятельности, связанной с войной, и дало бы возможность довести войну до столь необходимой, в интересах буржуазии, победы над срединными державами.

Первые шаги блока и борьба течений внутри его.

Но выработать требования и сговориться о них было для буржуазии значительно легче, чем провести их в жизнь. С этим блок столкнулся в первый же момент своего образования. Как сообщает отчет фракции народной свободы [1]), «при выработке программы стал вопрос о целях и назначении этого документа, что и вызвало большие разногласия. Совещанию было сообщено о готовности кабинета министров войти в переговоры, и отдельные члены совещания были готовы сделать предметом этих переговоров только что обсужденную программу. Однако оказалось, что это предложение вызвало такие разногласия, которые грозили «немедленным расколом». Поэтому в результате прений «решено было

---

[1]) 4-я государственная дума. Военная сессия. Отчеты фракции народной свободы, стр. 32.

считать, что соглашение закончено и имеет силу само по себе, независимо от употребления, которое из него будет сделано впоследствии. В данную же минуту решено было в переговоры с правительством не входить».

Однако, несмотря на это постановление, переговоры между представителями прогрессивного блока и правительством начались тотчас же. «На следующий день, 28-го августа, — сообщает отчет кадетской фракции, — министр П. А. Харитонов сделал совету министров обстоятельный доклад по поводу беседы с представителями блока». Судя по сообщениям печати, совет пришел к заключению, что программа парламентского соглашения в очень значительной части приемлема, но что осуществление ее не может быть взято на себя кабинетом в его настоящем составе. О первом пункте программы (министерстве доверия) совет постановил «довести до сведения верховной власти».

Так излагает историю переговоров кадетский отчет. Однако нужно сказать, что эти переговоры далеко не сочувственно были приняты членами блока. Здесь сказалось расхождение между кадетами и прогрессистами. Последние были настроены гораздо более решительно, чем кадеты.

Еще на совещании у Коновалова 16 августа прогрессисты высказались против поддержания блока, как «учреждения, не способного выпрямиться во весь свой рост» [1]). Поэтому первый шаг прогрессивного блока начетвереньках в переднюю министров естественно вызвал их неудовольствие. 28-го августа на квартире у Челнокова состоялось собрание, целью которого являлось «осведомление о происходящих ныне в Петрограде переговорах общественных деятелей и представителей прогрессивного блока с правительством». Коновалов, выступивший с докладом на эту тему, «обрисовал переговоры в самых мрачных красках». Он доказывал, что «общественные деятели, обратившись с требованием о смене министров к самим министрам, естественно сделали ошибку и попали в тупик. Переговоры с правительством, по мнению Коновалова, совершенно бесплодны. Настроение народа близко к отчаянию», и потому «необходимо скорее принять все меры, чтобы не довести народ действительно до такого морального состояния, когда он может выйти на единственно для него возможный в таком положении путь насилия и всяческих эксцессов». На такой же точке зрения стояли Рябушинский и председатель московского общества фабрикантов и заводчиков Н. Поплавский, который также указывал на брожение среди рабочих, которое он (как и всегда буржуазия в аналогичных случаях) относил за счет политики царского правительства. «Если бы, — говорил он, — не существующие политические условия, то производительность рабочего труда возросла бы

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 23553. Донесение начальника московского охранного отделения от 29 августа 1915 г.

в десять раз». Как видим, политические реформы представитель буржуазии расценивал прежде всего с точки зрения увеличения производительности труда, а тем самым и с точки зрения коммерческих прибылей и убытков.

В противоположность группе промышленников с примирительной речью выступил московский городской голова Челноков, который защищал поведение своих единомышленников по кадетской фракции. Он доказывал, что «далеко не исчерпаны все средства воздействия со стороны общества, что переговоры с правительством вести еще можно и требования прогрессивного блока не должны ставиться ультимативно». «Соглашение с правительством, — говорил он, — возможно и может быть достигнуто». В противоположность точке зрения Коновалова, считавшего, что правительство затягивает переговоры, пытаясь «выиграть время для более благоприятного для него положения как на фронте, так и в тылу, особенно в финансовом отношении, чтобы избавиться от государственной думы», Челноков надеялся, что «правительство колеблется и в такой момент не пойдет по пути диктатуры и разгона государственной думы. Политику правительства, направленную против буржуазии, Челноков и его группа об'ясняли тем, что «очевидно государю императору, все внимание которого сосредоточено на делах фронта, неизвестно в подробностях о том, что делается внутри страны и в чем видят спасительный исход все лучшие гражданские силы». Челноков возлагал особые надежды на манифестационную кампанию городских дум и других буржуазных организаций, в которых «властно должны прозвучать требования, обращенные к правительству, и этим раскрыть глаза верховной власти на действительное положение вещей в стране».

Такая умеренная позиция вполне соответствовала тогдашним настроениям кадетской партии, которая склонна была к еще более оппортунистической тактике по отношению к правительству, чем промышленники, особенно остро ощущавшие то, что власть не в их руках.

Кадеты всецело надеялись на соглашение с правительством и охотно на него шли. Как доносит начальник московской охранки, среди кадет была распространена та точка зрения, что «во время переговоров представителей прогрессивного блока с правительством со стороны блока можно было пойти на большие уступки, чего, к сожалению, блок не сделал, так как переговоры вели Милюков и Ефремов и, как люди определенных политических принципов, не проявили достаточной гибкости в таком дипломатическом деле». Кадеты отнюдь не надеялись на какие бы то ни было решительные перемены в правительстве: «В кандидатуру князя Львова на пост председателя совета министров, — продолжает отчет, — никто серьезно не верит, и кадеты не склонны особенно на этом настаивать». Кадеты, как видно из донесения, несомненно удовлетворились бы, если бы правительство пошло им на малейшие уступки. В этом отношении их требования были

более чем скромны: уход премьера Горемыкина и замена его представителем той же бюрократической среды Кривошеиным, который, однако, представлялся буржуазии более подходящей фигурой. Наконец, кадеты желали небольших уступок в национальном вопросе и считали необходимым «в интересах умиротворения» издать какой-либо акт, который, «не упоминая даже об амнистии, освободил бы часть политических заключенных и облегчил бы участь более тяжких преступников в этой области» [1]).

Итак, кадеты в противоположность прогрессистам проводили в прогрессивном блоке значительно более умеренную политику. Вместе с октябристами они составляли как бы центр блока.

В первые моменты его образования они надеялись, что именно в блоке найдена та давно искомая форма, которая безболезненно — без вооруженного восстания и без столыпинского усмирения — даст возможность добиться необходимых реформ. В этом отношении они противопоставляли себя и правым и левым. Создание блока являлось для кадетов в известной степени завершением «веховских» идеалов: «между бесом крепостнической реакции и бесом пролетарско-крестьянской революции проложить путь созидательному процессу», как писал Бердяев еще в 1909 г.

Создание блока окрыляло кадетов надеждами на мирное сожительство с властью.

«Центральное об'единение, — писал Милюков, — на плечах русской общественности вынесет Россию из трудного момента, какой мы теперь переживаем». Милюков надеялся, что «образование большинства в государственной думе приведет и к решению вопроса о власти». Однако оказывается, что в кадетском представлении разрешение вопроса о власти зависело от самой власти. «Это будет в том случае, — заключал Милюков, — если власть даст государственной думе беспрепятственно продолжать свою работу» [2]).

Как видим, не блок мог решить вопрос о власти, а власть могла решить вопрос о блоке, и она действительно весьма скоро это доказала, распустив государственную думу.

Наступление правых и роспуск думы.

Начало фронды буржуазии, которая пред'явила свое требование на участие во власти, естественно должно было вызвать соответствующее противодействие со стороны полукрепостников, которые фактически держали власть в своих руках и ни с кем не намерены были ею делиться. При сложившейся обстановке всякая реформа власти, т.-е. малейшее ограничение самодержавия, неизбежно должна была бы привести к потере привилегий этой

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 343, т. II, 1915 г., вх. 25567.

[2]) 4-я государственная дума. Военная сессия. Отчеты фракции народной свободы.

господствующей группой в пользу представителей буржуазии. Это формулировал в своей речи Марков 2-й: «Вопрос ясен, что им нужно: лукавые из блока говорят: не требуйте сразу ответственности, а то испугаются и некоторые находящиеся ныне в лоне Фридмана [1]), пожалуй, устыдятся, но суть от этого не меняется. Истина в том, что вы желаете захватить власть, которая по основным законам государства всецело принадлежит верховной власти, и вручить эту власть в руки ставленников шести фракций» [2]).

Тотчас же после образования прогрессивного блока черносотенная печать, поддерживаемая непосредственно из дворца и из департамента полиции, открыла бешеную юдофобскую кампанию против буржуазных претендентов на власть [3]). Так как капиталистическое развитие постепенно уничтожало полукрепостное землевладение в пользу буржуазного, полукрепостное дворянство так же, как и разоряемая капитализмом мелкая городская и сельская буржуазия, пылало ненавистью против власти капитала. Черносотенная печать вела кампанию против банков, которые она, из агитационных соображений, выдавала за еврейские, и против таких капиталистических организаций, как синдикаты, деятельность которых часто нарушала интересы помещиков как потребителей продуктов промышленности. Известно, какая борьба велась, например, между помещиками и синдикатом сельскохозяйственных машин, неимоверно вздувшим цены на свои изделия. Вот как интерпретировало буржуазные требования послание к русским людям союза русского народа: «Надев личину патриотизма, — говорило послание, — начертав на лживых знаменах своих «все для войны», а про себя помышляя: «все для захвата власти», жидо-масоны (?!) хотят добиться полного умаления прав самодержца всея России. С необычайной наглостью они требуют от царя назначения министров из их среды, — министров, «ответственных перед столкнувшимися политическими партиями, а не перед царем, министров, поставленных инородцами (!) и жидами (!), а не помазанником божьим государем императором. Это безумное требование внутренних врагов пред'является под предлогом единения правительства и общества для победы над врагом внешним. Начались самозванные с'езды. З а ш е в е л и л а с ь в с я о б и р а ю щ а я н а р о д п л у т о к р а т и я, п р е д с т а в и т е л и б а н к о в ж и д о в с к и х, с и н д и к а т о в о б щ е з е м с к о г о и г о р о д с к о г о с о ю з о в, н е т о р г у ю щ и е к у п ц ы Г у ч к о в ы, м е н я л ы Р я б у ш и н с к и е». Далее воззвание про-

---

[1]) Имеет в виду кадетов-евреев. — *Б. Г.*

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV, ч. 2-я, заседание 11/II 1916 г., стр. 1444—1445.

[3]) Как показывал в чрезвычайной следственной комиссии временного правительства Протопопов: «Марков 2-й ежемесячно получал 10—15, а может быть, и 20 тысяч из секретных сумм департамента полиции на содержание «союза русского народа» (см. «Падение царского режима», т. I, стр. 124—125).

странно разводило обычную черносотенную антисемитскую агитацию и призывало «русский народ» не допустить «умаления прав самодержца всея Руси».

Черносотенцы боялись, как бы правительство под давлением буржуазии не пошло на какие-либо уступки. «Жидо-масоны подняли такой гвалт, — говорило послание, — что правительство, не слыша голосов подлинного народа русского, не видя себе нравственной поддержки от русских людей, стало колебаться и может уступить наглым вожделениям внутренних врагов».

Черносотенные группы стали организовываться, чтобы с своей стороны оказать воздействие на власть. Лишь только открылась летняя сессия думы, как представители дворянства решили «возвысить» свой голос. Один из вождей крепостников-помещиков А. Н. Мосолов в заседании совета об'единенного дворянства, проводя параллель между 1915 и 1905 г.г., предлагает «осведомить правительство, что все пожелания, выдвинутые буржуазной оппозицией, совсем не разделяются благомыслящей частью всего народа, который, если потребуется, окажет поддержку правительству».

В противовес складывающемуся прогрессивному блоку другой лидер правых П. Н. Балашов предлагал создать «информационное бюро» правых и центра обеих законодательных палат, — «черный блок», как его называли кадеты. Инициатива создания этого блока исходила, повидимому, из государственного совета. Однако попытка правых привлечь к этому блоку националистов потерпела фиаско: во главе с графом Бобринским последние примкнули к прогрессивному блоку.

Будучи бессильны оказать противодействие прогрессивному блоку в стенах законодательных палат, правые помещики открыли кампанию за роспуск думы. Это требование было выдвинуто в письме председателя совета об'единенного дворянства А. П. Струкова. «По мнению об'единенного дворянства, — гласило это письмо, — произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребление печатным словом являются предвестниками новых смут, с целью изменения государственного строя России». В ряде городов состоялись совещания монархических организаций, принявших пожелания в духе положений письма Струкова. Резолюция совещания монархических организаций города Саратова гласила: «Государственная дума за полтора месяца не только не внесла в страну успокоения, но растревожила ее до последней степени. Особое неразумие и непригодность к вершению государственных дел выказали члены думы, организовавши прогрессивный блок, осуществление программы которого все немцы ждут с радостным трепетом». Собрание требовало установления крепостнической диктатуры. Оно считало, что «государственную думу, не оправдавшую задач, необходимо немедленно распустить» и «одновременно вручить власть лицу, облеченному неограниченными полномочиями». Совещание обращалось к правительству с требова-

нием «вспомнить 1905 г. и бросить политику уступок и принять меры против повторения смуты 1905 г.».

Мы привели эти постановления союза русского народа именно потому, что они отражали настроение господствующих групп дворянства, которое всецело разделялось, как в этом можно убедиться из писем Романовых, и ими самими и всеми придворными кругами. Но ряд дворянских обществ, захваченных общим оппозиционным настроением, особенно те из них, которые находились в капиталистических промышленных районах, где к тому же сельское хозяйство в годы войны находилось в значительно лучшем состоянии, выступили с протестом против письма, а часть из них постановила даже «неотлагательно выйти из организации об'единенных дворянских обществ» [1]).

Правительство, однако, отражало настроение не «прогрессивного» капиталистического дворянства, которое выступило с протестом против письма Струкова, а черносотенных крепостнических его слоев.

«Россия, — писала царица, — слава богу, — не конституционная страна, хотя эти твари (депутаты думы. — *Б. Г.*) пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться» [2]).

Правительство переходит в открытое наступление против буржуазной общественности. 3-го сентября государственная дума была разогнана. Сама по себе процедура роспуска думы настолько интересна, что ее стоит воспроизвести целиком.

«Заседание открывается в 2 часа 51 м. пополудни под председательством М. В. Родзянко.

Председатель. Об'являю заседание государственной думы открытым. Предлагаю государственной думе стоя выслушать высочайший указ. (Все встают.)

Товарищ председателя государственной думы Протопопов. «Указ правительствующему сенату. На основании ст. 99 основных государственных законов повелеваем: занятия государственной думы прервать с 3-го сентября сего года и назначить срок их возобновления, в соответствии с указом нашим правительствующему сенату 11-го января 1915 года данным, не позднее ноября 1915 г. в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение. На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано: «Николай». В царской ставке. 30-го августа 1915 г.».

Председатель. Государю императору «ура»! (Долго несмолкаемые крики «ура».) Об'являю заседание государственной

---

[1]) Журнал заседания об'единенных дворянских обществ, 25/X 1915 г. На правах рукописи.

[2]) «Переписка Николая и Александры Романовых», т. I. Письмо от 25/VI 1915 г.

думы закрытым. Заседание закрывается в 2 часа 53 м. пополудни»[1]).

Рабская психология думских депутатов была настолько сильна, что, даже когда их разгоняли, они кричали «ура».

Помимо роспуска думы, Николай предпринял значительные изменения в составе министерств и военного командования. В последнем отношении самым крупным событием было смещение Николая Николаевича, который в глазах правящей верхушки являлся главным конкурентом Николая II и наиболее крупной фигурой из царской семьи, на которую могла опереться буржуазная фронда.

В течение сентября были уволены все те министры, которые были назначены в момент наибольшей паники правительства. Тогда Александра могла изливать свою злобу против оппозиции только в интимной переписке с своим мужем. «Мне хочется отколотить почти всех министров и поскорее выгнать Щербатова и Самарина», — писала она. Теперь это пожелание, по крайней мере в последней его части, уже можно было привести в исполнение, хотя это и представляло еще некоторые трудности. После роспуска думы должно было пройти больше трех недель, прежде чем Николай сумел осуществить это решение, да и то оно потребовало «помощи» сверхестественных сил. Перед одним из заседаний совета министров, на котором Николай должен был расправиться с этими ненавистными министрами, Александра ему писала: «Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы его (Распутина) гребнем. О, как я буду думать и молиться за тебя, мой любимый, более чем когда-либо»[2]).

В середине сентября эти министры были действительно уволены. Все это вместе взятое ясно указывало на поворот правительственной политики к решительному наступлению против «буржуазной общественности».

Тактика прогрессивного блока в связи с под'емом рабочего движения.

Как мы видели выше, роспуск думы и переход правительства в наступление против буржуазных организаций совпали с сильным под'емом рабочего движения. Последнему способствовала экономическая обстановка в июле — сентябре 1915 г. Под влиянием сужения производства на нужды мирного потребления промышленность сократилась. Мобилизация же промышленности только что началась, и военное производство еще не успело наладиться. Как мы уже указывали в своем месте, именно на эти месяцы

---

[1]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, сессия IV. Заседание 16-е от 3/IX 1915 г., стр. 1207.

[2]) «Переписка Николая и Александры Романовых», т. I. Письмо от 26/IX 1915 г.

падает наибольшее сокращение реальной заработной платы, особенно в текстильной промышленности. Это и создавало предпосылку для сильного рабочего движения. Вполне понятно, что в условиях снижения заработной платы роспуск думы послужил поводом к резкому выступлению пролетариата. На роспуск думы рабочие ответили стачкой в сентябре 1915 г. Число стачечников превысило все другие месяцы 1915 г., достигнув 113,8 тыс. человек. Движение приняло ярко выраженный политический характер. 14 и 15 сентября в Москве произошли даже вооруженные столкновения с полицией.

Сильный под'ем рабочего движения не мог не оказать влияния на позицию буржуазии. «Сочувствие народа» в борьбе с правительством ей было, конечно, желательно, но... не в таких размерах и не в таких формах.

Буржуазия приняла активные меры к успокоению рабочих. В дни забастовки московский городской голова Челноков раз'езжал по бастовавшим предприятиям, убеждая рабочих, что забастовки в условиях борьбы с «вековечным врагом» недопустимы [1]).

Несколько позже начальник петроградского охранного отделения доносил [2]): «Из депутатских отчетов (кадетов) о поездках в провинцию видно, что кадеты всюду отметили характерное пробуждение интереса к общественно-политическим вопросам, на что они возлагают большие надежды. Однако гораздо менее довольны кадеты тем, что в результате (?) их агитационной деятельности одновременно усиливается революционное движение и настроение не-кадетского толка. Хотя кадеты и делают все усилия, чтобы это движение шло по общему с кадетами руслу, однако результаты их попыток оказались крайне ничтожными».

Но не одним только рабочим движением определялось настроение буржуазии и ее тактика после сентября. Рассматривая состояние промышленности в 1915—1916 г.г., мы видим, что наибольшее падение промышленность переживала в августе — сентябре 1915 г., после чего начинается новый под'ем, который влечет за собой и некоторый под'ем заработной платы. Последнее, несомненно, и оказало свое влияние на рабочее движение этого периода. Тогда как в сентябре число забастовщиков составляло 113.000 человек, в октябре оно понизилось до 70.000, в ноябре— до 30.000 и в декабре — до 17.000.

Вот этот-то перелом в экономическом и политическом положении и оказал громадное влияние на всю позицию буржуазии, в частности — прогрессивного блока. В характере этого перелома нужно искать корни той борьбы, которая развернулась внутри прогрессивного блока после сентября.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 341, т. II, 1915 г., вх. 25677.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, дело 167, ч. 57-я, 1915 г., вх. 318. Донесение от 31/XII 1915 г.

Нужно иметь в виду, что начавшийся временный военный под'ем неодинаково захватил различные отрасли промышленности. Наибольшую повышательную тенденцию обнаружили отрасли, тесно связанные с работой на оборону, т.-е. прежде всего металлообрабатывающая промышленность, химическая, горная, горнозаводская и т. п. Под'ем почти не захватил таких отраслей промышленности, как хлопчатобумажная и шерстяная; последняя испытывала особенно сильный недостаток в сырье.

Это, в свою очередь, влияло на образование различных течений внутри прогрессивного блока, именно — представители текстильной промышленности — Коновалов и Рябушинский тянули блок в сторону разрыва с правительством, тогда как буржуазное большинство, возглавляемое кадетами, склонялось к соглашению. В то время как крупные металлургические предприятия были завалены заказами, так как правительство без них никак не могло обойтись, представителям таких отраслей, как текстильная, приходилось довольно туго. Эта отрасль особенно остро ощущала на себе неправильное распределение заказов царской казной. Предприятия, которые были созданы или переоборудованы специально для военных нужд (что широко практиковалось, например, московскими мануфактуристами, были чрезвычайно заинтересованы как в получении от правительства кредита на основание новых предприятий, так и в сбыте своих изделий.

Тактика умеренности на сентябрьских с'ездах буржуазии.

Роспуск государственной думы в момент, когда буржуазия поставила вопрос о реформе власти, означал переход правительства в наступление против буржуазии. Естественно, перед последней стал вопрос о том, как «реагировать на определившуюся политику правительства». Буржуазия признавала положение чрезвычайно грозным. На другой же день после роспуска думы происходит собрание целого ряда буржуазных общественных и партийных организаций. В одной Москве в один день было 11 собраний [1]).

Тревожное настроение буржуазных деятелей отразилось на земском и городском с'ездах, происходивших в середине сентября 1915 г. В ряде речей были освещены крайне тяжелое положение армии, недостаток снарядов и снаряжения, бессистемность командования, а самое главное — внутренняя политика правительства, которая, по мнению буржуазии, являлась одной из главных причин революционного движения рабочих. «Недалеко то время, — говорил один из ораторов М. Федоров, — когда штыки с фронта повернутся на Петроград, ибо имеются налицо все признаки, что мы накануне вооруженного восстания». (Как раз в эти дни забастовочное движение достигло наибольшей силы, а в Москве происходили даже стычки с полицией.)

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, ч. 12-я, 1915 г., вх. 25557.

Именно угроза рабочего движения заставляла буржуазию быть чрезвычайно осторожной в своей борьбе с правительством. Это сказалось уже на другой день после роспуска думы. Наиболее левые элементы на заседании московской городской думы еще 4-го сентября, т.-е. на другой день после роспуска государственной думы, настаивали на открытой борьбе с правительством путем прекращения деятельности всех обслуживающих фронт и тыл общественных организаций. Но это предложение отнюдь не соответствовало настроению большинства буржуазии. На том же заседании, как отмечает «памятная записка» московской охранки, «более умеренные во главе с М. В. Челноковым, учитывая возможность воздействия на правительство постановлений будущих с'ездов (земского и городского союзов) и надеясь на благоприятные результаты личного обращения их депутации к монарху, старались провести сдержанный план действий, ограничиваясь только как бы предостережением правительству».

«Последнее течение победило», результатом чего явился известный приговор московской городской думы, который ограничился лишь декларативным требованием «скорейшего возобновления работ законодательных учреждений и создания правительства, которому могла бы верить страна».

Против рабочего движения, как всегда в таких случаях, буржуазия выдвинула версию о провокации.

Буржуазия усиленно муссировала слухи, будто правительство всей своей тактикой намерено провоцировать рабочее движение, чтобы, пользуясь предлогом возникновения революции, заключить сепаратный мир. Ходили слухи, что «государь находится в плену у черного блока», у «придворной германофильской партии», которая, «скрывая от государя истинное положение вещей, явно стремится посеять всеобщее недовольство и вызвать всеобщую смуту». Последнее обстоятельство «сильнее личной воли монарха, верного долгу союзнической дружбы». «Если в настоящее время по всему лицу земли русской широкой волной разольется общественное недовольство, если станут фабрики и заводы, если прекратится железнодорожное движение, словом, если начнется всеобщая забастовка, если порвется живая связь между армией и народом, если народ потеряет веру в армию, а армия, увидев себя предательски покинутой страной перед лицом врага, должна будет уйти с фронта для усмирения внутреннего врага, — тогда сепаратный мир неизбежен».

Понятно, что против такой «провокации» буржуазия рекомендовала «полное самообладание и никаких внутренних смут, чтобы не дать противнику осуществить его адский замысел» [1]).

Такими версиями буржуазия прикрывала свой страх перед рабочим движением и подготовляла почву для его подавления.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 26380. Донесение от 18/IX 1915 г.

«Эти информационные сведения, — доносит охранка, — выяснившие для участников совещаний (земских и городских союзов) положение в противоположном лагере, предопределили весь дальнейший ход событий на земском и городском с'ездах».

Вот этим и об'ясняется, что земский и городской с'езды были проведены таким образом, чтобы не подливать масла в огонь всеобщего недовольства. В последнем отношении чрезвычайно характерен эпизод с недопущением на с'езд представителей рабочих. «Сознавая всю нервность настроения в стране, — доносила охранка [1]), — созданную текущими событиями, и опасаясь неосторожными действиями вызвать анархистские проявления в низших слоях населения, организаторы обоих с'ездов решительно воспротивились участию в них представителей от московских рабочих, несмотря на все попытки левой группы своих членов допустить такое участие». Между прочим, характерно, что уже в 1915 г. посредником между буржуазией и оппортунистически настроенными рабочими являлся Керенский. Когда депутация от рабочих пришла на с'езд и просила допустить ее на собрание, «хотя бы с совещательным голосом», — к ним вышел член государственной думы Дзюбинский, чтобы сообщить им о недопущении на с'езд; в это время в кулуарах появился Керенский, который, вступая в беседу с группой рабочих, приглашал их прекратить забастовку, которая в настоящее время «не имеет серьезного значения», и «заняться своей внутренней организацией». Тогда, по его словам, «либеральная буржуазия не посмеет отклонить их участие в политических совещаниях». Как видим, предложение было блестящее: «прекратить забастовку», а тогда — «либеральная буржуазия не посмеет»...

Итак, все заседания земского и городского с'ездов проходили под непосредственной угрозой рабочего движения.

Гучков призывал городской с'езд «скорее об'единиться и сорганизоваться для борьбы с «анархией», которая вызвана деятельностью правительства. «Не для революции,—говорил он,—мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти, в целях защиты родины от революции и анархии». Он призывал «сделать последнюю попытку и через наших представителей открыть верховной власти глаза на то, что происходит в России», а для этого послать царю депутацию.

Вопрос о депутации вызвал со стороны левой части с'езда, представлявшей главным образом третий — земский и городской — элемент, резкий протест. Они находили посылку депутации «бесполезной и унизительной», так как «время челобитных уже прошло», и «теперь требуют, а не просят».

Однако победило более умеренное буржуазное большинство. Лидер кадетов Шингарев доказывал необходимость «держаться

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 25534.

более умеренной и осторожной тактики и не выдвигать требований, на удовлетворение которых власть не пойдет» [1]).

«В общем, — доносит об этом с'езде охранка, — при всей страстности речей своих ораторов, оба с'езда, благодаря сдерживающему руководительству своих председателей, прошли сравнительно спокойно и приняли резолюции более умеренного характера, чем можно было ожидать от того настроения, которое предшествовало этим с'ездам».

И действительно, — как отмечает донесение департамента и как мы читаем в отчете союза городов, — попытка левой части с'езда провести более резкую резолюцию, составленную, по словам отчета, «в более пространных и энергичных выражениях» и заявлявшую о «необходимости создания ответственного коалиционного министерства», не удалась: из 150 присутствующих за нее голосовало 33 человека. Подавляющим большинством была принята более умеренная резолюция, предложенная главным комитетом. «Затем, — читаем мы в отчете, — возник вопрос о доведении содержания резолюции до сведения государя императора» [2]).

Было принято постановление о посылке депутации к царю с целью «довести до сведения государя императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и представить мнение с'езда о необходимости:

1) Довести войну до победного конца; 2) незамедлительного восстановления работ законодательных учреждений и 3) призыва к власти людей, пользующихся доверием страны» [3]).

В состав депутации от городов были выдвинуты Челноков и Рябушинский [4]), от земского с'езда кн. Г. Е. Львов, И. В. Каменский (Екатеринослав) и С. А. Маслов (Орел) — оба последние октябристы [5]).

Характерно, что левая часть с'езда решительно запротестовала против выдвинутой первоначально кандидатуры Гучкова. Его отвели, как человека, «не пользующегося общественным доверием». Ему припомнили его работу в 3-ей думе в комиссии по обороне, куда он не хотел пускать кадетов, и то, что закон 3-го июня был издан при его несомненном влиянии и участии. «Речь депутата, отводившего Гучкова, — доносит охранка, — была покрыта дружными рукоплесканиями всего собрания, и Гучков был забаллотирован. На его место был избран Астров» [6]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 25949.

[2]) Всероссийский союз городов. Очерк о деятельности за 1914—1915 г.г., стр. 26—27.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 25949. Ср. с очерком деятельности всероссийского союза городов, стр. 26—27.

[4]) Там же, вх. 25947. Донесение от 14/IX 1915 г. Ср. с очерком деятельности всероссийского союза городов, стр. 27.

[5]) Там же. Вх. 25949.

[6]) Там же, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1915 г., вх. 2555. Донесение начальника московского охранного отделения от 9/XI 1915 г.

Случай с Гучковым обнаружил разногласия, существовавшие между различными группами, входившими в блок. Как доносит охранка, «в кулуарных разговорах во время этого же с'езда Милюков и Ефремов говорили, что блок висит на волоске».

Итак, сентябрьские с'езды земского и городского союзов, происходившие в момент сильного под'ема рабочего движения, выявили стремление буржуазии сделать все попытки для соглашения с царизмом. Характерно, что с'ездовские резолюции не были опубликованы. Как говорил один из участников с'езда, «опубликовать в печати принятые резолюции значило бы обратиться к народу», потому это предложение было категорически отвергнуто большинством с'езда, который, вместо обращения к народу, предпочел послать депутацию к царю.

Однако и эта попытка буржуазии потерпела полный крах. Царское правительство не обнаружило большой склонности прислушиваться к «тревогам и чаяниям, волнующим страну». Уполномоченным от депутации кн. Г. Е. Львову и В. М. Челнокову в приеме было отказано [1]). Так как царь не нашел возможным принять депутацию с'ездов «по вопросам, не входящим в прямые задачи земского и городского союзов», то депутации пришлось об'ясняться с министром внутренних дел кн. Щербатовым и через него вторично добиваться приема.

Отношение придворной клики к буржуазной оппозиции и в частности к всевозможным депутациям буржуазных организаций прекрасно выражено в переписке Романовых. «Очень хорошо, что ты не принял Родзянко, — писала Александра Федоровна царю 17-го сентября 1915 г., — они тотчас же повесили носы. Ты распустил думу, а они думали, что ты не посмеешь; все это отлично. Теперь ты, слава богу, не принял московскую депутацию — тем лучше; они намереваются опять просить, но ты не соглашайся, а то можно подумать, что признаешь их существование» [2]).

Посылка депутаций настолько встревожила царствовавшую чету, что истеричная Александра готова была призвать на помощь все высшие силы для уничтожения ненавистных оппозиционеров. «Правда ли, что собираются послать к тебе Гучкова и еще других с депутацией из Москвы? — спрашивала она Николая в письме от 11-го сентября 1915 г. — Тяжелое железнодорожное несчастие, от которого он один бы только пострадал, было бы заслуженным наказанием от бога». Таким образом верноподданнический шаг буржуазии не был по достоинству оценен свыше...

Опираясь на начавшееся промышленное оживление, особенно в отраслях, связанных с поставками на армию, и отчасти на некоторое затишье на фронте, которое выражалось в переходе к позиционной войне, правительство начало наступление против

---

[1]) Доклад членов депутации.

[2]) «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III, 1923 г., стр. 357.

буржуазной оппозиции. В тот же день, после отказа принять депутацию, правительство удалило министра внутренних дел князя Щербатова, который по своей позиции был довольно близок к руководителям буржуазных общественных организаций. Охранка отмечала циркулировавшие в Петрограде в сентябре слухи, будто «министры — князь Щербатов, Сазонов и Поливанов, резко настроенные против статс-секретаря Горемыкина, в частных беседах с депутатами прогрессивного блока давали понять, что они всеми силами будут содействовать удалению председателя совета министров и проведению наиболее приемлемых пунктов программы блока». Что эти слухи были не так уже неправдоподобны, доказывает тот факт, что как раз эти министры, Щербатов прежде всего, а затем и остальные, постепенно должны были оставить свои посты, к довольно большому огорчению руководящих кругов буржуазии, терявших в составе правительства «своих» людей.

Расправа с правительством после войны.

Правительство прекрасно учитывало, что в данный момент буржуазная оппозиция реальной опасности для него не представляет, что буржуазия дальше «словесности» «не посмеет» пойти, так как ей непосредственно угрожает рабочее движение. Свое бессилие прекрасно понимала и сама буржуазия. Беспомощность буржуазии в борьбе с правительством как нельзя лучше выражена в много нашумевшей в свое время статье Маклакова в «Русских Ведомостях» [1]) под названием «Трагическое положение».

Вот эта чрезвычайно характерная статья:

«Развитие техники создало это положение; в таком остром виде его не могло бы быть прежде ни прямо, ни аллегорий.

«Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге, один неверный шаг — и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша.

«И вдруг вы видите, что ваш шоффер править не может; потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках, или он устал и уже не понимает, что делает, но он ведет к гибели и вас и себя, и если продолжать ехать, как он, перед вами — неизбежная гибель.

«К счастью, в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересесть на полном ходу нелегка и опасна; одна секунда без управления, — и автомобиль будет в пропасти.

«Однако выбора нет, — вы идете на это, но сам шоффер не идет. Оттого ли, что он ослеп и не видит, что он слаб, и не соображает, из профессионального самолюбия или упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает.

---

[1]) «Русские Ведомости», 1915 г., № 221.

«Что делать в такие минуты?

«Заставить его насильно уступить свое место? Но это хорошо на мирной телеге или в обычное время на тихом ходу, на равнине; тогда это может оказаться спасением. Но можно ли сделать это на бешеном спуске по горной дороге? Как бы вы ни были и ловки и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессильем: «не посмеете тронуть».

«Он прав: вы не посмеете тронуть; если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решили силой выхватить руль: — пусть оба погибнем, — вы остановитесь: речь идет не только о вас: вы везете с собой свою мать; ведь вы и ее погубите вместе с собой, сами погубите.

«И вы себя сдержите, вы отложите счеты с шоффером до того вожделенного времени, когда минует опасность, когда вы будете опять на равнине; вы оставите руль у шоффера. Более того, вы постараетесь ему не мешать, даже будете помогать советом, указанием, содействием. Вы будете правы, так и нужно сделать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шоффер не управится, что будете вы переживать, если ваша мать, при виде опасности, будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?».

Статья эта в свое время вызвала всеобщее внимание и сочувствие среди буржуазии. Ссылаясь на заявление известного члена кадетской партии Кизеветтера, охранка отмечала, что статья эта «вызвала массовые выражения благодарности по адресу автора и редакции, номера же газеты с этой статьей специально ради нее были затребованы в значительном количестве» [1]).

И действительно, статья вполне соответствовала господствовавшим тогда настроениям руководящих кругов буржуазии. Она удивительно метко схватила действительное положение вещей. Шоффер, т.-е. царское правительство, ведет буржуазную машину к гибели и неумением организовать ведение войны и всей своей политикой, которая грозит вызвать революционный взрыв среди рабочих, грозит увлечь в пропасть всю буржуазно-помещичью машину. Правительство это знает и глумится над буржуазией: «не посмеете тронуть». И сам Маклаков, отражая общее настроение, пишет: «он прав, вы не посмеете тронуть». У Маклакова здесь фигурирует сидящая в машине родина — мать. Однако

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, 1915 г., вх. 28145. Донесение от 2/X 1915 г.

если вместо последней подставить «господина капитала», то картина будет более верная. Октябрьская революция показала, что существованию последнего действительно угрожала гибель. Угроза эта была достаточна для того, чтобы буржуазия готова была отложить счеты с царизмом до того вожделенного времени, когда «минует опасность».

Мы увидим, как буржуазия не только оставит руль у царского правительства, более того, — она «постарается ему не мешать, будет помогать советом, указанием, содействием».

Однако лозунг «отложить счеты с правительством до окончания войны» был для буржуазии лишен смысла уже потому, что «министерство обороны» нужно было ей как раз для того, чтобы вести войну. «Отложить счеты до окончания войны» на самом деле являлось отказом от какой бы то ни было борьбы. Это значило пообещать не что иное как после драки помахать кулаками. По существу, лозунг расплаты после войны был нужен руководящим кругам буржуазии лишь для одурачения масс. В закрытых собраниях, в своем кругу кадеты откровенно разглагольствовали об опасности «грядущего хама» и анархии, а для «внешнего употребления» фигурировала эта ничего не стоящая пустышка — «расплата после войны».

Итак, уже в 1915 г. вскрылись основные противоречия между буржуазией и царизмом.

Военные поражения, ответственность за которые возлагалась на царское правительство, наряду с начавшимся рабочим движением, вызывали недовольство широких кругов буржуазии и капиталистических помещиков.

Оно еще больше усиливалось борьбой из-за военных заказов, при помощи которых правительство держало в своих руках распределение прибылей буржуазии, организовавшейся для борьбы с правительством в военно-промышленные комитеты. Наконец, угроза сепаратного мира, подготовлявшегося царским правительством, еще более усиливает буржуазное оппозиционное движение. Все это увеличивает политическую активность буржуазии, приводя ее к требованию ответственного министерства и к организации прогрессивного блока.

Однако угроза революционного рабочего движения, с одной стороны, и начавшаяся работа промышленности на оборону, с другой, — вызывают некоторый упадок политической активности буржуазии и ее «успокоение». Октябрь — декабрь 1915 г. проходит более или менее тихо. Буржуазия целиком уходит в «деловую» работу по снабжению армии, пока новое резкое обостре-

ние экономического кризиса и усиление рабочего движения, поставившие ее перед непосредственной угрозой революции, не заставили ее вновь пойти на обострение борьбы, чтобы добиться участия во власти и этим попытаться предотвратить неизбежную революцию.

Глава девятая.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ БУРЖУАЗИИ В 1916 г.

Затишье первых месяцев 1916 г.

В предыдущей главе мы видели, что оппозиционное настроение, господствовавшее среди буржуазии в июле—сентябре, сменилось к концу 1915 г. известным успокоением. Этот «штиль» еще продолжался и в первые месяцы 1916 г., отмеченные сильным развитием рабочего движения, которое по своему размаху мало уступало сентябрьской стачечной волне.

Хотя буржуазии и приходилось работать в чрезвычайно «трудных для нее условиях», все же это было ничто по сравнению с грозящей революцией. На втором всероссийском с'езде военно-промышленных комитетов 26-го февраля 1916 г. Львов сказал: «Мы живем и работаем в постоянной борьбе, окруженные неприятелями, каждый шаг наш заподозрен, каждое дело вызывает противодействие. Здесь, дома, в мирной домашней обстановке — застарелая рознь, затяжная скрытая война» [1]). Однако для буржуазии худой мир с царским правительством был лучше доброй ссоры с ним. Она все еще не теряла надежды на победу, к тому же хотя буржуазным организациям, как мы видели выше, и весьма туго приходилось в отношении получения заказов и авансов из казны, но все же, несмотря на это, буржуазия получала достаточные барыши. Поэтому прекращение войны в данный момент для нее было опаснее всего.

Однако эта угроза со стороны царского правительства, отражавшего интересы помещиков-полукрепостников, которые не так были заинтересованы в войне, как прочие империалистические группы, — была вполне реальной. К тому же к ним теперь присоединился ряд помещиков, бывших экспортеров из производящих районов России, которым война принесла не только сокращение экспорта на заграничные рынки, но и затруднение в ввозе на

---

[1]) 1-е отделение экономической секции ЕГАФ. Архив министерства торговли и промышленности. Дело центрального военно-промышленного комитета, № 365, II всероссийский с'езд военно-промышленных комитетов, заседание от 26/II 1916 г.

внутренние, вследствие чего для них становилось неизбежным сокращение посевной площади.

Напуганная слухами о сепаратном мире буржуазия в этот период всячески избегала каких бы то ни было конфликтов с царским правительством. Распространяя нелепые слухи о провокации правительства, готовящего будто бы революцию ради заключения сепаратного мира, буржуазия упорно призывала «не поддаваться этой провокации». Этим об'ясняется, что весенняя сессия думы прошла более или менее спокойно. Хотя, как мы увидим далее, левое крыло буржуазии, руководимое отчасти московскими мануфактуристами, а отчасти мелкобуржуазными попутчиками из третьего элемента земств — технической интеллигенции и т. п., было настроено значительно радикальнее, общее настроение было весьма сдержанно.

Как доносит охранка [1]), в «одном из заседаний думской фракции кадетов Милюков, сдерживая более нетерпеливых и раздраженных членов фракции, приводил такой аргумент: «ради бога, не поддавайтесь на провокацию правительства; всеми силами души стремясь к сепаратному миру с Германией, правительство стремится вызвать осложнения в стране. Эти осложнения развязали бы ему руки: с одной стороны, ссылаясь на рост революционного движения в России, правительство об'яснило бы перед союзниками невозможность продолжения кампании, с другой стороны, ответственность за проигрыш кампании оно возложило бы на революционные и оппозиционные круги: победа, мол, была обеспечена, но ваше преступное поведение помешало нам довести ее до конца. Не поддавайтесь же на подобную провокацию тонущей реакции, не стройте ей желанных мостков, не снимайте с нее всей тяжести ответственности за новый военный разгром. Сейчас нам остается одно — все терпеливо снести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочущее настроение, и все потому, что, при предстоящей близкой расплате, положение правительства представляется безнадежным и торжество русского либерализма — полным и безусловным».

Еще накануне открытия думы буржуазия твердо решила «все терпеливо сносить, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочущее настроение». Накануне открытия думской сессии буржуазные лидеры оживленно обсуждали вопрос об отношении к правительству и о том, какие требования ему пред'явить, и решили никаких требований не пред'являть. В начале февраля у московского городского головы Челнокова состоялось совещание «общественных деятелей», на котором и обсуждалась тактика буржуазии во время открытия предстоящей думской сессии. Настроение оказалось довольно единодушным.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г., вх. 6350, донесение от 29/II 1916 г.

Почти без споров были приняты следующие руководящие решения: 1) по возможности, избегать всяких конфликтов с правительством, 2) выступить с пред'явлением минимальной программы прогрессивного блока, 3) ни в коем случае не требовать учреждения ответственного министерства [1]).

Повидимому, царское правительство «оценило» миролюбие буржуазии. 9-го февраля 1916 г. царь посетил в первый раз за все время войны государственную думу. По внешности это посещение было обставлено со всем свойственным думе лакейством: «Какая радость нам, какое счастье! наш русский царь здесь среди нас», восклицал Родзянко под «несмолкаемые клики «ура» и исполнение членами думы «народного гимна» [2]).

Однако это был только внешний этикет. На самом же деле буржуазия, как мы об этом узнаем из филерских донесений, «отнеслась весьма сдержанно к этому визиту». «Если бы это было сделано, — говорил Ефремов, — в романтическую пору, в начале войны, в первую военную сессию, тогда бы несколько слов, сказанных в государственной думе, заставили бы кричать «ура» даже ослов». А теперь, вопреки официальному отчету, даже кадетские ослы молчали. И в выступлении Штюрмера звучали нотки некоторого соглашения с буржуазией. Однако кадетского воробья на такой словесной мякине провести было уже нельзя. Он не кричал «ура» и во всяком случае был уже достаточным скептиком. «Мы словам давно перестали верить, — говорил Шингарев, — пусть правительство на деле покажет свое желание работать совместно с государственной думой», а Родичев прибавлял: «Штюрмер — придворное ничтожество, он от роду правды не говорил» [3]).

В этот период буржуазия еще воздерживалась от оппозиционных выступлений, — как констатировал князь Львов, «общественные организации ушли в чисто практическую работу по обслуживанию армии». Приблизительно такое же сдержанное настроение проявилось и на весенних земском и городском с'ездах.

Тактика кадетов и прогрессистов.

Часть буржуазии, особенно московская, была настроена значительно более оппозиционно. В следующем разделе мы более подробно остановимся на ее тактике. Буржуазное же большинство, о котором мы говорим сейчас, проводило на с'ездах умеренную политику. На собрании представителей общеземского и обще-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1916 г. Донесение начальника московского охранного отделения от 7/II 1916 г., вх. 5677.

[2]) Стенографические отчеты государственной думы IV созыва, IV сессия, 1916 г., ч. 2-я.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 4-е делопроизводство, № 344. «Дело о государственной думе».

городского союза 29-го января 1916 г. по вопросу о програме и тактике предстоящих с'ездов обоих союзов было постановлено запросить бюро прогрессивного блока, «может быть, по условиям текущего политического момента оно признает нужным некоторые вопросы снять с очереди и ввести какие-либо новые вопросы». На собрании выяснилось, «что многие его участники желали бы поставить с'езды исключительно в рамки обсуждения деловых вопросов, но все же они опасались, что едва ли представится возможным ограничить с'езды рассмотрением только деловой програмы, так как в Москве и Петрограде высказываются мнения, главным образом со стороны прогрессистов и левой группы кадетов, о невозможности обойти на этих с'ездах политические вопросы, как, например, нельзя будет замолчать вопрос об отказе верховной власти в приеме депутации, избранной на сентябрьских с'ездах» [1]).

Предвидя возможность выступления левой части буржуазии, правое крыло, во главе с Милюковым, организует ряд выступлений на с'ездах и собраниях с целью убедить буржуазную общественность в необходимости оказать воздействие на крайне левые группы, «дабы удержать их от резких выступлений во время войны». Незадолго до открытия с'езда в Москве на собрании у Львова Милюков доказывал, что на «страну надвигаются анархия и хаос и единственным организующим центром являются кадеты, почему на их обязанности — стремиться сорганизовать общество и впредь до того момента, когда эта организация будет закончена, бороться со стремлениями левых к крайним выступлениям». «На том же собрании у князя Львова Петр Струве предлагал обратиться к народу с особым воззванием, в котором указать на необходимость напрячь все силы на борьбу с внешним врагом и удержаться от всего, что может усложнить внутреннее положение». Хотя собрание было согласно со Струве, однако его «предложение было отвергнуто из тех соображений, что подобное воззвание уже исходило от государственной думы» [2]).

Особенно упорную борьбу кадетам и другим более умеренным буржуазным группировкам пришлось выдержать на мартовском с'езде союза городов. На этом с'езде, где было достаточно представлено левое крыло буржуазии, которое настойчиво проводило тактику наступления на правительство, специально прибывший из Петрограда на с'езд Милюков указывал на ту «страшную опасность, какую для общественного спокойствия могут иметь резкие резолюции». Он указал, что резолюции с'езда могут послужить «искрой, от которой (?!) вспыхнет большой пожар». «Это было бы, — убеждал с'езд Милюков, — прежде всего большим

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1916 г., вх. 3400, донесение начальника московского охранного отделения от 30/I 1916 г.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г., вх. 8897. Донесение от 19/III 1916 г.

несчастьем для армии. Потому нельзя итти на резкий разрыв с правительством, а надо собираться с силами для решительного наступления после войны».

Выступавший на с'езде Челноков так же, как и в феврале 1916 г., решительно возражал против поднятия на с'ездах вопроса об отказе царя в приеме депутации[1]. Правое крыло буржуазии все еще не теряло надежды на сговор с властью. Накануне с'ездов князь Львов снова обратился к Николаю с письмом, в котором умолял его «проявить величие верховной власти и спасти Россию, поставленную правительством над бездной».

Таково было настроение правой группы буржуазии и капиталистических помещиков.

Подводя итоги рассмотрению этой тактики, мы можем сказать, что главной причиной, которая вызвала поправение большинства буржуазии, отказавшейся после сентябрьской стачки даже от лозунга «министерства, пользующегося доверием страны», и почти от всех основных требований прогрессивного блока, являлись: массовый под'ем рабочего движения и, на-ряду с этим, начало интенсивной работы на оборону.

Значительно радикальнее были настроены прогрессисты. Это были представители тех групп промышленников (преимущественно московских мануфактуристов), которые, не располагая специальными предприятиями для работы «на оборону», тем острее чувствовали свою зависимость от правительства, что нуждались не только в заказах, но также и в кредитах на переоборудование своих предприятий. Хотя эти группы и работали на военные потребности, но были ограничены в своей работе царским правительством, менее охотно дававшим им заказы. К этой группе, руководимой прогрессистами, примыкала также часть технической интеллигенции и третьего элемента, представляемого левым крылом кадетской партии.

При организации прогрессивного блока в нем об'единились весьма разнообразные буржуазно-помещичьи элементы в целях воздействия на правительство для расширения участия буржуазии во власти, а вместе с тем — и в снабжении армии. «Этот блок трехцветный, — заявил Шульгин в заседании думы 28-го августа 1915 г., возражая на нападки правых, — другим не может быть блок национальной обороны». Однако, как мы видели, уже в первые моменты его образования в нем замечались расхождения по целому ряду тактических вопросов. Так, например, переговоры представителей блока с правительством вызвали резкую оппозицию и критику со стороны прогрессистов в лице Коновалова, которые и являлись в блоке недовольным, будирующим элементом.

«Какое-то странное отношение к блоку, в который они входили, высказывали прогрессисты, — писал в своих воспоминаниях Ши-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции 6-е делопроизводство, № 343, т. I, 1916 г., вх. 5382. Донесение от 15/II 1916 г.

дловский [1]). — Понять, в чем здесь было дело, я не могу до сих пор, но знаю, что все время они были чем-то недовольны, грозили выходом из блока, что перед революцией и исполнили... Мне кажется, что подобное поведение их могло быть об'яснено только чрезвычайной пестротой фракции и не особенно искусным ее руководством».

Понятно, подобное об'яснение нельзя признать удовлетворительным. Как мы уже указывали, прогрессисты, руководимые Коноваловым, Рябушинским и Ефремовым, в значительной своей части отражали настроение буржуазных групп (главным образом московской буржуазии), тесно связанных с работой военно-промышленных комитетов, на почве которой они постоянно сталкивались с правительством.

Вот этим и об'ясняется, что московские промышленники одними из первых подняли вопрос о смене правительства и о создании «кабинета обороны», в который входили бы лица, «пользующиеся, доверием страны», т.-е. буржуазии.

Эта группа настолько остро чувствовала отсутствие в своих руках власти, ей настолько необходимо было овладение государственным аппаратом, что она готова была пойти на такие решительные меры, как попытка при помощи рабочего движения вынудить у правительства необходимые ей уступки. Как мы видели, эта группа буржуазии во главе с Коноваловым старалась использовать «гвоздевцев», рабочих-оборонцев, которые могли иметь известное влияние на отсталые слои рабочего класса.

Этим и об'ясняется, что сентябрьская стачка не произвела на них такого панического впечатления, как на кадетов и других.

Для выяснения разногласий между обоими крыльями буржуазии весьма показательны те прения, которые развернулись на совещании у Коновалова 20-го ноября 1915 г. На этом совещании среди буржуазных общественных деятелей присутствовал и Керенский. Последний уже тогда открыто блокировался с буржуазией. На этом совещании он предлагал выпустить обращение к народу и в нем «раскрыть народу глаза». По словам Керенского, «в настоящее время народная масса достаточно дисциплинирована», так что он не опасается вызвать «общую смуту». Он находит необходимым «продемонстрировать народное недовольство против действий правительства какими-либо забастовками или иными демонстративными эксцессами. Эти отдельные эксцессы заставят одуматься зарвавшееся правительство, почему, с этой точки зрения, эти эксцессы необходимы». По мнению Керенского, нет оснований «бояться того, что они, будучи начаты, не остановятся, когда нужно, и тем вызовут в стране общую разруху».

Точку зрения Керенского вполне поддерживал Коновалов. Будучи радикально настроен, в особенности в связи с последними

---

[1]) Шидловский, «Воспоминания», ч. 2-я, стр. 46—47.

событиями и отсрочкой созыва государственной думы, он стоял на той точке зрения, что «народную массу пора поднимать, что терпеть более нельзя и что надо обуздать наглую власть». Считая, что военная кампания России снова, как и в войне с Японией, проиграна, Коновалов говорил, что общим об'единяющим лозунгом должно быть требование: «к ответу власть за проигранную кампанию!». Тогда же Коновалов выдвинул предложение обратиться к «общественному мнению союзников».

Однако точка зрения Коновалова не восторжествовала. Одержала верх точка зрения Милюкова, который доказывал, что буржуазия «сейчас бессильна, и потому все счеты с властью нужно отложить до окончания войны» [1].

После сентябрьских событий оппозиционное настроение среди московской буржуазии не только не уменьшилось, но стало еще более возрастать. Вот как доносит об этом охранка [2]: «Моментом резкого перелома, поворота в сторону полного разрыва с верховной властью, крайнего обострения отношения к особе государя императора явился отказ в приеме депутации общеземского и общегородского союзов. На с'ездах союзов, бывших в сентябре текущего года, резко подчеркивалось, что делается последняя попытка раскрыть глаза монарху, которого политика Горемыкина толкает в пропасть, и когда депутации в приеме было отказано, в руководящих оппозиционных кругах было принято твердое решение не делать более ни малейших шагов к общению с монархом. События должны теперь пойти мимо него, так как он сам поставил себя в положение, когда единственным выходом является «расплата».

Хотя охранка и указывала на известные внешние признаки успокоения буржуазии, однако рост недовольства не только не прекращался, но все больше увеличивался. «Если судить только по внешним проявлениям, — доносил петроградский градоначальник [3], — то легко притти к выводу, что настроение общества не дает ни малейшего повода для беспокойства и опасения... Однако в действительности положение гораздо серьезнее, чем это может представиться».

Записка департамента полиции отмечает рост антидинастического настроения среди широких кругов московской буржуазии. Отмечая «наглые угрозы» по адресу «верховной власти», охранка считает, «что было бы большой ошибкой игнорировать, не придавать самого серьезного значения этим наглым угрозам. Эти наглые угрозы, — пишет она, — не простое бахвальство революционно настроенных кругов, а результат твердой их уверенности,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, донесение московского градоначальника от 27/XI 1915 г., вх. 34036.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г. Донесение от 29/II 1916 г., вх. 6350.

[3]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г., вх. 63500. Донесение от 29/II 1916 г.

основанной на знакомстве с настроением широких масс, в среде которых в последнее время престиж верховной власти действительно пал. И с величайшим прискорбием приходится констатировать, что именно в Москве, этой недавно прочнейшей опоре трона, факт угрожающего падения престижа верховной власти находит себе полное подтверждение. В данном случае приходится говорить даже более чем о падении престижа верховной власти. Налицо признаки начавшегося и неуклонно развивающегося антидинастического движения, вернее, быть может, не столько движения против династии в целом, не столько движения с определенно выраженным республиканским характером, сколько движения острого и глубокого раздражения против особы государя императора, ныне царствующего. И все факты последнего времени в ужасающей степени усилили это настроение. Вращаясь в различных кругах общества, с болью приходится констатировать, что если бы реагировать на все случаи наглого и откровенного оскорбления величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры. И это настроение столько же низов, тяготеющих к крайним левым, сколько и буржуазии средней и высшей, руководимой кадетскими кругами... С особым прискорбием приходится отметить, что падение престижа верховной власти, крайнее ослабление чувства привязанности к особе монарха наблюдается в той среде, где некогда эти чувства были особенно сильны, именно — в среде московского старообрядчества и патриархального купечества».

Рост антидинастического настроения охранка об'ясняла для широких масс — «явлением крайней дороговизны», а для буржуазии — неудачным ведением войны и угрозой сепаратного мира.

Рост оппозиционного настроения среди московской буржуазии, т.-е. прежде всего среди мануфактуристов, и об'ясняет резкие выступления прогрессистов против занятой большинством буржуазии, руководимой кадетами, примирительной позиции по отношению к правительству.

Эти разногласия, как мы уже видели, имели место на сентябрьских с'ездах, где развернулась борьба между отдельными группами прогрессивного блока: центром и правыми — с одной стороны, и более левыми — с другой. «Той сплоченной спайки, — отмечает одно из донесений [1]), — которая так резко наблюдалась летом, теперь уже нет».

Резкое разногласие внутри блока обнаружилось также в феврале и в марте, когда в государственной думе и на с'ездах буржуазных организаций руководящие круги буржуазии должны были выявить свое отношение к правительству. Как доносит охранка [2]), «в конспиративном заседании 4 февраля в Таври-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство. Донесение начальника московского охранного отделения от 9/IX 1915 г.

[2]) Там же, № 343, т. III, 1915 г. Донесение начальника московского охранного отделения от 8/XII 1915 г., вх. 35800.

[3]) Там же, 4-е делопроизводство, № 344 от 24/II 1916 г., вх. 5880.

ческом дворце произошли ожесточенные прения в бюро прогрессивного блока при выработке декларации блока. Декларация, выработанная большинством блока, подверглась резкой критике прогрессистов, которые характеризовали ее, как «полную сдачу позиций прогрессивного блока», и призывали «бросить это проявление политической дряблости» и кончить декларацию требованием ответственного министерства, так как «обветшавший аппарат бюрократической власти безнадежно отстал от требований современности, каковые самоотверженно выполняются общественными силами, в лице земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов».

Как мы видели, эти организации, помимо политического об'единения буржуазии в ее борьбе за власть, играли для буржуазии громадную роль в деле «организации обороны» в целях успешного ведения войны и в то же время — в деле использования ею коммерческих возможностей войны. Вполне понятно, что буржуазия придавала этой работе колоссальное значение и для санкции своего организованного грабежа страны под флагом работы на оборону требовала морального одобрения от всего буржуазного общества. Поэтому прогрессисты обязательным пунктом в декларации считали указание на «заслуги перед родиной» военно-промышленных комитетов.

Однако против позиции прогрессистов горячо возражало помещичье крыло прогрессивного блока, представляемое земцами-октябристами. Последние, будучи совершенно не связаны с военно-промышленными комитетами, указывали, что «столь яростно отстаиваемые прогрессистами требования ответственного министерства и признания весьма, к сожалению, сомнительных заслуг военно-промышленных комитетов чуть ли не самоотверженным подвигом наших промышленников, в сущности лишь весьма крупно нажившихся на военных операциях, далеко не новы с их стороны и знаменуют лишь упорное нежелание прогрессистов подчиниться воле большинства прогрессивного блока». Помещики, весьма прохладно относившиеся к патриотической шумихе буржуазии вокруг военно-промышленных комитетов и не склонные порывать с правительством, считали, что подобная тактика «ведет к дезорганизации прогрессивного блока», и настаивали «на признании необходимости перемирия с правительством, в чем они ничего постыдного не видят».

Кадеты на этом совещании заняли среднюю позицию. По вопросу об отношении к требованию ответственного министерства они стали на точку зрения земцев-октябристов, что «теперь не время для политической маниловщины», что «мыслимы лишь реальные быстро действующие меры, а следовательно, и реальная политика, открывающая возможность этих неотложных мер». Во избежание разрыва с прогрессистами, было внесено предложение, в виде уступки прогрессистам, «бегло» упомянуть в декларации о заслугах военно-промышленных комитетов, придать декларации

более сухой тон и, с другой стороны, взамен ответственного министерства ограничиться пожеланием только министерства, пользующегося доверием страны.

Как видим, самая суть разногласий указывает на причину раскола и особой оппозиционности прогрессистов. Центральное место у последних занимает работа на оборону военно-промышленных комитетов, деятельности которых препятствует правительство. Отсюда — вполне естественно — вытекает требование ответственного перед буржуазией министерства и, для достижения этого, попытка ориентации на массы, которые, как ошибочно думала буржуазия, настолько «дисциплинированы» социал-соглашателями, что дальше завоевания власти для буржуазии не пойдут.

Левые кадеты.

Весьма близки были к прогрессистам по своей политической позиции левые кадеты, представлявшие более радикальные слои средней буржуазии, а также технической интеллигенции, тесно связанной с той же работой на оборону.

Конечно, обе эти группы, в общем и целом, преследовали те же цели, что и правое крыло блока, но, при тождестве целей, они предлагали совершенно иные средства.

Левая группа кадетов, состоявшая, по донесению охранки, почти исключительно «из провинциальных сторонников партии» и небольшой группы московских адвокатов [1]), считала необходимым сближение буржуазии с мелкобуржуазными и рабочими массами, чтобы овладеть их движением и направить в желаемое для крупной буржуазии русло, т.-е. русло борьбы против царского правительства, а не против буржуазии.

Это течение было весьма малочисленно и не фигурировало официально. На всех кадетских конференциях и с'ездах, не только партийных, но и земских и городских, эта небольшая, но сплоченная группа выступала не от имени официальных партийных органов, а от имени отдельных групп кадетов. Это движение средней буржуазии и технической интеллигенции настолько симптоматично, что нам невозможно обойти его молчанием.

Упомянутая группа начала активно выступать после того как официальное большинство кадетской партии, после сентябрьской забастовки, резко повернуло вправо, в сторону примирения с правительством.

В этот момент разногласия обнаружились настолько остро, что охранка уже начала трубить о расколе [2]). На самом деле в кадетской партии происходил лишь пересмотр старой тактики,

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, ч. 57, вх. 30100, донесение от 21/X 1915 г.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, л. 20, вх. 846, а также вх. 3134. Аналогичное донесение в деле № 27, 1916 г. «Общее дело».

выработка новых тактических приемов, что неизбежно должно было вызвать известную дифференциацию партии. Еще на заседании кадетской фракции 17-го октября 1915 г. группа левых кадетов выступила с резкой критикой тактики Милюкова, которая, по их мнению, не только не привела ни к каким практическим результатам, но «завела партию в болото».

Левые кадеты возражали против участия партии в прогрессивном блоке. «Участие кадетов в прогрессивном блоке, — говорил представитель левых Мандельштам, — и путь позорного компромисса не дали ни малейшего результата». По его мнению, «позиция кадетов в прогрессивном блоке компрометирует партию». Соглашаясь с большинством кадетской партии в оценке момента как угрозы возникновения анархии, левые предлагали совершенно иные тактические приемы. «Будем откровенны, — говорил Мандельштам, — в нашей среде есть много таких, кого пугает призрак революции, кто в революции видит одну только пугачевщину, но именно эти-то страхи и должны были диктовать нам тактику, диаметрально противоположную той, какую проводит Милюков. Если мы не хотим, чтобы предстоящий народный суд над преступным правительством принял формы дезорганизации, хаоса, бессмысленного бунта, мы не можем устраниться от народного движения, не можем не стремиться играть в нем руководящую роль. Чем больше мы успеем в деле организации, тем меньше жертв вызовет предстоящее движение, тем скорее достигнута будет полная победа над бюрократией. Обществу в лице земского и городского союзов власть нагло плюнула в лицо. В борьбе с правительством Горемыкина и Хвостова нужна совсем иная тактика, именно — равнение не направо, а налево, и на этот путь кадеты должны стать твердо и немедленно. Нужно итти не с теми, кто явно бессилен, а с теми, кто представляет реальную силу» [1].

Это оппозиционное настроение в среде кадетской партии достаточно ярко выявилось на 6 с'езде партии в феврале 1916 г. Здесь Милюкову «пришлось выдержать упорную борьбу и страстные нападки со стороны левой группы, стремления которой сводились к тому, чтобы подвинуть партию на путь более решительной борьбы с правительством рука об руку с более левыми течениями» [2].

Точка зрения левых кадетов была сформулирована самим Мандельштамом на собраниях его группы, состоявшихся у него на квартире перед с'ездом партии, имевшим место 18—23-го февраля в Петрограде, и после него.

По сообщению охранки, у Мандельштама же состоялись два собрания левых кадетов, на которых выработана была точка зрения и даны были Мандельштаму полномочия для выступления

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, 1915 г., вх. 31334.

[2]) Там же, вх. 6209.

на с'езде от имени его группы. На этих собраниях вопрос о тактике был оставлен открытым, и Мандельштаму предоставлено было действовать в зависимости от общего настроения и обстоятельств, какие выяснятся на с'езде. «Он получил лишь одну общую руководящую директиву: указать на опасность, в смысле потери популярности в массах, полного сближения в прогрессивном блоке с умеренными партиями и настаивать на необходимости более тесного сближения с мелкобуржуазными «демократическими» партиями, каковы с.-д. (меньшевики) и трудовики».

О том, как он выполнил полученные директивы, Мандельштам доложил 28-го февраля. Свой доклад Мандельштам начал с критики позиции Милюкова, как она была намечена в его докладе, прочитанном на с'езде. Мандельштам повторил перед собранием то, что он заявил на с'езде, а именно: «Тактика правого крыла кадетской партии, руководимого Милюковым, грозит безнадежно скомпрометировать партию в глазах не только широких демократических кругов населения, но и в глазах либеральной интеллигенции. Признаки падения престижа партии имеются уже налицо. О Милюкове говорят, что своей тактикой он заводит партию в тупик, в болото, превращает ее в нечто весьма близкое к октябристам. Коренная ошибка Милюкова заключается в том, что он абсолютно незнаком и не желает знакомиться и считаться с настроением широких кругов своей партии. Он видит перед собой только думскую фракцию кадетов, людей, совершенно погрузившихся в петроградскую атмосферу, и по ним судит о всей России. Даже с настроением Москвы Милюков не желает считаться. А между тем *это настроение таково, что еще несколько шагов в том же направлении, и Москва окажется для кадетов потерянной в пользу более левых партий*».

Вместо попытки «завоевывать доверие бюрократии», вместо бесплодных попыток что-то у нее выиграть и выторговать, Мандельштам предлагал ориентироваться на «доверие в широких демократических кругах общества».

«В своих политических расчетах, — говорил Мандельштам, — Милюков исходит из того, что есть, между тем нужно исходить из того, что неизбежно должно быть, что неизбежно вытечет из справедливого народного гнева... После войны должна быть расплата, после войны так более оставаться не может, после войны должны будут уйти все те, кому народ на своем суде вынесет строгий приговор. Судьей будет именно весь народ, это будет именно не революция, а суд, строгий справедливый суд. И кто видит неизбежность этого, кто видит, как все выше и выше поднимается волна народного гнева, для того ясно, какой курс должна принять кадетская партия. Ясно, что она должна блокировать не направо, а налево, должна пойти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, события пойдут мимо нас, мы потеряем руководящую роль в них».

Как видим, Мандельштам, представлявший квалифицированную интеллигенцию, близкую по своим интересам к средней и мелкой буржуазии, возвращался к той постановке вопроса, которая имела место у кадетов в годы наибольшего под'ема революционного движения, именно в октябре 1905 г. Как раз тогда, когда кадеты включали еще в свой состав большое количество мелкобуржуазных попутчиков из технической интеллигенции, они ставили вопрос о том, чтобы овладеть движением и противодействовать революции вмешательством в нее.

К моменту войны партия кадетов уже вполне оформилась как партия крупного финансового капитала, который даже не собирался заигрывать с революцией. Эта партия идеологов русского империализма состояла теперь из крупной цензовой интеллигенции, промышленных и банковских деятелей и капиталистических помещиков — т.-е. тех групп, которые уже входили в систему начавшего складываться в России финансового капитала. В этот период еще более усиливается начавшийся гораздо ранее отход от кадетов мелкобуржуазных попутчиков, которые находят себе место в подлинно мелкобуржуазных партиях, — как эсеры и отчасти народные социалисты — для третьего земского элемента, и меньшевики, особенно правое их крыло, оформившееся в 1917 г. в группу «Единство», куда входят городские мелкобуржуазные слои и техническая интеллигенция.

Этим и об'ясняется, что в 1915 г., когда под'ем революционного движения вызвал известную дифференциацию в среде всех партий, в том числе и в среде кадетов, это мелкобуржуазное крыло начало тянуть в сторону тех групп, которые им были действительно более близки, — именно в сторону меньшевиков и эсеров.

Поэтому вождь левых кадетов Мандельштам критиковал большинство кадетской партии за ее блокирование направо и за попытки сговора с царским правительством. Свой протест против правых кадетов он мотивировал тем, что блок «роет пропасть между кадетами и левыми демократическими партиями». Он предостерегал своих коллег, что «скомпрометированная в глазах народа кадетская партия рискует окончательно остаться на берегу умеренных антинародных партий».

Выдвигая необходимость сближения с такими демократическими партиями, как т р у д о в и к и и меньшевики, Мандельштам, считал необходимым вместе с ними приняться за организацию народных масс, прежде всего крестьян и рабочих. «Кадеты должны принять, — говорил он, — самое энергичное участие в той громадной организационной работе, которая уже началась и лихорадочно осуществляется в стране. Пока кадеты делают только часть этой работы. Они организовали городскую и земскую Россию (союзы), но ведь остается еще неорганизованной рабочая и сельская Россия, не организованы еще отдельные профессиональные группы интеллигенции».

Мандельштам считал необходимым принять самое активное участие в организующихся всероссийском рабочем и всероссийском кооперативном союзах. «Если мы не можем занять в этих союзах решающие руководящие роли, то мы не можем позволить, чтобы они совершенно проходили мимо нас. И достигнуть этого мы можем, лишь идя навстречу требованиям демократии. Тактика Милюкова всецело, исключительно опирается на прогрессивный блок. Это — пагубная ошибка. Мы должны опереться на широкие народные массы»...

Нужно сказать, что необходимость сближения с левыми мелкобуржуазными группами сознавалась довольно значительной частью кадетской партии. На с'езде точку зрения Мандельштама поддержал Шингарев [1]). Однако, несмотря на то, что обе эти речи, согласно донесению охранки, «произвели очень сильное впечатление, победа на с'езде левой группы не оказалась полной». Считая необходимым так или иначе связаться с «демократией», большинство партии все же больше ориентировалось на соглашения с правительством, чтобы «не бросать спичку в бочку с порохом». При голосовании резолюции о необходимости сближения с левыми демократическими партиями за нее высказалось 46 против 27, воздержалось 14 (всего на с'езде участвовало 87 человек). Характерно, что за сближение с левыми собрание высказалось в довольно неопределенной форме, без конкретных указаний. Признавалось лишь необходимым устраивать на местах совещания с представителями «демократических партий», и, «в зависимости от выяснения сил и внутренней ценности последних, определять возможность и степень сближения».

Однако с'езд все же больше ориентировался на соглашения с правыми, чем с левыми. По требованию Милюкова, с'езд проголосовал отдельно вопросы о роли кадетов в прогрессивном блоке и об отношении к принципу ответственного министерства, так как требование последнего, выдвигаемое левыми кадетами, было неприемлемо для октябристско-националистского большинства прогрессивного блока. И здесь с'езд голосованием показал полную готовность итти нога в ногу с правыми партиями: за участие в блоке высказалось подавляющее большинство собрания — 73 человека из 87. Отказ от принципа «ответственного министерства» в пользу принципа «министерства, пользующегося доверием страны», принят 51 голосом против 32 при 4 воздержавшихся.

Мы рассмотрели позицию прогрессистов и левых кадетов для того, чтобы показать, как непрерывные поражения царских армий, на-ряду с деятельностью правительства, мешавшего буржуазии зарабатывать на войне и стеснявшего крупную финансовую буржуазию в получении заказов, а также угроза революции, вызывали резкое недовольство не только среди средней городской буржуазии, но даже среди тех групп промышленников, которые, руководя

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г., вх. 6209.

военно-промышленными комитетами, более остро чувствовали противодействие царского правительства к использованию ими коммерческих возможностей войны.

Мартовские с'езды 1916 года.

Оппозиционность левой фракции прогрессивного блока весной 1916 г. нашла свое выражение в мартовских с'ездах всероссийского союза городов и земского союза.

Особенно напряженный характер носил IV общегородской с'езд. Даже более умеренный Челноков, поддаваясь общему настроению, должен был заявить, что самые умеренные группы буржуазии всей тактикой правительства толкаются в оппозицию. «Мы не хотели заниматься политикой, — говорил Челноков, — но нас заставили сделать это. Когда мы увидали, что правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства и о замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа». Однако Челноков был против ответственного министерства и требовал лишь министерства, «пользующегося доверием страны».

Значительно более решительно выступали прогрессисты и левые кадеты. «Правительство, — говорил Коновалов, — сеет рознь и тем толкает страну к гибели». Коновалов призывал к борьбе не только с внешним, но и с внутренним врагом и выдвигал требование ответственного министерства.

Не менее резкий характер носила речь Астрова, который говорил о «вакханалии тыла, где поддевки смешиваются с мантиями» (намек на Распутина)... «Правительство, — говорил он, — попало в руки шутов, проходимцев и предателей... И такому правительству мы не можем более сказать: «опомнитесь, сознайте свои ужасные грехи перед родиной». Такому правительству мы можем сказать только одно слово: «уйдите». Остальные выступавшие ораторы, особенно представители с мест, высказывались не менее резко и требовали ответственного правительства и полного изменения внутренней политики [1]). Показателем резко оппозиционного настроения городского с'езда может служить тот факт, что с'езд принял политическую резолюцию, предложенную «рабочей группой» (гвоздевцами).

В этой резолюции с'езд призывал государственную думу «добиваться реорганизации народного правительства и местного самоуправления на началах всеобщего равного избирательного права с тайной подачей голосов» и «решительно стать на путь борьбы за власть и создания ответственного министерства».

Не менее резко высказался с'езд по поводу тех препятствий, которые правительство ставило общественным организациям в их

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. IV, 1916 г. «Записка о Земгоре и военно-промышленном комитете».

работе на «оборону». Выступавшие ораторы отмечали, что буржуазным организациям приходится «тратить колоссальное количество сил и энергии на преодоление трений, создаваемых резким противоречием всего механизма государственного правления с запросами переживаемого момента».

Гораздо более умеренный характер носил общеземский с'езд, в своем большинстве состоявший из помещиков. У этой группы — как доносила охранка, — «в последнее время наблюдается то, что, разочаровавшись и изверившись в возможности быстрого натиска на правительство, они приходят к выводу, что единственный путь к сохранению союзов, нужных им как опорная база, это — уйти сейчас в чисто практическую работу по обслуживанию армии. Князь Львов и М. В. Челноков усиленно заявляют, что они не стоят в связи с «праздными болтунами», которые «нелепой болтовней» «компрометируют союзы» [1]).

Почти такую же оценку нашли резолюции общегородского с'езда и с'езда военно-промышленных комитетов и у кадетов, среди которых немало было более умеренно настроенных капиталистических помещиков. Кадеты особенно протестовали против резкой политической резолюции, подчеркивавшей необходимость вовлечения армии в борьбу за ответственное министерство. «Эта резолюция, — доносит охранка, — по мнению кадетов, ведет к преждевременному обострению отношений общества и армии и вообще населения в России к государственной власти».

Кадеты считали более подходящим для борьбы с правительством «не резолюции московских с'ездов, могущих преждевременно взволновать общество», а «планомерную работу, направленную на благополучное доведение войны до конца» и тем самым — на «ослабление правительства, которое, в силу необходимости, постепенно потеряло бы авторитет и власть в стране и пришло бы к тому заключению, что дальнейшая его борьба с населением немыслима и что для внутреннего успокоения и для поднятия экономического благосостояния страны высшей власти надлежит призвать в министерство лиц, пользующихся доверием страны» [2]).

Попытка опереться на массы.

Мартовские с'езды характерны не столько своими требованиями ответственного министерства и общей резкой критикой правительства, сколько тем, что они поставили вопрос, который был уже заранее подготовлен руководящими кругами оппозиционной буржуазии, — о связи с массами, о вовлечении в орбиту буржуазного влияния рабочих и крестьян. Как в данном случае правильно

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1916 г. Донесение московского охранного отделения от 9/VII 1916 г., вх. 293.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, 20, л. Б., 1916 г. вх. 11513, от 12/IV 1916 г.

отмечала охранка, «центром тяжести, основным пунктом резолюции общегородского с'езда являются «вовсе не требования ответственного министерства, амнистии и равноправия инородцев, а тот план организации, при посредстве которого с'езд считает возможным добиться осуществления своих домогательств» [1]). Резолюция с'езда подчеркивала необходимость организации рабочих масс и крестьянства через кооперацию. «Пусть к земским и городским силам, вступившим в дружное единение, и к силам работающей с ними рука об руку об'единенной промышленности присоединятся новые, еще не использованные силы крестьянской деревни, кооперативов, рабочего труда (!) и торговли... Пусть будет им дана возможность свободно организоваться для дела обороны и для поддержания нормального хода хозяйственной жизни страны».

Еще до общегородского с'езда на сентябрьских с'ездах 1915 г. при военно-промышленных комитетах были образованы рабочие группы. Второй с'езд военно-промышленных комитетов, состоявшийся в Москве в феврале 1916 г., провел постановление о целом ряде мер, которые должны были обеспечить буржуазии более или менее нормальное сожительство с рабочей аристократией и наиболее отсталыми слоями рабочих, которые бессознательно шли за социал-соглашателями. С'ездом было принято постановление об организации примирительных камер в законодательном порядке. Мера эта признавалась настолько спешной, что «ввиду медленности законодательного пути» с'езд признавал желательным «учреждение временных примирительных камер властью особых совещаний по обороне государства», а впредь до осуществления этих мер решено было организовать примирительную камеру при центральном военно-промышленном комитете. Тогда же с'езд постановил организовать посредничество по приисканию работы и рабочих в России и принял ряд мероприятий по урегулированию условий труда в мобилизованной промышленности. Вряд ли нужно говорить о том, какие цели преследовала буржуазия, проводя эти реформы. Она сама это ясно указала в постановлении об организации института старост на фабриках: она надеялась, что институт старост явится тем примиряющим органом, который «поможет рабочим и предпринимателям найти общий язык, чтобы к пользе сторон сговориться по поводу волнующих вопросов». Последнее соображение заставило центральный военно-промышленный комитет циркуляром от 7 апреля 1916 г. настойчиво рекомендовать местным комитетам скорейшее проведение в жизнь этой меры.

Однако буржуазия не только считала необходимым бросить жалкую подачку рабочим в виде вышеприведенных мер, но и попыталась организовать рабочих в целях использования их в политической борьбе с царизмом.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, вх. 8554, от 16/III 1916 г.

В последнем отношении самым достопримечательным является постановление II с'езда военно-промышленных комитетов о созыве всероссийского рабочего с'езда. Признавая, что «задача защиты страны может быть выполнена лишь согласованными усилиями всех организованных общественных классов», второй с'езд представителей военно-промышленных комитетов признавал желательным «оказать всемерное содействие созыву в ближайшее время всероссийского рабочего с'езда».

Как доносит охранка, «организацию рабочего союза и организационную работу по созыву с'езда взял на себя Коновалов» [1]).

Как мы увидим дальше, попытка буржуазии организовать рабочих чрезвычайно взволновала царское правительство. Оно не понимало, что целью буржуазии было не организовать, а, наоборот, дезорганизовать рабочих. Для правительства было достаточно того, что Коновалов, — как писала охранка, — «громко всем прокричал о своих планах и надеждах по формированию военно-промышленными комитетами армии пролетариата» [2]). Мы здесь не можем подробно останавливаться на истории образования рабочих групп при военно-промышленных комитетах, как вообще на истории всей политики буржуазии в отношении рабочих, так как это составляет содержание специального раздела в главе о рабочем движении. Упомянем только о характерной попытке буржуазии вовлечь через кооперацию в сферу своей политики и зажиточное крестьянство. Как мы видели, на том же общегородском с'езде было постановлено присоединить к буржуазным организациям «новые, еще не использованные силы крестьянской деревни и кооперативов». Последние, по расчетам буржуазии, должны были явиться проводником буржуазного влияния на крестьянство. В этом отношении буржуазия могла рассчитывать на полное содействие таких буржуазных и мелкобуржуазных деятелей кооперации, как известный с.-р. Чайковский, Прокопович и др.

Еще на городском с'езде Чайковский, говоря о громадном росте кооперации в деревне, отметил, что «роль их (кооперативов) большей частью здесь не только экономическая, но и воспитательно-политическая. Сейчас нет иных путей подхода к крестьянской массе, как только через кооперативы» [3]).

Одновременно с кооператорами, в качестве проводников буржуазного влияния в деревню, намечались представители третьего земского элемента. На одном из совещаний у князя Шаховского, на котором обсуждался вопрос о подходе к крестьянской массе и на котором Чайковский нашел полную поддержку своей идее воздействия на крестьян через кооперативы, Прокопович одновре-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 347 от 28/III 1916 г. (агентура «Блондинки»), вх. 10949.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, дело № 343, т. II, от 20/IV 1916 г., вх. 17739.

[3]) Там же, 6-е делопроизводство, дело № 347, 1916 г., вх. 10949.

менно с этим предложил и другой путь. Он обратил внимание на ту громадную роль, которую в данном случае могли бы сыграть земские агрономы и вообще третий земский элемент. «В результате обсуждения этого вопроса, — доносит охранка, — родилась мысль о привлечении к делу московского общества сельского хозяйства, под флагом которого можно было созвать всероссийский сельскохозяйственный с'езд с участием агрономических деятелей, а также более сознательных представителей крестьянства, и уже на этом с'езде в окончательной форме выкристаллизовать идею, заложить основы крестьянского союза» [1]).

Буржуазия придавала колоссальное значение созданию всероссийской крестьянской организации, хотя и признавала трудности ее осуществления [2]).

Стремясь привлечь к себе внимание крестьянства, также и дума в этот период поднимала вопросы о волостном земстве, крестьянском самоуправлении, кооперативах и пр. Тогда же было признано необходимым, «в целях создания нормальных правовых условий для развития и укрепления самодеятельности широких народных масс», скорейшее проведение через государственную думу и государственный совет обще-кооперативного закона.

Наступление правительства и репрессии.

Само собой разумеется, что оппозиционные выступления на всероссийских с'ездах буржуазных организаций, попытки последних, особенно в лице военно-промышленных комитетов, организовать рабочих через рабочие группы при военно-промышленных комитетах и крестьян через кооперацию — должны были весьма сильно обеспокоить правительственную власть.

Как показывал в следственной комиссии временного правительства бывший министр земледелия Наумов, правительство видело в лице буржуазных организаций непосредственных претендентов на власть; «предположения были, — говорил он, — что на место наше желают непременно стать эти организации, т.-е. всероссийский земский и городской союзы и военно-промышленный комитет, которые за длительный период войны настолько сковались, что решили нас, т.-е. правительственную власть, сместить»... [3])

Особенно обеспокоил царское правительство проект создания центрального комитета, об'единяющего в себе, как все уже существующие (городской и земский союзы, военно-промышленные комитеты), так и имеющие возникнуть (кооперативные, рабочие, торгово-промышленные и крестьянские союзы) общественные организации. Хотя создание такого об'единения официально мотиви-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 347, вх. 10949.

[2]) Там же.

[3]) «Падение царского режима», т. I, стр. 406.

ровалось необходимостью центрального руководства в организации продовольственного дела в стране, однако правительство или, точнее, департамент полиции усмотрел «скрытый смысл этой затеи» в создании организации, подобной «союзу союзов» в 1905 г., который был для правительства символом об'единения для борьбы с ним крупной и мелкой буржуазии [1]).

Не менее обеспокоил правительство и проект создания всероссийского рабочего с'езда. Департамент полиции определил его даже как «исходный момент и толчок в организации широких масс» [2]).

Как пишет департамент полиции [3]), «три весьма важных общественных, связанных с военными обстоятельствами организации не только уклонились от непосредственных их задач, но и угрожают своими действиями внутреннему государственному порядку и заключают в себе признаки государственных преступлений, преследуемых по 128, 129 и 130 ст. Уг. Ул.».

Поэтому, как поясняет та же записка, «правительство и вынуждено было выработать соответствующие меры предупредительного характера». Эти меры, по лицемерному заявлению правительства, должны были бы «обеспечить не только свободную, но и вполне соответствующую существующим законам правильную деятельность всероссийских земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов, исходя при этом из соображения о необходимости сохранения высокоценной специальной деятельности означенных общественных организаций».

«Все эти репрессивные меры, — показывал в следственной комиссии бывший министр земледелия Наумов, — вырабатывались на целом ряде частных заседаний у Штюрмера 4-го, 11-го, 18-го и 24-го июня 1916 г. На этих же заседаниях было решено не только реорганизовать комитеты, но «уже серьезным образом нарушать дееспособность комитетов», так как у правительства, по словам Наумова, «была совершенно определенная мысль — итти против всякой общественности» [4]).

Правительство начинает принимать административные меры к тому, чтобы деятельность буржуазных организаций не выходила за пределы «деловой работы», и всячески старается пресекать их политические выступления. Буржуазные собрания подвергаются преследованиям. 3-го июня 1916 г. совет министров признал желательным издание в Москве и Петрограде обязательного постановления о том, «чтобы никакие собрания не допускались без испрошения на то особого разрешения подлежащего главного начальника военного округа и притом обязательно были подчинены действию закона от 4-го марта 1906 г. о публичных собра-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 347, вх. 10949. Донесение московской охранки от 28/III 1916 г.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, № 27, 1916 г., вх. 6350.

[3]) Там же, № 343, т. III, 1916 г.

[4]) «Падение царского режима», т. I, стр. 404.

ниях. Вместе с тем члены допущенного, при означенных выше условиях, собрания должны неуклонно руководствоваться представленной ими главному начальнику военного округа для предварительного обозрения программой собрания, которая должна носить строго деловой характер». Так раз'яснял это постановление совета министров министр внутренних дел в особом циркуляре начальникам военных округов.

Несколько ранее этого постановления совета министров возник даже проект введения правительственных агентов в буржуазные организации. Так, командующий войсками московского военного округа генерал Мрозовский считал это необходимым, в целях исключения возможностей уклонения с'ездов и собраний от намеченной правительством программы работ. По его мнению, это «может быть достигнуто присутствием представителя власти с правом закрытия (собрания) и усилением ответственности председателя и устроителя». Что касается с'ездов и собраний военно-промышленного комитета, городского и земского союзов, то, по мнению генерала Мрозовского, «представляется целесообразным введение в состав бюро и главных комитетов представителей министерств, заинтересованных или связанных с деятельностью названных общественных организаций, как-то: военного, внутренних дел, земледелия, путей сообщения, государственного контроля, финансов и торговли. Введение представителей правительства является, с одной стороны, вполне естественным, ввиду громадных средств, отпускаемых казной этим организациям, а с другой стороны, окажет сдерживающее влияние на работу их. При чем, в случае, если на разрешенном с'езде или собрании окажется уклонение от намеченной программы, то представителю министерства внутренних дел должно быть предоставлено право предостережения и закрытия с'езда и собрания. С'езды и собрания без представителя министерства считаются нелегальными. Для предупреждения агитации и в интересах общественного спокойствия при установлении нового порядка казалось бы полезным издать правительственные сообщения о том, что введением представителей министерств имеется в виду более тесное сотрудничество (!) правительства с общественными организациями при выполнении задач, вызываемых текущей войной» [1]).

Но, пока проектировавшиеся утонченные способы воздействия на буржуазию оставались на бумаге, правительство предпочитало расправляться с буржуазными собраниями при помощи полиции.

Кадет Гессен писал по этому поводу в «Ежегоднике Речи» [2]): «Со времени вступления в управление (министерством внутренних дел) А. Н. Хвостова запрещались всякие с'езды; Б. В. Штюрмер

---

1) Письмо в департамент полиции командующего войсками московского военного округа ген. Мрозовского от 28/V 1916 г.

2) «Ежегодник Речи», 1916 г. Гессен, «Внутренняя жизнь».

провел это запрещение еще дальше, и только А. А. Хвостов нашел наконец «компромисс»: министр не задумался и не остановился перед тем, чтобы в корне извратить закон о союзах и собраниях, предоставив полиции неограниченное право присутствовать и на закрытых заседаниях. Мотивом выставлялось то, что иначе, посредством устройства закрытых заседаний, организации получают возможность обходить запрещения созыва с'езда, а полиция не всегда может своевременно узнавать об этих распоряжениях и большей частью является слишком поздно. Комментарием же к закону явилось официальное уверение, что, конечно, администрация не будет пользоваться своими полномочиями без нужды».

Помимо гонений на общественные организации путем запрещения собраний и закрытия с'ездов, правительство начало с ними экономическую борьбу, которая тем более остро чувствовалась буржуазией, что правительство являлось теперь главным потребителем продуктов промышленности, работавшей на «оборону».

Военное ведомство начало систематически сокращать выдачу заказов этим организациям и вообще суживать их работу: правительство энергично било промышленную буржуазию по самому чувствительному для нее месту — по карману. Весной 1916 г. был разослан циркуляр особого совещания по государственной обороне о том, чтобы общественным организациям впредь не выдавались никакие авансы. 11-го мая 1916 г. совет министров постановил, чтобы главное военно-техническое управление впредь передавало общественным организациям заказы лишь для размещения их среди мелких предприятий и кустарей, а с крупными фирмами само вступало в непосредственную связь. В результате главное военно-техническое управление заявило, что впредь комитеты в получении заказов будут приравнены к частным фирмам [1]). Военное ведомство стало систематически уклоняться от передачи заказов военно-промышленным комитетам. «По мнению деятелей (буржуазных организаций), — сообщает начальник московской охранки [2]) — со стороны правительства ныне наблюдается крупный поворот в отношении общественных организаций в смысле ограничения их деятельности, путем стеснения в получении заказов и денежных средств. Именно, эти деятели учитывают, что, несмотря на заявление военного министра в торжественном заседании московского военно-промышленного комитета 19-го мая с. г. о необходимости интенсивной работы общественных организаций в деле снабжения армии и на неоднократные представления генералу Шуваеву (военному министру), сенатору Гарину и генералу Бабикову (управляющему делами особого совещания по обороне)

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, 1916 г., донесение начальника московского охранного отделения от 25/VII 1916 г., вх. 20565.

[2]) Там же.

со стороны А. И. Гучкова, князя Львова и С. А. Смирнова, наблюдается систематическое уклонение военного ведомства от передачи заказов военно-промышленным комитетам». Правительство предпочитало оказывать поддержку политически неорганизованным средним и мелким промышленникам и даже отдавать заказы за границу по ценам часто значительно более дорогим, лишь бы только не поддерживать столь ненавистных и опасных для правительства Рябушинских и Гучковых.

«Организация средней промышленности,—сообщает начальник петроградского охранного отделения [1]), —встретила к себе от казенного артиллерийского ведомства самое предупредительное отношение, какого бы она напрасно стала искать в «общественных организациях», военно-промышленных и др. комитетах». Доставлялись чертежи и инструктора, облегчались задания и т. п. Такое же предупредительное отношение установилось со стороны военно-технического управления, которое «после непосредственных сношений с главным артиллерийским управлением, предложило петроградскому арсеналу, Сестрорецкому орудийному заводу передавать комитету (средней промышленности) имеющиеся заказы». Этим, между прочим, об'яснялось еще большее обострение отношений между военно-промышленными комитетами и комитетами средней промышленности.

В об'яснительной записке к финансовому отчету московского областного военно-промышленного комитета мы читаем: «Предприятия, прекрасно оборудованные, входили в непосредственные сношения с ведомствами военного министерства, от коих и получали весьма крупные заказы на выгодных условиях», помимо военно-промышленного комитета, так как «предоставить такие «условия» при всем желании московский военно-промышленный комитет не мог» [2]).

Следует заметить, что в борьбе против буржуазных организаций правительство отчасти опиралось на поддержку некоторой части, хотя и незначительной, буржуазии, особенно тех крупных предпринимателей, которые не входили в об'единения военно-промышленных комитетов и имели непосредственные деловые отношения с правительством. Это были в большинстве случаев представители петроградских крупных металлургических заводов, вроде Путилова, которым не надо было добиваться заказов, поскольку правительство не могло без них обойтись. На-ряду с петроградскими владельцами крупных металлических заводов, правительство, обходя военно-промышленные комитеты, раздавало заказы мелким и средним промышленникам. В этом

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, 1915 г., донесение начальника петроградского охранного отделения от 16/VII 1915 г., вх. 36490.

[2]) Московский областной военно-промышленный комитет. Финансовый отчет. М., 1917 г., стр. 1.

походе против буржуазных организаций правительство также использовало страх некоторых групп буржуазии перед попытками создать рабочие организации и страх дворянства по отношению к крестьянским организациям. Начальник московского охранного отделения доносил [1]: «Выяснившиеся на тех же с'ездах (на мартовских с'ездах 1916 г. — *Б. Г.*) планы заставили опасливо насторожиться не только торгово-промышленный класс. Толки о создании крестьянского союза, о необходимости созыва крестьянского с'езда заметно встревожили дворянскую помещичью среду. По этому поводу недавно в Москве было небольшое собрание у А. Самарина (председателя с'езда об'единенного дворянства. — *Б. Г.*), где высказывались опасения, что, по выражению Самарина, «игра начинает заходить слишком далеко и безграничным мечтам нужно бы во время положить предел» [2].

Таково же, примерно, было отношение более отсталых слоев буржуазии к попытке организации торгово-промышленного союза и рабочего с'езда: «Заигрывание некоторых руководителей военно-промышленных комитетов с пролетариатом достаточно тревожит московские торговые круги и заставляет их более сдержанно и опасливо относиться к сближению с кадетскими и другими левыми кругами». Для настроения этих отсталых слоев русского «именитого купечества» характерно заявление издателя «Русского Слова» И. Д. Сытина, приведенное в донесении начальника московской охранки от 16-го апреля 1916 г. [3]: «Торгово-промышленный класс, — говорил Сытин, — об'единиться, сложиться в мощную всероссийскую организацию очень не прочь, но у него нет ни малейшего желания итти в этом отношении в п о в о д у, н а п о м о ч а х у интеллигентов, политических теоретиков из городского и из земского союзов. У них — одни задачи, у нас — другие. Пока война, конечно, у всех одна общая политическая задача, а дальше — ясно: все пути врозь. Они пойдут рука об руку с рабочими (?!) и революционерами (?!), а нам это не по пути. Большинство торговцев и промышленников сразу насторожилось, испугавшись, как бы не связать себя, не оказаться под началом у неимеющих никакого отношения к торгово-промышленным интересам, которые начнут устанавливать цены, диктовать обязательства, вводить новые порядки, и выйдет об'единение на свою же голову, об'единение против своих же интересов. Довольно того, что военно-промышленные комитеты заваривают с рабочими такую кашу, что после и не расхлебаешь, а тут еще и торговцам преподнесут политическое об'единение приказчиков. Нет, это уже слишком опасно, больно далеко они заходят».

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, донесение от 16/IV 1916 г.

[2]) Там же, 6-е делопроизводство, дело № 343, т. II, 1916 г., вх. 29093, донесение начальника московского охранного отделения от 19/VI 1916 г.

[3]) Там же, № 343, т. II, вх. 11397, донесение от 16/IV 1916 г.

Так — по утверждению охранки — смотрит подавляющая масса средних торгово-промышленников.

Под влиянием процесса разрухи все сильнее и сильнее становилось рабочее движение, что заставляло и самих инициаторов рабочих групп относиться к нему все с большим опасением.

Если мы учтем этот страх буржуазии перед попыткой организации рабочего класса и помещиков перед организацией крестьянства, с одной стороны, а с другой—усиленную работу на оборону всей промышленности, которая успешно развивалась, начиная с последних месяцев 1915 г. в течение первой половины 1916 г., то для нас станет понятно, почему именно в этот момент правительство могло произвести нажим на буржуазные организации, не опасаясь особенно сильного противодействия. В условиях некоторого промышленного оживления руководящая верхушка буржуазных организаций в этот период не имела особенно сильного стимула к тому, чтобы итти на разрыв с властью и не могла бы в этом заручиться активным содействием остальных слоев буржуазии.

Этим и об'ясняется, что попытки сопротивления правительству со стороны буржуазных организаций в этот период были крайне робки и нерешительны. Как мы увидим, — дальше петиций и попыток апеллировать к европейскому буржуазному общественному мнению они не шли.

Протест буржуазных организаций.

Понятно, что политические преследования и экономический бойкот буржуазных организаций со стороны правительства и особенно поддержка последним «диких», т.-е. не входивших в об'единение финансового капитала фирм должны были вызвать значительное недовольство и отпор со стороны организованной верхушки буржуазии. Больше всего их беспокоил отказ в выдаче заказов. Как сообщается в донесении начальника московской охранки, «среди московских буржуазных деятелей, еще в самом начале преследований правительства, в конце 1915 г., считалось совершенно невозможным, что военно-промышленные комитеты, как общественные организации, не преследующие (?) коммерческих выгод в деле получения заказов, приравниваются к частным фирмам. Непосредственное обращение главных управлений к крупным фирмам для распределения заказов, ввиду незнакомства этих учреждений с местными условиями, приведет, по мнению общественных деятелей, к тем же порядкам в деле поставок, какие наблюдались уже до момента привлечения к этому делу общественных организаций» [1]).

Буржуазия начинала подымать вокруг отказа в выдаче заказов «патриотическую шумиху». Начальник московской охранки

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III от 16/XII 1915 г., вх. 36490.

пишет: «Усматривая в прекращении дачи заказов общественным организациям опасные признаки успокоения главных управлений и предвестники «сухомлиновщины», Гучков и Львов, с согласия прочих общественных деятелей, решили предпринять энергичные шаги в печати среди членов законодательных палат и в особом совещании по обороне к устранению такого настроения в главных управлениях военного ведомства». Они решили «привлечь внимание общества к замечающемуся отношению главных управлений к делу заготовки предметов снабжения армии. Началась оживленная деятельность общественных организаций в связи с вопросом о заказах» [1]). Помимо личных и письменных обращений к различным правительственным чиновникам вплоть до министров, буржуазные деятели повели широкую агитацию против новой «сухомлиновщины», которая означала бездеятельность в снаряжении армии и являлась для буржуазии синонимом отсутствия заказов на снаряды. Однако этот шум помочь не мог и имел скорее обратные последствия. Военное ведомство, особенно в средине 1916 г., упорно продолжало бойкотировать буржуазные организации в передаче им заказов. По донесению начальника московского охранного отделения, дело дошло до того, что некоторые военно-промышленные комитеты стали перед возможностью закрытия и сокращения своей деятельности. Так, выяснилось, что «механический отдел московского военно-промышленного комитета, уже распределивший на 30 миллионов заказов, может закрыть свою деятельность с первого будущего сентября».

Положение становилось столь критическим, что у буржуазии возникал вопрос о забастовке (не рабочей, конечно). Начальник московского охранного отделения доносил о намерении Земгора, в связи с кампанией правительства против общественных организаций, вступить на путь бойкота правительственных предложений. «Земгор, — сообщает московская охранка [2]), — путем систематического отказа от предложений главного управления фронта, попытается показать всю ошибочность и беспомощность этих управлений в деле заготовки без участия общественных организаций. В особенности Земгор в этом деле думает пользоваться ссылками на недостаток металла и оборотных средств». Это постановление Земгора, сообщенное князем Львовым председателю московского военно-промышленного комитета и заместителю председателя С. А. Смирнову, последний конфиденциально докладывал в частном совещании московского военно-промышленного комитета. Однако выяснилось, что «проведение этой буржуазной стачки не под силу московскому комитету. Так как московский военно-промышленный комитет не имеет организации столь могущественной, как Земгор, отказ его от предложений главных управлений

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 343, донесение начальника московского охранного отделения.

[2]) Там же.

не может иметь места, в особенности еще и потому, что, в то время как к Земгору поступают десятки и сотни самых разнообразных предложений и он располагает средствами земской и городской России, московский комитет ограничен в размерах своей деятельности».

К тому же буржуазия не могла оставить без ответа и посягательства правительства на неприкосновенность ее собраний и с'ездов, что не только било ее политически, но и дезорганизовало ее работу. Постановление правительства о «предоставлении администрации права командировать на всякие общественные собрания своих уполномоченных, с правом закрывать такие собрания, если это будет признано ими необходимым, вызвало, как сообщает начальник московского охранного отделения, глухое раздражение среди деятелей земского и городского союзов. В настоящее время в этих организациях обсуждается вопрос о том, как реагировать на эту меру правительства».

«Наиболее страстно настроенные лица предлагают противодействовать этой мере таким путем, чтобы доводить до конца лишь те заседания названных общественных организаций, на которых не будет представителей администрации; те же собрания, на которые явится представитель администрации, закрывать властью их председателей даже в тех случаях, если обсуждению этих собраний будут подлежать неотложные дела. Предлагающие этот план противодействия хотят таким путем наглядно показать обществу фактическую невозможность работать под контролем администрации; если от такого приема произойдет заминка в деятельности союзов на фронте, то тогда явится возможность обвинить в глазах населения административную власть, которая, по словам М. В. Челнокова, «толкает страну к гибели и поражению».

Вполне понятно, что эта борьба сразу же должна была принять политический характер. «По мысли тех же лиц, — продолжает донесение, — в ответ на такую меру правительства, общественные организации снова должны выдвинуть боевой лозунг: «немедленный созыв государственной думы и отказ работать совместно с безответственным министерством».

В такие критические моменты буржуазия с крайней остротой чувствовала всю необходимость замены царского правительства новым, чисто буржуазным.

Предполагалось также поднять кампанию в печати.

Впрочем, правительство позаботилось о том, чтобы неприятные для него сведения не могли попасть в печать. Главным управлением по делам печати было сделано предупреждение газетам не помещать «будирующих статей» на политические темы, главным образом о походе на общественные организации, так что печать, как с удовольствием констатирует охранка [1]), «в значительной степени

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 343, т. II, 1916 г., донесение от 9/V 1916 г., вх. 14133.

лишена была возможности будоражить общественное мнение и привлекать к этому вопросу внимание широких обывательских масс».

Пожалуй, единственной попыткой решительного протеста против «похода» правительства на общественные организации являлось намерение левых буржуазных кругов пойти даже на организацию забастовки. Однако эта попытка осталась только на словах и оказалась чрезвычайно робкой.

Оказывается, секретарь городского союза Волк-Карачевский предлагал организовать политическую стачку, чтобы дать понять «зарвавшимся правительственным кругам», что «раздражать дальше широкие массы обывателя нельзя, что общественное мнение единодушно в оценке действия правительства, угнетающего общественную самодеятельность и мешающего общественным силам проявлять себя в деле обороны страны».

«В видах этих, — сообщает донесение охранки, — Волк-Карачевский проводит ту мысль, что, в случае, если правительство фактически доведет до конца и не остановится перед мерами дальнейших запрещений и нажимов на общественные организации, то на эти меры необходимо ответить единодушно и повсеместно проведенной кратковременной забастовкой протеста. По мнению Волк-Карачевского, всякая другая забастовка в настоящее время была бы неуместна, повредила бы интересам армии и потому была бы осуждена; забастовка же протеста показала бы сознательность масс в их демонстративной кратковременной остановке работ в знак осуждения правительственных кругов и предупреждала бы эти круги о необходимости считаться с общественными требованиями, повлияла бы на правительство в ожидаемом направлении».

Однако буржуазия боялась вызвать те силы, с которыми она не смогла бы справиться, и потому на этот шаг она не решилась.

Дальше разговоров об этой забастовке дело не пошло.

Буржуазные организации были против слишком решительных действий, считая, что «в настоящее время, когда над всем доминируют интересы фронта, и все и вся приносится и должно быть принесено в жертву этим интересам, несвоевременно и неуместно вызывать в обществе и в широких обывательских кругах большие протестные действия против все усиливающейся реакции правительственных кругов».

Буржуазия довольно покорно, если не считать протестов, выносившихся скорее по обязанности, терпела поход правительства против буржуазных организаций [1]), пока промышленность могла еще работать на оборону и пока ущерб от преследований правительства был не так уж велик.

Единственный реальный протест имел место со стороны московского военно-промышленного комитета, который, в ответ на постановление совета министров от 7-го мая 1916 г. о недопущении

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 343, т. II, 1916 г., донесение от 14/VI 1916 г., вх. 106539.

никаких с'ездов и собраний без особого разрешения начальников военных округов, отказался от созыва с'езда.

Как сообщают «Биржевые Ведомости» [1]) «московский военно-промышленный комитет отказался от созыва с'езда деятелей московского района, работавших в организациях мобилизованной промышленности. С'езд предполагался на-днях, 26—27 июня, к нему энергично готовились, выработали программу, наметили ряд важных деловых вопросов и вдруг сами же отказались. Решение принято единогласно. Единодушие это явилось результатом требования местной администрации, соглашавшейся разрешить с'езд (вернее, областное совещание) при условии, если работа совещания будет подчинена правилам 4-го марта (представление заранее докладов, присутствие полиции и т. д.) и если вообще прения не выйдут из рамки строго деловой программы».

Буржуазия дальше этого мало заметного протеста не пошла, если не считать внесения в государственную думу запроса военному министру и министру внутренних дел о препятствиях в деятельности всероссийского союза городов и земств. Она предпочла ограничиться ходатайствами на имя председателя совета министров Штюрмера, к которому обращались и заместитель председателя московского военно-промышленного комитета Смирнов [2]) и председатель земского союза князь Львов.

Последний в письме к военному министру Шуваеву защищал общественные организации и, в частности, земский союз от обвинений в противоправительственной деятельности, протестовал против запрещения с'езда. Описав заслуги союза перед царем и отечеством, он говорил о «недоумении, с каким встречают земские люди те препятствия, которые ставит правительство земскому союзу на пути к осуществлению стоящих перед ним задач.

«Нельзя упустить из виду и того, — писал он, — что проявляемое ныне отношение правительства к общественным организациям неизбежно повлечет за собой падение общего воодушевления и под'ема духовных сил страны, которые являются высшим залогом победы. Нет сомнений, что недоверие к общественным работникам, создание условий, препятствующих спокойной и планомерной их деятельности, является трудно поправимым ущербом великому делу родины и служит лучшей поддержкой нашим врагам» [3]).

Как видно из другого донесения, Львов в московских организациях проводил мысль о необходимости «непосредственного обращения с протестом против такой меры, как запрещение с'ездов, к верховной власти» [4]), несмотря на явную неудачу всех предшествовавших аналогичных попыток.

---

[1]) «Биржевые Ведомости» от 19/VII 1916 г. (утренний выпуск).

[2]) Письмо заместителя председателя московского военно-промышленного комитета Смирнова Б. В. Штюрмеру, 23/VI 1916 г.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. IV, 1916 г., листы 216 и 217.

[4]) Там же, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, 1916 г., вх. 23741. Донесение начальника московского охранного отделения от 16/IX 1916 г.

Показателем весьма оппортунистического настроения буржуазии в этот период может служить эпизод с опубликованием в «Русских Ведомостях» [1]) одного из секретных докладов департамента полиции о деятельности общественных организаций, в котором она рисовалась как направленная на «достижение замены существующего правительства новым, ответственным перед народным представительством» [2]).

Руководящие круги буржуазии были весьма мало осведомлены о том, как тщательно ведет департамент наблюдение за их деятельностью, и поэтому опубликование доклада департамента вызвало в этих организациях большой переполох.

В этом эпизоде наиболее характерно то отношение, какое буржуазия проявила к обвинениям ее в антиправительственной деятельности.

«Тотчас же по появлении этой заметки, — доносит начальник московской охранки, — комитет общегородского союза устроил совещание по вопросу о том, как реагировать на этот доклад департамента полиции». Оказывается, первым стремлением буржуазии было принять меры к тому, чтобы «разуверить» власть в «злостной клевете». Так как Челноков опасался, что этот доклад будет доведен «до высочайшего сведения», то «совещание не нашло возможным» оставить без ответа эту «клевету» на союзы. Было решено «составить записку, заключающую опровержения данных департамента полиции, и затем через кого-либо из сановников или придворных, известных своим сочувствием общественным организациям, повергнуть эту записку на высочайшее благовоззрение». «В этой мере, — иронически замечает охранка, — Челноков видит единственную возможность бороться с подкапывающейся под союз работой департамента полиции» [3]).

Переполох среди буржуазии был настолько велик, что, если верить охранке, Челноков должен был выехать в Петроград специально по этому поводу и иметь подробное об'яснение с председателем совета министров Штюрмером.

Мы привели этот характерный эпизод только для того, чтобы показать, что летом 1916 г., когда промышленность усиленно работала на оборону, когда буржуазия действительно переживала «золотые денечки», буржуазия, несмотря на открытое противодействие деятельности ее организаций, не только не склонна была активно выступать против правительства и всячески уклонялась от политических выступлений, но готова была клясться Штюрмеру в своей политической благонадежности.

---

[1]) «Русские Ведомости» от 18-го июня 1916 г.

[2]) Сравните показания об этом б. директора департамента полиции Климовича в следственной комиссии временного правительства. См. «Падение царского режима», т. I, стр. 61—62.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1916 г., вх. 17576.

Апелляция к западно-европейскому капиталу.

Для более полного уяснения тактики буржуазных организаций в их борьбе с царизмом мы должны остановиться на их попытке установить связь с западно-европейским капиталом и апеллировать к союзникам по поводу чинимых царским правительством препятствий в их «высоко патриотической работе на оборону».

Связь с западно-европейским капиталом будет вполне понятна, если принять во внимание ту роль, какую играла империалистическая Россия среди других империалистических государств, главным образом, как военная сила в борьбе англо-французского капитала с германским. С этой стороны для союзного капитала, конечно, не могли быть безразличными боеспособность русской армии и политика правительства, которое этой армией руководило, так как неспособность царского правительства вести войну непосредственно угрожала военному положению союзников. В этих условиях вполне понятно, что «союзные державы» испытывали ту же самую «тревогу» за успешность своего военного предприятия, что и русская буржуазия. Для них угроза сепаратного мира России с Германией, слухи о возможности которого усиленно муссировались русской буржуазией, казалась более чем реальной. Однако не только этой причиной, хотя и весьма важной, определялось отношение союзного капитала к той борьбе, которая развертывалась в России между буржуазией и царизмом. Как мы уже говорили, добрая половина всей русской промышленности находилась в руках иностранного капитала, и прежде всего англо-франко-бельгийского. Понятно, что союзническая буржуазия, так же как и русская, была более чем кровно заинтересована в возможности «работы на оборону». Если мы примем во внимание, что как раз с капиталом Антанты более всего были связаны те самые круги буржуазии, которые захватили в свои руки военно-промышленные комитеты, то для нас будет вполне понятна та «тревога», которую испытывала союзническая буржуазия по поводу затруднений, чинимых буржуазным организациям в получении военных заказов от правительства. Союзный капитал, вместе с русским, испытывал все неудобства от того, что шнурок от казенного мешка находился в руках полукрепостников-помещиков, а не у самой буржуазии.

Этим и об'ясняется, что русская буржуазия и ее политические партии поддерживали такую тесную связь с союзниками. Связь эта выражалась прежде всего в информации союзников о положении дел в России, особенно, когда это положение стало для буржуазии угрожающим. Как раз к концу сентября 1915 г. и первой половины 1916 г., т.-е. к периоду наибольшего обострения отношений между буржуазией и правительством, относятся первые настойчивые попытки «общественных организаций» соответствующим образом информировать и обработать «обществен-

ное мнение» союзных держав. Как доносит охранка, в декабре—январе в ряде совещаний поднимался вопрос об организации поездок за границу русских общественных деятелей [1]). А так как буржуазии было важно, чтобы поездка состоялась не по ее инициативе, а чтобы ее пригласили, то корреспондентам крупных русских газет — в Лондоне — Дионео, в Париже — Белоусову — были даны директивы вести агитацию в парламентских кругах Англии и Франции за приглашение русских общественных деятелей. Агитация вполне достигла желаемого результата. В конце марта председателем думы Родзянко было получено письмо, в котором английское и французское правительства приглашали членов думы посетить Англию, Италию и Францию для ознакомления с постановкой этими странами дела обороны. Одновременно с этим представители думы приглашались на международную конференцию по экономическим вопросам, которая была назначена в Париже на конец марта 1916 г., «для изучения основ экономического сближения между союзниками» [2]).

Согласно этому предложению весною 1916 г., ряд журналистов, а потом и ряд депутатов государственной думы отправились за границу.

«Укрепление связи с союзниками», очевидно, проходило успешно. Союзники произвели друг на друга вполне «благоприятное» впечатление. Уже в конце лета, очень скоро после возвращения из-за границы, кадетский лидер Милюков снова выехал в Англию. Официальным предлогом являлось приглашение Кембриджского университета для чтения лекций о Балканах и о государственной думе [3]). Однако правительство отнюдь не могло сочувствовать установлению такой смычки между русской и западно-европейской буржуазией. В целом ряде случаев царское правительство под разными предлогами запрещало выезд из России представителям буржуазной оппозиции.

Помимо попыток установить связь с западно-европейским капиталом при посредстве поездок русских общественных деятелей за границу, эта связь поддерживалась также через приезжавших в Россию представителей Антанты, которые соответственным образом обрабатывали русское буржуазное «общественное мнение». Относительно связи русской буржуазии с представителями Антанты и попыток буржуазии через своих представителей воздействовать на русское и союзные правительства охранка подобрала довольно интересный материал. Когда в декабре 1915 г. в Россию должна была приехать союзническая делегация, военно-промышленные комитеты усиленно «готовились к ее встрече, готовились к тому, чтобы представить иностранным гостям русскую мобилизованную

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 20, ч. 46, л. Б, 1915 г. Агентурная записка от 14/I 1915 г.

[2]) Там же, дело № 344, л. 95.

[3]) Вернадский, «П. Милюков», Москва, 1917 г.

промышленность в блестящем виде» [1]). Была составлена подробная записка о работе и об условиях работы буржуазных организаций для представления посетившей Москву иностранной миссии.

Однако русское правительство менее всего склонно было содействовать сближению своей буржуазии с иностранной, и, так как в данном случае это сближение было в значительной мере направлено против него самого, оно всячески препятствовало попыткам русской буржуазии информировать европейскую. «Намерения комитета представить эту записку иностранной миссии, — доносит охранка, — не встретило одобрения со стороны господина командующего войсками московского военного округа» [2]). Однако если буржуазия не смогла передать этой записки официально, то все же «П. П. Рябушинский, находившийся в лично дружеских отношениях с английским послом, послал ему конфиденциально копию этой записки, с указанием на образ действий в этом деле генерала от артиллерии Мрозовского и на то, что такой прием со стороны московских властей об'ясняется нежеланием правительства подчеркивать перед Европой все значение русской мобилизованной промышленности в деле снабжения армии».

То же самое повторяется при посещении России помощником военного министра Франции, «социалистом» Альбертом Тома и Вивиани. И тут буржуазия, в лице представителей военно-промышленных комитетов, старалась через них соответствующим образом обработать общественное мнение союзных держав. Как доносит агентурная записка от 3-го мая 1916 г., «к Альберту Тома лично обращался ряд общественных деятелей, которые нарисовали Тома в тенденциозном освещении картину борьбы правительства с общественными организациями» [3]). 4-го мая в московских газетах [4]) появилось характерное письмо заместителя председателя московского военно-промышленного комитета Смирнова на имя Альберта Тома. Письмо было составлено в обычных, рассчитанных на «внешнее потребление» лживых патриотических тонах, но вместе с тем там Альберту Тома было указание на необходимость познакомиться с трудами военно-промышленных комитетов, в которых он «мог бы найти материал для суждения о том, в каких трудных условиях протекает деятельность русских общественных организаций, в том числе и московского военно-промышленного комитета». В материалах охранки история этого письма описывалась следующим образом: «Первоначально указанное письмо было составлено и средактировано Поплавским. В этом проекте письма та же мысль была выражена еще резче, так как в нем Поплавский подчеркнул целый ряд обвинений против действий правительства по отношению к военно-промышленным комитетам. Там излагались

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 343, 1915 г. от 15/XII 1915 г., вх. 35790.

[2]) Там же, дело № 343, 1915 г. от 15/XII 1915 г., вх. 35790.

[3]) Там же, агентурная записка от 3/V 1916 г.

[4]) «Русские Ведомости», № 102 от 4-го мая 1916 г.

все препятствия, какие деятельность общественных организаций в помощь армии встречает со стороны правительства. Однако, когда проект этого письма в редакции Поплавского обсуждался в московском военно-промышленном комитете, то многие члены комитета не согласились с такой формой письма, находя недопустимым обращаться с жалобами к министру хотя бы союзного государства. Тогда письмо было переработано в том виде, в каком оно было помещено в газетах и в котором заключается только один намек на «материалы» комитетов. Оказывается, во всех материалах, в протоколах заседаний военно-промышленного комитета, представленных Тома, отмечены все места, которые заключают в себе противодействия правительства начинаниям военно-промышленного комитета».

По донесению охранки, как Вивиани, так и Тома «убедились во время пребывания в России, что русское общество (т.-е. буржуазия) лишено было возможности сделать все то, что оно могло бы сделать и к чему оно так сильно стремилось, и французское правительство с горечью принуждено было констатировать этот факт»[1]).

Подобную же попытку обращения к союзникам сделали и представители земского и городского союзов. Незадолго до приезда Тома и Вивиани правительство предприняло целый ряд репрессивных мер против буржуазных организаций. В связи с этим на совещании представителей общегородского и общеземского союзов обсуждался вопрос об ожидаемом со стороны правительства стеснении деятельности союзов. Один из членов совещания Бахрушин, как доносит охранка, «предложил осведомить о борьбе правительства с организованной общественностью—правительства, парламенты и общество союзных держав». «В частности, по отношению к Франции — по мнению Бахрушина — это могло быть сделано в форме обращения к помощнику военного министра Тома, который прекрасно осведомлен в настоящий приезд в Россию о положении дел в России и мог бы выдвинуть перед французским правительством вопрос о воздействии на русское правительство в желаемом для общественных организаций смысле». Бахрушин, хотя и сознавал, — как он заявлял на собрании, — что «такая мера есть крайность, но на такие шаги толкает само правительство, которое, мешая общественным силам, проваливает не только дело России, но и дело наших союзников». Именно по этим соображениям Бахрушин находил вполне возможным «моральное воздействие и давление со стороны французского и английского правительств на правительство русское». «Союзники, — заявлял он, — должны понимать, с каким правительством России они имеют дело и ведут рука об руку борьбу. Этим приемом русское общество

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. II, 1916 г. Агентурная записка № 61 (Крюков) от 3/V 1916 г., вх. 13040.

покажет, наконец, общественному мнению на западе, что русское правительство — это одно, а русское общество — другое». В подтверждение своего предложения Бахрушин рассказал, как Коновалов «раскрывал глаза французскому правительству на то, что происходит в России», при чем будто бы «Тома заявил Коновалову, что ему лично все это давно известно в подробностях, но французское правительство в целом только теперь начинает надлежащим образом понимать, к какой пропасти русское правительство ведет и Россию и все дело союзников».

Хотя сообщение, сделанное Бахрушиным, было выслушано с большим вниманием и произвело громадное впечатление, все же собрание не решилось на такую крайнюю меру. «Вынесение сора из избы за границу, — говорил Челноков, — и в такое время, которое мы переживаем, это — такая крайность, на которую решиться нужно, очень и очень подумавши, и говорить об этом преждевременно».

В результате собрание не пришло ни к каким решениям и постановлений никаких не вынесло. Решено было «выждать дальнейшего подтверждения слухов о походе правительства на общественные организации».

Таким образом, представители центра и правого крыла прогрессивного блока, большинство которых руководило обоими союзами, не решились даже на информацию приехавшей миссии. Зато представители военно-промышленных комитетов, которые на себе особенно остро чувствовали преследование правительства, имели достаточно твердое намерение оказать на него воздействие через союзников. В этом отношении чрезвычайно характерна попытка Коновалова издавать за границей «особый информационный орган для осведомления представителей западно-европейских правительств, парламентов, общественных деятелей, ученых, журналистов и т. п. о сущности и ходе развития борьбы в России между правительством и либеральными общественными силами».

По предполагаемому плану «журнал должен давать: 1) фактический материал, касающийся борьбы реакционного правительства с освободительными стремлениями общества; 2) характеристики, основанные на фактах, руководящих представителей правительства; 3) статьи, выясняющие сущность стремлений русского либерализма; 4) характеристики наиболее крупных фигур из левого политического лагеря, которые при смене правительства могли бы быть призваны к власти; 5) выяснение позиции русского либерализма в различных международных вопросах; 6) выяснение различия точек зрения и тактических приемов русского буржуазного либерализма и крайних левых течений; 7) систематизирование, для наиболее легкого ознакомления, хроники деятельности государственной думы и государственного совета; 8) характеристику русских правых течений с откровенной характеристикой более видных правых деятелей». Кроме того, донесение отмечало: «Если намеченный орган начнет выходить, то с первых же номеров его самое серьезное внимание будет уделено той роли, какую

в русской политической жизни и придворных кругах играет Распутин. Коновалов надеется, что ему удастся получить от Иллиодора сенсационные материалы о Распутине, которые находятся в его распоряжении». (Эта угроза должна была особенно всполошить охранку и царское правительство.)

Оказывается, что идея подобного органа возникла по инициативе не только русской буржуазии, но и самих союзников. «Как выяснилось, — доносит охранка, — представители правительства, парламентские деятели и вообще общественные круги во Франции и Англии имеют более чем смутное представление о сущности требований и о ходе борьбы русского либерализма с правительством; неосведомленность заходит так далеко, что с горечью должны были констатировать русские общественные деятели, что в беседах, например, с русскими журналистами видные французские и английские государственные и общественные деятели, даже принадлежащие к либеральным партиям, смешивали русские левые и правые партии, считая последних за выразителей большинства русского народа». Оказывается, после того, как эти журналисты раз'яснили этим деятелям в чем дело, они «прямо заявляли, что было бы крайне желательно систематически информироваться о русских делах не из рук русского правительства, а из рук представителей русского народа (т.-е. буржуазии)».

«...Издание проектируется, независимо от того, будет ли оно выходить в Париже или в Лондоне, одновременно на французском и английском языках, и будет бесплатно рассылаться всем государственным деятелям, парламентариям, редакциям и т. д.»[1]).

Средства для издания подобного журнала обещал доставить Коновалов, который надеялся легко их собрать путем подписки в либеральных торгово-промышленных кругах. Предложение заняться редактированием этого информационного органа было сделано Бурцеву. Как видим, уже тогда этот «революционер» работал рука об руку с русской крупной буржуазией. (Между прочим, в предупреждение появления подобного информационного журнала директором департамента полиции Климовичем сделана тут же на полях донесения пометка: «Лишнее основание, чтобы не выпускать Бурцева за границу».)

Мы не имеем сведений, осуществилась ли эта попытка буржуазии, — очевидно не осуществилась. Во всяком случае, она весьма симптоматична для существовавшего тогда стремления установить прямую связь между русской и европейской буржуазией.

Проект финансового бойкота правительства.

Информация западно-европейского общественного мнения преследовала не только цели чисто осведомительные, но и практи-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 20, ч. 46. Совершенно секретное донесение начальника московского охранного отделения от 9/V 1916 г. директору департамента полиции Климовичу за № 291903.

ческие: буржуазия имела в виду не одно моральное воздействие на царское правительство. Подобно тому, как это было во время революции 1905 г., она пыталась воспрепятствовать русскому правительству заключить заем за границей.

В случае удачи этот план, по ее расчетам, должен был привести безответственное «правительство» к покорности буржуазии. В той самой докладной записке, в которой сообщалось о желании руководящих кругов русских общественных организаций издавать информационный бюллетень за границей, указывалось также, как на одну из целей предпринимаемого издания, на предупреждение возможности заключения для царского правительства займов за границей.

«Систематическое информирование Северно-Американских Соединенных Штатов, — сообщается в записке, — признается столь же необходимым, как и информирование Франции и Англии. Главная цель агитации — предупреждение возможности для русского реакционного правительства заключения после войны крупных внешних займов. Подобные займы могут быть заключены не только во Франции и Англии, но и в Соединенных Штатах (здесь даже вероятнее всего). Поэтому привлечение американского общественного мнения к содействию требованиям русского либерализма представляется необходимым».

Как видим, это донесение говорит только о послевоенных займах. Другие же донесения ясно показывают, что дело шло не только о послевоенных, но и о военных займах.

Вопрос об агитации за границей против заключения царским правительством займов встал перед буржуазией осенью 1915 г., в разгар ее оппозиционных настроений, когда она впервые должна была поставить вопрос о захвате власти, именно — о создании министерства, пользующегося доверием страны. Для того, чтобы добиться реформы во время войны, буржуазия делает попытку побудить союзников отказать «безответственному правительству» в военных кредитах; это требование было тем более актуально, что, как мы видели выше, кредиты, получаемые царским правительством, распределялись им далеко не в соответствии с интересами русского финансового капитала.

Как мы читаем в донесении московского градоначальника, еще в конце ноября 1915 г., на совещании у Коновалова, в связи с отсрочкой созыва государственной думы, обсуждался вопрос о том, что «следует войти в связь с общественными деятелями Англии для дискредитирования правительственной власти, показав стремления русских общественных элементов, и тем предупредить возможность для настоящего правительства новых займов за границей» [1]).

Однако и руководящие круги буржуазии сознавали всю опасность прекращения кредитования царского правительства союз-

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 343, 1915 г., вх. 34036, донесение московского градоначальника от 27/XI 1915 г.

никами, тем более, что, как видно из докладов Барка, деньги и так доставались правительству с большим трудом [1]). Хотя и не сполна и не так, как этого хотелось бы буржуазии, но все же значительная часть получаемых царским правительством кредитов попадала в ее карман. Сводка «о настроении общества» к февралю 1916 г. [2]) уже снова говорит о попытках буржуазии препятствовать лишь послевоенным займам.

«По мнению буржуазных общественных кругов, — доносит охранка, — и Англия и Франция, хотя и запоздало, но поняли, что французские миллиарды, данные в расчете на русскую мощь, оказались в руках реакционного правительства брошенными в болото. Франция получила союзника, отходящего без снарядов из Галиции, сдающего крепости, как карточные домики... Дважды подобных ошибок не делают, и теперь реакционному, безответственному перед государственной думой, не пользующемуся доверием страны правительству ни Франция ни Англия **после войны** денег не дадут. Без государственных доходов правительство не получит за границей ни одной копейки».

«Этот план в смысле необходимости вступить по этому вопросу в ближайший контакт с парламентскими деятелями Франции и Англии обсуждался недавно в Москве в особых совещаниях у члена государственной думы А. Коновалова и у члена государственного совета П. Рябушинского. Обсуждение того же вопроса происходило и в Петрограде в кадетской фракции. Есть данные, которые свидетельствуют, что соответствующая работа уже началась в Париже и Лондоне».

Хотя сообщения о финансовом бойкоте довольно-таки скудны и, очевидно, реальных шагов в этом направлении сделано было мало, все же эти шаги чрезвычайно показательны для буржуазии в ее борьбе с царизмом. Если буржуазия не привела в исполнение своих угроз, то не только потому, что она этого не могла сделать, а потому, главным образом, что дело происходило не в мирной обстановке, а в условиях войны. Сокращение кредитования грозило упадком боеспособности армии, к тому же царская казна фактически являлась хотя и плохим, но все же передаточным пунктом средств, получаемых как изнутри, так и из-за границы. Поэтому для буржуазии агитация за финансовый бойкот за границей означала бы ущемление кармана не только царского правительства, но и своего собственного.

Мы рассмотрели связь русской буржуазии с западно-европейским капиталом: если между ними не установилось полного контакта, то лишь потому, что, с одной стороны, русская буржуазия

---

[1]) См. 2-е отделение экономической секции ЕГАФ. Дело б. канцелярии министерства финансов о переговорах министра финансов в Париже и в Лондоне в июне и июле 1916 г.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, дело № 27, 1916 г., вх. 6350, донесение от 29/II 1916 г.

не особенно склонна была итти на полный разрыв с царизмом, а с другой — и западно-европейский капитал если и симпатизировал ей больше, чем царскому правительству, то, во всяком случае, не настолько, чтобы оказать открытую поддержку. Западно-европейский капитал расценивал Россию прежде всего как поставщицу пушечного мяса на восточный фронт войны. Несмотря на недовольство царизмом союзники прекрасно сознавали, что всякая внутренняя перетасовка грозила бы ослаблением их военной мощи. Только полная неспособность царского правительства вести войну, а главное — угроза сепаратного мира со стороны правящей клики заставляли их так чутко прислушиваться к борьбе русской буржуазии с царским правительством. Недаром и царизм видел в союзниках, или точнее в союзных послах, чуть ли не заговорщиков, идущих заодно с русскими Гучковыми, Родзянками и т. п.

Характерно, что Вырубова, слова которой интересны как отражение взглядов этих самых придворных кругов, неоднократно в своих воспоминаниях говорит о «заговоре», который «готовился в стенах (английского) посольства с ведома и согласия сэра Бьюкенена»[1]. «Часто государь заявлял мне, — пишет она, — что он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против их величеств, что у них в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому случаю[2]. Государь добавил, что он намерен послать телеграмму королю Георгу с просьбой воспретить английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России, усматривая в этом желание Англии устроить у нас революцию ко времени мирных переговоров»[3].

Мемуары бывш. английского посла в России Бьюкенена являются лучшими документальными данными об участии представителей Антанты в поддержке русской буржуазии[4]. Уже одни посещения и банкеты иностранных миссий в московском военно-промышленном комитете, а также немедленное признание буржуазного временного правительства Англией и Францией подтверждают правильность этого предположения.

Несомненно, что русская буржуазия в своих стремлениях опереться на союзников не только рассчитывала на их помощь в своей борьбе с царизмом, но надеялась также на их помощь в «критический момент» для подавления «разбушевавшейся черни». Союзники вполне оправдали надежды русских капиталистов. В годы гражданской войны они достаточно много субсидировали русскую буржуазию, впрочем, убыточно для самих себя и безуспешно для нее.

Итак, подведем итоги рассмотрению позиции русской буржуазии в первой половине 1916 г.

---

[1]) Вырубова, «Воспоминания». Берлин, 1923 г., стр. 67.

[2]) О фронте князей и подготовке дворцового переворота, см. гл. X.

[3]) Там же, стр. 26.

[4]) «Вестник НКИД», № 4—5, 1920 г.

Как мы видели, начало 1916 г. застало русскую буржуазию в момент упадка ее оппозиционности, в момент реакции после бурных августовско-сентябрьских дней 1915 г. Относительный под'ем промышленности, в связи с развернувшейся работой на оборону, способствовал некоторому ослаблению напряженности ее политического настроения. Буржуазия была всецело поглощена чисто «деловой» работой. Буржуазные общественные организации избегали открытых конфликтов с правительством, предпочитая итти в борьбе медленным шагом.

Наиболее оппозиционные представители капитала, опасаясь, с одной стороны, «народного гнева», с другой — стремясь в своей борьбе со старым режимом опереться на народные массы, делают попытки «организовать» рабочих — при помощи гвоздевцев — и крестьян — через кооперативы и буржуазных кооператоров.

Опираясь на некоторый промышленный под'ем и на недовольство деятельностью общественных организаций помещиков и даже части промышленников, — правительство переходит в наступление против них, запрещая с'езды и проводя экономический бойкот военно-промышленных комитетов.

Буржуазия в борьбе против этих репрессий ограничивается словесным протестом и прибегает, как к крайней мере, к апелляции к западноевропейскому «общественному мнению». Положение значительно обостряется к осени 1916 г., в связи с переломом в народном хозяйстве, когда разруха начинает прогрессировать с необычайной быстротой. Как развивалась в этот период борьба внутри господствующих классов, составит предмет рассмотрения следующих разделов этой главы.

Осень 1916 г.

Промышленное оживление первой половины 1916 г., предопределявшее некоторую политическую пассивность буржуазии, не могло не кончиться новым резким кризисом. Как мы выяснили в введении, особенность военной экономики в том и заключалась, что в самом под'еме промышленности уже таились предпосылки краха и разложения народного хозяйства. Так мы видели, что работа на войну, которая служила главным стимулом под'ема, особенно сильно развернулась в период с конца 1915 до июля — августа 1916 г. Однако связанное с этим под'емом разрушение

промышленности, транспорта и рабочей силы неизбежно должно было привести к сильнейшему обострению общего экономического кризиса. Со второй половины 1916 г. началось неуклонное сокращение производства во всех отраслях промышленности: в меньших размерах — в отраслях, связанных с работой на оборону, и в больших — в прочих отраслях. Особенно катастрофическим становится положение транспорта, пропускная способность которого, после колоссальной нагрузки первых дней войны, начинает значительно уменьшаться не только для мирных грузов, которые почти выпали из грузооборота с первых же месяцев войны, но и для военных, а также для тех, которые шли для промышленности, занятой работой на оборону, и для продовольствия населения крупных городов.

Осенью 1916 г. усиливается также топливный и сырьевой кризис, вызывавший закрытие значительного количества предприятий. Из-за разрухи транспорта и недопроизводства средств потребления до крайности обостряется продовольственный кризис. Реальная заработная плата начинает ползти вниз в противоположность тому под'ему, который наблюдался в первой половине года. После некоторого затишья весной и летом 1916 г., когда успешная работа на оборону создавала почву для влияния оппортунистических элементов на рабочую аристократию и на наиболее отсталые слои рабочего класса, заработная плата которых была сравнительно высока, — в связи с обострением экономического кризиса вновь начинается под'ем массового революционного движения.

Показателем революционного под'ема могут служить продовольственные беспорядки, которые с новой силой развернулись осенью 1916 г. Но главным показателем роста революционного настроения нужно считать стачечное движение. Тогда как летом 1916 г. общее число стачечников не превышало 2—3 десятков тысяч, в сентябре оно достигло 46,8 тысячи, в октябре увеличилось еще в 4 раза, дойдя до 187,1 тысячи, в ноябре—декабре движение опускается до 39 тысяч с тем, чтобы с новой силой подняться в январе 1917 г., когда число стачечников достигает рекордной цифры для всех военных месяцев в 232 тысячи.

Этот под'ем революционного движения не мог не оказать влияния на позицию царизма и буржуазии.

Как известно, революционное движение в первой стадии своего развития, пока оно еще «не потрясает основ» господствующего строя, вызывает только новый напор правительственной реакции. Если это верно вообще, то тем более верно по отношению к русскому царскому правительству.

У русского царизма была совсем иная политическая школа, чем, скажем, у английского правительства. Последнее имело за собой опыт длительных и значительных уступок и реформ, русское же правительство из опыта революции 1905 г. твердо усвоило, что не уступки приводят к успокоению, а, наоборот, — репрессии. Как известно, манифест 17-го октября считался правящими сфе-

рами крупнейшей ошибкой. Именно ему приписывалось революционное движение осенью 1905 г., декабрьское восстание и деятельность советов, условия для которых, по мнению правительства, были созданы свободами, провозглашенными после манифеста. Насколько пагубной казалась царизму политика уступок, настолько спасительной представлялась политика репрессий, военно-полевых судов и столыпинских «галстуков». Исходя из этих соображений, правительство в моменты под'ема революционного движения не только не идет на уступки, а, наоборот, усиливает репрессии. Как мы увидим далее, даже в дни агонии старого режима, когда не то что его дни, но и минуты были сочтены, правительство продолжает держаться этой тактики. Для характеристики этого настроения весьма показательны письма Александры и Николая Романовых. «Будь властелин, — писала мужу Александра, — будь тверд, как камень, держись своего решения, не поддавайся, ударь кулаком по столу. Не уступай, будь властелином, слушайся своей стойкой женушки и нашего друга (Распутина), доверься нам, мы не можем позволить, чтобы нас топтали, твердость прежде всего».

Вот именно этой «твердостью» и об'ясняется, что правящая клика возбудила против себя такое резкое недовольство даже в своих собственных рядах. Еще в 1905—1906 г.г., когда впервые зашатался царский трон и буржуазия стала перед угрозой массового революционного движения, она, в своем стремлении «высоко поднять корону», провозгласила устами Муромцева (председателя 1-й государственной думы) лозунг: «нападайте на министров, но не касайтесь монарха»; теперь «монарх» сам подставлял с готовностью свою дегенеративную голову под ее удары. Больше же всего буржуазию нервировала угроза сепаратного мира.

Вопрос о сепаратном мире.

Слухи о сепаратном мире муссировались буржуазией с исключительной силой. В действительности же о сепаратном мире между Россией и Германией за все время войны официальных переговоров не было, были лишь только попытки переговоров. Первой ласточкой их явилось письмо Васильчиковой к царю от 25-го февраля (10-го марта) 1915 г., инспирированное германскими военными кругами. В этом письме Васильчикова, повторяя ходячие аргументы германских официальных кругов, убеждала Николая, что у России нет никаких противоречий с Германией, что главный враг ее не Германия, а Англия, передавала желание немецких высших сфер начать переговоры о мире.

Значительно позже, 5-го ноября 1915 г., ею же, по приезде из Германии в Петроград, была передана царю вторая записка аналогичного содержания. За несколько дней до этого, 25-го октября, на имя русского министра двора Фредерикса было получено

письмо от прусского министра двора с предложением начать переговоры о сепаратном мире.

Это, так сказать, официальные акты. Помимо них, в письме Александры к Николаю мы находим сообщение о письме брата Александры — Эрни, в котором тот предлагает «послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (т.-е. Николая) частным образом, и они могли бы полюбовно уладить многие временные страдания» и «начать строить мост для переговоров».

Эти попытки оказались неудачными. В этом же письме Александра должна была признать, что «хотя все жаждут мира, но время еще не настало». Это чувствовал и Николай. На письме прусского министра двора он наложил резолюцию: «не отвечать».

Отдельные германские представители пытались начать переговоры с русскими посланниками в отдельных странах. На-ряду с представителями дипломатического корпуса, в качестве «ангелов мира» выступали всевозможные дельцы, имевшие серьезные материальные основания для своего пацифизма, — напр., держатели русских ценных бумаг, реализовать которые во время войны было, конечно, довольно затруднительно.

Так, летом 1915 г. директор «Deutsche Bank» пытался через русского посланника в Стокгольме воздействовать на царское правительство с целью склонить его к сепаратному миру.

Особенно сильно распространялись слухи о подготовке сепаратного мира осенью и зимой 1916 г. Они наполняли заграничную печать. Угроза сепаратного мира казалась настолько реальной, что союзные державы непосредственно через своих посланников и через русских послов запрашивали царское правительство о правдоподобности или, точнее, неправдоподобности этих слухов. В конце концов, 3-го ноября 1916 г. Штюрмер должен был опубликовать официальное сообщение с опровержением этих слухов, за что ему была выражена благодарность от союзников. Если к изложенным попыткам о сепаратном мире присоединить те переговоры, которые вел Протопопов во время своей заграничной поездки в Стокгольм, а также переписку секретаря Штюрмера, Манасевича-Мануйлова, с одним из представителей Германии по вопросу о назначении свидания в Карлсбаде [1]), то этим почти исчерпываются известные нам материалы о подготовке сепаратного мира.

Возможно, что многое погибло в личных архивах царской семьи, уничтоженных, вследствие неосмотрительности временного правительства, Николаем и Александрой в первые дни переворота.

Однако во всей этой истории важны не столько эти имевшие или не имевшие место попытки переговоров, сколько, как выра-

---

[1]) «Падение царского режима», стр. 160—161; показания Протопопова.

жался Ленин, «непреоборимо установленные факты политики», которые дают возможность «разобраться в вопросе о сепаратном мире» [1]). Слухи о сепаратном мире, если они даже и не вполне подтверждались фактами, своей настойчивостью и определенностью говорили за об'ективную возможность и даже необходимость заключения мира.

Только официальная патриотическая печать выставляла во время войны в качестве непререкаемой истины, что единственным врагом России является Германия, а союзниками, по природе, — Франция и Англия. На самом же деле у русского империализма со странами Антанты было также немало противоречий.

«Царизм предпочел бы, — писал Ленин, — конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы «взять» как можно больше — и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и «добить» Австрию и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, нехватает. В этом гвоздь.

«Если бывший социалист г. Г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия» — разрушения «прусского милитаризма» и дружбы с «демократической Англией», то это — детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся «прогрессивная» буржуазия, и октябристы, и кадеты хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как» [2]).

Если царизм убедился, что, в конце концов, при данном состоянии военных сил «нельзя добиться большего, нельзя сразу победить Германию или это непомерно дорого стоит, тогда царизм не может не искать сепаратного мира с Германией» [3]).

Как видим, Ленин считал, что по существу в данном вопросе принципиального расхождения между царизмом и буржуазной оппозицией в лице Гучкова, Милюкова и К° не было; вопрос шел лишь о том, «когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии».

Разрешение же последнего вопроса зависело исключительно от осведомленности о состоянии военных сил или «военного бессилия». Правительству это было известно на целых 100%, Милюкову же и Гучкову, по словам Ленина, только на 25%.

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 386.
[2]) Там же, стр. 389—390.
[3]) Там же, стр. 391.

Но, конечно, в вопросе о выборе момента для поворота от борьбы с Германией к борьбе с Англией сталкивались противоположные интересы различных буржуазно-помещичьих групп, влиявших на то или иное отношение к войне.

Как мы указывали во введении, война далеко не одинаково отозвалась на положении различных отраслей народного хозяйства и тем самым на различных группах господствующих классов. Значительная часть промышленников, работавших на «оборону», капиталистических помещиков центральных губерний, которые немало выигрывали от войны, а также и представителей торгового и банкового капитала, широко спекулировавших на повышении цен и разнице в ценах на различных рынках, принадлежала к породе «оптимистов» — горячих сторонников войны без конца.

Но будучи выгодна для одних, война подорвала благосостояние другой довольно значительной части господствующих классов. Прежде всего она разрушила те отрасли промышленности, которые или совсем не были связаны с работой на оборону и армию или обслуживали ее в очень незначительной степени. Как на пример такого рода, можно указать на полиграфическую промышленность (книгами не стреляли). От войны пострадали также и те отрасли промышленности, которые работали преимущественно на иностранном сырье, а также отрасли, связанные с городостроительством.

Оказавшись выгодной для одних групп помещиков, война больно ударила по другим. Как мы указывали выше, стоявшие во главе правления полукрепостники-помещики с самого первого момента весьма равнодушно и даже отрицательно отнеслись к войне. Это были преимущественно владельцы полукрепостных латифундий, мало заинтересованные в экспорте хлеба, поскольку они не вели капиталистических хозяйств, а сдавали свои имения в аренду.

К этой германофильски настроенной группе полукрепостников, мало заинтересованных в вывозе, за время войны присоединились новые кадры помещиков, которым приносило ущерб сокращение вывоза на внешние рынки. Несмотря на острый недостаток хлеба, разруха транспорта делала для них недоступным и внутренний рынок. Все это заставляло многих помещиков сокращать посевную площадь.

Особенно сильно повлияла война на сокращение посевных площадей в средне-и нижневолжских губерниях, а также в части черноземных губерний, напр., Тамбовской и Воронежской, вообще на всем юго-востоке, оторванном как от потребляющего промышленного центра, так и от главного потребителя военного времени — армии. Не случайно, что среди этой группы помещиков поворот к сепаратному миру наметился еще с лета 1915 г., когда обнаружилась неудача союзного флота форсировать Дарданеллы и тем самым открыть русскому хлебу путь на европейский рынок (другой вопрос, как сумели бы помещики во время войны его использовать из-за разрухи транспорта).

К этой группе помещиков, недовольных войной, примыкали значительные круги представителей торгового капитала, связанного с экспортом вообще и с хлебным — в частности. В противоположность сторонникам «войны до победного конца» эти группы довольно мрачно смотрели на дальнейший ход военных действий и стремились к миру «пока еще не поздно».

Однако при общем империалистическом «настроении» большинства буржуазии, стремления к сепаратному миру указанной группы буржуазии и, главным образом, помещиков было недостаточно. При наличии в России революционной обстановки сепаратный мир мог стоить царизму его существования.

Изображая предположительно ход мирных переговоров между Николаем и Вильгельмом, Ленин следующим образом рисовал воображаемый диалог между ними: «Царь мог сказать Вильгельму: «Если я подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского, ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента». — «Конечно, не расчет» — должен был ответить Вильгельм» [1]).

Именно страх революции и сковывал царизм в его стремлении к сепаратному миру. Царскому правительству приходилось готовиться не только к сепаратному миру, но и прежде всего к подавлению революции.

На-ряду с репрессиями в отношении рабочих правительство принимает ряд репрессивных мер и в отношении буржуазной общественности.

Министерская чехарда.

Та политика репрессий, которая была начата «походом» правительства на буржуазные общественные организации и которая выразилась в запрещении с'ездов и подчинении наблюдению полиции всех их заседаний, неуклонно продолжается и на всем протяжении второй половины 1916 г.

Правительство продолжает попрежнему «подбор» необходимых для него министров. Министерская чехарда развивается прежним темпом.

Наиболее чувствительным для буржуазии был уход министра иностранных дел Сазонова, который должен был уступить место Штюрмеру. Сазонов являлся признанным дельцом внешней политики русского империализма, и его министерство было одним из немногих, которое работало рука об руку с империалистической буржуазией. Он был для нее, после министра финансов, пожалуй, первым «своим» министром. Недаром кадеты в IV думе называли

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 485.

министерство иностранных дел единственным «европейским» министерством.

Сазонов был для буржуазии одновременно и символом «верности союзническим обязательствам», что, при упорно циркулировавших тогда в «обществе» слухах о подготовлявшемся в царском дворце сепаратном мире, представляло для буржуазии гарантию продолжения войны. Штюрмер символизировал собой противоположное направление. Он был представителем тех групп помещиков, которые сравнительно мало получали от самого процесса ведения войны и более всего склонны были к заключению сепаратного мира. Этим об'ясняется та тревога, которая охватила буржуазию не только русскую, но и антантовскую с уходом Сазонова и с назначением вместо него Штюрмера.

«В лице Сазонова, — писали «Русские Ведомости», — мы имели опытного руководителя нашей иностранной политики, пользовавшегося полным доверием как русского общества, так и наших союзников, и недаром его положение в министерстве считалось исключительно прочным... Не меньшее значение имеет, пожалуй, факт замены С. Д. Сазонова именно Б. В. Штюрмером, человеком бывшим до сих пор совершенно чуждым ведомству иностранных дел» [1]).

Так осторожно писалось о Штюрмере в подцензурной прессе. На самом же деле в глазах буржуазии последнее назначение превосходило все границы даже чисто внешнего приличия.

«После такого назначения, — писал Милюков уже после революции, — не оставалось ничего невозможного... Должность церемониймейстера, которую он занимал когда-то, при полном невежестве не только в дипломатии, но даже и в географии воюющих стран, была его единственным правом на занятие этой должности... В публике вспоминали про назначение Калигулой своего любимого коня сенатором» [2]).

И сам Штюрмер, припертый к стенке в следственной комиссии, не смог найти другого мотива для об'яснения своего назначения, как только то, что министерство иностранных дел в смысле работы было одним из самых «спокойных», с которым разве только мог сравниться «святейший синод» [3]).

Назначение Штюрмера расценивалось буржуазией не только с точки зрения его личной бездарности и полнейшего невежества. В этом отношении Штюрмер среди своих настоящих и бывших коллег по кабинету мог претендовать во всяком случае не на последнее место. Главная причина недовольства им заключалась в том, что с его назначением буржуазия связывала угрозу сепаратного мира.

«Очевидно, что на Б. В. Штюрмера, сохраняющего к тому же должность председателя совета министров, — писали «Русские Ве-

---

[1]) «Русские Ведомости», № 159 от 10/VII 1916 г.
[2]) Милюков. «История русской революции», стр. 31.
[3]) «Падение царского режима», т. I, стр. 225—226.

домости», — возлагается не простая миссия заведывания текущими делами министерства, а руководство иностранной политикой России в определенном направлении» [1]).

По условиям цензуры газеты лишь весьма глухо могли писать о направлении иностранной политики России, но зато устные газеты широко говорили о победе германофильской партии и подготовке сепаратного мира. «Слово «измена, — пишет Милюков, — стало передаваться из уст в уста».

Аналогично оценивалось назначение Штюрмера не только Антантой, но и Германией. Как мы узнаем из мемуаров германского кронпринца, на Штюрмера смотрели, как на человека, несомненно расположенного к Германии. «Я даже видел в этом назначении, — пишет кронпринц, — неоспоримый признак готовности начать переговоры с нами о мире» [2]).

Не меньшее значение, чем назначение Штюрмера, имело назначение Протопопова министром внутренних дел (в сентябре 1916 г.). Назначение последнего, казалось, было специально предназначено для того, чтобы подтвердить слухи о готовящейся «измене». В империалистических кругах его назначение ставилось в непосредственную связь с переговорами, которые он, будучи за границей, вел «в угоду некоей влиятельной в России группе с немецкими дипломатами» [3]), именно, с германским агентом Варбургом.

Протопопов, несомненно, представлял те круги, которые должны были стремиться к сепаратному миру. Не случайно, конечно, что он сам являлся собственником крупнейшего шерстяного предприятия. А как мы уже неоднократно указывали, шерстяная промышленность сильно пострадала во время войны. На это жаловался и сам Протопопов в одном из своих разговоров с царем [4]).

Не менее важно и то, что Протопопов был крупным помещиком Симбирской губ., где он имел 7.000 дес., т.-е. принадлежал к тем помещикам поволжских районов, которые вследствие разрухи транспорта довольно сильно пострадали от войны. Как мы отмечали, именно на эти губернии падает наибольшее сокращение посевных площадей. Неудивительно, что помещики этого района имели больше оснований, чем какие-либо другие, стремиться к сепаратному миру.

Все это делало Протопопова, об'единявшего в своем лице промышленника и помещика, весьма подходящей фигурой для германофильской партии в ее стремлении к заключению сепарат-

---

[1]) «Русские Ведомости», № 159 от 10/VII 1916 г.
[2]) «Мемуары кронпринца». ГИЗ, 1923 г., стр. 131.
[3]) См. кн. Мансырев, «Воспоминания». «Историк и Современник», № 3, Берлин, стр. 37. Милюков, «История русской революции», стр. 33, а также показания самого Протопопова в «следственной комиссии временного правительства»—«Падение царского режима», стр. 139.
[4]) «Падение царского режима», т. I, стр. 114.

ного мира. Характерно, что назначение Протопопова, вопреки версиям, распространяемым оппозиционной буржуазией, было встречено весьма сочувственно рядом биржевых комитетов, представлявших торговый капитал, и той частью промышленников, которые менее других групп были заинтересованы в продолжении войны.

Помимо опасения, что новый министр внутренних дел является орудием в руках германофильской партии, у «буржуазной общественности» были и другие причины для недовольства. До своего назначения Протопопов был товарищем председателя государственной думы, товарищем председателя бывшего прогрессивного блока и председателем русской парламентской депутации. Поэтому вхождение его в «безответственное» министерство рассматривалось как ренегатство и измена общей буржуазной тактике.

В буржуазных кругах высказывалось совершенно неосновательное опасение, что этот ставленник Распутина в глазах населения использует свой общественный багаж в интересах аграрно-бюрократических кругов. «Своей ролью министра, — писал ликвидатор Маевский, — как товарищ председателя государственной думы, он сделает абсурдной дальнейшую борьбу за министерство, пользующееся доверием в глазах широких масс, и поставит на очередь вопрос о каком-то другом выходе из создавшегося положения».

Он «импонировал двору своими личными связями, дума была, так сказать, у него в кармане» [1]). Конечно, на самом деле ни о каком доверии к правительству со стороны «широких масс» не могло быть и речи ни до ни после того, как в министерство вошел Протопопов; совершенно неосновательно было бы также рассматривать назначение Протопопова, как попытку «перебросить мостик между двором и думой». Его назначение определялось прежде всего его ренегатством по отношению к буржуазии, а самое главное — его связями с лицами, группировавшимися вокруг Распутина и тем самым вокруг царицы и царя. Что назначение Протопопова было не только не в целях сближения с буржуазной «общественностью», а ей в пику, показывают те отношения, которые установились между буржуазией и Протопоповым сразу же после его назначения.

Характерна беседа, имевшая место между Протопоповым и представителями прогрессивного блока 19-го октября 1916 г.

Вот как описывает это свидание департамент полиции в подробной, но, возможно, и неточной записи всего разговора [2]).

Оказывается, Протопопов рассчитывал наедине и совершенно секретно сговориться с представителями думского большинства [3]).

---

[1]) «Дело», № 4, 1916 г. Маевский, «Перемена декораций».

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, 1916 г., № 27, ч. 69, л. Б.

[3]) На совещании 19/X 1916 г. присутствовали: А. Д. Протопопов, М. В. Родзянко, И. И. Дмитрюков, И. Е. Ефремов, Д. П. Капнист, И. А. Капнист, П. Н. Милюков, Савич, Сверчков, В. И. Стембковский, Д. Н. Чихачев, Шингарев, Н. Д. Крупенский, В. В. Шульгин и В. А. Энгельгардт.

Однако представители последнего отказались сохранить тайну переговоров, заявив, что они должны будут обо всем, «что здесь будет происходить, доложить фракции».

На вопрос Протопопова, «что же произошло, что вы не хотите побеседовать по-товарищески», Милюков будто «вскакивает с места и, подходя к креслу Протопопова», изливает перед ним все возмущение буржуазных кругов его назначением. «Вы хотите знать, что произошло, — спрашивает Милюков, — я вам скажу. Человек, который служит вместе с Штюрмером, при котором освобожден Сухомлинов, которого вся страна считает предателем, освобожден Манасевич-Мануйлов, который преследует печать и общественные организации, не может быть нашим товарищем. Говорят притом об участии Распутина в вашем назначении».

«Мы не знаем, — добавил Шингарев, — каким образом вы назначены. Слухи указывают на участие в этом деле Распутина. Затем вы вступили в министерство, главой которого является Штюрмер, человек с определенной репутацией предателя. И вы не только не отгородились от него, но, напротив, из ваших интервью мы знаем, что вы заявили, что ваша программа есть программа Штюрмера и что он будет развивать вашу программу с кафедры государственной думы... Вы явились к нам не в скромном сюртуке, а в мундире жандармского ведомства».

Примерно такое же отношение к Протопопову высказали и представители других фракций. «Были люди, — говорил Шульгин, — которые вас любили, и многие, которые вас уважали. Теперь ваш кредит очень низко пал. Вы отрезали себя от своих единственных людей, которые могли поддержать вас там». Родзянко указывал Протопопову на опасность, что «общество узнает, что мы с вами беседовали; оно может предположить, что мы вошли с вами в переговоры и мы не вас поддержим, а себя погубим подобно вам». «То, что вы здесь выслушали, составляет общее мнение всех присутствующих членов думы без исключения и ни в ком не вызовет возражения. Нет никого здесь, кто бы думал иначе», — заявил Родзянко.

В ответ на обвинение своих бывших коллег Протопопову ничего не оставалось, как заплакать в жилет. «Да, я всегда был монархистом, а теперь я узнал лично царя и полюбил его. Не знаю за что, но он полюбил меня. (Капнист: не волнуйтесь, А. Д.) Да, вам хорошо сидеть там на вашем кресле, а каково мне на моем. У вас есть графский титул и хорошее состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп. за урок. Я не имею ничего, кроме личной поддержки государя. Но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились».

Конечно, этот проходимец постарался увернуться от вопроса о роли в его назначении Распутина. Он ничего не сказал, считая вообще вопрос о роли Распутина секретом, не подлежащим огла-

шению в печати [1]). После неудачных попыток подкупить своих коллег обещанием прекратить репрессии против газеты «Речь», обещанием полной легализации кадетской партии, Протопопов заявил представителям думы, что они «ответственного министерства не добьются». Между прочим, характерно, что, перечисляя свои заслуги перед обществом, Протопопов указал, что он «теперь добился, чтобы пропустили воззвание рабочей группы, очень полезное, которое цензура запретила». Последнее замечание характерно, понятно, не только для Протопопова, но и для рабочей группы, деятельность которой, оказывается, была полезной для департамента полиции.

Мы привели эту длинную беседу с Протопоповым именно потому, что она прекрасно вскрывает истинные взаимоотношения между думским большинством и ее ренегатом Протопоповым.

Тактика кадетов.

Несмотря на то, что правительство открыто переходило в наступление, прогрессивный блок отказывался от какого бы то ни было противодействия наглеющей реакции и тем самым расписывался в своей беспомощности. Господствующие круги буржуазии были загипнотизированы угрозой рабочего движения и не смели шелохнуться, чтобы вступить в борьбу с правительством за власть.

В этом отношении чрезвычайно интересно совещание лидеров кадетской партии на квартире Кизеветтера 9-го сентября [2]). Настроение кадетов было настолько подавлено, что охранка, повидимому, была довольно близка к истине, когда писала: «Это совещание дает яркую картину растерянности политической верхушки буржуазии, беспомощности ее в искании выхода и отчетливого понимания своего бессилия перед правительством». Охранка приписывала это проявленной правительством «твердости» и высказывала уверенность, что «кадетские главари дальше страшных слов в газетных передовицах и думских речах никогда не пойдут». Охранка отмечала, что на совещании выявилось «подлинное настроение руководящих кадетских кругов, далеко не совпадающих с настроением печати левого направления». «Никто из кадетов не верит — говорит донесение, — что правительство п о л н о с т ь ю удовлетворит требования прогрессивного блока. И для кадетов, в конце концов, весь вопрос сводится к тому, кто заменит гофмейстера Штюрмера. Настроенные непримиримо, боевым образом на столбцах своих партийных официозов, — выдает секрет партии охранка, — кадеты в частных беседах проявляют большую склон-

---

[1]) Между прочим, в своих показаниях следственной комиссии временного правительства Протопопов открыто признавался, что за него «хлопотал» Распутин.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, ч. 46, 1916 г., вх. 26410.

ность к компромиссам и детально разбираются в сравнительных достоинствах возможных преемников Штюрмера, как-то Трепова, Кривошеина, адмирала Григоровича. Наиболее приемлем для них Кривошеин. О возможности «общественного кабинета» кадеты говорят лишь в официальных своих заявлениях, при интимном же обсуждении... они примиряются и с частичными обновлениями. Основная цель — свалить хотя бы Штюрмера».

Кадеты в этот период весьма скептически смотрели на движение буржуазии и даже народных масс. Напомним читателю, что как раз в этот период — именно, в сентябре — рабочее движение было довольно слабо и не превосходило обычных размеров. «Всему этому общественному возмущению, — будто бы говорил Кизеветтер, — грош цена. Если бы общество действительно возмущалось правительством, оно давно бы его стерло. Какую реальную цену имеют все эти протестующие голоса земств и городов, если их приходится вызывать специальными циркулярными телеграммами из Москвы? (Кивок в сторону, главным образом, прогрессистов, вызывавших сочувственные телеграммы с мест.) Русское общество не спит, а именно дрыхнет (!?). Оно ворчит, когда нет щей и каши, а когда набьют ему брюхо крупой, оно снова блаженно засыпает. Правительство это прекрасно понимает». Учитывая именно эту пассивность масс, Кизеветтер признавал, что партия сейчас находится «на распутьи». «Уступит правительство, произойдет действительное обновление кабинета, это будет торжеством тактики Милюкова — парламентской борьбы. Если после крушения требования Милюкова кадеты не сойдут с почвы парламентской борьбы, не признают своей солидарности с активными демократическими элементами, — они потеряют всякое уважение в глазах масс и станут смешными. Это давно уже поняла группа прогрессистов, руководимых Коноваловым. Если выяснится, что правительство ни в чем не уступит или уступит в пустяке, это будет значить, что роль IV государственной думы сыграна до конца. Нужно будет озаботиться тем, чтобы организовать действительную борьбу. В 1905 г. правительство уступило не разумным доводам земской депутации, а такому реальному факту, как октябрьская забастовка». Точку зрения Кизеветтера будто бы поддержали князь Долгоруков, Кишкин и Кокошкин.

Такое настроение господствовало у кадетов в течение всего сентября, но к концу месяца они начинают нервничать под влиянием усиливающегося революционного движения. На заседании московского комитета кадетской партии, 23-го сентября [1]), Кишкин, ссылаясь на наблюдения, которые он вынес из многочисленных поездок по России, доказывал, что правительство довело уже страну до анархии и сильного революционного брожения. По мне-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 27, ч. 46, донесение начальника московского охранного отделения от 26/XI 1916 г., вх. 29122.

нию Кишкина, «общее революционное движение сдерживается только патриотизмом, но, по окончании войны, ничто не спасет правительство от народного гнева». Так как для буржуазии наиболее одиозной фигурой в этот момент являлся Штюрмер, который символизировал собой «измену», то Кишкин главную революционизирующую роль приписывал ему. Кишкин высказывал надежду, что революционное движение заставит правительство броситься за помощью к кадетам. «Быть может, — говорил он, — через год правительству, ища спасения, придется броситься уже к Милюкову и Шингареву. Мы бессильны спасти страну сейчас, но наш долг думать о ее спасении в тот момент, когда анархия будет грозить самому существованию государства и нации». Как мы увидим далее, именно надежда, что революционное движение бросит правительство в об'ятия кадетской партии (надежда, которая питалась отчасти опытом революции 1905 г., когда правительство готово было призвать кадетов в министерство, — по крайней мере об этом шли переговоры), и заставляла лидеров кадетской партии в моменты сильного революционного движения отчасти спекулировать на нем из расчета при помощи его добиться уступок от царского правительства.

Если на этом заседании Кизеветтер еще говорил о переоценке многими революционного настроения масс и убеждал своих коллег в «приспособляемости» и «многотерпеливости русского народа», то октябрьская стачка 1916 г. поставила кадетов перед фактом массового революционного движения. Как мы отмечали выше, в этот период стачечная волна достигла почти максимальной для 1916 г. цифры — 200 тыс. стачечников. Кадеты стали лицом к лицу с началом революционных событий. Как повлияло это революционное выступление на тактику кадетов, показывает партийная конференция кадетской партии 23—24-го октября 1916 г. в Москве.

Эта конференция, как с удовлетворением констатирует охранка, обнаружила «непомерный страх кадетов перед революцией. Отмечая грозные факты в провинциальной жизни — предвестники начинавшейся революции, многие ораторы ярко рисовали неизбежный (по их мнению) *анархический* характер народного движения». Большинство конференции, руководимой Милюковым, признавало необходимым стать на путь борьбы с «революционными, анархическими инстинктами». Поддерживая свою точку зрения о необходимости не сходить с парламентской почвы в борьбе с правительством, Милюков подчеркивал всю опасность поощрения в данный момент «революционных анархических инстинктов»:

«Бесспорно, — заявил Милюков, — нас ожидает после войны грозное народное движение. Но именно потому, что оно будет грозно стихийным, мы должны прилагать все усилия, чтобы вложить в него разум, план, организующее начало. В борьбе с движением правительство очутится в безвоздушном пространстве, ему не на кого и не на что будет опереться, и вся надежда и все

спасение будет в сплочении существующих политических партий и общественных организаций. Нравственный кредит правительства равен нулю. В последний момент охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т.-е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры. Народная мысль и без того имеет опасный уклон в сторону анархизма, отрицания всякой власти; война же потребовала во имя государственной идеи от массы страшных, невероятных жертв, которые неизбежно в темных неуравновешенных умах подорвали самую государственную идею. Неизбежно нарождение после войны, подобно тому, как это было 10 лет назад, ряда чисто анархических групп и организаций, которые явятся серьезными конкурентами существующих левых партий. Это явление необходимо предусмотреть и заранее определить свое отношение к нему, чтобы не смешивать с явлениями действительной политической революции. Поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции — это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 г.».

Приведенная речь Милюкова бесспорно может быть взята, как мотто ко всей кадетской тактике осени 1916 г.

Как видим, перед партией стоит вопрос уже не столько о борьбе с правительством, сколько о борьбе с революцией, с «анархией», как ее называла буржуазия. Милюков проводит резкую грань между «анархической революцией» и политической. Под первой он понимает, очевидно, подлинно социальную революцию, которая в действительности и начиналась в России, под второй — государственный переворот, который должен был бы привести Милюкова к власти путем реформ сверху, с санкции самой верховной власти, сохранение которой он признавал безусловно необходимым. Поэтому Милюков с громадной опаской смотрел в сторону «анархической революции», считая, что в борьбе с правительством необходимо «чувство меры». Угроза революции, однако, заставила оппозицию выступить против правительства, чтобы спасти себя от революции.

Ноябрьская сессия думы.

Осенняя сессия государственной думы открылась 1-го ноября, непосредственно после сильнейшего рабочего движения предшествовавшего месяца. «Дума и правительство, — пишет в своей «Истории русской революции» Милюков [1]), — настолько разо-

[1]) Милюков, «История второй русской революции», т. I, вып. 1-й, стр. 33.

шлись, что на этот раз не было сделано никаких приготовлений, чтобы дума и правительство могли встретиться сколько-нибудь миролюбиво». Штюрмера не убрали до думы, как в январе убрали Горемыкина, таким образом, дума получила мишень, в которую могла направить свои удары. Если год тому назад буржуазия заявила о своем переходе «от патриотического под'ема к патриотической тревоге» и подняла «голос предостережения», то теперь она требует смены правительства. С. Шидловский от имени прогрессивного блока заявил: «Ныне мы вновь поднимаем свой голос уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что правительство в настоящем своем составе не способно с этой опасностью справиться и должно уступить место лицам, об'единенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовым в своей деятельности опираться на большинство государственной думы и провести в жизнь его программу».

Революционное движение в стране сделало положение буржуазии критическим. Она убеждалась, что продолжение прежней политики царского правительства неминуемо ведет к революции. «Мы терпели, — говорил в думском заседании 3-го ноября Шульгин, — так сказать, до последнего предела, и если мы сейчас выступаем совершенно прямо и открыто с резким осуждением этой власти, поднимаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что мы дошли до пределов и что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно». Для Шульгина самым страшным было то правительство, которое могло прекратить ведение войны. «Страна, — продолжал Шульгин, — которая более двух лет безбоязненно борется с самым страшным врагом, который когда-либо был перед Россией, — эта страна смертельно испугалась своего собственного правительства. Господа, люди, которые бестрепетно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюрмером». (Смех слева. Голоса: «правильно!» Шумные аплодисменты слева и в центре.)

«Мы, господа, работать с этим правительством больше не можем, мы можем ему, пожалуй, лишь помешать, как оно будет мешать нам, а совместная работа стала совсем невозможна. Пусть выбирают: мы или это правительство», — заявил в этом же заседании Маклаков.

Заинтриговавшая «общество» речь Милюкова: «Глупость или измена», заинтриговавшая потому, что она появилась в газетах с белыми местами, была для кадетов той словесной шумихой, при посредстве которой они рассчитывали воздействовать на правительство. У них не было иных средств борьбы кроме библейских «иерихонских труб», от которых пали иерихонские стены. Но, увы! Стены, отделявшие царизм от буржуазии, отнюдь не пали от звуков этих труб, если не считать замены Штюрмера Треповым, да и звук самих труб не был достаточно резким. Хотя Милюков в своей «Истории русской революции» считает за фактическое на-

чало Февральской революции именно ноябрьскую сессию думы, однако, несмотря на внешне решительный тон, речи этой сессии своим содержанием не вносили ничего принципиально нового в тактику прогрессивного блока. Ликвидаторское «Дело» [1]) совершенно ошибочно усмотрело в этом выступлении переход либеральной буржуазии от «философии бездействия» к большей активности. Между новой и старой тактикой прогрессивного блока эта сессия думы не провела заметной грани. Туманная формулировка Шидловским требований блока с несомненностью показала, что «частичное обновление министерства» все еще оставалось идеалом блока. О переходе к большей активности говорить не приходилось. Целью революционной фразеологии был не революционный призыв, а успокоение, — старая тактика русских буржуазных парламентариев. «Пусть не думает Марков второй, — заверял правых Маклаков, — что я, как и другие зовем к революции... Не восстанием ответит нам Россия — я на это надеюсь». «Мне кажется, и рабочие, в руках которых наполовину находятся судьбы России, — дополнил Шульгин, — будут спокойно стоять у своих станков, зная, что дума исполнит свой долг. Гг., как же мы можем бороться? Пока у нас есть один способ борьбы, — говорить правду, как она есть. (Голос слева: «в четырех стенах?») В этих условиях молчать, оставлять дело так, как оно есть, быть может, самое опасное из всех исходов... У нас есть одно средство — бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет... Эта борьба есть единственный способ предотвратить то, чего следует более всего бояться, — анархии и безвластия».

Таким образом, революционная фразеология протеста имела единственную цель воздействовать на правительство в смысле уступок, что должно было спасти страну от «анархии и безвластия». Примерно такой же смысл имела и речь Милюкова. Полная намеков на Штюрмера, Распутина и прочих «высоких особ», она должна была самым своим содержанием заинтриговать обывателя, падкого на всякие сенсации. Этому, несомненно, много способствовало и само правительство, которое после цензуры выпустило речь с белыми листами, и сама буржуазная пресса, смаковавшая эту речь и распускавшая слухи о привлечении Штюрмером Милюкова к суду.

Однако стоит прочесть эту речь, чтобы убедиться в том, как скромна она была в действительности по своему истинному содержанию. Постольку, поскольку Милюков более всего боялся решительной борьбы и добивался всего лишь некоторых перемен в министерстве, вся его речь была построена на критике личности Штюрмера и «темных сил», которые стоят за спиной у царя. Никаких

[1]) «Дело», № 7—8. 1916 г. Потресов, «Либеральная философия бездействия».

намеков на решительные действия, на апелляцию к стране, к массам в его речи не было и быть не могло.

По существу выступления прогрессивного блока в этот момент были не на много более решительными, чем осенью 1915 г. Если в 1915 г. эти речи не производили такого впечатления на страну, теперь же привлекли к себе всеобщее внимание, то это об'ясняется исключительно тем, что теперь в стране был совершенно иной политический резонанс. Теперь настроение масс не только рабоче-крестьянских, но и обывательских было таково, что всякое оппозиционное слово, произнесенное даже полушопотом, разносилось по всем углам революционно и оппозиционно настроенной страны.

В этом заседании было характерно не только выступление Милюкова: еще более показательными были выступления представителей правых фракций, как, например, графа В. Бобринского и в особенности — Пуришкевича. Речь последнего обнаружила глубокий разрыв правящей верхушки даже с частью крайне правых. Пуришкевич выступил с резкой критикой «темных сил» и заявил о своем уходе из фракции. Это оппозиционное выступление Пуришкевича имело свои причины. Как раз осенью 1916 г. этот бессарабский помещик лишился своих имений, захваченных немцами.

Понятно поэтому, что Пуришкевич и представляемая им группа теперь более чем остро почувствовали необходимость продолжать войну до победного конца и должны были бороться против всех, кто думал о сепаратном мире. Последний стал для них столь же неприемлем, как и для промышленной буржуазии.

Не менее характерны были выступления в думе представителей черносотенной мелкой буржуазии, которые теперь под влиянием общей разрухи и роста революционного движения начинают также революционизироваться. Из правой фракции Маркова-Замысловского уходит ряд до сих пор послушных священников и крестьян-кулаков. Показательна также телеграмма, адресованная государственной думе и государственному совету и составленная в чрезвычайно решительных выражениях, от имени 2.300 московских трактировладельцев, т.-е. патентованных черносотенцев, составлявших в 1905 г. основную массу погромщиков.

Показателем общего настроения в стране и особенно господствующих классов, которые стали перед фактом начала революции, может служить оппозиционное выступление государственного совета 22-го ноября. «Отечество в опасности», или точнее «господствующие классы в опасности», таков был вопль совета, высказанный устами Таганцева. Государственный совет — «эта палата сановных старцев, — по выражению Маевского, — непроницаемая пробка для всяких прогрессивных поползновений даже IV думы», принимает резолюцию 105 голосами против 23 о «темных силах» и 64 против 34 о смене министерства, аналогичную думской.

«Последнюю волну оппозиции,—пишет Маевский[1]),— (дальше некуда итти, так как дальше сама власть) представлял собой с'езд об'единенного дворянства, того дворянства, которое руководило контр-революцией 1906 и последующих годов. С'езд констатировал, что вековая основа государства, монархическое начало, претерпевает колебания в своих собственных устоях. В целях укрепления этого начала, с'езд признал необходимым решительно устранить влияние «темных сил» на дела государственные и создать правительство, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, но, однако, ответственное только перед монархом».

«Когда слова думских октябристов, кадетов, националистов,— пишет «Новое Время», — стали словами всего народного представительства, когда они повторены с той же убедительностью и силой и членами верхней палаты, когда первое в империи сословие подняло свой голос и повторяет, что отечество в опасности — это уже обязывает...». Однако как оказалось в действительности, правительство мало к чему было обязано этими оппозиционными выступлениями «всех сословий», да и сами представители буржуазии и помещиков отнюдь не склонны были переходить в решительное наступление на правительство и ограничивались одними фразами, которые, по их мнению, должны были, в конце концов, вырвать у правительства необходимые уступки.

Раскол прогрессивного блока. Уход прогрессистов.

Первым симптомом таких уступок была в глазах буржуазии отставка Штюрмера и назначение Трепова. Штюрмер являлся для всех без исключения групп в думе настолько одиозной фигурой, что правительство, при всем своем стремлении не итти на уступки, должно было снять его с поста председателя совета министров. Даже Распутин настаивал на удалении Штюрмера, считая его «красным флагом» в министерстве иностранных дел. Отставка Штюрмера окрылила наиболее умеренную часть прогрессивного блока и прежде всего кадетов.

Заметим, между прочим, что назначение Трепова, который не пользовался ни доверием, ни симпатией Александры Федоровны за то, что он все время поддерживал связь с Родзянко, — фигурой более чем одиозной для царской четы, — было предпринято с исключительной целью — заставить его выполнить «грязное дело», именно — разогнать государственную думу.

«Противно иметь дело с человеком, — писал Николай 14-го декабря 1916 г. [2]), — которого не любишь и которому не доверяешь. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его после того, как он сделает грязную работу, я подразумеваю—

[1]) «Дело», № 7—8. Маевский, «Полит. кризис», стр. 78.
[2]) «Красный Архив», т. IV, стр. 194.

дать ему отставку, когда он закроет думу. Пусть вся ответственность, все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место». Для неустойчивого положения правительства в этот период характерно, что оно не чувствовало в себе силы открыто проводить свою политику и принуждено было прятаться за спинами таких калифов на час, как Трепов. В связи с отставкою Штюрмера и назначением Трепова 11-го ноября на квартире у Кишкина [1]) состоялось заседание московского комитета кадетов, на котором обсуждался вопрос, примириться ли или продолжать борьбу с правительством. Большинство высказывавшихся считало отставку Штюрмера «громадной победой общественных сил, за которой должна последовать полная капитуляция правительства». Много говорили на ту тему, что «ставка струсила и стала искать примирения с государственной думой». Кизеветтер указывал на то, что устанавливать пока ту или иную тактику преждевременно и что наиболее целесообразно не связывать думскую фракцию с непримиримыми директивами, предоставив ей действовать в зависимости от меняющихся обстоятельств. «Так или иначе, — говорил он, — с кабинетом Трепова государственной думе придется вести деловую работу».

Боязнь революции была так велика, и буржуазия так искала малейшей возможности избежать конфликтов с властью, что даже назначение Трепова давало ей надежду на возможность «деловой работы». На том же заседании Челноков, говоря о настроении городской думы в связи с назначением Трепова, указывал, что среди гласных «много узких обывателей», «оппортунистов», готовых удовлетвориться уходом Штюрмера и возлагающих надежды на деловитость и энергию Трепова.

Пожалуй, единственной группой, проводившей более решительную тактику, были прогрессисты. Как заявил на том же собрании Кишкин, по сведениям членов редакции «Утра России», П. П. Рябушинский дал определенную инструкцию «твердо стоять за удовлетворение требования об ответственном министерстве».

Однако надежды на более решительные перемены, связанные с назначением Трепова, так же скоро рухнули, как и возникли. 13-го ноября, как доносит охранка [2]), в Москве «было назначено совещание кадетов. Однако в 6 часов вечера из Петрограда из думской кадетской фракции было сообщено об от'езде Трепова в ставку. Московское совещание кадетов, как официальное, было отменено. Только небольшая группа кадетских лидеров собралась у Кишкина, и вот здесь выяснилась одна любопытная подробность. Оказывается, до последнего момента, до самого от'езда Трепова в ставку, кадеты «не теряли надежды, что они так или иначе

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 27, ч. 46, 1916 г., донесение начальника московского охранного отделения от 12/XI 1916 г.

[2]) Там же, дело № 27, ч. 46, 1916 г., донесение от 14/XI 1916 г. Вх. 27031.

примут участие в формировании нового кабинета». Однако «с от'ездом Трепова эти надежды окончательно рухнули, и сейчас кадеты,— заключает охранка, — усиленно стараются изобразить свое непримиримое отношение к правительству. Однако о непримиримости не может быть и речи. На вчерашнем же московском совещании выяснилось, что ближайшая тактика кадетов будет заключаться в следующем: принципиально будет снова заявлено требование об ответственном министерстве, а вместе с тем кадетская фракция не уклонится от деловой работы с кабинетом Трепова». Как отмечает охранка, «это решение отнюдь не являлось только мнением московских кадетов. К такому же решению приходят и петроградские кадеты. Заседание думской фракции 13-го ноября воздержалось от внесения определенного решения, но из содержания прений, которые передавались на московском совещании, явно вытекает, что решение, в сущности, сводится к формуле «деловая работа» и далее к удовлетворению в первую очередь продовольственного вопроса».

Как отмечает охранка, за деловую работу с кабинетом Трепова стоят даже представители более левого крыла кадетов — Родичев и Шингарев.

Что кадеты действительно готовы были итти на деловую работу с кабинетом, подтверждают донесения и петербургской охранки [1]). Так, 18-го ноября 1916 г. последняя доносит о совещании бюро прогрессивного блока в связи с вопросом об ожидаемых министерских переменах. «На заседании бюро блока был приглашен только что вернувшийся из царской ставки Родзянко, который заявил, что слухи об удалении А. Ф. Трепова вздорны, что дальнейшие перемены в составе правительства возможны, но их размер не известен. Прогрессивный блок, обсудив заявление Родзянко, решил на всякий случай готовиться к возможным министерским переменам. Решено было пока вести деловую работу, не иметь общих собраний, а заниматься в думской комиссии. Если кабинет будет очищен от представителей безответственных влияний, то все фракции, входящие в блок — прогрессисты, националисты, земцы, октябристы, центр и левые октябристы, — сохраняют право приступить к совместной и параллельной работе с правительством. Кадеты же, если верить этому сообщению, для сохранения своей политической невинности решили, что «в этом случае кадеты, как составная часть прогрессивного блока, подчиняются воле большинства и сохраняют за собой лишь право заявить с думской трибуны, что они непоколебимо стоят на своей прежней позиции и считают, что необходима перемена системы, а смена отдельных лиц не гарантирует продуктивности даже параллельной работы. Кадеты будто бы заявили, что они, как организованная политическая единица, входящая в состав блока, подчиня-

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело № 344, 1916 г. (разрозненные материалы).

ясь его дисциплине, выполнят хотя бы и ошибочную волю большинства блока». Если верить этому сообщению, а оно похоже на истину, то оно говорит лишь о чрезвычайном лицемерии кадетов. Как мы видели из предыдущих сообщений охранки, у кадетов было твердое решение итти на деловую работу с правительством. Теперь же они это желание замаскировали подчинением дисциплине блока и исполнением воли его большинства.

Оказывается, что в этом случае опять-таки прогрессисты, уже стоявшие вне блока, решили остаться на своей прежней позиции, считая, что «только ответственное министерство способно вывести страну из тупика».

Доказательством трусливой тактики блока служит и его деятельность в стенах думы. В отношении стремления блока к мирному сожительству с правительством весьма показательно постановление думского большинства об исключении 19-го ноября левого думского крыла, встретившего треповскую декларацию шумной обструкцией, при чем «Речь» предлагала даже обструкционистам «раскаяться». «Срок исключения мог бы быть сокращен, — писала газета, — если бы выяснилось, что левые относятся к своей тактике не серьезно и больше ее не повторят» [1]). Блок не преминул воспользоваться случаем, чтобы противопоставить свою лойяльность и конституционность анархии и революционности левых. После заседания 1-го ноября в думе не было крупных политических выступлений. Дума занялась «деловой работой», главным образом в комиссиях. 9-го декабря она приступила к обсуждению законов, проведенных в порядке 87 ст. Таких законов, как сообщил в думе депутат Маклаков, с 1906 по 1914 г. было издано всего 16, во время же войны 384. Несмотря на то, что дума на словах энергично протестовала против такого внедумского законодательства, и несмотря на то, что, по словам Савенко, блоком было намечено отклонение всех тех правительственных законопроектов, которые не связаны непосредственно с обороной, однако на самом деле оказалось, что дума отвергла лишь самые незначительные законы, оставив самые важные, как, напр., закон, касающийся рабочего вопроса, о собраниях, полиции и т. д. [2]).

Итак, подводя итоги тактики думского большинства, фактически руководимого кадетской партией, мы видим, что октябрьская стачечная волна поставила буржуазию лицом к лицу с возможностью революции и заставила опасаться за существование всего буржуазного строя. Если представители думской оппозиции и обрушились на правительство с критическими речами, то лишь потому, что страх развязал им языки и они должны были выступить, чтобы, отчасти спекулируя на страхе царизма

---

[1]) «Речь», 22-го ноября 1916 года.
[2]) «Дело», № 1, 1917 г., ст. Маевского.

перед революцией, вырвать у него хотя бы небольшие перемены в правительстве. Последнее по их мнению создало бы некоторую возможность деловой работы, которой кадеты надеялись предотвратить возможность уже висевшего в воздухе «народного взрыва». Но увы, такая тактика привела лишь к банкротству блока.

Трусливая межеумочная тактика большинства прогрессивного блока не удовлетворяла те слои промышленников, которые, как мы видели это выше, более остро, чем профессор Милюков, чувствовали последствия того факта, что власть находится не в их руках. Кроме того, возможность получения за счет войны громадных барышей позволяла этим группам делиться частью своей сверхприбыли с рабочей аристократией. Благодаря этому, они получали возможность вместо решительной борьбы с рабочими, которая неизбежно привела бы к революционному взрыву, итти путем уступок и компромиссов, в чем им помогали социал-соглашатели всевозможных видов.

В противоположность тактике кадетов, которые из боязни массового движения готовы были итти на сделку с царизмом, чтобы репрессиями, а не уступками бороться с массами, эти группы промышленников придерживались совершенно иной тактики. Последняя следующим образом обосновывалась Коноваловым. Как доносит охранка, в ряде бесед с московскими фабрикантами и промышленниками Коновалов рисовал самыми мрачными красками настоящее положение страны [1]). Коновалов предсказывал неизбежность революционного движения не только в городах, но и в деревне, где по его мнению имеются на-лицо «все признаки анархии». «На другой день после мира, — горячо доказывал Коновалов, — у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно и без плана, без какого бы то ни было центрального руководства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв исстрадавшихся масс».

Как видим, представитель промышленной буржуазии более чем отчетливо сознавал неизбежность «превращения империалистической войны в гражданскую», чего никак не могли понять очень многие из «социалистов».

При этом, конечно, Коновалов думал не о том, чтобы этому содействовать, а о том, как этому помешать. И вот здесь он выдвигал тактику, совершенно противоположную той, которую проводили кадеты:

«В России, — говорил он, — уже сейчас нет никакого правительства. К тому же времени положение еще много ухудшится. При первых революционных взрывах правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы. Вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, донесение начальника московского охранного отделения от 20/IX 1916 г. Агентура «Блондинки», вх. 23734.

после войны, теперь же должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном: в организации себя — с одной стороны, и в организации рабочих — с другой». Последней Коновалов придавал исключительное значение. В приручении рабочих масс через оппортунистов он видел возможность спасения всего буржуазного строя. «Если мы будем смотреть, — говорил Коновалов, — на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы лишь будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели. Об'являя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины». Коновалов единственное спасение видел в соглашении. «На правительство, — говорил он, — надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, — и тут совершенно бесспорны их сила и наше бессилье. Не лучше ли, — убеждал своих коллег Коновалов, — в таком случае путь соглашения, путь трезвых уступок как с одной, так и с другой стороны». Коновалов особое значение придавал созданию примирительных камер. «Фабриканты и заводчики, — говорил он, — боящиеся примирительных камер, сами не сознают той ужасной опасности, перед которой они станут после войны». Приблизительно так же он смотрел и на рабочие группы: «И правительство, и многие фабриканты, и заводчики относятся отрицательно к рабочим группам при военно-промышленных комитетах, но кто ясно себе представляет, что должно наступить на другой день после войны, тот поймет, какое безумие вооружать против себя и разгонять эти группы. В момент анархии они могут слишком и слишком пригодиться» [1]).

Как видим, тактика прогрессистов в отношении ожидаемой революции и меры борьбы с ней были совершенно противоположны тактике большинства прогрессивного блока, которое искало соглашения с правительством, а не с рабочими массами. Эти две различные тактические линии обнаружились в прогрессивном блоке с первого же момента его существования. По мере роста разрухи и усиления революционного движения разногласия, конечно, не уменьшались, а увеличивались.

Октябрьская стачка 1916 г. и позиция буржуазного большинства в ноябре месяце, когда оно не решалось на сколько-нибудь активные выступления и робко ждало уступок со стороны правительства, делали раскол блока неизбежным. Прогрессисты вышли из блока, выставив своим требованием ответственное министерство. Под влиянием растущих преследований правительства, они еще более укрепились в этом требовании.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, т. III, донесение начальника московского охранного отделения от 20/IX 1916 г. Агентура «Блондинки», вх. 23734.

Разгон декабрьских с'ездов и углубление конфликта.

Как мы отмечали выше, наступление правительства, начавшееся с запрещения с'ездов и с подчинения всех собраний буржуазных организаций контролю полиции, неуклонно продолжалось в последующие месяцы и высшей своей точки достигло осенью 1916 г. В октябре—декабре все газеты пестрят сообщениями о тех или иных конфликтах между правительством и буржуазными организациями. То сокращают кредиты [1]), то запрещают собрания, то на собраниях происходят конфликты в связи с появлением в зале заседания командированных чинов полиции.

Эти конфликты были настолько часты и так будоражили буржуазию, что само правительство должно было, хотя и временно, несколько ослабить производившийся нажим.

Протопопов, только что вступивший в управление министерством внутренних дел, счел нужным в совершенно конфиденциальном письме сообщить начальникам губерний о некоторых послаблениях, сделанных правительством в отношении порядка разрешения собраний и с'ездов буржуазных организаций [2]). «Высочайше утвержденным журналом совета министров от 7-го апреля с. г.,— сообщалось в циркуляре,— было признано несвоевременным разрешение с'ездов представителей всякого рода организаций. Такое категорическое воспрещение всякого рода с'ездов, по заявлению главноуполномоченных всероссийских земского и городского союзов, в значительной мере стесняло деятельность этих организаций, призванных к жизни для оказания непосредственного содействия нашей доблестной армии, а потому лица эти возбудили перед председателем совета министров ходатайство об отмене указанного выше ограничения. Вследствие сего высочайше утвержденным 1-го сентября с. г. особым журналом совета министров было постановлено внести ряд изменений в постановление от 7-го апреля».

«Означенное высочайшее повеление,— продолжает Протопопов,— отменило прежнее постановление о категорическом воспрещении по обстоятельствам военного времени всякого рода с'ездов, вместе с тем несколько расширило, против действующих ныне правил о собраниях, права министра внутренних дел, предоставив ему, с одной стороны, право уполномачивать на разрешение с'ездов представителей местной административной власти, а с другой стороны, право командирования представителя администрации на собрания, почитаемые по закону непубличными».

Этим циркуляром устанавливалась разница, существующая между «с'ездом, требующим предварительного разрешения», и «собранием законно существующего общества или союза, которое

---

[1]) «Русские Ведомости» от 4-го ноября 1916 г.

[2]) Циркуляр управляющего министерством внутренних дел Протопопова от 1-го ноября 1916 г.

разрешения не требует, но может быть подчинено контролю присутствующего чина администрации». Таким образом, устранялась необходимость получения разрешения на собрания постоянно функционирующих органов буржуазных организаций, в отношении же с'ездов — разрешение на открытие всероссийских или областных с'ездов оставалось за министром внутренних дел, губернских — за губернаторами.

Характерно, что Протопопов все же считал необходимым соблюдать известную осторожность по отношению к буржуазным организациям. Касаясь «вопроса о командировании должностных лиц для присутствования на собраниях», в том числе и не носящих «характера публичных», Протопопов считал «необходимым указать», что этим своим правом губернаторам надлежит пользоваться с «особой осмотрительностью», а в отношении к непубличным собраниям — в «совершенно исключительных случаях», руководствуясь имеющимися сведениями о составе собрания, подлежащей обсуждению программе, возможности выступления за ее пределы и т. п. Протопопов рекомендует губернаторам особенно тщательный подбор посылаемых на собрание правительственных чиновников. «В случае командирования должностного лица представляется совершенно необходимым, чтобы таковое по своему служебному положению, образованию и умственному кругозору соответствовало составу собрания и, на-ряду с этим, обладало достаточным тактом».

В этих видах Протопопов рекомендовал «всемерно» избегать командирования чинов наружной полиции и считал целесообразным командировать «помощников градоначальника, вице-губернаторов, непременных членов губернских присутствий, советников губернского управления, чиновников особых поручений и др.». В заключение он «выражает твердую уверенность в том, что в пользовании предоставленными им полномочиями гг. губернаторы и градоначальники проявят должную осмотрительность, имея в виду, с одной стороны, поддержание государственного порядка и спокойствия, а с другой — ту важную и нужную в настоящее время для нашей доблестной армии работу, которую несут всякие общественные организации».

Циркуляр был заготовлен в октябре, послан же был 1-го ноября, т. е. как раз в день открытия сессии думы. Возможно, что его изданием Протопопов делал известный шаг в сторону уступок оппозиции, его тактика, по крайней мере, по первоначальному замыслу и заключалась в комбинировании репрессий и уступок.

Между тем в ноябре и в последующие месяцы отношения правительства и оппозиции настолько обострились, что правительство не только не думало о «должной осмотрительности» в отношении «общественных организаций», но просто разгоняло силами полиции их с'езды и собрания. Как раз в ноябре—декабре должен был состояться ряд с'ездов, но все они были в буквальном смысле

слова разогнаны. Так, 14-го ноября был закрыт с'езд военно-промышленных комитетов, а 9-го декабря — с'езды городского и земского союзов [1]). Запрещались и закрывались самые невинные собрания: 10-го декабря было закрыто, вследствие появления полиции, заседание московского отделения «императорского технического общества» [2]).

В это же время были запрещены назначенные на 11-е декабря собрания общества деятелей периодической печати, а также общества детских врачей [3]).

Закрытие с'ездов взбудоражило всю буржуазию. 13-го декабря был внесен запрос в государственную думу. Правительство пыталось через председателя думы Родзянко побудить интерпеллянтов отказаться от внесения запроса, так как «правительство считало всякие выступления по этому поводу с думской трибуны нежелательными». Когда Родзянко отклонил эту попытку, ему было прислано официальное письмо от министра внутренних дел с предложением запрос о московских с'ездах слушать при закрытых дверях [4]).

Закрытие с'ездов и другие меры полицейского воздействия совершенно лишили возможности нормально функционировать буржуазные общественные организации. Конфликт с правительством достиг своей высшей точки.

Настроение буржуазии на этих с'ездах прекрасно выявилось в резолюциях, которые выносились в момент разгона. Так, резолюция разогнанного 14-го ноября 1916 г. совещания представителей областных и местных военно-промышленных комитетов гласила: «Безответственное правительство, вдохновляемое темными силами, ведет страну к гибели. К общему единодушному осуждению ею правительства и его политики присоединились и государственный совет и даже об'единенное дворянство. С'езд представителей областных военно-промышленных комитетов призывает государственную думу, вместе с народом, довести до конца свою борьбу за создание ответственного правительства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагубному вмешательству безответственных сил в дело управления страны и ее судьбы в тылу и на фронте» [5]).

Так же решительно были составлены резолюции московских с'ездов, происходивших 9—11-го декабря: собрания уполномоченных губернских земств и с'езда союза городов. Особенной оппозиционностью отличалась резолюция последнего.

Союз городов выдвинул требование ответственного министерства. «В России, — говорилось в его резолюции, — всем сословиям,

---

1) «Речь» от 10/XII 1916 г., № 340.
2) То же от 11/XII 1916 г., № 341.
3) То же от 11/XII 1916 г., № 341.
4) «Бюллетень синдиката думских журналистов» от 14/XII 1916 г. О переговорах председателя совета министров Трепова с Родзянко.
5) «Русское Слово» от 15/X 1916 г.

всем классам, всякому единению честных людей вполне ясно, что безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, изуверы, кощунственно произносящие слова любви к России, готовят ей поражение, позор и рабство». (Намек на возможность сепаратного мира, которого так боялась буржуазия.) «Россия окончательно прозрела, и грозная действительность открылась перед ее глазами... Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства».

Союз городов апеллирует к думе и к стране: «Союз городов призывает государственную думу выполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача, создание ответственного правительства, не будет достигнута. Союз городов призывает все организованные группы населения, города, земства, сельское хозяйство, торговлю, промышленность, военно-промышленные комитеты, кооперативы, рабочих (!) об'единиться для работы, прежде всего в области упорядочения продовольственного дела, разруха которого угрожает стране и армии. Организованная страна должна поддержать и государственную думу в ее борьбе за спасение России». В своей резолюции союз городов обращается и к армии, «бесстрашно и стойко грудью своей защищающей против упорного врага честь и достоинство России», и призывает ее «творить свое великое историческое дело и довести его до полного победного конца». Однако армии в политику вмешиваться не полагалось, и резолюция ограничилась только этим, более чем обычным для того времени призывом.

В таких же резких тонах высказалось продовольственное совещание общественных организаций 11-го декабря 1916 г. Здесь уже прямо говорилось, что «правительство, давшее Сухомлиновых, Мясоедовых и Штюрмеров, с самого начала войны мешало армии исполнить ее трудную задачу. Миллионами жизней и пятнадцатью занятыми губерниями заплатила страна за ошибки и преступления власти... Безответственная власть в стремлении спасти свои отжившие привилегии и прерогативы, став игрушкой в руках кучки темных проходимцев, продолжала и продолжает вести в тылу предательскую работу с обществом и народом. Этой безответственной и преступной власти, дезорганизовавшей страну и обессилившей армию, народ не может доверить ни продолжения войны, ни заключения мира».

Резолюция земцев, представлявших помещиков, была значительно умеренней; она лишь в общей и неопределенной форме говорила о создании правительства, «достойного великого народа в одну из величайших минут его истории, сильного, ответственного перед народом и народным представительством». В речи председателя с'езда Львова, при закрытии разгоняемого полицией собрания, явно прозвучали нотки тревоги перед «улицей». Львов призывал прежде всего к самообладанию и спокойствию: «Нужна вера в силы России и мудрость народа. Нужно ли теперь нам по-

вторять то, что кричат на улице? Нужно ли оценивать, что уже оценено всеми, нужно ли нам называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления. Довольно... каждому уже отмерено мерой народного суда по достоинству. Едва ли правильно останавливаться на чувствах негодования, презрения, ненависти; не эти чувства укажут нам путь спасения. Оставим презренное и ненавистное, не будем растравлять ран души народной. Общее положение нашего отечества сознано теперь всеми».

Как видим, па-ряду с нападками на правительство у Львова есть определенная боязнь «растравлять раны души народной». Признавая, что «власть уже отделилась от жизни страны, что она не стоит во главе победного духа народного, что власть бездействует, что ее механизм не работает, что она вся поглощена борьбой с народом», Львов взывал «быть на страже тяжко раненого властью нашего дорогого отечества и спасти его». Выступая против правительства, Львов заботился о том, чтобы не затронуть «монарха», и готов был всю ответственность возложить на «темные силы». «Безответственное не только перед страной и думой, — говорил Львов, — но и перед самим монархом (!), оно преступно стремится возложить на него всю ответственность за управление, подвергая тем страну угрозе государственного переворота. Им нужен безответственный монарх, за которым они прячутся. Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и думой правительством. И да сбудутся слова писания: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главой угла». Как мы увидим далее, даже в момент революции Львов и К° все еще пытались во главу угла «нового строя» положить «монарха».

Все с'езды апеллировали к думе, рассматривая ее (впрочем совсем неосновательно), как единственный оплот в борьбе с царизмом. Дума же оказалась совершенно неспособной выполнить даже свои, чисто буржуазные, задачи. Она оказалась значительно правей буржуазных общественных организаций. Дума не только боялась движения масс, но опасалась движения и родственных ей элементов, т.-е. самой буржуазии. Она надеялась заменить собой страну и разрешить кризис своими парламентскими средствами.

Чрезвычайно характерно отношение думы к недопущению с'ездов. Думское большинство, разумеется, протестовало против препятствий, чинимых правительством «патриотической» деятельности союзов, и осудило недопущение с'ездов, но осудило, главным образом, потому, что «препятствия, поставленные деятельности общественных элементов, организовавшихся на помощь войне, обостряют внутреннее недовольство и дают ему положительное направление». «Принятая думой формула прогрессивного блока являлась не только поддержкой московских с'ездов, но одновременно и их осуждением», писал по этому поводу орган ликвидаторов. «Однако, — продолжает он, — расхождение между думой

и массой буржуазии, представляемой буржуазными организациями, не успело выявиться по той простой причине, что день обсуждения вопроса о московских с'ездах, вместе с тем, оказался последним думским днем. Несколько больше медлительности со стороны думы, — рассуждает он, — и правительству вполне удалось бы совершенно отрезать думу от московских с'ездов. 16-го вечером стало известно о прекращении думских занятий до 12-го января; 17-го декабря, когда думское большинство собиралось раскачаться на борьбу с 87-й статьей, ему оставалось только удостовериться в факте роспуска и раз'ехаться по домам» [1]).

Раскол в самой думе и недовольство ее тактикой со стороны более радикальных кругов буржуазии, руководимых прогрессистами, выявились на том же заседании в речах Коновалова и даже кадета Маклакова (последний активно участвовал в подготовке убийства Распутина).

Коновалов призывал думу «неуклонно и настойчиво начать борьбу с действующим режимом. Пусть будет вестись эта борьба до конца, пусть ведется она неустанно, и пусть не будет никаких уступок, никаких компромиссов на этом пути». В противоположность думскому большинству, прогрессисты оказались настроенными значительно более решительно, о причинах чего мы достаточно говорили выше.

Подведем итоги. Конфликт между буржуазией и царизмом был обусловлен *прежде всего наличием в России остатков крепостничества и в связи с этим общих противоречий между буржуазией и старым порядком*. К этому присоединилась неспособность царского правительства *довести до конца* империалистическую войну, в победном исходе которой была кровно заинтересована русская буржуазия. Наконец, последнее — к этому присоединялось и обострение отношений в связи с борьбой вокруг военных заказов.

Как мы видели, создание военно-промышленных комитетов и других организаций (земский и городской союзы) было необходимо как в целях доведения войны до «победного конца», так и для использования буржуазией всех тех коммерческих возможностей, которые открывала перед ней война.

Однако буржуазные общественные организации, начиная постепенно охватывать важнейшие области регулирования народного хозяйства, естественно весьма скоро пришли в конфликт с царским правительством, упорно отстаивавшим свое право на политическую и экономическую монополию в стране. Как мы видели, наличие реальной власти в руках правительства, а самое главное — распоряжение громадными народными средствами, — позволяло ему проводить экономический бойкот и политическое преследование буржуазных организаций. Последнее и заставило эту часть буржуазии перейти к активной политической борьбе.

---

[1]) «Дело», № 1, 1917 г., статья *Маевского*.

В обстановке войны, создававшей своеобразные условия для реализации продуктов промышленности, а тем самым и для получения прибылей, участие во власти для буржуазии стало насущной необходимостью. Если раньше, в мирных условиях, государственная власть выполняла прежде всего функции полицейские и лишь в незначительных размерах экономические функции, то теперь последние стали играть доминирующую роль. Поэтому вопрос о власти становится для руководящей верхушки финансового капитала основным вопросом всей политики. Поэтому, в конце концов, она пришла к необходимости дворцового переворота, который должен был завершить ее экономическое господство путем овладения политической властью.

Глава десятая.

БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ И В МОМЕНТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Подготовка дворцового переворота.

Военные поражения, угрозы сепаратного мира, опасность революции и, наконец, преследование правительством буржуазных организаций, выразившееся в экономическом бойкоте и разгоне с'ездов, — все это толкало наиболее оппозиционную часть буржуазии и капиталистических помещиков к активной борьбе за непосредственное распоряжение государственным аппаратом. Конфликт становился неизбежным.

«Атмосфера насыщена электричеством, — говорил на заседании думы 16-го декабря Милюков, — в воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, где и когда грянет удар, но дабы гром не разразился в такой форме, в какой мы не желаем, наша задача ясна. Мы должны общими силами страны предупредить этот удар». Однако тактика бездействия думского большинства не только являлась плохим громоотводом, но, наоборот, накапливала еще больше недовольства. К тому же правительство, прекрасно информированное через департамент полиции о том, что руководящее большинство прогрессивного блока не решится ни на какие выступления против него, чувствуя себя с этой стороны более или менее в безопасности, могло смело продолжать тактику репрессий.

Сам Милюков отмечал на последнем заседании государственной думы, что «цензовая Россия начинает разочаровываться в успехах думы, терять веру в силу народного представительства. Во внепарламентских цензовых кругах стало, наконец, появляться и

укрепляться сознание того, что одними парламентскими комбинациями острый парламентский кризис не может быть разрешен».

Оппозиционная буржуазия становится перед необходимостью активных действий. Дума была беспомощна предпринять какие бы то ни было активные шаги для борьбы с правительством, и для наиболее активных оппозиционных элементов становилось очевидным, что если правительство не идет на уступки и ведет страну к полному военному поражению и революции, то необходимо его устранить, выбить «руль из рук шоффера», ведущего всю буржуазную машину к неизбежной гибели. В воздухе повисла необходимость дворцового переворота.

Истории было угодно орудием покушения на дворцовый переворот избрать высшую дворянскую верхушку и членов княжеской семьи.

Царское правительство являло собой разительный исторический пример того, как могут отгнить отжившие производственные отношения, которые почти сами собой отпадают под напором новых производительных сил, развившихся в недрах старых производственных отношений.

Полукрепостное царское правительство просуществовало до того момента, когда в России сложились новые формации не только промышленного капитала, но и зачатков финансового капитала, создававшие предпосылки для социалистической революции. Последние вызревали под воздействием той раскаленной атмосферы разрухи, к которой привела страну империалистическая война.

Как мы говорили во введении, вызванный войной напор революционных масс, потрясший до основания всю буржуазно-помещичью надстройку, сопровождался обострением борьбы между крепостниками-помещиками, стоявшими за спиной царской семьи, с одной стороны, и широкими кругами промышленной и земельной буржуазии — с другой.

Мы видели, как, работая на оборону, буржуазия и капиталистические помещики через свои организации (земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты) стали постепенно овладевать всем экономическим аппаратом страны. Царское правительство, хотя и ставило им целый ряд препятствий в их работе, тем не менее не могло их совсем устранить. Как советы рабочих депутатов, развившиеся при диктатуре буржуазии, очень скоро сделались органами захвата власти пролетариатом, так и буржуазные организации фактически были для буржуазии органами ее власти, созревшими в недрах старого режима. Помимо этого весьма важно то обстоятельство, что буржуазия установила связь с армией, в лице высшего командного состава и членов царской семьи, которые и явились орудием покушения на дворцовый переворот. Поэтому для уяснения картины свержения самодержавия нам нужно остановиться на взаимоотношениях внутри «царского дома».

Буржуазия и высший командный состав.

Для того, чтобы выяснить, каким образом подготовлялся этот захват власти, необходимо также остановиться на разложении самой правящей верхушки, т.-е. на разложении царского двора.

Если для выпадения власти из рук царского правительства громадное значение имела потеря им, хотя бы и частичная, экономического руководства жизнью страны, то не меньшее значение имела потеря им руководства армией.

Как мы уже отмечали, в самом составе командования армией с войной произошли существенные перемены.

Прежнее офицерство рекрутировалось, главным образом, из помещичьей среды; теперь же состав его значительно обуржуазился. В офицерские школы пошли не только дворянские сынки, но и представители буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения. На-ряду с перерождением низшего и среднего комсостава, в годы войны произошло теснейшее сближение между империалистической буржуазией и высшим командным составом.

Еще в мирное время в государственной думе в комиссии по обороне буржуазия уже вполне сработалась с верхами русской военщины. Во время войны, которая являлась прежде всего громадным техническим и промышленным предприятием и для которого решающее значение имела работа фабрик и заводов, снабжавших фронт необходимым снаряжением, эта связь упрочилась еще более.

Внимание, которое буржуазия с первых же дней войны уделяла вопросу об усилении мощи армии, встречало полное сочувствие со стороны военного командования, испытывавшего острый недостаток в военном снаряжении. Вполне понятно, что вопль буржуазии о недостатках в снабжении армии нашел себе более чем сочувственный отклик в армии. Работа буржуазных организаций на оборону стала для армии необходимой.

Смычка между буржуазией и армией начала тревожить правительство с первых же моментов возникновения буржуазных организаций. Сухомлинов в своей переписке с Янушкевичем, опубликованной в «Красном Архиве» [1], неоднократно жалуется на устанавливающуюся связь между членами государственной думы и командным составом. Образуется своеобразный блок между буржуазией, военным командованием и недовольными группами из царской семьи. В противовес Александре Федоровне обычно выставлялась бывшая царица Мария Федоровна, которая фигурировала в качестве покровительницы оппозиционных верхов военщины. В письме от 21-го декабря Сухомлинов, упоминая о генерале Ренепкампфе, пишет, что он «17-го декабря представлялся императрице Марии Федоровне... Воображаю, что он там наврал» [2].

[1] «Красный Архив», т. III.
[2] Там же, стр. 156.

Сухомлинов, между прочим, жаловался, что генерал Ренненкампф «позволяет среди членов думы распространять сведения о непорядках в нашей армии». Сухомлинов тщательно следил за связью между представителями буржуазии и армии. «А. И. Гучков, — пишет Сухомлинов 10-го января 1915 г., — был здесь и устраивал какие-то совещания, чтобы помогать армии помимо ее вождей» [1]). Он с неудовольствием отмечает деятельность всевозможных «жидофилов» из компании Гучкова, которых «лучше всего было бы выставить из армии»; весьма характерно, что один из таких «жидофилов», некий Вельяминов, был назначен Марией Федоровной.

Между правительством и армией постепенно устанавливается недоверие; в армии растет недовольство против военного министра Сухомлинова. 1-го января 1915 г. он пишет Янушкевичу: «Какие-то негодяи распускают слухи, что великий князь, верховный главнокомандующий (Николай Николаевич), моего имени слышать не может и что поэтому государь меня больше не берет в ставку» [2]). Оказалось, что эти слухи вполне справедливы.

В противовес Николаю II, буржуазия начинает нащупывать известные точки соприкосновения с главковерхом Николаем Николаевичем. «Николай большой» начинает противопоставляться «Николаю маленькому». Последний представлялся буржуазии в немецком окружении, тогда как первый являлся патентованным «немцеедом» и с революции 1905 г., когда он будто бы с револьвером в руках вырвал у Николая манифест 17-го октября, считался проводником буржуазного влияния на царскую семью.

Характерно, что при об'явлении войны «Николай маленький» весьма сильно колебался, тогда как «Николай большой» выступал в качестве лидера русской военной партии. Если верить воспоминаниям Вырубовой, то еще во время балканской войны, которую империалистическая буржуазия жаждала использовать для реванша за Боснию и Герцеговину, Николай Николаевич «старался склонить государя принять в ней участие». Накануне империалистической войны, в разгар австро-сербского конфликта, он убеждал племянника «поддержать Сербию». То, что Николай Николаевич больше склонялся в сторону империалистической политики, чем Николай II, приходится, конечно, об'яснять отнюдь не его личными качествами. Об'яснение нужно искать отчасти в различной заинтересованности в войне различных групп царского двора и царской семьи.

Было бы ошибочно считать, что все без исключения представители последней были владельцами полукрепостных имений — латифундий. Известно, что очень многие из представителей царской семьи имели образцово поставленные капиталистические хозяйства. Сошлемся, например, на прекрасное имение Михаила Александровича в Курской губ., с хорошо оборудованным сахаро-рафинад-

---

[1]) «Красный Архив», т. III, стр. 166.

[2]) Там же, стр. 162.

ным заводом. Также в юго-западном крае, отличавшемся наличием образцовых капиталистических хозяйств, главным образом свеклосахарными заводами, несколько имений принадлежало членам царской семьи, в том числе самой Марии Федоровне. Если мы примем во внимание, насколько интенсивные капиталистические хозяйства, особенно с свеклосахарными заводами, были заинтересованы в войне (конкуренция с австро-венгерскими сахарозаводчиками), то для нас будет понятно империалистическое настроение именно этих представителей царской семьи, их «немцеедство» и страх перед сепаратным миром. Этот страх был тем более велик, что интенсивные капиталистические хозяйства, а особенно свеклосахарные заводы первое время не только не теряли, но весьма много выигрывали на войне. Стоит только посмотреть на таблицу, рисующую состояние разных отраслей промышленности, приведенную нами в начале настоящей работы, чтобы убедиться, насколько удовлетворительно работали в России во время войны отрасли по обработке вкусовых веществ, и прежде всего — сахарное производство.

Мы не думаем только в этом видеть причину различной политической позиции представителей «царского дома». Это действительно было бы вульгаризацией марксизма. Для предреволюционной ситуации как раз типично, что и сами господствующие классы «не могут жить по-старому». В этом и заключается главная причина оппозиционных выступлений части их представителей.

Поэтому-то во время империалистической войны Николай Николаевич выступает в качестве наиболее подходящего кандидата для буржуазной великокняжеской фронды на случай дворцового переворота. В то время как на царское правительство стали обрушиваться недовольные резолюции буржуазных организаций, выступавших с требованием ответственного министерства особенно после летнего военного разгрома 1915 г., те же самые буржуазные организации не уставали приветствовать «нашу доблестную армию и ее верховного главнокомандующего».

Совещание московской городской думы 18-го августа 1915 г., на котором была подвергнута беспощадной критике вся деятельность правительства, тут же, по предложению Челнокова, решило обратиться «к верховному главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу, с выражением тех чувств доверия, которые питает к нему московская городская дума, и той незыблемой веры, какую она питает в несокрушимую доблесть армии». Совещание представителей военно-промышленных комитетов 25-го августа того же года, отметив в резолюции, что правительство «не стоит на должной высоте и что у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны», и потребовав замены существующего правительства правительством обороны, высказало полное доверие и сочувствие главнокомандующему Николаю Николаевичу. Впрочем это приветствие в резолюцию вне-

сено не было, так как автор его П. П. Рябушинский должен был отказаться от своего предложения, сообразив, что «такое постановление как бы подчеркивает то обстоятельство, что с'езд замалчивает выражение своих верноподданнических чувств».

При таком отношении буржуазии к правительству и к Николаю Николаевичу «Николай маленький» и его жена начинают сознавать ту опасность, которая заключается «в популярности» верховного главнокомандующего: они понимают, что именно Николай Николаевич и может возглавлять собой дворцовой переворот. В придворных кругах, как пишет Александра Николаю, «некоторые осмеливаются называть Николая Николаевича Николаем III».

Понятно, что Николай II постарался убрать с дороги своего опасного конкурента. «Летом 1915 г., — пишет Вырубова, — государь становился все более и более недовольным действиями на фронте великого князя Николая Николаевича... Государь рассказывал, что великий князь Николай Николаевич постоянно без ведома государя вызывал министров в ставку, давая им те или иные приказания, что создавало двоевластие в России» [1]. В переписке Александры и Николая первая все время агитирует мужа против Николая Николаевича и добивается его смещения...

Конечно, «Николай маленький» мог уничтожить это двоевластие чисто механически, устранив нежелательного противника. Однако последнее оказалось не так уж легко сделать. Попытка произвести эту перемену вызвала резкое противодействие как в среде самой царской семьи, так даже и со стороны царских лакеев — министров, подбиравшихся, особенно в последние годы старого режима, по принципу наибольшей лакейской угодливости.

Причиной этого противодействия являлась не столько абсолютная бездарность Николая, которая ни у кого не вызывала сомнений, сколько то, что империалистскими группами эта смена рассматривалась как торжество при дворе германофильской партии. В иностранной антантовской печати великий князь Николай Николаевич выставлялся патриотом, а царь — орудием германского влияния. Если царь мог не считаться с русским общественным мнением, то с европейским — ему приходилось считаться поневоле. И если этого не сознавал или не хотел сознавать сам Николай, то зато окружающие это прекрасно сознавали. Этим об'ясняется довольно решительное противодействие, какое встретила со стороны совета министров попытка самоназначения Николая верховным главнокомандующим.

Вот как описывает этот эпизод Вырубова: «Возвращаясь после заседания совета министров, на котором было высказано неудовольствие последних этой переменой, Николай говорил: «Я был непреклонен. Посмотрите, как я вспотел». Передавая Вырубовой образок (который, очевидно, служил ему «спасительным талисманом» во время столь решительного боя со своими министрами), он

[1] Вырубова, «Воспоминания», стр. 159.

продолжал: «Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные скучные речи министров, я сказал приблизительно так: «Господа! Моя воля непреклонна. Я уезжаю в ставку через два дня». По его словам, после его заявления о желании принять верховное командование некоторые министры «выглядели, как в воду опущенные» [1].

Оказывается, противодействие было оказано не только со стороны совета министров, но и со стороны великих князей и матери царя. «Еще один разговор, — пишет Вырубова, — предстоял государю с императрицей-матерью, которая наслышалась за это время всяких сплетен о мнимом немецком шпионаже, о влиянии Распутина. Около двух часов, по рассказу государя, она уговаривала его отказаться от своего решения. Государь передавал, что разговор с матерью был еще тяжелее, чем с министрами, и что они расстались, не поняв друг друга» [2].

Такое противодействие вполне понятно. В лице Николая Николаевича придворная партия теряла на командном посту нужную для нее силу. Но именно поэтому-то Николай и был так непреклонен. «Наш друг, — писала Александра Федоровна мужу уже после отставки Николая Николаевича, — говорит, что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны, и если «наш» (так Распутин называл царя) не взял бы места Николая Николаевича, то летел бы с престола теперь».

Отставка Николая Николаевича совпала с моментом наивысшего под'ема буржуазной фронды (в сентябре 1915 г.) и, понятно, произвела колоссальное впечатление на руководящие круги буржуазии, как раз тогда выставлявшие требование кабинета обороны. Этот акт был воспринят как результат воздействия на царя «германофильской партии». По мнению буржуазии, «это делает его непосредственно ответственным за поражения. При нерешительности государя будет возможно всегда отговорить его от принятия решительного сражения. Это, в свою очередь, открывает надежду, что государя легче будет уговорить изменить союзникам и заключить сепаратный мир, чем рискнуть на генеральное сражение. Заключение же сепаратного мира составляет основную цель всех стремлений придворной германофильской партии». Такие слухи, по сведениям охранки, муссировались среди с'ехавшихся на сентябрьские с'езды вождей политических партий» [3].

Отставка Николая Николаевича и замена его царем несомненно устраняла на некоторое время возможность дворцового переворота. Под руками не было человека, который мог бы возглавлять этот переворот, так как Николая Николаевича услали на Кавказ,

---

[1] Вырубова, «Воспоминания», стр. 60.

[2] Там же, стр. 60.

[3] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343. 1915 г. Донесение от 18/IX 1915 г., л. 87—91, вх. 26380.

откуда его уж не выпускали. О последнем позаботилась сама царица [1]).

Однако настроение армии меньше всего определялось личными настроениями Николая Николаевича. Как мы видели выше, антидинастические настроения армии питались той тесной связью, которая установилась между армией и снабжавшей ее промышленностью.

14-го марта 1916 г., в заседании участников общеземского и городского с'езда в Москве, кадет Некрасов заявил [2]): «Если мы, в конце концов, добились того, что нас принуждены терпеть, то этим мы обязаны властным голосам, которые раздались из среды высшего командного состава армии в нашу пользу. Вся армия поняла, какую колоссальную работу выполняет общество в тот момент, когда правительство беспомощно сложило руки. В этом понимании залог победы не только над внешним врагом, но и залог внутреннего обновления».

Высший командный состав, особенно лица, близкие Николаю Николаевичу и Марии Федоровне, находился в самой тесной связи с представителями буржуазной фронды. «От Хвостова он (Горемыкин) слышал, — писала б. царица мужу, — что все твои приказы Поливанову или его к тебе донесения, все показаны Гучкову. Это совершенно недопустимо, это просто игра в руку твоим врагам» [3]).

То же самое сообщает Вырубова о генерале Алексееве. «Вскоре их величества узнали, — пишет она, — что генерал Алексеев, талантливый офицер и помощник государя, состоял в переписке с предателем Гучковым» [4]). Ставка начинала выступать заодно с вождями буржуазной оппозиции. Враждебность к династии увеличивалась. Указание на враждебное отношение со стороны командного состава к царице мы находим и у Вырубовой и в письмах Александры Федоровны. Последняя неоднократно жалуется мужу на то, что она подвергается всевозможным оскорблениям, от которых он ее не защищает. «Никто не защищает меня... все могут говорить, писать, намекать на скверные вещи про свою государыню, и никто не заступается, не делает выговоров, не наказывает, не ссылает, не штрафует этих типов» [5]).

Если с царем волей-неволей приходилось считаться, то царицу, при ее появлениях, ставка просто-напросто «выживала». Вырубова сообщает, что во время посещения Александрой Федо-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. IV. «Переписка Александры и Николая Романовых». Предисловие М. Н. Покровского, стр. 187.

[2]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, 6-е делопроизводство, № 343, 1916 г., донесение начальника московского охранного отделения от 14/III 1916 г., вх. 8301.

[3]) «Переписка Николая и Александры Романовых», 1914—1915 гг., т. III, стр. 463.

[4]) Вырубова, «Воспоминания», стр. 68.

[5]) «Красный Архив», т. IV, стр. 194.

ровной ставки «великие князья и чины штаба приглашались к завтраку, но великие князья часто «заболевали» и к завтраку не появлялись. Во время приезда ее величества заболевал также генерал Алексеев. Императрица не сознавала, какой нежеланной гостьей она была в ставке» [1]).

Не лучше своих были настроены по отношению к «немке» представители иностранных держав. «Сзади меня, — пишет Вырубова, — иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали государыню обидными словами и во всеуслышание делали замечания: «Вот она снова приехала к мужу передать последние приказания Распутина». — «Свита, — говорил другой, — ненавидит, когда она приезжает»... «Вероятно, — добавляет Вырубова, — все эти пменитые иностранцы, проживавшие в ставке, одинаково работали с этим Бьюкененом» [2]).

Неудивительно, что ставка в глазах Николая и особенно Александры Федоровны была средоточием всевозможных интриг [3]). Между прочим, антагонизм между высшим командным составом и царем, независимо от всего остального, вызывался также неумелым командованием царя. Последнее было вне сомнения. В ставке, в разгар военных операций, бывший царь «скучал» без «привычного домино» или «пасьянса» и каждый день на сон грядущий читал несколько глав из английского романа. События его не захватывали, он не выходил из роли пассивного наблюдателя, для которого главным содержанием дня являлись прогулка, обед и погода [4]).

Его письма к жене достаточно характеризуют, какую безнадежную пустоту представлял собой «самодержец всея Руси». Если испанский король откровенно признавался, что, в случае лишения престола, он все же мог бы исполнять обязанности заведующего автомобильным гаражем, то Николай мог бы быть разве только низшим служащим метеорологической станции. Единственно, о чем он никогда не забывает упоминать не только в письмах, но и в телеграммах, даже в самые критические для него моменты, это о состоянии погоды.

«Безответственные влияния», или «темные силы».

Постольку, поскольку руководящая верхушка в лице царской семьи, как представительница отмиравшего класса, фактически теряла всякую связь не только с промышленной жизнью, но даже с командованием армии и с повседневной работой на фронте, отрыв ее от руководящих групп буржуазии и помещиков становился совершенно неизбежным. При этих условиях вся политика начинала превращаться в личную политику царской семьи, руководи-

---

1) Вырубова, «Воспоминания», стр. 67.
2) Там же, стр. 67.
3) Там же, стр. 15.
4) См. его письма и телеграммы из ставки Александре Федоровне.

мую, как выражалась буржуазия, «безответственными влияниями». Ярким выражением этих «безответственных влияний», а также доказательством разрыва правящей верхушки с господствующими классами может служить та министерская чехарда, которой отмечены последние годы русского самодержавия [1]). Перестав быть выражением воли господствующих классов, т.-е. российского империализма, царская политика лишалась всякой устойчивости, превращалась в орудие случайных интересов, или, как тогда говорили, «темных сил». При этом отрыве от господствующих классов совершенно понятной становилась та роль, которую приобрел в царской семье Распутин.

Мы здесь не можем останавливаться на причинах того громадного влияния, которое имел Распутин, того своего рода «естественного права», благодаря которому «сибирский крестьянин командовал над слабовольной и слабоумной четой» [2]).

Влияние Распутина, шаманизм, вера в талисманы, бесконечные иконки, хождение по церквам, старцам и старицам, описанием которого заполнена добрая половина переписки царствовавшей четы, — все эти черты средневековья были характерны для тех отживающих классовых групп, которые возглавлялись бывшим царем.

То, что влияние Распутина не было только сплетней тогдашнего буржуазного общества, а было фактом вполне реальным, вполне доказала опубликованная переписка Романовых. Распутин действительно играл руководящую роль в управлении государственными делами. «Я сильна, — писала царица, — не скрывай от меня ничего, но слушайся меня, т.-е. нашего друга, и верь нам во всем. Я страдаю за тебя, как за нежного, мягкосердечного ребенка, которому нужно руководство, а он слушает дурных советчиков, в то время как божий человек говорит ему, что надо делать» [3]). «Вся моя вера лежит в нашем друге, под его руководством мы пройдем через это тяжелое время. Это будет трудный путь, но божий человек близок к тебе, чтобы охранять тебя и безопасно провести твою ладью мимо рифов» [4]). Или: «Если бы

---

[1]) Представление о министерской чехарде может дать следующий список лиц, побывавших за время войны на министерских постах. За годы войны пост председателя совета министров занимали: И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, Трепов, Голицын; министра внутренних дел: Н. А. Маклаков, кн. Щербатов, А. Н. Хвостов, Б. В. Штюрмер, А. А. Хвостов, А. Д. Протопопов; военного министра: В. А. Сухомлинов, А. А. Поливанов, Д. С. Шуваев; министра земледелия: А. В. Кривошеин, А. Н. Наумов, гр. Бобринский, Риттих; министра юстиции: И. Г. Щегловитов, А. А. Хвостов, А. А. Макаров; обер-прокурора синода: В. К. Саблер, Д. Ф. Самарин, А. Н. Волжин, Н. П. Раев; министра иностранных дел: С. Д. Сазонов, Б. В. Штюрмер, Покровский.

[2]) «Красный Архив», т. IV. Предисловие М. Н. Покровского, стр. 158.

[3]) Там же, стр. 183—184.

[4]) Письмо от 31/X 1916 г. «Переписка Николая и Александры Романовых», т. II, стр. 222—223, Берлин.

у нас не было его, все бы уже давно было кончено, я в этом совершенно убеждена» [1]).

Указания и советы Распутина играли решающую роль в назначении и смещении министров. Говоря о Протопопове и Штюрмере, Александра пишет: «Эти люди слушаются меня, и когда их направляет наш друг, он должен быть прав. Они (Протопопов и Штюрмер) преклоняются перед его мудростью» [2]).

Распутин принимал ближайшее участие также в назначении сроков созыва и роспуска государственной думы [3]). Например, в письме Александры от 10-го декабря мы читаем, что Распутин и Протопопов «просят не созывать думы до февраля, чтобы дать им (т.-е. депутатам думы) время раз'ехаться, что более чем необходимо». В общем, Распутин ориентировался в событиях куда лучше, чем дегенеративный Николай, и временами давал довольно дельные советы. Оказывается, Распутин считал назначение Штюрмера министром иностранных дел весьма неудачным. «Григорий,— пишет Александра после думской обструкции Штюрмеру в ноябре 1916 г., — это понял летом и тогда уже ему (Штюрмеру) сказал: «с этим тебе конец будет». Вот почему он умоляет, или чтобы Штюрмер уехал в отпуск на месяц, или сейчас же был назначен кто-либо другой на место министра иностранных дел. В этом министерстве он — красный флаг, и сразу все станет спокойнее, если его сменят» [4]). Это письмо было написано 9-го, а 10-го Штюрмер был уже заменен Треповым. Он оказывал влияние и на постановку продовольственного дела; так, Александра Федоровна пишет [5]): «Наш друг был страшно сердит на Протопопова, который из трусости не хочет, чтобы было об'явлено о переходе продовольствия в его руки из-за думы».

Громадное влияние Распутина на весь ход государственных дел, на смещение и назначение высших должностных лиц подтверждали все без исключения опрашиваемые министры в следственной комиссии временного правительства. «Он на меня особенно не давил, — оправдывался Протопопов, — а просто писал: «Милай, дорагой»... и оказывается, что «масса записок было» [6]).

Однако было бы неправильно думать, что влияние Распутина было только его личным влиянием. В ближайшее время в «Красном Архиве» должен появиться дневник наблюдений за Распутиным. По этому дневнику, особенно по списку тех лиц, которые посещали «старца», можно видеть, что Распутин был окружен не только дамами света и полусвета, но и всевозможными дельцами, а также черносотенцами из «союза русского народа».

---

[1]) «Переписка Николая и Александры Романовых». Письмо от 4/X 1916 г.
[2]) Там же. Письмо от 30/X 1916 г., стр. 222.
[3]) Там же, стр. 221.
[4]) Там же. Письмо от 9/II 1916 г., стр. 233.
[5]) Там же, т. II, стр. 225.
[6]) «Падение царского режима», т. I, стр. 157.

Те влияния, проводником которых являлся Распутин, шли вразрез не только с интересами широких кругов буржуазии и капиталистических помещиков, организованных в военно-промышленные комитеты и земский и городской союзы, но, очевидно, и с интересами придворной оппозиции. Распутин, несомненно, являлся вдохновителем «твердого курса». Он не мог не сознавать, что его влияние может иметь место только при полной безответственности царской клики, при исключительно «личной» политике царской семьи. Уже по одному этому он должен был являться фигурой, исключительно ненавистной для всех тех, кто стремился к ответственному министерству. Однако не одним этим определялась ненависть прогрессивного блока к Распутину. Как отмечает ряд мемуаров, Распутин очень часто выставлял себя в качестве сторонника сепаратного мира. Неизвестно, сказывался ли здесь «мужицкий ум», учитывавший неизбежность гибели в результате военной разрухи всего буржуазно-помещичьего строя, или же он невольно являлся проводником настроений тех групп, которые были мало заинтересованы в войне и желали скорейшего заключения мира — факт тот, что он весьма прохладно относился не только к доведению войны до победного конца, но и к самой войне. Все это делало его устранение необходимым для буржуазии.

Убийство Распутина было нужно не только для устранения его лично, но и для парализования влияния тех кругов, которые через него действовали. В значительной степени этой ролью Распутина об'ясняется тот шум, который стоял всегда вокруг его имени, независимо от того, что он и в действительности был более чем грязной личностью.

Буржуазия рисовала старца в виде злого гения, который «ведет страну к гибели». Поэтому убийство его представлялось ей, как акт освобождения родины из-под влияния «темных сил», и в процессе борьбы за власть она должна была в первую очередь убрать с своей дороги Распутина.

М. Н. Покровский совершенно правильно рассматривает убийство Распутина, как шаг к дворцовому перевороту [1]). К сожалению, еще не вполне вскрыты те факты, которые непосредственно относятся к убийству Распутина; однако есть данные, что как раз ко дню убийства Распутина, именно к 17-му декабря, в Петроград должен был приехать Николай Николаевич — общепризнанный глава дворцовой фронды. 14-го декабря Александра Федоровна писала Николаю: «Надеюсь, что неправда, будто Никол(аша) приедет к 17-му, наш фронт здесь не имеет ничего общего с Кавказом. Не пускай его, злого гения. Он еще будет вмешиваться в дела и говорить о Васильчиковой». И тут же прибавляла: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, сокруши их всех» [2]).

---

[1]) См. «Красный Архив», т. IV, стр. 157.

[2]) Там же, стр. 187.

Возможно, что убийство Распутина являлось началом этого несостоявшегося дворцового переворота.

На другой день после убийства Распутина, именно 18-го декабря, Александра Федоровна, сообщая в своей телеграмме в ставку о великих князьях, участниках убийства, пишет: «Есть опасения, что эти два мальчика затевают еще нечто ужаснее» [1]). Убийство Распутина, как верно отмечает М. Н. Покровский, вовсе не было «взрывом негодования», а было вполне рассчитанным шагом. Это же доказывает и то отношение, которым было встречено убийство в широких буржуазных кругах. Не случайно также, что его непосредственным участником являлся своеобразный блок, обнимавший ряд лиц от кадета Маклакова до крайнего правого Пуришкевича и до великих князей включительно. Правда, участие Маклакова было только косвенное: он достал яд, да и тот оказался негодным [2]), но во всяком случае участие его показательно.

Более решительны в подготовке этого переворота были те, которые непосредственно шли к власти, именно — придворная оппозиция.

Отношения между царской семьей и великими князьями были крайне обострены. Давнишний антагонизм между старой и молодой царицами достиг своей высшей точки. Мария Федоровна становится центром, вокруг которого группируются оппозиционно настроенные великие князья. Недаром в одном из своих писем Александра предупреждает Николая, чтобы он осторожно относился к влиянию своей матери, так как за ее спиной стоят «Михайловичи». А о том, что из себя представляли эти Михайловичи, свидетельствует следующее красочное воспоминание Вырубовой. «Во время приема Александрой Федоровной великого князя Александра Михайловича в соседней комнате дежурил ад'ютант на тот случай, если бы ему понадобилось кинуться на помощь государыне» [3]).

Точно так же, как и буржуазия, эта часть великокняжеской семьи и высших придворных всячески старалась освободить Николая от влияния «темных сил», действовавших главным образом через Александру Федоровну, и устранить последнюю от руководящей роли в управлении. Великие князья бомбардировали царя письмами и записками [4]).

Тесная связь подготовлявшегося дворцового переворота с руководящими кругами дворцовой фронды видна хотя бы из того, что первая мысль убийцы Распутина была о том, будет ли это убийство санкционировано главою великокняжеской фронды, Марьей Федоровной [5]). Несомненно, что если даже великие князья-убийцы

---

[1]) «Красный Архив». Телеграмма от 18/XII 1916 г., стр. 200.
[2]) См. «Дневник Пуришкевича».
[3]) Вырубова, «Воспоминания», стр. 93.
[4]) См. «Архив Русской Революции», т. V, стр. 333—334. Берлин.
[5]) См. «Красный Архив». Письмо «князя Юсупова к великой княгине К. А. Романовой», т. IV, стр. 426.

Распутина и не находились в организационной связи со всеми членами великокняжеской семьи и с буржуазными организациями, то тем не менее они осуществляли их общую волю. Гонение на лиц, даже царской фамилии, участников убийства Распутина, сделало их героями дня и еще больше усилило недовольство правительством.

Характерно участие в убийстве Пуришкевича. Пуришкевич являлся представителем тех помещиков, которые блокировались с буржуазией на почве борьбы против сепаратного мира и требования войны до победного конца. Не случайно, конечно, что как раз за вторую половину 1916 г. целые группы бывших черносотенных дворян начинают переходить в оппозицию. Здесь играло роль не только то, что дворяне почувствовали себя «на краю пропасти», но и захват немцами русских западных окраин, на которых было немало имений русских черносотенных помещиков. В частности, Пуришкевич начинает проявлять политическую нервность именно осенью 1916 г., т.-е. как раз тогда, когда, после выступления Румынии на сторону России, немецкие войска, заняв Румынию, вторгались в Бессарабию. Вполне понятно, что этот бессарабский помещик должен был превратиться в ярого сторонника войны до «победного конца». Лишь победа могла ему возвратить захваченные немцами имения. Эти помещики, наравне с буржуазией, дрожали теперь перед возможностью сепаратного мира.

После убийства Распутина.

Итак, убийство Распутина совершилось. Дворцового же переворота не произошло.

Дворцового переворота не произошло потому, что, как мы увидим далее из одной записки, «при отсутствии подходящей фигуры из царской семьи, дворцовый переворот, — как опасались буржуазия и помещики, —мог явиться шагом к республике». Именно поэтому буржуазно-дворянская оппозиция не довела дела до конца, ограничившись лишь убийством «сибирского мужика».

Однако надежды на то, что правительство капитулирует, рухнули. Царская семья оказалась попрежнему несвободной от влияния «темных сил»: Распутина с успехом замещал Протопопов. Тогда перед буржуазией и дворянством стал вопрос о том, чтобы довести начатое дело до конца. Если убийство Распутина не спасло от дворцового переворота, надо было хоть путем дворцового переворота спастись от революции. Из двух зол дворцовый переворот был наименьшим злом. Дворцовый переворот, в отличие от революции, мог быть проведен «всего-на-всего лишь одной, двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями» [1]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело при канцелярии петроградского градоначальника по к.-д. партии и общественному движению 1917 г. Записка за январь (без №).

Однако, опасаясь революции, руководящие круги буржуазии боялись последствий даже дворцового переворота, потому они так стремились его избежать.

Господствующими кругами буржуазии, в частности кадетами, убийство Распутина рассматривалось, как акт, который неизбежно должен заставить царское правительство капитулировать и дать ответственное министерство.

Как писал в своей докладной записке, очевидно адресованной в кадетский партийный комитет, кн. Долгоруков, «дворцовый переворот не только нежелателен, а скорее гибелен для России, так как среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя. Вот почему дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле. А раз это так, то дворцовый переворот не только не внесет умиротворения, а наоборот, заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя» [1].

Поэтому Долгоруков выдвигал, как основную задачу, необходимость направить центр усилий на требование ответственного министерства.

«Убийство это, — пишет он, — имело скорее отрицательное влияние, так как эти перемены лишь усилили позиции врагов общественности, и благородный замысел убийц Распутина — очистить царскую семью от приставшей к ней грязи — не увенчался никакими положительными результатами».

«Страна и общественность после ликвидации того события, которое кратко формулируется, как «убийство Распутина», вернулись в исходное положение, и мы накануне новой операции в борьбе за ответственное министерство».

Буржуазия рассчитывала, что «ответственное министерство» спасет монархию.

«Вся история последнего времени, — пишет кн. Долгоруков, — казалось бы, должна была убедить государя, сколь ему полезно самому, по собственной инициативе, даровать ответственное министерство»... Ответственное министерство не только оградит от всяких упреков лично государя, выводя его за сферу политической борьбы, но и государыню Александру Федоровну, так как при ответственном министерстве не могут иметь реального значения те попытки активного германофильства, в которых ее обвиняют».

«Нашу государыню Александру Федоровну винят в активном пособничестве Германии, и от этого тяжкого и, весьма вероятно, беспочвенного обвинения избавить ее может только ответственное министерство». Оценку положения, аналогичную с Долгоруковым, делал и Шингарев: «Перед нами пока только один путь —

[1] Докладная записка директора департамента полиции министру внутренних дел от 16/I 1917 г. (Из разрозненных дел департамента полиции по общественному настроению в 1917 г.)

путь парламентской борьбы в законных парламентских рамках»[1]. Для надежд кадетов на изменение правительственного курса характерна их готовность удовольствоваться хотя бы самыми маленькими уступками со стороны правительства. Та же записка передает, что «многие рядовые кадеты в последние дни начинают робко высказывать мнение, что из возможных министров внутренних дел, раз полной капитуляции не будет, Протопопов не самый худший». Таким образом, буржуазия возвращалась к своей исходной тактике — к борьбе за частичные изменения в составе правительства.

Итак, мы рассмотрели неудавшуюся попытку буржуазии захватить власть в свои руки или путем дворцового переворота или же путем устранения тех «безответственных влияний», которые, по ее мнению, стояли на пути к созданию ответственного министерства. Мы уже указывали, что боязнь революции заставляла буржуазию, с одной стороны, произносить революционные фразы, цель которых была запугать правительство, с другой — совершенно сковывала ее действия.

Вопрос о судьбах царской власти предстояло решить не буржуазии, а пролетариату, буржуазии же в первый момент революции в лучшем случае предназначалась лишь роль сочувствующего монархии зрителя. Как развивалось революционное движение, об этом мы говорим выше. Здесь же нам необходимо остановиться на позиции буржуазии в дни агонии царского режима.

Революция шла с головокружительной быстротой, но правительство менее всего склонно было итти на уступки: оно было твердо уверено, что только нагайка и расстрелы — радикальный способ лечения.

22-го февраля 1917 г., меньше чем за неделю до февральского переворота, Александра Федоровна наставляла мужа: «Будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Дай им почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого. Сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут. Это странно, но такова русская натура»[2].

Очевидно, исходя из особенностей «русской натуры», правительство перешло в решительное наступление против революции. По выражению одной из буржуазных газет, оно собиралось «лечить лихорадку нагайкой»[3].

Правительство в целях разряжения атмосферы постановило отсрочить заседания государственной думы. 3-го января на заседании совета министров под давлением Протопопова решено было отсрочить созыв думы до 14-го февраля. Одновременно с подготовкой к роспуску думы правительство начало готовиться к по-

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 27, ч. 46, 1916 г., вх. 29948. Донесение начальника московского охранного отделения от 25/XII 1916 г.

[2] «Красный Архив», т. IV. «Переписка», стр. 201,

[3] «Русская Воля», 4/I 1917 г.

давлению революции. Полиция вооружалась пулеметами, полученными на этот случай из военного ведомства. Дворники и городовые приспособляли чердаки для обстрела демонстрантов.

Как же реагировала буржуазия на предстоящий революционный взрыв? Какова была ее тактика?

Буржуазия в дни революции.

Среди буржуазии ясно намечаются две основных группы.

Одна из них — это крупная промышленная и финансовая буржуазия из военно-промышленных комитетов, с Коноваловым и Рябушинским во главе, к которым примыкает также наиболее оппозиционно настроенный «третий элемент» земств и городов, представляемый левым крылом кадетов; другая же, более правая, из более умеренно настроенной буржуазии и помещиков, представляемых большинством кадетской партии, а также земцами-октябристами.

Первая группа идет на окончательный разрыв с правительством, чтобы принять участие в надвигающейся буржуазной революции для организации новой «здоровой» власти, «могущей раз навсегда покончить с существующим строем, хотя бы даже путем замены его демократической республикой».

Эта группа, как можно видеть из донесений, стремится превратить государственную думу в свой оплот в борьбе с царизмом. В этом отношении она, несомненно, выходит за пределы «парламентской» тактики прогрессивного блока. Агентурная записка, от 16-го января 1917 г., доносит, что, по мнению этой части «общества», дума скоро порвет с «рабской тактикой прогрессивного блока» и заговорит с правительством «мужественным языком». Дума всюду и во всех случаях будет подчеркивать полную невозможность совместной работы «представителей народа» и «холопов власти», будет во всем критиковать правительственные законопроекты и пр... Словом, если правительство не хочет работать с думой, то и дума не станет работать с таким правительством [1]).

Таким образом, эта группа видела единственный выход из положения в активной борьбе. Как один из методов такой борьбы буржуазные тузы выдвигали финансовый бойкот правительства. Агентурная записка, относящаяся к середине февраля 1917 г., ссылаясь на рассказ кн. А. Д. Голицына, указывает на состоявшееся 8-го февраля вечером «в помещении одного крупного промышленного предприятия» заседание «40 высших членов финансового и промышленного мира... с участием 3-х или 4-х представителей заграничных банков. Финансисты и промышленники

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Особый отдел. Дело департамента полиции № 307, л. А. 1917. Дело о государственной думе.

почти единогласно заявляли, что в случае нового займа они согласятся оказать займу содействие и дать деньги лишь народу, но откажут в этом настоящему составу правительства» [1]).

Для этой группы финансовый бойкот был лишь средством обессилить правительство и тем самым подготовить почву для дворцового переворота.

Мы уже указывали, почему буржуазия видела выход из положения именно в дворцовом перевороте. Такая форма «игрушечной» революции имела в ее глазах двоякого рода преимущества: с одной стороны — она могла предупредить настоящую революцию, с другой — передать власть буржуазии.

Как сообщает агентурная записка, относящаяся к январю 1917 г., «группа эта все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в самом близком будущем дворцового переворота. Дворцовый переворот, исключительно неожиданный по близости своего осуществления и крупности своего масштаба, в связи с последними выступлениями войск, и должен, по мнению представителей этой группы, независимо от наличности других претендентов, передать всю полноту власти именно этой группе, как единственно близкой, знакомой и популярной в войсках» [2]).

Таким образом, мы видим, что в 1917 г. более радикально настроенные круги прогрессивного блока ставили уже вопрос не о компромиссе, не об ответственном министерстве, а о захвате «всей полноты власти».

Убийство Распутина не сыграло для царя роли «последнего предостережения», на что рассчитывала в свое время буржуазия.

Кадет Долгоруков писал в цитированной нами выше записке: «основной вопрос лишь в том, дарует ли государь ответственное министерство добровольно или нет», и делал выводы: «Если государь не вступит добровольно на путь создания ответственного министерства, то перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встанет грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины. Эта опасность дворцового переворота тем реальнее, что теперь нет даже среди правых, которым эта ужасная война открыла глаза на истинную сущность нашей безответственной власти, компактного ядра противников ответственного министерства».

В условиях создавшейся революционной обстановки каждый лишний день приближал не только царский режим, но и всю машину буржуазно-помещичьего государства к гибели. Поэтому вопрос о выходе из положения стоял очень остро. Насколько для буржуазии назрел вопрос о дворцовом перевороте, видно

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 291, ч. 57, 1917 г., вх. 2751.

[2]) Там же. Дело петроградской охранки по к.-д. партии и общественному движению 1917 г. Записка за январь 1917 г.

из того, что подготовка его началась по двум линиям: со стороны промышленников и со стороны тесно связанной с ними военщины.

Вот как описывает настроение общества в этот момент Милюков: «В обществе широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска.

Мало-по-малу сложилось представление о том, в чью пользу будет произведен этот переворот. Наследником Николая II называли его сына Алексея, а регентом на время его малолетства — великого князя Михаила Александровича. После убийства генерала Крымова стало известно, что он в начале 1917 г. обсуждал в тесном кружке подробности предстоящего переворота [1]). В феврале уже намечалось его осуществление. В то же время другой кружок, ядро которого составляли некоторые члены бюро прогрессивного блока, с участием некоторых земских и городских деятелей, обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота государственная дума.

Этот кружок также остановился на регентстве великого князя Михаила Александровича, как на лучшем способе осуществить в России конституционную монархию. Значительная часть членов первого состава временного правительства участвовала в совещаниях этого второго кружка, некоторые же знали и о существовании первого [2]).

Буржуазия, после неудачной попытки заключить сделку с царизмом, определенно шла к дворцовому перевороту и усиленно к нему готовилась.

Вначале дворцовый переворот намечался на первые числа января, в связи с роспуском государственной думы. Как доносит охранка, «в течение праздничной недели, от 24-го декабря по 3-е января, в Москве происходил целый ряд частных совещаний представителей прогрессивно-промышленных кругов Москвы, московских кадетов и прогрессивных гласных московской городской думы. Совещания эти происходили в квартирах П. П. Рябушинского и А. Н. Коновалова, а также и в помещении московского литературно-художественного кружка» [3]).

На этих совещаниях оживленно обсуждался вопрос о ближайшей тактике. Все сходились на том, что страна стоит «накануне открытого конфликта». Один из присутствующих (Тесленко) говорил:

---

[1]) Возможно, именно этот кружок и имела в виду охранка, когда в агентурной записке, относящейся уже к началу 1917 г., сообщала о «национальной партии», образовавшейся вокруг Пуришкевича с целью, путем дворцового переворота, спасти Россию от революции и позорного мира. (Дело петроградской охранки по к.-д. партии. Агентурная записка от 16/I 1917 г. «Рутинцева».)

[2]) Милюков, «История второй русской революции», т. I, вып. 1-й, стр. 35 — 36.

[3]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, Особый отдел, № 307 А. О государственной думе. 1917 г. от 5/I 1917 г., вх. 906.

«Оппозиция как в государственной думе и государственном совете, так и в резолюциях общественных организаций исчерпала все средства лойяльного воздействия на власть, ведущую страну к военному разгрому. В настоящее время наступил момент активного выступления против Петрограда и Царского Села» [1]).

В общем, все эти совещания пришли к заключению о необходимости приурочить активные выступления, т.-е. фактически дворцовый переворот, к моменту ожидавшегося тогда роспуска государственной думы.

Как доносит охранка, «на собраниях решено было, что, в случае роспуска думы, об'единенное ее большинство об'явит роспуск недействительным и заседания думы продолжатся в Москве в частном помещении одного из крупных московских коммерсантов. Место собрания государственной думы держится в большом секрете, но есть основания предполагать, что оно произойдет в одной из подмосковных вилл (повидимому, в имении Коновалова)» [2]).

По плану прогрессистов в случае роспуска — дума не должна была расходиться, а апеллировать к стране и армии.

«Собравшаяся в Москве государственная дума, — гласит цитированное донесение,—обратится к стране с воззванием, в котором укажет, что правительство умышленно ведет Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией и при ее помощи водворить в стране реакцию и окончательно аннулировать акт 17-го октября. Организацию распространения воззвания государственной думы в действующей армии примет на себя А. И. Гучков, при содействии известных ему офицеров запаса».

Однако переворот, подготовлявшийся на первые числа января, не удался. Правительство, очевидно, предвидя возможность этого выступления, ограничилось только отсрочкой созыва думы до 14-го февраля. Как мы узнаем из показаний Протопопова [3]), правительство запросило губернаторов о том, какие результаты могли получиться в случае новых выборов в думу. Ответ для правительства оказался неблагоприятным, и оно само предвидело, что роспуск думы может «потрясти страну» [4]). Таким образом, дворцовый переворот отодвигался на полтора месяца. Однако, отодвигая момент возможного конфликта, большинство прогрессивного блока все-таки не переставало к нему готовиться.

Характерно, что на февраль 1917 г., когда намечался дворцовый переворот, буржуазия предполагала созыв своеобразного конвента.

Агентурная записка петроградского охранного отделения по кадетской партии и общественному движению 1917 г. определенно

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции. Особый отдел, № 307 л. А. О государственной думе, 1917 г. 5/I 1917 г., вх. 906.

[2]) Там же.

[3]) «Падение царского режима», т. I, стр. 142.

[4]) Там же, стр. 147.

указывает на то, что дело в буржуазных кругах дошло до распределения портфелей: «Насколько означенная группа уверена в близкой осуществимости своих преступных надежд и замыслов, можно судить хотя бы по одному тому, что представители ее в последнее время самым серьезным образом заняты разрешением такой задачи, как попытки сейчас же наметить тех или иных «полезных работников, долженствующих помочь» «будущим министрам» разобраться в хаотическом наследстве».

«В указанном отношении заслуживает исключительного внимания возникшее, по инициативе А. И. Гучкова, предположение, уже перешедшее в стадию подготовительной работы, о созыве в начале февраля месяца с. г. — во всяком случае, до начала заседаний государственной думы — особого и чрезвычайного совещания руководящих представителей центрального военно-промышленного комитета, Земгора, думских оппозиционных фракций, профессуры, общественных организаций и, по возможности, государственного совета — для установления полного контакта «между всеми представителями оппозиционной общественности» и выработки плана действий и тактики ближайшего будущего в борьбе с правительственной властью».

Охранка об'ясняла созыв этого «пленарного собрания» необходимостью для буржуазии «подсчета сил» и последнего «смотра» перед надвигающимся «генеральным сражением». Несомненно, однако, что этот буржуазный конвент должен был послужить не только для одного «подсчета сил». Он должен был явиться органом для создания новой власти после дворцового переворота.

Характерно, что в этот момент созыва буржуазного конвента наиболее активные группы из верхушки финансового капитала сознавали всю необходимость привлечения к этому своему предприятию широких народных масс, в первую очередь — рабочих.

В соответствующем разделе нам уже приходилось говорить о своеобразной буржуазной зубатовщине, именно: о рабочих группах при военно-промышленных комитетах. Если царизм пытался привлечь рабочих для борьбы с буржуазным либерализмом, путем экономических уступок за счет буржуазии, то теперь буржуазия пыталась опереться на рабочих, чтобы получить политические уступки за счет царизма. Коновалов, являвшийся инициатором этих групп, теперь выступает инициатором своеобразного повторения «9-го января» — организации народного шествия с политическими лозунгами только не к Зимнему, а к Таврическому дворцу — к зданию государственной думы. Подробно на подготовке этого шествия нам уж приходилось останавливаться при рассмотрении вопроса о рабочей группе [1]), здесь же мы не можем обойти молчанием той борьбы, которая развернулась вокруг этого предприятия внутри самой буржуазии.

---

[1]) См. стр. 198—208.

Взгляды и чаяния инициаторов шествия, — Рябушинского и Коновалова — петербургская охранка излагает следующим образом:

«Означенная группа окончательно изверилась в возможности принудить представителей правительства уйти с своих постов добровольно и передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить в России начала «истинного парламентаризма по западно-европейскому образцу». Группа эта видит, что одних думских выступлений в данном случае недостаточно; что, ограничиваясь лишь новыми вариантами милюковских «филиппик», она рискует не только понести полное поражение и скомпрометировать в массах самую идею парламентаризма, но даже может быть «ликвидирована» в своем полном составе в период грозно надвигающегося «междудумья»; всякая следующая минута колебаний и промедления грозит лишь крушением исподволь подготовлявшихся планов и, может быть, даже гибелью; необходимо незамедлительно перейти от «слов» к «делу», а для этого остается лишь одно: заручиться хотя бы дутыми директивами «народа» и, воздействуя таким образом на умеренную часть депутатов, не признать права верховной власти на роспуск государственной думы и об'явить себя хозяевами положения».

«Отсюда и всплывшая ныне идея необходимости подготовить в день открытия заседаний государственной думы «шествие народа к Таврическому дворцу» и, таким образом, засвидетельствовать urbi et orbi, что отказ государственной думы выполнить указ о роспуске является результатом подчинения народных представителей своим избранникам, а не актом революционно-настроенной воли отдельных, хотя бы и сплоченных в думское большинство, враждебных правительству депутатов» [1]).

«Согласно этого плана рабочая группа должна была организовать ряд массовых собраний по фабрикам и заводам столицы и, выступая на таковых, предложить рабочим прекратить работу в день открытия заседаний государственной думы 14-го февраля с. г. и под видом мирно настроенной манифестации проникнуть ко входу в Таврический дворец. Здесь, вызвав на улицу председателя государственной думы и депутатов, рабочие, в лице своих представителей, должны громко и открыто огласить принятые на предварительных массовых собраниях резолюции с выражениями их категорической решимости поддержать государственную думу в ее борьбе с ныне существующим правительством».

Вызывая массы на улицу в целях поддержки думы, буржуазия рассчитывала, что роспуск думы явится прологом к тому самому перевороту, который, при наличии, как выражался Керенский, «дисциплинированности масс», должен был привести к передаче власти в руки буржуазии.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции. Особый отдел № 307 л. А. О государственной думе 1917 г. (записка без №).

Оппозиционное настроение этих групп финансового капитала дошло к этому моменту до такого предела, что они не могли уж удовольствоваться парламентскими рамками. Вот как описывает эти настроения агентурная записка от 16-го января 1917 г.:

«Что же может сделать дума? Если сейчас еще находятся депутаты, предлагающие повторить второе издание «Выборгского воззвания», то большинство стоит против подобной «комедии» и выражает свою задачу в определенной форме, ясной для всех: «государственная дума бессильна бороться с правительством, которое может ее ежедневно распустить до конца войны и тем самым лишить страну представительства. Но в этой слабости скрыта и сила думы: бессильная изменить политическое положение и свергнуть «министерство народного недоверия», государственная дума станет всесильной с момента роспуска: ее разгон вызовет революцию или заставит правительство через несколько недель вернуть думу и согласиться на все ее требования, или же обречет страну на анархию, в которой должен неминуемо погибнуть существующий политический строй. Подобная точка зрения усвоена многими видными депутатами, предлагающими «не щадить думу», а заботиться лишь о том, чтобы население увидело в роспуске думы не следствие политиканства какой-нибудь одной партии, а последнюю каплю издевательства над долготерпением народным». «В ответ на молчание Таврического дворца заговорит вся Россия: если дума будет распущена за то, что она требует уничтожения злоупотреблений, суда над изменниками и сторонниками позорного мира, то вся Россия станет на ее защиту» [1]).

Между прочим, правительство действительно не решалось распустить думу до самых последних дней, пока не выступили на улицу массы, так как оно отчетливо сознавало, что «роспуск государственной думы послужит сигналом для вспышки революционного брожения в разнообразных кругах общества и приведет к тому, что правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов думы, а со всей Россией, давно уже выражающей свое недовольство увеличивающейся и разрастающейся разрухой в стране» [2]).

Итак, мы видим, что наиболее непримиримая часть буржуазии в лице прогрессистов довольно решительно шла на борьбу с правительством, пытаясь даже опереться на народные массы. Однако эта тактика отнюдь не могла привлечь к себе симпатии остальных групп буржуазии и помещиков. Против нее протестовало и большинство кадетской партии, не говоря уже о земцах-октябристах.

Эти группы ни в коем случае не могли примириться с тем, чтобы вызвать на улицу те силы, которых они больше всего боялись, именно — рабочих. Характерно, что в кадетском органе

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции. Особый отдел № 307, л. А. О государственной думе 1917 г. (Записка без №).

[2]) Там же.

«Речь», рядом с обращением начальника петроградского военного округа Хабалова к рабочим с запрещением демонстраций, помещено письмо в редакцию Милюкова, в котором он «предостерегает» рабочих против распространяемых будто бы от его имени «дурных и опасных советов — выступить 14-го февраля с поддержкой государственной думы». Указывая, что эти призывы исходят из «темного источника», Милюков призывал рабочих «не принимать участия в демонстрациях 14-го февраля и оставаться в этот день спокойными» [1].

Хотя правые группы прогрессивного блока и сознавали, что только революция может привести их к власти, однако их чрезвычайно пугал самый момент переворота и особенно опасность «анархии».

«Руководящие круги либеральной оппозиции, — писала по этому поводу охранка, — в настоящее время твердо и определенно уверены в том, что момент осуществления их вожделенных стремлений приближается, что вопрос о «первостепенной важности событиях» из области мечтаний и суждений уже переходит в стадию «действий» и что «не сегодня-завтра» придется даже подумать о том, кому и какой именно из «ответственных портфелей» удастся захватить в свои руки».

«Одинаково оценивая, в самых благоприятных для себя тонах, настоящую политическую обстановку, наиболее авторитетные группы стремящейся к захвату власти оппозиции, как показывает это вся текущая их деятельность, самым искренним образом расходятся по вопросу о том, как разделить «шкуру медведя»: всем крайне хотелось бы предоставить право первой и решительной «боевой встречи» с обороняющимся правительством «кому угодно, но не себе», и потом уже, когда передовые бойцы «свалят власть» и расчистят своими телами дорогу к «светлому будущему», — предложить свои услуги стране на роли «опытных и сведущих государственных строителей» [2]. При всем своем стремлении овладеть властью буржуазия слишком боялась самого момента переворота, даже «игрушечного», и всей своей деятельностью способствовала тому, чтобы затормозить революцию. До самой последней минуты ее не покидала надежда, что правительство, в конце концов, пойдет на уступки, и все «образуется».

Как доносила охранка, «члены этой группы (умеренного крыла буржуазии. — *Б. Г.*) придерживаются того мнения, что обострять отношения с правительством пока не представляется необходимым и что поэтому государственной думе надлежит, сохраняя временно лойяльность, следовать «ноябрьской» тактике, т.-е. тактике парламентских речей, парламентского шума, который должен вырвать

---

[1] «Речь» от 10/II 1917 г.

[2] Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградской охранки по к.-д. партии и общественному движению 1917 г. Записка за январь.

уступки. Эта группа, не желая осложнять войны внутренними распрями, готова итти на всякие компромиссы с правительством».

Итак, в страхе перед народным движением правое крыло прогрессивного блока продолжало свою политику закулисных переговоров и не теряло надежды на улажение таким путем политического конфликта.

«Либеральная буржуазия, — читаем мы в том же донесении, — верит, что, в связи с наступлением перечисленных выше указанных и неизбежных событий, правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадетов, в лице ликвидируемого ими прогрессивного блока, и тогда на Руси... «все образуется».

«Эта группа старается поддержать себя и других уверенностью, что правительство при существующих условиях «не осмелится» выступить против «общественности», а тем более разогнать думу» [1]).

Именно таково, согласно донесению агентуры, настроение милюковской группы, которая убеждена, что правительство не решится распустить думу и тем самым «открыть дверь в неведомую и пугающую пустоту: каждую минуту ожидать революции и жить под ее страхом — едва ли такое положение будет лучше для верховной власти и нынешнего правительства».

«Государственная дума все-таки, как бы она ни была враждебно настроена, в своей компактной массе никогда не превратит себя в конвент революционных деятелей; сговориться с думой на известной платформе возможно, тем более что правое крыло буржуазии, по словам донесения, стоит за поиски путей для работы, если и не совместной с правительством, то хотя бы такой работы, где бы дума, не касаясь принципиальных вопросов, могла работать для экономического блага страны и для создания обстановки, благоприятствующей положению вещей на фронтах. Правые кадеты хотят оберегать фронт от случайностей политических осложнений внутри страны» [2]).

До самой последней минуты кадеты живут надеждой на министерские перемены, на то, что «все образуется» мирно и безболезненно.

«В настоящее время кадеты, — читаем мы там же, — полны слухами о возможных переменах в составе правительства: уходят все, за исключением министров — военного, морского и иностранных дел. Говорят о премьерстве министра иностранных дел, о возвращении посла в Лондоне Сазонова к его прежнему министерскому портфелю» [3]).

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции, № 307 А, 1917 г. О государственной думе.

[2]) Там же. Дело петроградской охранки по к.-д. партии и общественному движению 1917 г. Агентурная записка «Туманова» от 29/I 1917 г.

[3]) Там же.

Еще более характерные указания по поводу этих настроений находим мы в одной из неоднократно цитированных агентурных записок [1]).

Записка отмечает существующую уверенность в умеренных буржуазных кругах, что «резкие выступления думы заставят правительство итти навстречу желаниям прогрессивного блока: в широких кругах общества распространены известия о состоявшихся якобы совещаниях членов государственной думы с разными либеральными сановниками, обещавшими будто бы полную перемену правительственного курса в самом непродолжительном будущем. По рукам ходит «беседа Родзянко» с разными сановниками (с Шуваевым, Сазоновым и др.), где особенно отмечается место: «назначение Щегловитова — последняя ставка, скоро правительство убедится, что ему не справиться с протестом всей нации, и пойдет на уступки... Дума, по мнению многих лиц, занимающих солидное служебное положение в министерствах, победит».

Буржуазия пытается спасти монархию.

В критическую для царского режима минуту буржуазия является верным союзником династии. Когда наступили последние дни царского режима и рабочие демонстрации могли лишь насмешкой ответить на приказ Николая II о «немедленном прекращении беспорядков», буржуазия во главе с Милюковым стремится спасти если не Николая, который уж был обречен, то хотя бы династию. Основная ее задача — превратить революцию в дворцовый переворот.

Довольно характерно, что в тот момент, когда уже власти фактически не существовало, 26-го февраля Родзянко обращается с телеграммой к царю, в которой убеждает его «немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство». «Молю бога, — заканчивает он телеграмму, — чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

И 27-го февраля, когда Петроград был уже в руках революционных рабочих и уже организовался Совет, Родзянко послал новую телеграмму царю. «Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уж будет поздно».

Вот как, оказывается, дума «свергала» самодержавие и «брала» власть. Один из членов IV думы в момент переворота, днем 27-го февраля, пишет: «Между думцами была полная растерянность: революции ждали почти все, но, что она разразится теперь, не ожидал никто, ни даже наши думские социалисты».

Вот что по описанию одного члена думы происходило в ней, когда уже революция победила.

---

[1]) Ленинградский историко-революционный архив. Дело петроградской охранки по к.-д. партии и общественному движению 1917 г., донесение от 16/I 1917 г.

«Кресты» взяты толпой, выпущены все арестанты, толпа отправилась в Литовский замок... Окружный же суд, так же как и дом предварительного заключения, освобожденный от арестантов, пылает в огне. Думцы с нескрываемым возмущением говорят об исчезновении наших главарей...

Но вот в половине третьего начинают появляться они: прибыл Родзянко, Милюков, С. Шидловский и др.... но—увы!—нам от этого опять мало пользы: быстро прошли они все мимо, говоря на ходу, что спешат на совещание старшин (так называлось заседание президиума с лидерами фракций; туда же приглашались члены президиума блока).

Наконец, в четвертом часу выходит Родзянко и торжественным голосом приглашает всех членов думы на частное совещание в полуциркульном зале. Быстро направляемся туда — всего набралось до 200 человек, и Родзянко берет слово. Он очень кратко сообщает, что волнения в столице, возникшие на почве продовольственного недостатка в течение четырех дней, усиливались, пока не вылились сегодня в вооруженный бунт; что правительство совершенно бездействует и как бы отказалось от власти, что на две телеграммы свои государю он ответа не получил и что медлить с подавлением бунта невозможно. Члены думы должны обсудить положение и наметить меры к прекращению беспорядков. Первым высказывается Н. В. Некрасов, — в общем представлении крайний левый между кадетами и неизменно кокетничающий с трудовиками. Он соглашается, что положение очень серьезно и что поэтому президиум думы, не медля ни минуты, должен ехать к председателю совета министров, кн. Голицыну, и, указав на одного из популярных генералов, например, Поливанова или Маниковского, просить о наделении их диктаторскими полномочиями для подавления бунта...

Ему резко возражает М. А. Караулов и трудовик Дзюбинский, которые высказываются за немедленное создание думского комитета.

После них просит слова П. Милюков, на которого и устремляются с упованием все взоры. Он не согласен ни с Некрасовым, ни с Дзюбинским. Конечно, ехать к представителям правительства не нужно, да и бесполезно, они сами выпустили из рук власть. Но брать эту власть в свои руки дума также не может. Она является учреждением законодательным и, как таковое, не может нести функций распорядительных (следует краткая, но точная экскурсия в область государственного права). Но, главное, мы уже потому не можем сейчас принимать никаких решений, что размер беспорядка нам неизвестен, так же как неизвестно и то, на чьей стороне стоит большинство местных войск, рабочих и общественных организаций. Надобно собрать точные сведения обо всем этом и тогда уже обсуждать положение, а теперь еще рано.

Милюков не кончил еще говорить, как в зал вбегает Керенский, ранее отсутствовавший, в сильном возбуждении. Он говорит, что громадные толпы народа и солдат идут к Таврическому дворцу и намерены требовать от думы, чтобы та взяла власть в свои руки. Он просит дать ему автомобиль, на котором он, по уполномочию думы, поедет в толпу, попытается ее успокоить и сообщить ей решение думы...

Общее недоумение и растерянные взгляды. Ведь у нас все еще разговоры, а никакого решения пока нет.

Не успевает Керенский кончить, как его прерывает вбежавший в перепуге думский служитель: он кричит, что передовые части солдат уже подошли к дворцу, хотели войти в него, их не пустил отряд караула, всегда находящийся около под'езда, и что начальник караула тяжело ранен выстрелом и унесен в приемный покой. Керенский поспешно убегает. Начинаются беспорядочные разговоры о думском комитете.

Солдаты уже вошли во дворец. Родзянко наспех ставит вопрос об образовании комитета. — Крики: да! Он спрашивает, доверяет ли совещание образование комитета совету старейшин. Вновь утвердительные крики, но уже немногих оставшихся в зале, так как большинство успело разойтись по другим залам. Совещание закрылось. — Рубикон перейден» [1]).

Такова история образования временного комитета думы.

Не менее характерна попытка буржуазии сохранить престол для Алексея, назначив регентом Михаила, т.-е. сохранить не только монархический строй, но и династию Романовых. Сохранение в неприкосновенности монархического принципа (о чем особенно заботился Милюков) могло быть достигнуто только в том случае, если на престоле останется «300 лет царствующий» дом Романовых.

Кроме того, несомненно, что между великокняжеской фрондой и буржуазной общественностью существовали какие-то нити. Ведь не случайно вся буржуазия согласилась на регентство Михаила, и не менее знаменательно, что 27-го февраля, на совместном заседании представителей буржуазии с Михаилом, Михаил, согласившись на регентство, выдвинул на пост председателя министров столпа цензовой общественности, председателя земского союза, кн. Львова: об этом же Михаилом была послана в ставку телеграмма царю [2]).

Как бы выдавая замыслы предполагавшегося переворота, и Николай Николаевич шлет царю телеграмму, требуя немедленно назначить регентом Михаила. Однако и в этот критический момент царь проявил исключительное упрямство.

Как рассказывает в своих воспоминаниях Фредерикс, царь, получив телеграмму от Родзянко, сказал: «Опять этот толстяк

---

[1]) Кн. Мансырев, «Воспоминания».—«Историк и Современник», т. III, стр. 27.

[2]) Авдеев, «Хроника революции», стр. 41.

Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Когда по приезде из ставки Шульгина и Гучкова выяснилось, что Николай отрекся в пользу Михаила, не как регента, а как царя, и за своего сына, это поставило Милюкова и К° в довольно затруднительное положение. Милюков с досадой отмечает: «Николай не хотел рисковать сыном, предпочитая рисковать братом и Россией в ожидании неизвестного будущего... Отказываясь от решения, хотя и трудного, но до известной степени подготовленного, он вновь открывал весь вопрос о монархии в такую минуту, когда весь этот вопрос только и мог быть решен отрицательно. Такова была последняя услуга Николая II родине» [1]).

Но вопрос о том, быть или не быть в России монархии, меньше всего зависел от доброй или злой воли Николая.

Сам же Милюков несколькими строками ниже указывает, что «за этот день, 2-го марта, политическое положение в Петрограде успело измениться» [2]).

Так, когда «Гучков сообщил железнодорожным рабочим о назначении Михаила, ему пришлось лично сделаться свидетелем возбуждения, вызванного этим известием» [3]). К концу дня «волнение, вызванное сообщением о регентстве Михаила Александровича, значительно усилилось».

«Поздно вечером в здание Таврического дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявляли, что не могут явиться к своим частям, если Милюков не откажется от своих слов». Милюкову ничего не оставалось, как заявить, что его слова о регентстве Михаила Александровича являются «его личным мнением», хотя это не соответствовало действительности.

Под влиянием массового революционного напора буржуазия ясно почувствовала необходимость пойти на ряд уступок.

«Провозглашение императором великого князя Михаила Александровича,—передавали по прямому проводу генералу Рузскому председатель государственной думы Родзянко и будущий министр временного правительства кн. Львов,—подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому».

Далее они успокаивали Рузского, что «при предположенной форме правления, т.-е. при временном правительстве», «возможно быстрое успокоение», а тем самым «возвращение династии не исключено» [4]).

---

[1]) Милюков, «История второй русской революции», т. I, вып. 1-й, стр. 50.

[2]) Там же, стр. 51.

[3]) Там же, стр. 53.

[4]) «Архив Русской Революции», т. III, стр. 266.

Именно из этих «тактических» соображений Родзянко и другие представители буржуазной оппозиции в заседании временного комитета думы 3-го марта, а позже — в совместном заседании с Михаилом высказывались против его регентства. Только один Милюков, оказавшийся уже «в единственном числе», настаивал на необходимости его регентства до созыва учредительного собрания.

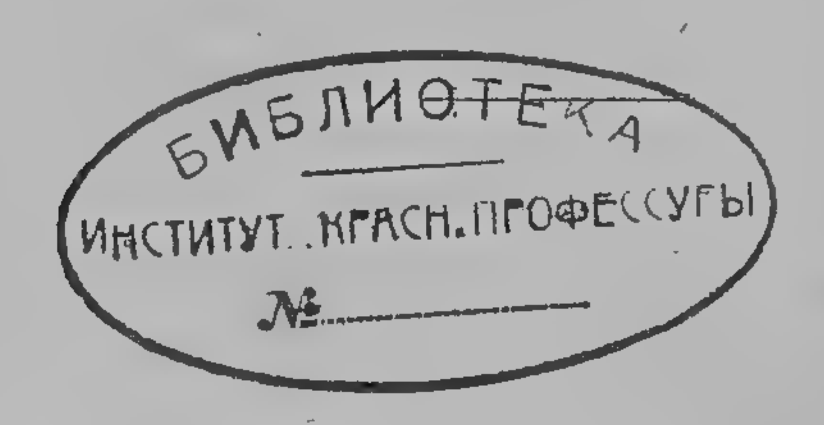
Конечно, цели и у Родзянко и у Милюкова были общие, расхождение было лишь в тактике.

Исходя из той же предпосылки, что и Родзянко, — необходимости «сильной власти», Милюков доказывал, что для укрепления нового порядка «она нуждается в опоре привычного для масс символа власти, а временное правительство одно без монарха явится утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений». Очевидно в ответ на возражения против этого плана Милюков подкрепил свою аргументацию еще тем соображением, что «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великого князя» [1]).

Однако Михаил учел обстановку и, боясь рисковать головой, отказался от регентства, что вызвало патетический возглас Керенского: «Ваше высочество, вы — благородный человек» [2]). Таково было «низложение государственной думой монархии», как торжественно называет этот комический эпизод Милюков в I главе своей «Истории революции».

Страна оказалась без «монарха», буржуазия стала перед необходимостью взять власть и образовать временное правительство.

Царское правительство было свергнуто рабочим классом и крестьянством в лице армии. Буржуазия пришла к власти, когда дни ее существования уже были сочтены. На-ряду с буржуазным временным правительством — возникают Советы рабочих и солдатских, а затем и крестьянских депутатов, которые весьма скоро освобождаются от влияния соглашателей и превращаются в органы борьбы за диктатуру пролетариата.

1) «Архив Русской Революции», т. III, стр. 54.

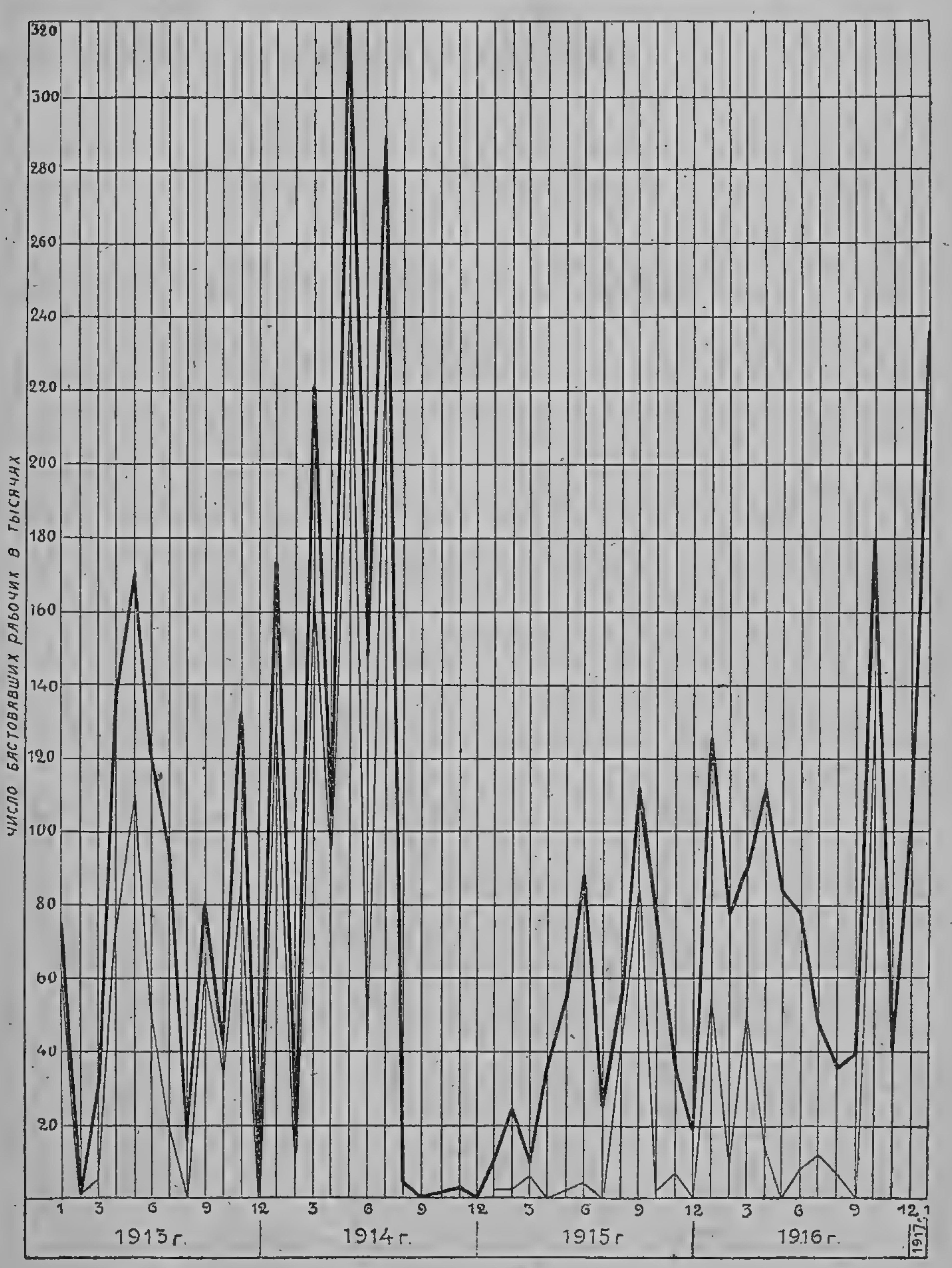
2) Там же, стр. 55.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

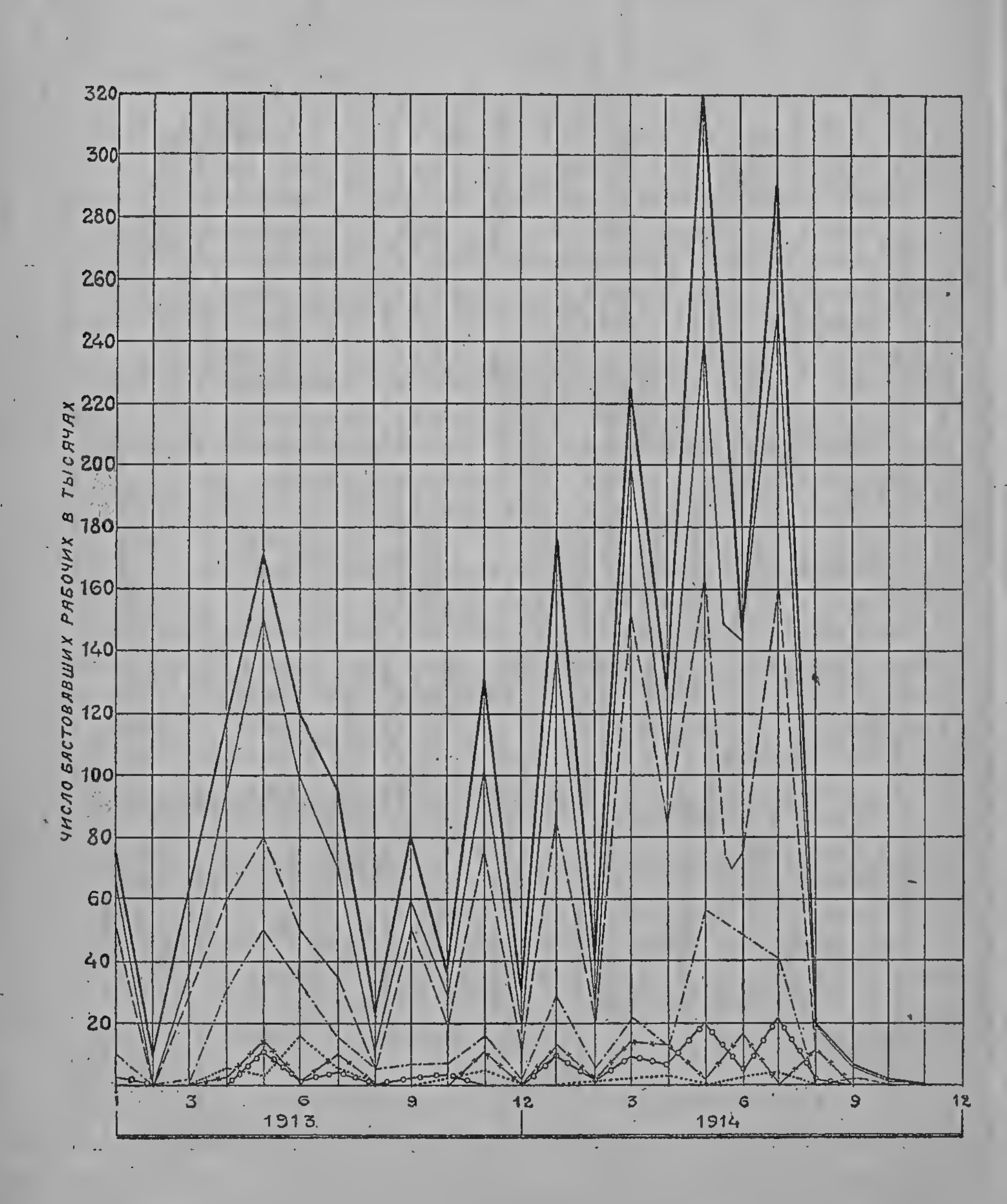
ДИАГРАММА
бастовавших рабочих по всем отраслям промышленности за 1913—1916 г.г.

——— Общее число забастовщиков.
——— Число политических забастовщиков

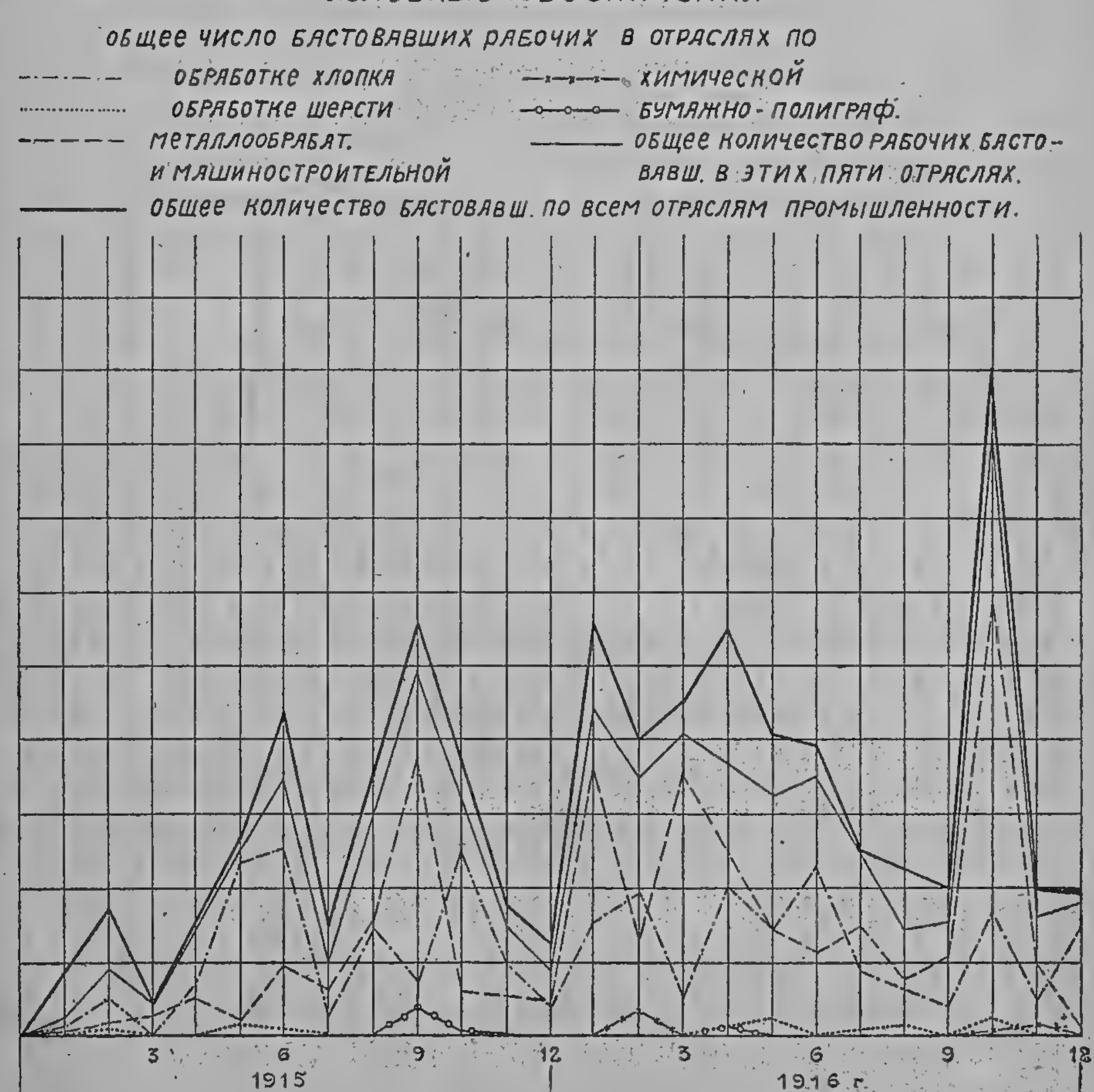
ДИА

бастовавших рабочих по разным отра

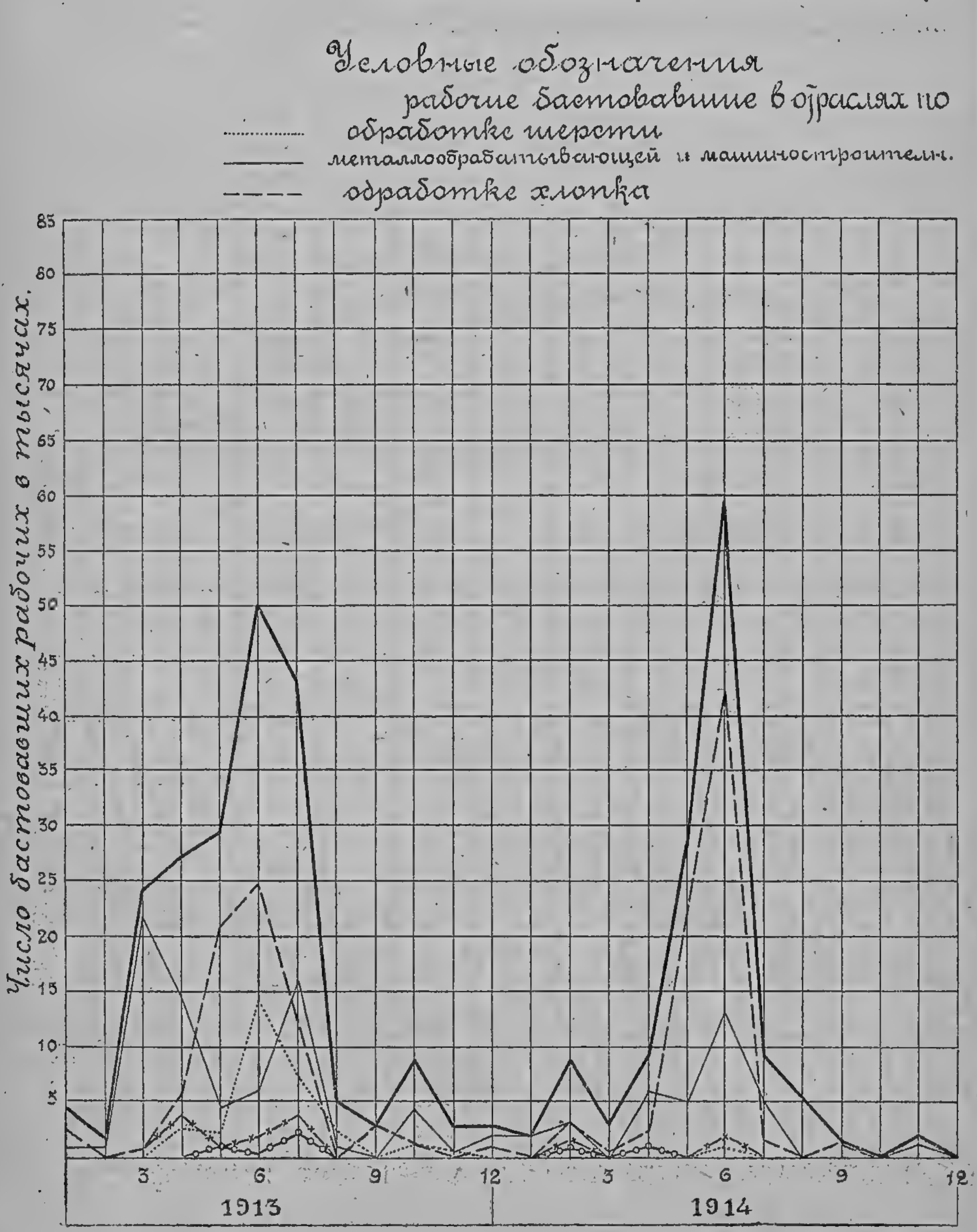
Приложение № 2

ГРАММА ... слям промышленности за 1913—1916 г.г.

ДИА

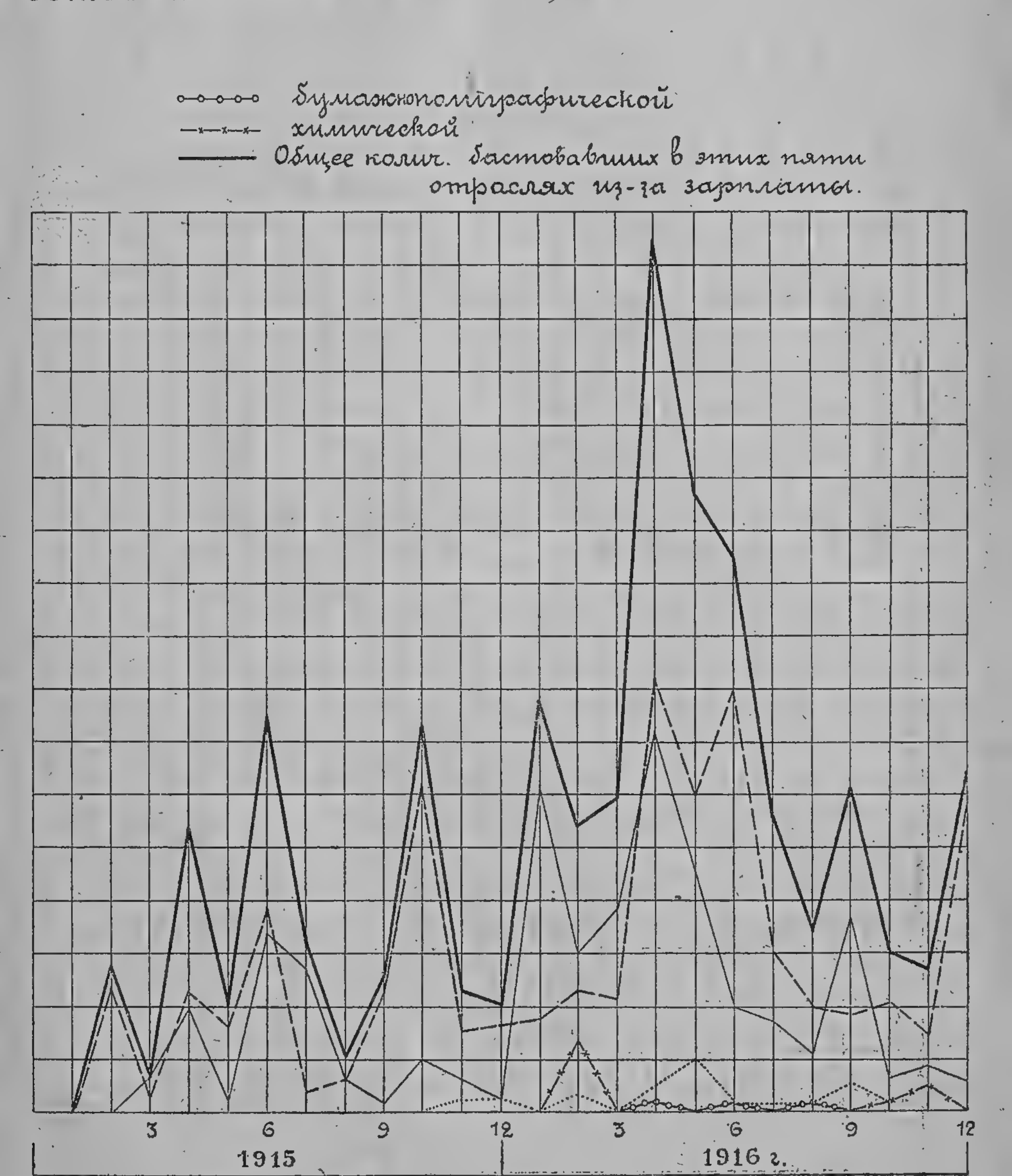
бастовавших рабочих из-за зара

Приложение № 3

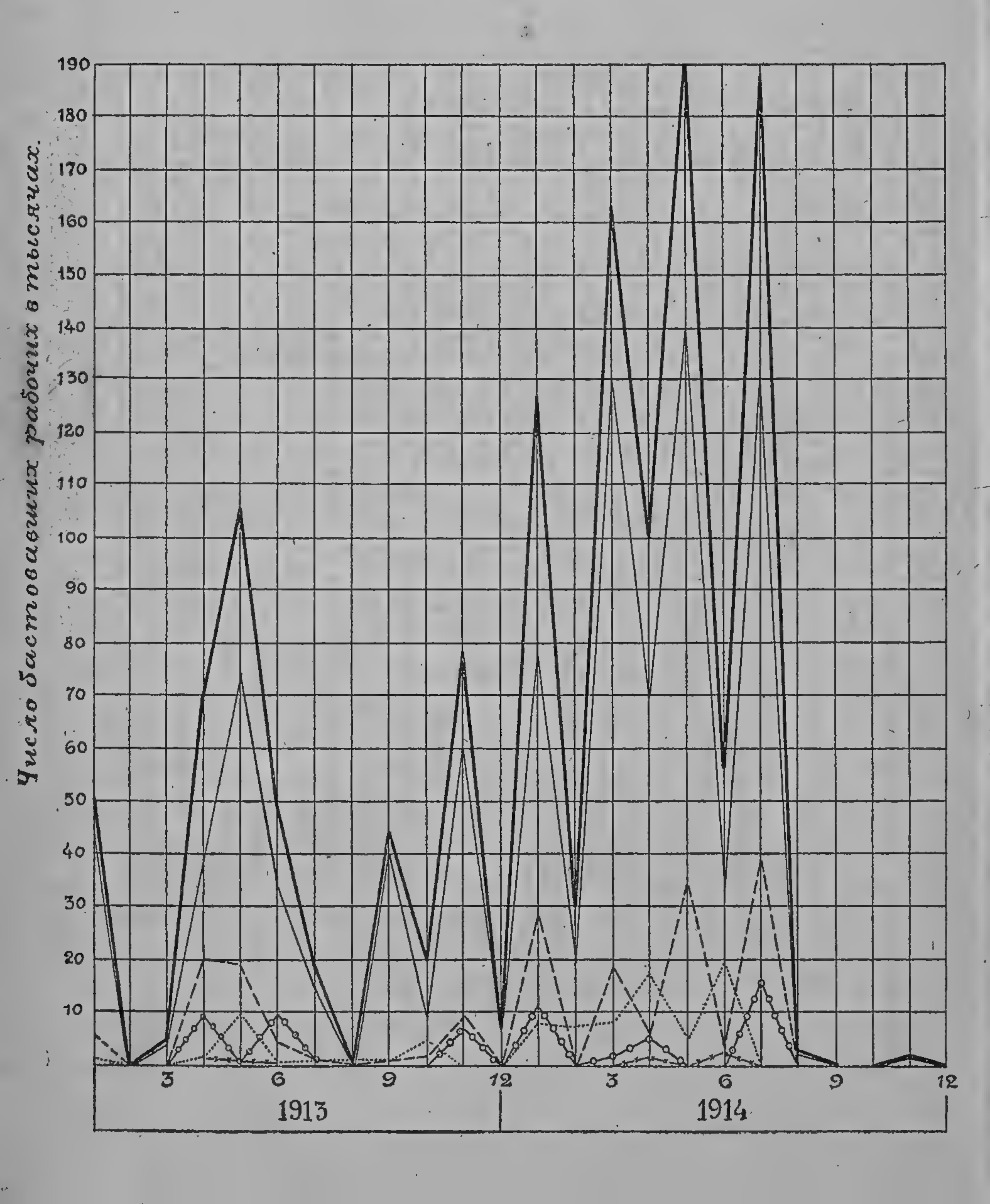
ГРАММА

ботной платы за 1913—1916 г.г.

ДИА

бастовавших рабочих из-за полити

Приложение № 4

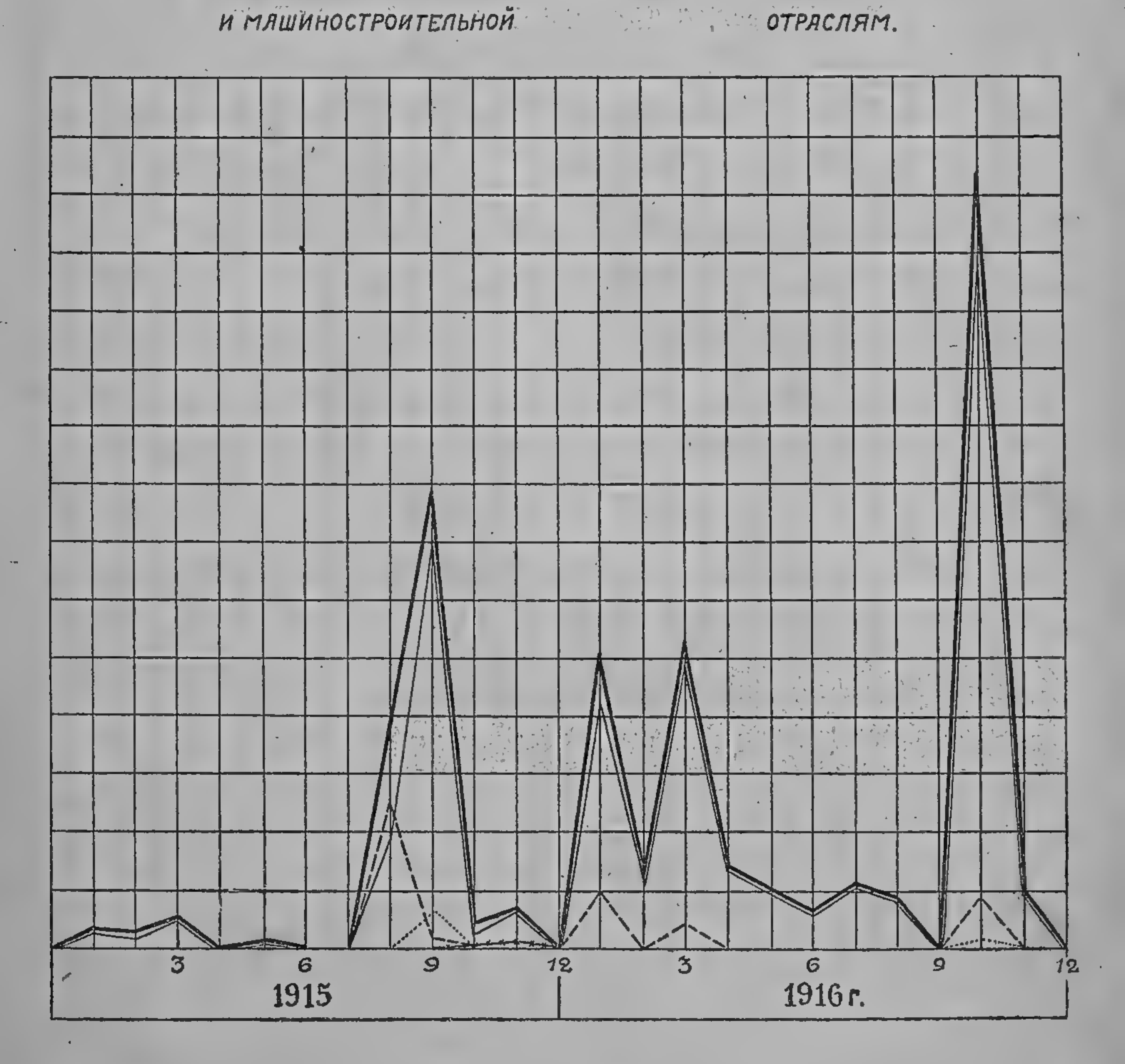
ГРАММА

ческих причин за 1913—1916 г.г.

Условные обозначения.

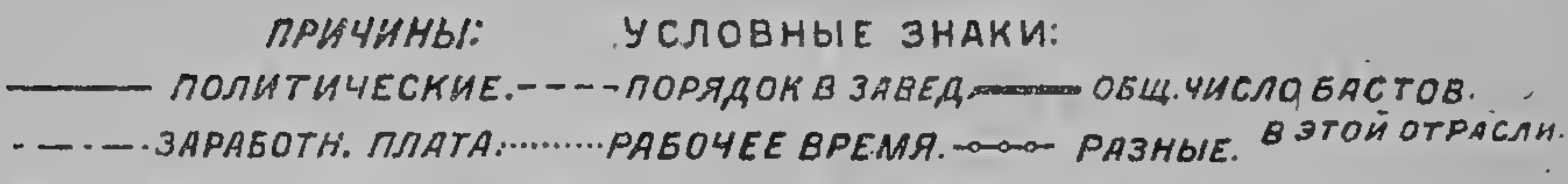
Бастовавшие рабочие в отраслях по

- – – – – обработке хлопка
- —×—×—×— обработке шерсти
- ———— металлообрабатывающей и машиностроительной
- ········ бумажн. полиграф.
- —o—o—o—o— химической
- ━━━━ всего по всем этим отраслям.

ДИА

бастовавших рабочих по обра

ЧИСЛО БАСТОВАВШИХ РАБОЧИХ В СОТНЯХ

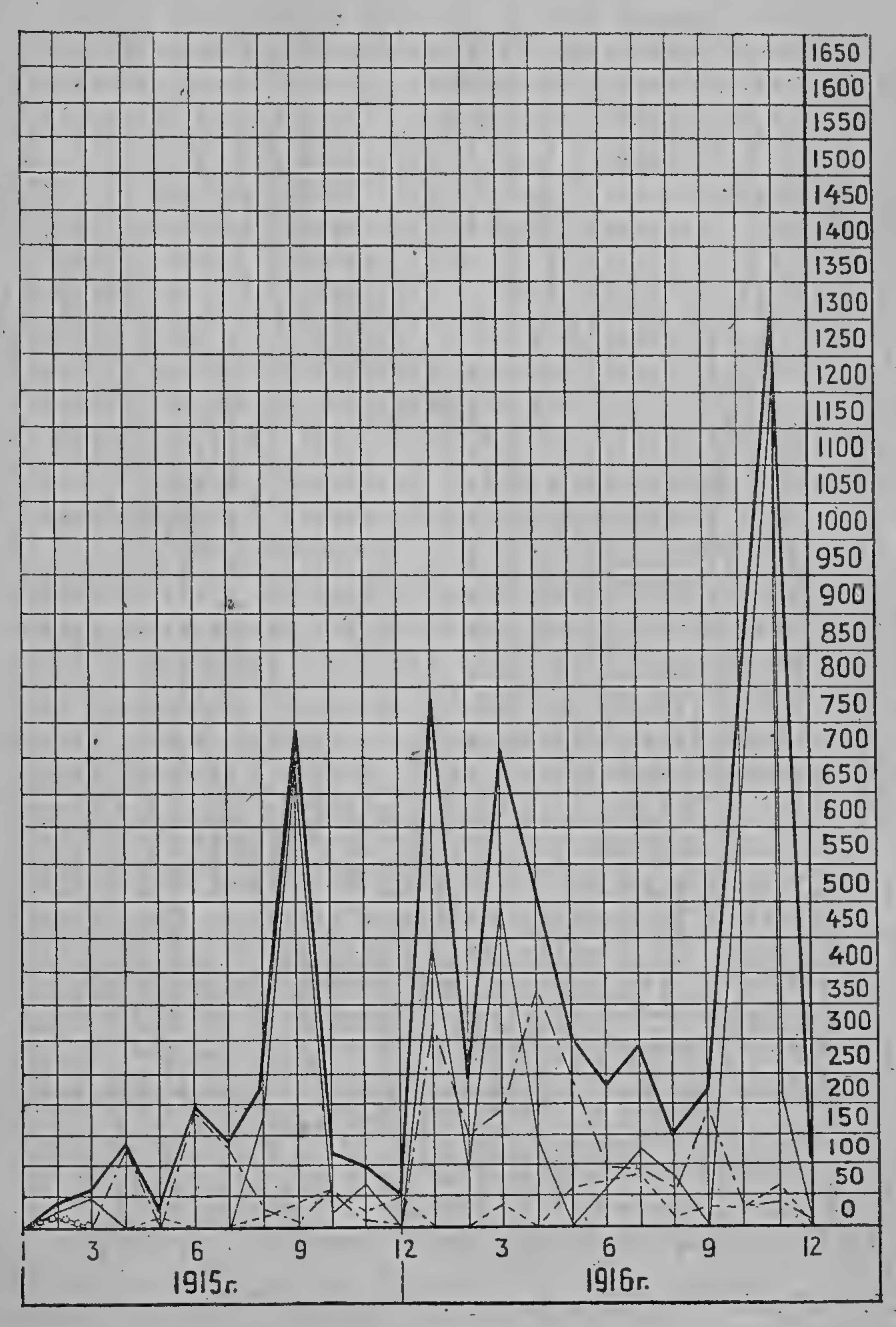
1650 1600 1550 1500 1450 1400 1350 1300 1250 1200 1150 1100 1050 1000 950 900 850 800 750 700 650 600 550 500 450 400 350 300 250 200 150 100 50 0

1 3 6 9 12 3 6 9 12

1913 г. 1914 г.

ГРАММА
ботке металла за 1913—1916 г.г.

Приложение № 5

ДИА

бастовавших рабочих по обра

Причины:

- заработн. плата
- рабочее время
- порядок в заведении
- политические
- разные
- Общее число баставших в этой отрасли

Число баставших рабочих в сотнях

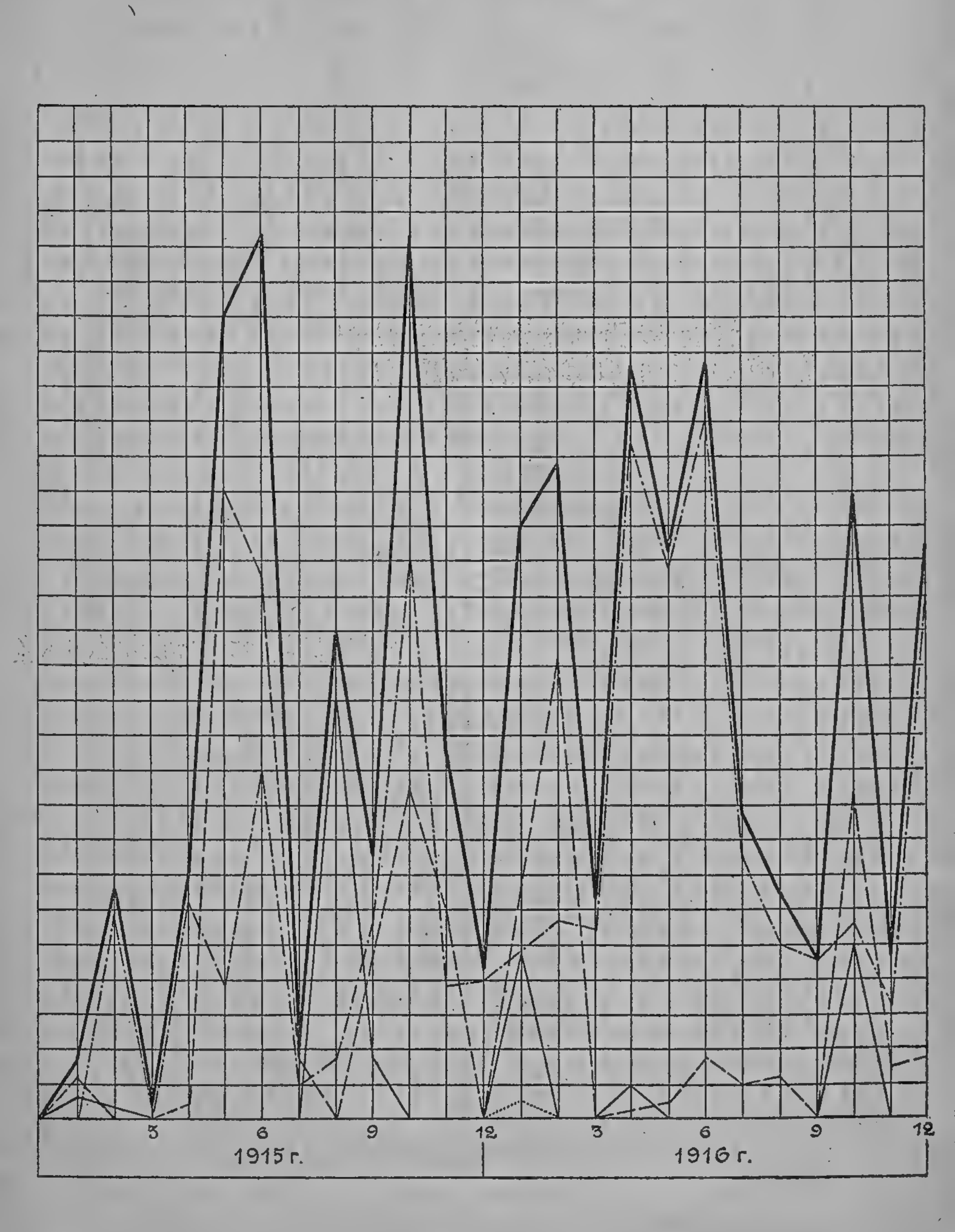
580, 560, 540, 520, 500, 480, 460, 440, 420, 400, 380, 360, 340, 320, 300, 280, 260, 240, 220, 200, 180, 160, 140, 120, 100, 80, 60, 40, 20

1, 3, 6, 9, 12, 3, 6, 9, 12

1913 г. — 1914 г.

ГРАММА
ботке хлопка за 1913—1916 г.г.

Приложение № 6

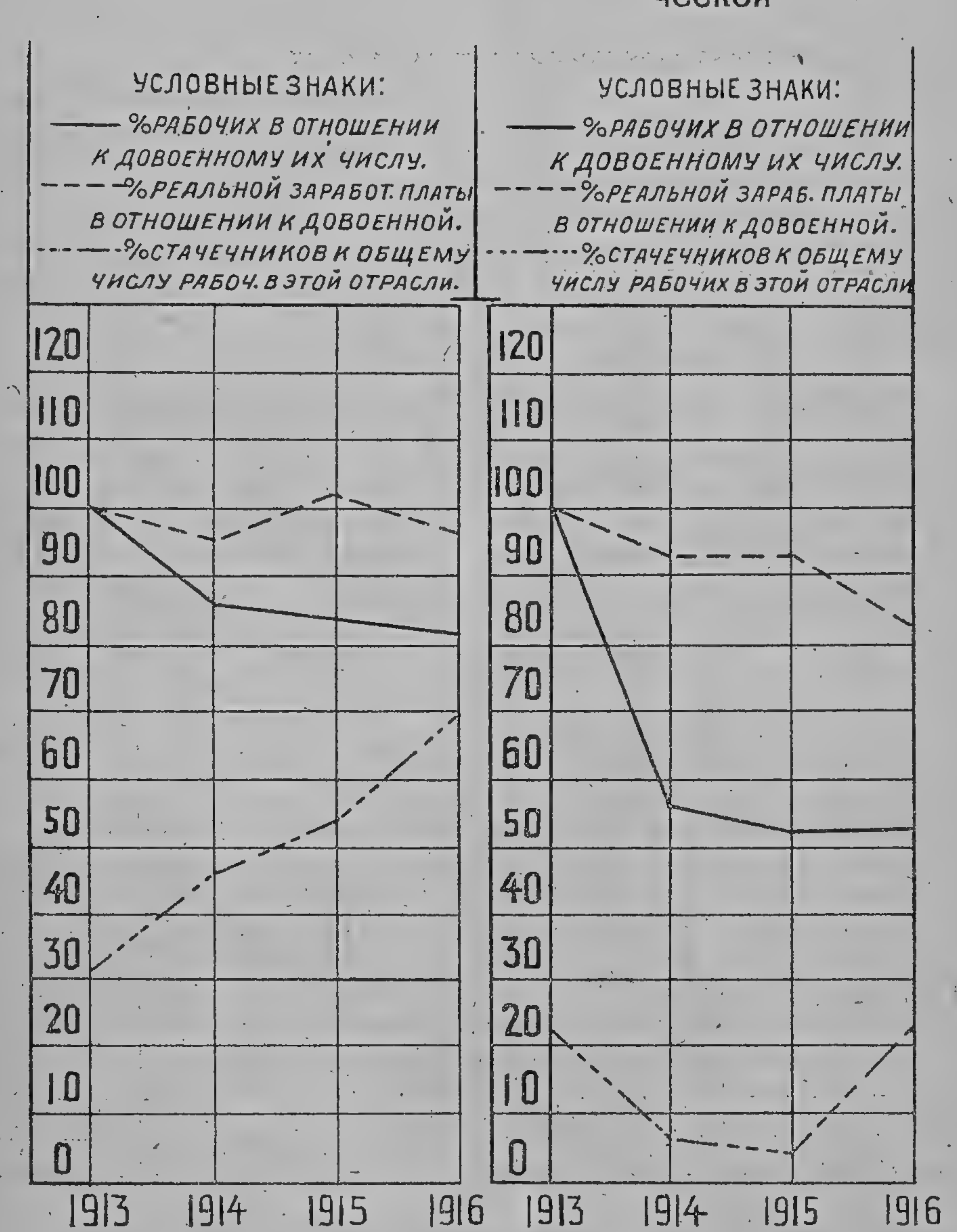

Приложение № 7 *Приложение № 8*

ДИА

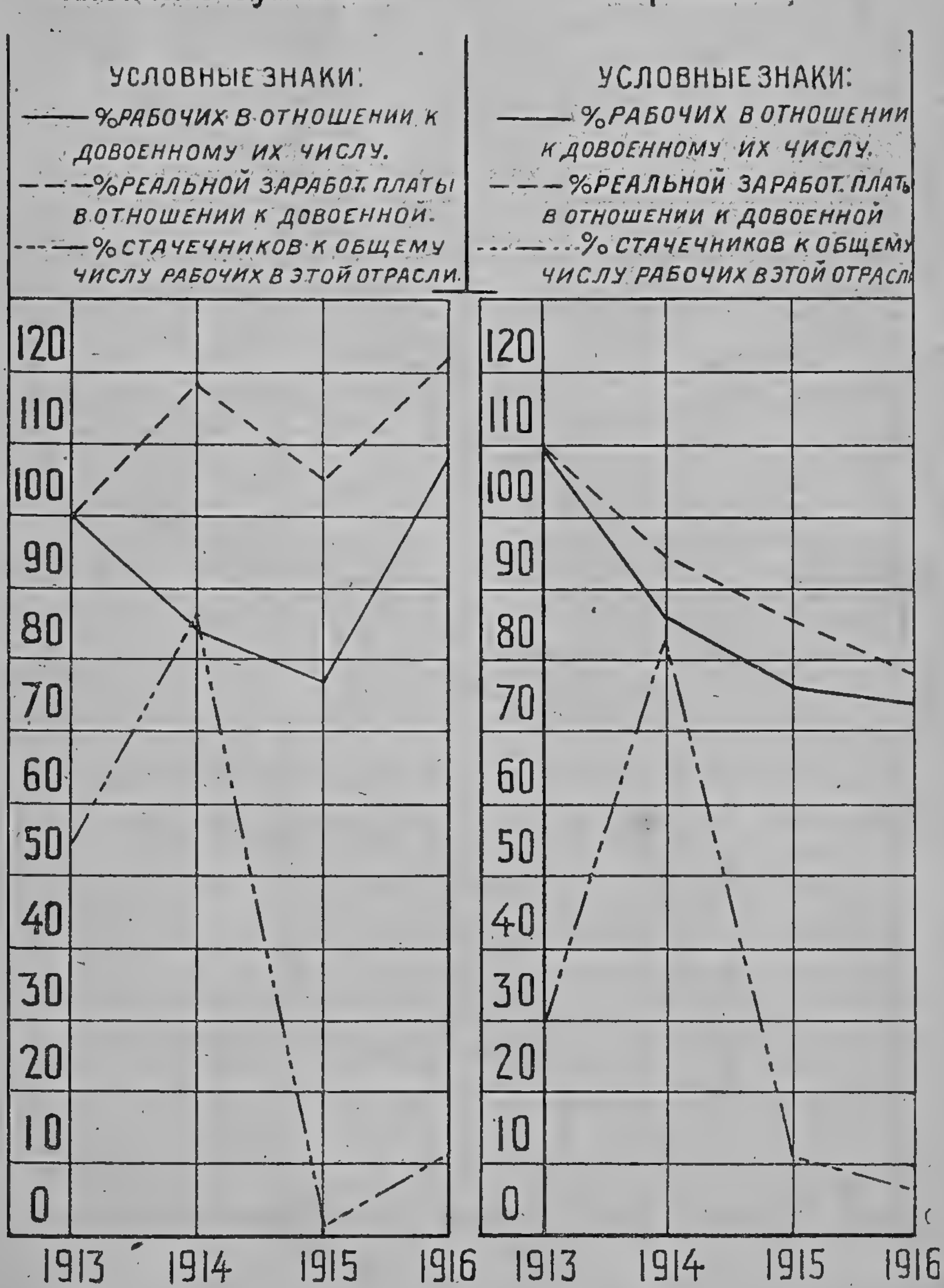
числа рабочих, заработной платы

химической бумажной и полиграфической

Приложение № 9 *Приложение № 10*

ГРАММА
и забастовщиков в отраслях:
хлопчато-бумажной шерстяной

Приложение № 11

ДИАГРАММА
числа рабочих, заработной платы и забастовщиков в металло-обрабатывающей промышленности

